

fantasy

10

КОНАН

КОНАН И КАРУСЕЛЬ БОГОВ

Северо-Знаг®

КОНАН
И КАРУСЕЛЬ
БОГОВ

Санкт-Петербург
«ТРОЛЛЬ»
1996

Поль Уинлоу

Конан и карусель богов: Повести, роман/Пер. с
англ. — СПб.: «Троль», 1996. — 478 с.

ISBN 5-87365-030-6

- © Н. Перумов, перевод, 1995
- © «Троль», составление и подготовка текста, 1996
- © «Северо-Запад», Серийное оформление обложки и форзаца, 1996

Ночь была темна и безмолвна, настолько темна и настолько безмолвна, какими ночи бывают только здесь, в далеко оттянувшихся к югу отрогах Акрокеруанских Гор. Свайоли с длинными серебристыми листьями застыли, подняв к Ночному Светилу бледные, вытянутые лица с полужакрытыми глазами, что смотрели из глубины сплетения бесчисленных тонких стволов. Стволы эти поднимались из земли плотными группами, подобно стрелам в колчане. Кругом царили мертвые тишина и покой.

По залитой мраком поляне скользила серебристая тень быстрой дриады, обходившей очередным дозором свои владения. Трава на прогалинах у нее под ногами тотчас начинала тускло мерцать, однако этот слабый свет не в состоянии был пробиться сквозь облака мрака, сгустившегося под кронами окрестных деревьев. Любой, кто дерзнул бы погасить свет своего магического факела, тотчас канул бы в плотную, непроглядную завесу тьмы, царившей повсюду в Роще Свайолей. Лица их были сейчас запрокинуты; прищулив дальнорзоркие глаза, что видели стократ острее орлиных, свайоли смотрели сейчас на звезды, их, единственных, они почитали почти что как равных и потому снисходили до них в своих бесконечных, длившихся тысячелетиями размышлениях. Происходящее же на земле их занимало крайне мало — до недавнего времени.

Лес Свайолей поражал пришельца своей безжизненностью. Ни звука, ни скрипа, ни шороха, ни хлопанья крыльев, ни голосов ночных птиц — вообще ничего.

Даже бродяга-ветер не осмеливался просто так, без дела, шуршать их кронами. Стояла глубокая, полная, омывающая душу покоем тишина. Ничто не шевелилось; одна лишь дриада, хозяйка рощи, неспешно плыла от одного свайоля к другому, не задевая ни травинки, ни веточки. Ее прохладные, белые ладони на миг прижимались к стволам — не притаилась ли где коварная болезнь, насланная злым колдовством — и она отходила, тотчас направляясь к следующему своему подопечному.

Ночь шла своим чередом. Волчье Солнце мало-помалу опускалось, клонясь к острой черной грани вершин Акрокеруанского Хребта, более темной, чем даже ночное небо. Звезды спокойно перемигивались в вышине; дриада завершала обход своей рощи.

Сперва казалось, что не случилось вообще ничего существенного — просто высоко в воздухе под покрывными лесом холмистыми грядами созвездие Мертвой Головы на мгновение закрыла черная крылатая тень. Вздрогнув, дриада подняла глаза, однако так и не смогла ничего разглядеть. Очертания летящего существа были неразличимы — лишь звезды сперва на мгновение гасли, а затем вновь вспыхивали, обозначая путь крылатого создания.

Дриада ощутила безотчетный, липкий страх. Ее пальцы неосознанно-тревожным жестом поднялись к высокому лбу, над которым струились черные как смоль волнистые волосы. Длинные пряди ниспадали до самой земли, окутывая девушку подобно второму плащу.

Несколько мгновений дриада напряженно размышляла, прикусив от волнения нежно-розовую губу блестящими жемчужными зубками. Тень в небесах давно уже скрылась, исчезнув где-то на севере, над острыми вершинами хребтов; на вид в ней не было ничего пугающего или опасного, она не снижалась, не кружила над Лесом Свайолей, однако беспокойство маленькой Хозяйки не проходило. Она поколебалась еще некоторое время и, отбросив страхи, совсем уже было собралась идти дальше, к своему жилищу в самой глубине Рощи Свайолей, как ночное безмолвие внезапно нарушил хор мягких, музыкальных голосов, на все лады твердивших одно и то же:

— Айана, Айана, спаси нас, спаси, спаси от зла на крыльях, оно летит сюда, оно летит сюда, сюда, сюда!..

И без того молочно-белое лицо Айаны лишилось последних красок от ужаса. Она впилась зубами в кисть руки, чтобы не вскрикнуть, а затем, широко распахнув плащ своих волос, сорвала с пояса своего светло-зеленого хитона небольшую темно-коричневую флейту, вырезанную из корня Древа-Отца свайолей.

Страх дриады волнами расходился по роще, трава испуганно прижималась к земле, кусты поспешно втягивали ветви и сворачивали в трубочки листья. Руки Айаны дрожали, она не сразу смогла подобрать нужный мотив, но вот наконец ее пальцы легли как следует на отверстия клапанов флейты и над замершей Рощей полетела тревожная, прерывистая мелодия, для которой куда больше подошел бы громогласный и хриплый рог отряда наемников...

Твари, неведомые Твари из Тьмы, враждебные всему живому, вновь разгуливали по многострадальной земле.

Глава 1

В Шадиаре Проклятом третий день шел ливень. Улицы превратились в грязевые реки; жители отсиживались по домам, немногочисленные же прохожие утопали по колено в жидкой размокшей глине. Лавки были почти все закрыты, а в тавернах собрались лишь немногочисленные завсегдатаи.

И лишь в Воровском Квартале, в так называемой Пустыньке, во всех кабаках и борделях жизнь была ключом. Буйный и не стремящийся к встрече с городскими стражниками люд оказался на время дождей без работы — те, чьи кошельки они срезали или чьи дома грабили, сидели по своим норам, не давая благородному воровскому сословию в полной мере показать свои таланты — чем обитатели Пустыньки, понятное дело, были немало возмущены.

Одни лишь хозяева трактиров и распивочных были премного довольны — благодаря неожиданно свалившемуся ненастьем их торговля процветала. Одуравшие

от скуки лихие обитатели Пустыньки пили, играли в карты, спорили, дрались, похвалялись, занимались любовью, не слишком стесняясь окружающих, снова пили — и платили.

И потому толстяк Абулетес, содержатель известного постоянного двора в самом сердце Пустыньки, лишь напускал на себя печальный и озабоченный вид, когда многочисленные посетители его заведения в сотый раз за вечер поносили на чем свет стоит погоду и безмозглых богов, которые вздумали таким образом освежить шадизарские улицы. Дело было и впрямь плохо. Все аристократы или богатые купцы сидели по домам, а их слуги предпочитали подворовывать вино из хозяйских погребов, нежели тащиться до ближайшей харчевни. Лишь очень немногие из воров, настоящие мастера своего дела, решались выходить на промысел в эти поистине неблагоприятные дни.

Дело шло к полуночи. Вовсю чадили плошки с прогорклым маслом, кое-как освещая небольшую, полную людом харчевню. Стоял густой, тяжелый запах невымытых человеческих тел, дешевых благовоний, которыми пользовались местные девки, жареной требухи, каковой хитроумный Абулетес в основном и потчевал своих посетителей — хотя, разумеется, кое для кого у него имелось и мясо, и доброе туранское вино.

Дело шло к полуночи. Сегодня здесь не было чужаков; собрались все свои. И разговоры поневоле крутились вокруг одного — скоро ли наконец кончатся эти проклятые ливни.

— А вот Конана что-то не видно, — заметил карманник Фархиз, обращаясь к Вардубу, коренастому немедийцу, промышлявшему в Шадизаре высокоумным искусством взлома.

— Откуда ж ему тут взяться, — проворчал Вардуб, в свою очередь метая кости из стаканчика на грязный, залитый жидким вином и подливой от требухи стол — он никого не слушает. Сказал, что киммериец не останется под крышей только из-за того, что небесам было угодно пролить нам на грязную голову несколько чашек чистой воды... Так, строю «малый треугольник» со второй попытки и еще одну оставляю... Одиннадцать очков. Ходи. Твой ход...

Фархиз взял протянутый ему стаканчик с костями, и игра продолжилась.

Однако приятели не успели метнуть кости еще и по разу, как плотно закрытая для защиты от непогоды дверь внезапно распахнулась и на пороге возникла высокая, широкая в плечах фигура, с ног до головы закутанная в грубый суконный плащ. По длинному ворсу потоком стекала вода.

— Уф-ф-хр! — вошедший сорвал мокрый плащ и ткнул его в руки оказавшейся рядом служанки. — Эй, повесь-ка его просушиться, да поближе к очагу, а если там окажется чье-нибудь тряпье — на моем всегдашнем месте — скинешь его на пол и устроишь мой плащ, понятно? Фу, ну и погода...

— Хо, Конан, ты ли это! — воскликнул Вардуб, отрываясь от игры.

— Я, я, или ты совсем ослеп, пытаешься разобрать точки на этих дурацких кубиках? — бросил в ответ новоприбывший, не поворачивая головы, и неспешно водрузил поджарое, мускулистое тело, широкое в плечах и узкое в талии на поспешно очищенное мелкой шпальной место подле самой стойки Абулетеса. — Вина! Да поскорее! — Рука киммерийца швырнула на стойку небольшую золотую монету, и по харчевне прокатился вздох невольного восхищения и зависти — все знали, что утром у северного варвара не было ни гроша... значит, он ухитрился заставить Бога Воров улыбнуться ему даже в этот, самый что ни на есть неподходящий день. Конан вернулся с добычей!

Конан совсем недавно вернулся из своего жутковатого и, если разобраться, не слишком-то удачного похода вместе с Карелой, Рыжим Ястребом, к крепости черного мага Аманара. Однако о том, что ему довелось вынести в этом предприятии, он предпочитал не распространяться. Как бы то ни было, он вновь обосновался в Пустыньке, на втором этаже постоянного двора Абулетеса и занялся привычным воровским ремеслом.

Девятнадцатилетний Конан благодаря своим силе, ловкости и звериной отваге северного варвара мог смело выйти на поединок с любым, даже самым опытным мечником Шадизара. Мускулы на груди, руках и спине варвара вздувались мощными буграми; холодные

ярко-синие глаза столь редкого для жителей Юга цвета смотрели пристально и холодно, и горе было тому, по чьей вине в них начинало разгораться гневное пламя!

Прямые черные волосы Конан стянул на лбу кожаны́м шнурком; заношенная и потерявшая кожаная же куртка с закатанными до локтя рукавами и просторные холщовые штаны, по моде бритунских племен, очень удобны для лазания по заборам и крышам, дополняли его наряд. На запястьях киммерийца были видны недавно зажившие шрамы.

Абулетес поймал брошенную ему монету с ловкостью уличного жонглера. Один короткий взгляд на желтый тяжелый кружок — и спустя мгновение перед Конаном появилась целиком зажаренная баранья нога и пузатый глиняный кувшин с холодным вином. Схватив кость обеими руками, киммериец жадно впился зубами в сочную мякоть.

Одна из девиц, имевшихся в таверне Абулетеса для возвеселения почтенных гостей, подошла к киммерийцу. Полные бедра соблазнительно покачивались; что-то одобрительно проворчав, Конан тотчас облапил ее. Карела осталась в прошлом... а клин, как известно, клином вышибают.

Фархиз и Вардуб многозначительно переглянулись. Северянин, сам того не желая, был неплохим рассказчиком; его живой ум легко подбирал слова: Конана любили слушать. А повествование киммерийца о его удаче — разумеется, лишь в очень узком кругу относительно доверенных лиц способно развеять скуку куда лучше уже опостылевшей игры.

Итак, Конан ел, спеша насытиться; карманник, взломщик и еще двое-трое бывалых воров предвкушали захватывающий рассказ киммерийца; девица на коленях у варвара тоже предвкушала кое-что, тот редкий случай, когда она получит удовольствие не только от заработанных ее ремеслом денег, но и от самого занятия, предшествующего плате; Абулетес прикидывал, на сколько дней хватит добычи Конану, и не послать ли спешно пополнить запасы вина...

Дверь робко скрипнула. Именно робко скрипнула, не отворилась привычной рукой завсегдатая и не была открыта мощным пинком ног одной из тех немногих

особ, что имели на это право, кроме Конана — а именно робко скрипнула, и в разгульную таверну Абулетеса осторожно вошла тонкая, очень бледная девушка в светло-зеленом перехваченном поясом плаще; роскошные черные волосы, закрученные в толстую косу, спускались до талии и вновь поднимались к затылку, из чего следовало, что, распущенные, они должны были бы доходить до земли. Огромные зеленовато-серые глаза со страхом смотрели на разудалое общество за столами; сжатые в кулачки руки странная посетительница прижимала к груди. На ней не было заметно никаких украшений или драгоценностей, даже волосы на затылке скрепляла простая деревянная заколка.

Собравшиеся дружно вытарашили глаза и разинули рты. Незнакомка была потрясающе красива какой-то дикой, первобытной, нечеловеческой красотой, и в то же время в этой красоте не ощущалось ни капли чувственности.

Все трое девиц Абулетеса, как по команде, дружно фыркнули и уже приготовились напустить на дерзкую конкурентку (в их жалком представлении никем иным странная гостья и не могла быть); кое-кто из гостей уже одобрительно крякнул, пытаясь пробраться для начала хотя бы взглядом под светло-зеленый ее покров — как странная посетительница заговорила первой:

— Конан из Киммерии... Я ищу Конана из Киммерии... Мне сказали, что он живет здесь.

— А зачем это он тебе понадобился, крошка? — проревел здоровенный детина-кенакцианец, зарабатывавший себе на жизнь убийством за деньги. — Посмотри, сколько здесь славных парней! Или я тебе, к примеру, не нравлюсь, а?

— Кто это тут собрался вякать, если она пришла ко мне?! — киммериец поднялся, внушительно поведя плечами. — Дьюлк, шакалье отродье, лучше бы ты помалкивал, а то твои шутки, за которые я тебя еще терпел это время, становятся куда как рискованными!

— Да что ты, Конан, а ж разве бы мог... — забормotal тотчас сникший дегина.

Никто не засмеялся — крутой нрав киммерийца был уже давно известен всем завсегдатаям таверны Абулетеса...

— Ну, то-то, — внушительно произнес Конан, для верности показывая Дьюлку здоровенный кулак. Северянин одним громадным глотком отправил по назначению оставшееся в чаше вино, не слишком бережно ссадил с колен обиженно поджавшую губы девушку и поднялся, поворачиваясь к вошедшей.

— Я Конан. У тебя ко мне дело?

— Да, — еле слышно пролепетала девушка, стараясь встать в самой середине свободного пространства между столами харчевни, подальше от пьяных рук и физиономий.

— Тогда пойдем, — Конан шагнул к ведущей наверх лестнице. Его заблестевшие глаза не без удовольствия скользнули по точеной, стройной фигурке незнакомки. Конечно, куда до нее тем коровам, что промышляли в абулетесовом заведении!

Шлюхи проводили поднимавшуюся следом за киммерийцем гостью злобными взглядами, однако ни на что большее не решились — рука у Конана, всем известно, была тяжелая. Фархиз и Вардуб понимающе причмокнули — девочка и впрямь была что надо. И как же они все-таки липнут к киммерийцу!..

Северянин толкнул одну из дверей на верхнем этаже таверны. Его жилище выглядело сиротливо и голо, комнату можно было бы назвать почти пустой, если не считать лежака в одном углу да простой деревянной лавки с лоханью в другом.

Киммериец уселся на лежак и жестом предложил гостю устраиваться на лавке. Девушка с сомнением покосилась на покрытую застарелой черной грязью поверхность дерева и осторожно опустилась на самый краешек.

— Как тебя зовут? — спросил Конан, разглядывая странную гостью во все глаза. — Отродясь не видывал таких, как ты. Откуда ты родом? Из Турана?

— Я — Айана, — слабо прошелестело в ответ — словно ветер зашуршал листьями. — Я... Я не из Турана, Конан. Я издалека... Не будем пока говорить об этом. В свое время ты все узнаешь... если захочешь, конечно.

— Так, а что же тебе тогда нужно от меня, Айана Ниоткуда?

— Я... Хотела просить тебя сослужить мне одну службу, — Айана не отрывала взгляд от пола.

Надо сказать, что в Шадизаре Конан заслуженно пользовался репутацией лучшего и самого удачливого взломщика, к его услугам нередко прибегали даже богатые купцы и родовитые аристократы, прося киммерийца выкрасть либо компрометирующее письмо, либо подарок, неосторожно сделанный коварной куртизанке... К подобного рода поручениям Конану было не привыкать и он решил, что понимает, в чем тут дело.

— Это какую ж такую службу? — усмехнулся киммериец. — Нужно вытащить из кошелька вчерашнего любовника-простолюдина неосторожно-нежное послание, так, чтобы не узнала матушка?

— Нет, нет, вовсе нет, — Айана слабо улыбнулась, однако улыбка вышла у нее довольно-таки бледной. — Я хочу просить тебя о помощи твоего меча.

— Это убить кого-то, что ли? — глаза варвара сузились, голос стал заметно суше и холоднее. — Тогда это не ко мне, женщина. Я не убиваю за деньги. Иди вниз, там сидит предостаточно шакалье отродья, которое за медный грош собственного отца зарежет!

— Постой, не сердись, Конан! — Айана умоляюще протянула к нему руки. — Я должна многое объяснить тебе. Я прекрасно знаю, что ты — не наемный убийца. Кстати говоря, именно поэтому я и обратилась к тебе... Мое дело совсем иного свойства. Мне нужно... я хотела... — она замялась, словно не решаясь произнести нечто самое важное, — в общем, я хотела просить тебя, чтобы ты тридцать три дня, считая от новой луны, что наступит через двое суток, согласился бы охранять мою рощу.

— Что-что? — Конан ошарашенно уставился на темноволосую гостью. — Такого, признаюсь, мне еще не предлагали, — он в изумлении покачал головой. — Я вор, женщина, вор и взломщик, как говорят — один из лучших во всей Заморе, и сторожить какие-то там садикки не по мне. Что, трудно найти обходчика с дубинкой?

— Это совсем особая роща... — Айана вновь замялась. — Она очень, очень ценная, она не имеет цены. Есть, увы, немало злоумышленников, что тотчас пустили бы ее под топор ради больших барышей. Через тридцать три дня там появится постоянный сторож,

но... я жду нападения именно сейчас. И я щедро отблагодарю тебя!

— Гм... сомневаюсь, — буркнул в ответ Конан, со свойственной молодости беспечностью пропустивший мимо ушей замечание об ожидаемом нападении и думавший в тот момент только о награде. — Сомневаюсь. Что-то ты не слишком богато одета для солидной нанимательницы!

— Тогда смотри! — Айана протянула вперед сложенные горстью ладони. Они были полны золотых монет, причем не каких-нибудь там шадизарских или зингарских, а полновесных, солидных монет Турана, чьи гордые императоры еще не унизились до того, чтобы подмешивать медь в изделия своих казначейств.

Киммериец тихонько присвистнул. Блеск золота слепил глаза; он даже и не подумал обеспокоиться тем, что не видел, откуда достала деньги его странная собеседница.

— Это за один день, — поспешно сказала девушка.

— За это ты можешь нанять целую армию, и не на день, а по крайней мере на месяц, — пробормотал Конан, пристально глядя на золото. «Что-то уж слишком они новые да гладкие, будто прямо из-под чекана, с монетного двора», — мелькнула беглая мысль, однако в тот момент Конан решил не придавать ей значения.

— А почему именно я? — осведомился он.

— Ты самый лучший боец во всем Шадизаре, как, впрочем, и во всей Заморе, — улыбнулась ему Айана.

Комплимент из уст столь прекрасной собеседницы попал точно в цель. Взгляд киммерийца потеплел, поневоле стали возникать различные приятные мысли о том, как славно было бы отведать прелестей этой красотки, и потому Конан не задал тех обязательных вопросов, без которых наверняка не обошлось бы, будь он хоть на пяток лет старше. А ведь уже тогда киммериец слышал об изощренном коварстве кушитских охотников за рабами, способных придумать самые невероятные уловки, чтобы заполучить требуемый товар...

— А от кого надо будет охранять... твою рощу? — спросил он, внутренне уже согласившись.

— От любого, кто попытается войти в рощу, не назвав тебе пароля.

— Но я же не могу носиться вокруг нее день и ночь. Нужны помощники, нужна смена, это понимают даже самые тупые десятники в армии этого пьяницы Тиридата, — возразил Конан.

— Увы, но я могу привести только тебя одного, — вздохнула Айана окончательно упавшим голосом.

— Меня одного? — удивился Конан. — Кром, ты говоришь какими-то загадками!

— Прошу тебя, поверь мне! — вдруг горячо взмолилась Айана, падая перед киммерийцем на колени. — Не спрашивай ни о чем, Конан, поверь, просто поверь, ведь золото у тебя в руке — самое настоящее!

Северянин почувствовал себя неловко. Конечно, Карела тоже просила и умоляла его, стоя на коленях, но... там было все совсем по-другому.

— Встань, плащ замараешь, — буркнул он, отводя взгляд. — Ладно, женщина! Будь по-твоему. Значит, тридцать три дня, считая от новолуния? И такая вот пригоршня золота каждый день?

— Ты согласен? — замирающим голосом произнесла Айана, и прежде, чем варвар успел остановить ее, она обняла его ноги.

— Согласен, согласен, и хватит тут ползать! — рассердился Конан. — Пусть никто не сможет сказать, что я испугался последовать за женщиной, которая просила о помощи! Но скажи же мне, долго ли нам добираться до этой твоей рощи? Надо ж запастись провизией, лошадьми...

— Лошади у меня наготове, припасы тоже, — поспешно сказала девушка. — А ехать нам с тобой недолго — эту ночь да следующий день.

— Что, надо выезжать прямо сейчас? — неприятно удивился Конан. — Во имя Митры, разве нельзя дожидаться, пока кончится дождь?

Айана отрицательно покачала головой.

— Это будет стоить тебе еще одну такую же пригоршню монет, — злорадно сообщил ей Конан и принялся собираться.

Глава 2

По правде говоря, сборы Конана оказались очень недолгими. Он переоделся, лишний раз провел точильным камнем по лезвию меча, не без удовольствия пересыпал в свой кошель полученную плату, потуже подпоясался — и заявил, что готов.

Под изумленными взорами всей таверны Конан и Айана молча прошествовали к дверям.

— Эй, счастливого тебе пути, киммериец! — крикнул им вдогонку Вардуб.

На улице по-прежнему хлестал дождь. Айана подвела варвара к стоявшим под навесам оседланным коням.

— Хороши, — заметил киммериец. — Отличная порода! Я таких не видывал и у туранских купцов.

— Они из моих краев, — чуть помедлив, ответила девушка. — Но мы никому и никогда не продаем их...

— Глупо, по-моему, — напрямик заявил Конан. — За таких красавцев и сам правитель Турана не пожалеет золота!

Айана ничего не ответила. Тронув поводья, она пустила коня шагом, — варвар последовал за ней — говорить в этом ливне все равно было невозможно.

Они оставили позади узкие, кривые, заполненные грязью улицы Пустыньки; миновали кварталы ремесленников и мелких торговцев; проехали центральную, более или менее чистую часть города и оказались наконец подле наглухо закрытых по ночному времени внешних ворот. Как и положено, толстенный брус засова был вдвинут до упора, в окне караульни рядом мерцал едва заметный огонек.

— Не советовал бы я тебе будить славную и доблестную нашу стражу, — с презрительной усмешкой бросил насквозь промокший к тому времени Конан. — Ты намерена перелететь через стену?

— Отодвигай запер, — ответила Айана. — И не беспокойся за стражу.

— Вот как? — Конан поднял бровь. — Слушай, женщина, ты наняла меня, но я тебе не тряпичная кукла,

с которой ты можешь делать все, что угодно! Меньше всего я желаю устраивать здесь состязание по фехтованию со стражниками!

— Они все крепко спят, — терпеливо ответила Айана. — Я обо всем позаботилась. Отодвигай!

Конан бросил угрюмый взгляд на свою спутницу, однако она не отвела глаз.

— Открывай! — повторила девушка настойчивее.

Киммериец пожал плечами, спешил и налег могучим плечом на торец бревна, запиравшего ворота. Он отлично знал, что при любой попытке сдвинуть засов в караульне должны были зазвонить колокольцы и стража обязана была оторвать задницы от лавок хотя бы для того, чтобы получить свою всегдашнюю мзду. Киммериец весьма сильно сомневался в служебном рвении охранников, однако был абсолютно уверен в их корыстолюбии...

Все оставалось спокойно. Хмыкнув, Конан продолжал налегать на запер.

— А ты беспокоился, — невозмутимо заметила Айана, когда их кони миновали ворота.

— Да уж не колдунья ли ты? — не слишком радостно осведомился Конан. — Женщина, предупреждаю тебя — мне случалось убивать и чародеев!

— Мне прекрасно известно об этом, — ответила девушка. — Взять хотя бы хозяина Башни Слона! Но я не собираюсь тебя обманывать. Да и сам подумай — если я была бы чародейкой и задалась бы целью убить тебя — зачем мне тащить тебя куда-то в ночь и непогоду, если я могла бы усыпить всю таверну, не исключая и тебя, безо всяких хлопот?..

Конан ничего не ответил, однако его правая рука плотнее сжала рукоять меча.

Они ехали и ехали сквозь дождь и тьму, направляясь куда-то на юг от Шадизара. Айана молчала; Конан следовал за ней в нескольких шагах, напряженный и внимательный, готовый к любой неожиданности. Он не доверял своей странной проводнице.

Позади оставались хорошо знакомые окрестности заморанской столицы. Поля и деревеньки перемежались богатыми виллами знати; нарядные постройки

окружали густые сады. Айана ехала по торной дороге, никуда не сворачивая.

«Хотел бы я знать, где ж это в пределах одного дня пути от Шадизара находится эта роща? — ломал себе голову Конан. — Кром, что-то я не припомню так далеко ни одной усадьбы! Разве что храм? Нет, храмов вроде там тоже нет... Тогда что же? Или она собирается затащить меня куда-нибудь? Может, я приглянулся какому-нибудь чародею и тот жаждет принести меня в жертву своему дурацкому божку?» Киммериец верил в Крома, могучего и жестокого бога, который, однако, был неподкупен и не интересовался какими-то там жертвами.

Дождь хлестал не ослабевая.

«И как она только выдерживает все это? — дивился киммериец, глядя с невольным уважением на свою спутницу. Даже ему, закаленному и холодом, и ветром, нелегко было провести в седле всю ночь, подобную этой. — Льет как из ведра, а она, по-моему, даже и не промокла ничуть...»

Лошади, от которых тоже трудно было бы ожидать резвости в такую погоду и по такой дороге, однако бежали вперед весьма бодро. Айана не подавала признаков усталости, и киммериец, стиснув зубы, решил, что скорее заложит свою душу по сходной цене какому-нибудь демону, чем выкажет себя слабее этой то-нюсенкой, как былинка, длинноволосой девчонки. И еще — его, уже успевшего привыкнуть к легким любовным победам, несколько задело полное равнодушие нанимательницы к его мужской стати...

На рассвете они остановились на придорожном постоялом дворе. Швырнув мальчишке ловко пойманную тем мелкую серебряную монетку и велел ему позаботиться о лошадях, Конан подошел к хозяину заведения. Киммериец несколько раз останавливался здесь, и владелец узнал его.

После нескольких ни к чему не обязывавших фраз северянин выложил на стойку матово блеснувшую туранскую монету из числа полученных им от Айаны. Глаза трактирщика увлажнились, при ее виде он судорожно сглотнул — все его дело можно было купить самое большее за пару таких монет...

— Слушай, она будет твоей, если ты скажешь мне, есть ли где-то в дне пути от твоей таверны какая-нибудь заповедная роща, или хоть что-нибудь, пусть даже отдаленно на нее похожее, — бросил киммериец, не спуская глаз с двери, за которой скрылась его спутница.

На лысине трактирщика даже проступил пот, он долго мычал, фыркал, морщил лоб и обнаруживал иные признаки напряженной работы памяти, однако, к крайнему разочарованию Конана, так и не смог указать ему подобного места.

— Во имя Митры и Асуры, — тихо хрипел хозяин. — Я очень хочу получить эту монету, но лгать тебе все равно не стану. Я знаю все здешние места на три дня пути от моей харчевни в любую сторону; и, клянусь тебе Подземными Богами, здесь ты не найдешь ничего подобного. Храмы если и есть, так только в деревнях. Усадьбы ты уже проехал, дальше только несколько имений, но там вся земля распахана. Есть, конечно, несколько рощ... но я сам много раз бывал в каждой из них и скажу тебе прямо — никакие они не заповедные.

— Н-да, — на скулах киммерийца вспухли желваки. — Ну, ладно, монета все равно твоя — за правдивость.

Рука трактирщика метнулась к увесистому желтому кружку быстрее бросающейся на добычу гремучей змеи.

— Послушай, Конан, — вдруг произнес хозяин шепотом, несколько раз украдкой оглянувшись по сторонам. — Я благодарен тебе по гроб жизни и хочу помочь тебе всем, чем только смогу. Ответь мне — не наняла ли тебя эта черноволосая особа, с которой ты приехал?

Киммериец оторопел.

— Послушай меня, я желаю тебе добра, — продолжал горячо шептать трактирщик. — Я вспомнил ее! Год назад, именно в это время, она проезжала здесь и останавливалась на моем дворе. С ней еще был некто Гатадес, бывший капитан гвардии Тиридата, причем не придворный холуй, а рубака из настоящих! Так вот, туда он с ней проехал... а обратно уже не вернулся.

— Гатадес! — глаза Конана сверкнули. — Ты точно помнишь это?!

— Как перед истинным богом! — ударил себя кулаками в грудь хозяин.

— Я слышал об этой истории, — медленно произнес Конан. — Об этом судачили какое-то время в Шади-заре... Гагадес и впрямь исчез и никто не видел его с тех пор — ни живым, ни мертвым...

— Это какая-то западня, Конан, — трактирщик облизнул пересохшие от страха губы. — Мой тебе совет — садись на коня и скачи назад! А уж эту я как-нибудь да спроважу... куда подальше.

— Ну вот уж нет, — с расстановкой произнес киммериец. — Уж теперь-то я точно поеду с ней! Позор мне отступать там, где не струсил южанин!

— Не струсить-то он не струсил... да только это глупость, а не храбрость! — решился возразить помрачневшему киммерийцу хозяин. — Назад-то он не вернулся!

— Но и трупа его тоже не нашли, — ответил Конан, прекращая разговор, и отправился в снятую им для них с Айаной комнату. По пути он прицепил за ухоташившего целый поднос яств поваренка и притащил с собой еще и обильный завтрак.

— Давай-ка подкрепимся. Еще целый день спину ломать...

Они ели в молчании. Айана не поднимала глаз на внимательно разглядывавшего ее киммерийца.

— Послушай, женщина, а от кого мне все-таки придется охранять твою рощу? — вновь спросил Конан. — Это будут люди? Или звери? Или... не те и не другие?

— Мои уста должны оставаться запертыми до тех пор, пока мы не очутимся в моей роще, — лицо Айаны выражало крайнее отчаяние. — Я понимаю, что тебе мое поведение должно показаться весьма подозрительным...

— Оно мне и кажется подозрительным! — жестко ответил Конан.

— Но я и впрямь ничего не могу сказать тебе! — умоляюще продолжала Айана. — Ведь рассуди сам, будь это ловушка — разве не имела бы я сотни самых что ни на есть убедительных историй на все случаи жизни?

Конан в замешательстве пожал плечами. Он уже был достаточно искушен в искусстве обмана, коим столь виртуозно владели люди юга, в отличие от его жестокых, но куда более прямодушных сородичей. Слова тут не значили ничего. За самой искренней, самой горячей речью могла скрываться гнусная и предательская западня. Однако этой Айане ему отчего-то хотелось верить... хотя он и гнал, как мог, от себя подобные мысли.

Киммерийца так и подмывало спросить Айану о Гагадесе; однако не следовало раньше времени выдавать то, что знаешь несколько больше, чем предполагает эта красивая и загадочная черноволосая девица...

— Ладно. Тогда все обсудим на месте, — как можно более спокойно и беспечно сказал он, вплотную занявшись завтраком.

Весь день после этого путь их протекал без всяких происшествий. Земли здесь, между Шадизаром и Аренджуном, в самом сердце королевства Заморы, были густо заселены и, как ни старался горький пьяница Тиридат вконец разорить страну из рук вон плохим управлением и непомерными налогами, ему это пока не удалось, и попадавшиеся Конану деревни имели довольно-таки зажиточный вид. Двигались купеческие караваны; крестьяне на ослах спешили по своим делам; мир казался прочным, привычным и понятным, где уже не может быть места ничему волшебному или чудесному...

Но уж кто-кто, а Конан знал, что это совсем не так.

Наступил вечер, а они по-прежнему ехали по широкому торговому тракту.

— Не пора ли появиться твоей роще? — не выдержал наконец киммериец.

— Видишь вон те пальмы на холме? — вместо ответа вытянула руку Айана. — Нам с тобой туда.

— Туда? — удивился Конан. — Да ведь это всего лишь три пальмы, за ними ложбина, а там вряд ли что-нибудь растет, кроме верблюжей колючки!

— Погоди, нам осталось совсем немного, — Айана положила руку на предплечье Конана. Киммериец хмыкнул и промолчал.

Девушка повернула коня и действительно направила его к трем стоявшим отдельно пальмам. Киммериец

следовал за ней; и меч его был до половины вытасчен из ножен.

— Мы приехали, — чуть торжественно произнесла Айана, оборачиваясь к Конану.

Северянин настороженно огляделся. Они стояли на вершине невысокого холма, на котором одиноко торчали три старые пальмы. За холмом, как и сказал Конан, тянулась унылая серая ложбина, лишь кое-где покрытая редкой пустынной растительностью.

— Что-то не вижу я тут никакой рощи, — прорычал киммериец. Засады здесь устроить было явно негде, и у него мелькнула мысль, что он имеет дело с умалишенной.

— Оглянись, — прозвенел голос Айаны, и киммериец ощутил затылком поток влажного воздуха. Инстинкт, однако, заставил его сперва отъехать на несколько шагов в сторону от Айаны и только потом повернуться.

Дорога куда-то исчезла. Прямо перед собой Конан увидел край глухого, девственного леса, чем-то напоминавшего ему горные чащобы его родной Киммерии. Он мгновенно взглянул в другую сторону — там растянулась ровная степь, вся покрытая густой травой, почти в половину человеческого роста. Справа и слева тянулись высокие гряды поросших лесом холмов, а еще дальше, прямо перед ним, вздымались уходящие в поднебесье горные вершины, поблескивая белоснежными коронами.

— Эт-то что такое?!.. — только и смог выдавить из себя киммериец.

— Мы на краю моей рощи, которую ты взялся охранять тридцать три дня, — спокойно сказала Айана.

— Где мы?! Что это за колдовство?! Ты напустила мне в глаза чародейского тумана, и ты поплагишься за это! — взревел варвар, выхватывая меч.

— Погоди! — взмолилась Айана. Она поспешно соскочила с коня и шагнула к Конану, поднимая вверх безоружные руки... — Выслушай меня! Я одна, и я в твоей власти, но, умоляю, выслушай меня, прежде чем судить! Я не человек, Конан из Киммерии. Я дриада, хранительница и хозяйка этой рощи — священной Рощи Свайолей. Это последнее место на нашей земле,

где они еще остались — мыслящие бессмертные деревья, деревья с человеческими лицами... Бессчетные века они внимали всему, что происходило в мире. Еще сильнее их занимали события в звездных пределах, в обителях Богов и небожителей. Через немногих посвященных великое знание приходило в мир людей — и тех, кто жил до них — отвращая мыслящих, наделенных душой существ от путей Зла. И издавна, наверное, с самых первых дней существования этой рощи Боги Тьмы старались уничтожить ее. Шесть других, подобных этой, уже пали. Моя — последняя. Если замыслы Тьмы воплотятся, Светлым Божествам — таким, как Митра, Асура, Индра или твой Кром — вряд ли удастся устоять перед натиском ратей Сета, Великого Змея, Повелителя Ночи, Властителя Демонов... Слышал ли ты, Конан, когда-нибудь о Зеленом Братстве, о Зеленых Храмах? Это священные обители тех, кто постигает мудрость тысячелетий, накопленную свайолями. Они, эти посвященные, не ищут ни власти, ни богатства. Они лишь стараются хотя бы немного усмирить бушующие в людях звериные страсти, их безумную тягу к уничтожению себе подобных...

— Слушай, давай по-простому, — бесцеремонно перебил дриаду Конан.

Для него в ту пору подобные разговоры значили не больше, чем жужжание мошкары вечерней зарей. Мысли его были сейчас заняты одним — как выбраться отсюда? Киммериец совершенно не собирался класть свою голову во славу каких-то там деревьев-уродов, не иначе как странных южных Богов, обзаведшихся человеческими лицами... «Я должен выбраться отсюда!» — звенело в ушах киммерийца. Он не обратил внимания даже на признание Айаны в том, что она — не человек.

— Ты обманула меня, женщина. Когда мы уговаривались, ты не сказала ни слова о том, что роща заколдована; ты не сказала ни слова о том, что охранять ее мне придется не от каких-нибудь там охотников за редкими древесными маслами — а от демонов Тьмы, если я правильно тебя понял! Благодарю покорно, — он издевательски поклонился, — с меня хватило одного ожившего мертвеца, оказавшегося куда как прытким! Вот тебе твое золото — отправляй меня обратно, слы-

пишь?! Я не заключаю союзов с теми, кто не держит слова.

— Я не отправлю тебя обратно, Конан из Киммерии, — звенящим от волнения голосом ответила Айана. — Можешь не верить мне, но дорогу домой тебе закрывают чары куда сильнее моих. И лишь проведя здесь оговоренный срок, ты сможешь вернуться. Если хочешь, убей меня — может, тебе станет от этого легче. Моя жизнь — ничто в сравнении с жизнью этих последних свайолой. А кроме того, убив меня, ты все равно не сможешь вернуться. Тебе так или иначе придется вступить в бой с теми, кто вот-вот появится здесь — иначе они сотрут с лица земли и саму рощу, и всех, кто окажется в ней.

— А чего это ради я буду сидеть здесь и ждать, пока меня сожрет какой-нибудь дракон? — возразил киммериец. — Оставайся себе в своей роще, а я устроюсь где-нибудь поблизости. Тридцать три дня уж как-нибудь проживу!

— Всемогущий Кром, что же случилось с лучшим из твоих суровых сыновей? — с мукой в голосе воскликнула вдруг Айана, поворачиваясь к северу. — Тот, кто раньше бросался в бой по первому зову сердца, ныне торгуется, словно последний наемник, да еще и трусливо бежит от опасности!

Рык взбешенного Конана заставил бы поджать хвост и убраться восвояси самого льва.

— Твои крики никого и ни в чем не убедят, — заявила Айана. — Ты просто трусишь, а я еще считала тебя самым лучшим бойцом Заморы!

Старый, как мир, прием тем не менее достиг цели. Некоторое время Конан еще продолжал бешевать, однако мало-помалу его гнев проходил.

— Войдем в рощу, — предложила Айана. — Ты должен взглянуть на все собственными глазами.

Все еще недовольно бурча, — он терпеть не мог, когда ему что-то навязывали, — киммериец последовал за дриадой.

И, едва он пересек границу отбрасываемой ближайшим деревом тени, как мир вокруг него вновь волшебным образом изменился. Воздух сделался необыкновенно свеж, чист и полон благоухания. Нежно-изум-

рудная листва, казалось, слабо светила под лучами яростного солнца. Здесь почти не оказалось подлеска — величественные деревья возвышались в гордом одиночестве, и извивы их мощных корней прикрывали лишь толстые слои сухих, опавших листьев. Конан сделал один шаг, другой, третий — идти по упругой земле было невыразимо приятно, хотелось сбросить сандалии и пройти босиком, и он немедленно сделал это, тотчас же ощутив, как его ноги забывают об усталости. Ступни словно бы покалывали тысячи и тысячи мельчайших иголок, и это ощущение почему-то казалось киммерийцу очень приятным. Он потянулся, с хрустом разминая суставы, и вдохнул полной грудью, впивая этот воздух точно самое лучшее старое офирское вино...

— Идем, идем за мной, я покажу тебе свайолой! — Айана уже бежала вперед.

Словно в полусне, киммериец шагал за ней. Он впервые в жизни оказался в столь прекрасном месте; разве могли сравниться с ним полные мертвой роскоши дворцы земных владык, которых ему не раз приходилось освобождать от кое-каких небольших, но ценных предметов обстановки или убранства! Дикая душа Конана, выросшего среди суровых, но девственных лесов и гор, смутно ощутила нечто родное; глубоко-глубоко в памяти, где хранились воспоминания об отце, родился отклик; сперва он причинял лишь беспокойство, но мало-помалу беспокойство это стало перерастать в твердую уверенность — он не может бросить такое место на произвол судьбы... пусть это покажется глупым какому-нибудь Вардубу, не говоря уж о Фархизе, но... так похожую на его родные места рощу и впрямь нужно защищать.

Киммериец отлично понимал, что внешне этот небольшой лес имеет весьма мало общего с теми чащобами и отвесными горными кручами, среди которых рос Конан. Но было здесь и нечто неуловимое, чему неискушенный в высоких словах северянин не мог подобрать соответствующего определения, но что он четко ощущал своим острым чутьем варвара, ощущал — и не мог ошибиться.

Конан брел, не думая ни о чем, стараясь лишь не терять из виду мелькавшую впереди спину Айаны,

когда дриада неожиданно остановилась, а в следующее мгновение киммериец ощутил направленный на него пристальный взгляд.

Глава 3

Они стояли перед невысоким и очень странным деревом, Конан ни разу в жизни не видел ничего подобного. Прямо из земли поднимался неохватный ствол, или вернее, группа плотно прилежавших друг к другу тонких коричневатых стволов, покрытых гладкой, блестящей корой, почти неотличимой от сильно загоревшей человеческой кожи. На высоте примерно двух ростов Конана эти прямые, точно стрелы, стволы буквально взрывались пышной кроной, состоявшей, как показалось северянину, из одних лишь длинных серебристых листьев, напоминавших металлические туранские кинжалы. Ветвей с земли заметно не было.

И откуда-то сверху, из густого, непроглядного сплетения коричневых черенков и серебристых листьев на киммерийца смотрели спокойные, пронзительные нечеловеческие глаза.

Конану не раз приходилось смотреть в лицо сильным мира сего, скрещивать свой взгляд с налитым кровью взором очередного врага, уже замахнувшегося кривой саблей — и он никогда не опускал глаз первым. Однако на сей раз он ощутил охвативший его до самых глубин естества трепет, трепет не страха, но ожидания...

Крона диковинного дерева медленно раздвинулась и из гущи ветвей, из облака серебряной листвы прямо на киммерийца воззрилось вытянутое узкое лицо бледно-сиреневого цвета. На лице выделялись тонкогубый плотно сжатый рот, прямой длинный нос и громадные глаза под прямыми, словно росчерк пера, бровями.

Глаза Свайоля были такими же, как у дриады Айаны.

— Он смотрит на тебя, — прошептала хранительница рощи застывшему Конану, не знавшему, то ли ему надлежит с достоинством поклониться, то ли просто пройти мимо, сделав вид, что он ничего не заметил. —

Он смотрит на тебя, Смертный, после стольких тысячелетий спокойного созерцания звезд и высоких небесных сфер!

Конан невольно усмехнулся. Вот-вот, у них всегда так — тысячу лет глядеть в небо... а потом искать спасения у какого-то ничтожного смертного, на которого раньше не обращал ровным счетом никакого внимания!

Усмешка эта помогла прогнать невольно нахлынувшее оцепенение. Конан встряхнулся и увереннее шагнул вслед за Айаной. Что ж, быть может, он и поможет им — как телохранитель, за хорошую плату. Что же тут такого? Теперь он и сам уж готов был стыдиться своей недавней слабости. Что на него нашло? Разве не нанимали его шадизарские и аренджунские купцы охранять их караваны на кишящей разбойниками дороге через Карпашские или Кезанкийские горы? И, кроме того — ведь здесь ему предстояло защищать существа, которые никак не могли постоять за себя — не могли даже убежать.

— А мне что, нельзя было поговорить с ним? — невольным шепотом спросил он Айану, когда они отошли от первого встреченного ими свайоля.

— Ты, конечно, сможешь говорить с ними со всеми — но лишь после того, как на это даст свое согласие Древо-Отец свайолей.

— Древо-Отец? Это кто еще такой?

— Это их прародитель, — просто объяснила Айана. — Все свайоли, какие только были в мире — его дети. Было время, когда их род процветал и число их росло, и посвященные закладывали новые рощи в дальних уголках мира... до тех пор, пока не пришел Сет и небо не заволочилось Тьмой. А теперь эта роща — последняя. Враг оставил ее на лакомство, дабы насладиться мучениями Отца-Древа — ведь Отец видит и слышит глазами и ушами каждого из своих детей, и потому он множество раз погибал, корчась в муках, когда в захваченных Врагом рощах расставался с жизнью очередной свайоль. Теперь может настать и его черед — если ты не придумаешь, как нам отразить нападение.

Конан угрюмо усмехнулся — он не любил красивых слов.

Неприметной тропкой Айана вела киммерийца в самую глубь рощи. Несколько раз им пришлось перебираться через ручьи, по дороге встретился и один небольшой проточный пруд... И чем дальше шли они, тем больше им попадалось Свайолей. Наконец исчезла вся прочая растительность — остались лишь эти удивительные существа, облаченные в серебристые плащи своей длинной листвы. И каждый раз, когда Конан и Айана проходили мимо, из облачных крон появлялись странные, нечеловечески вытянутые бледно-сиреневые лица, провожавшие киммерийца долгими внимательными взорами. Северянин не боялся ни духов, ни зверей, ни людей, но от этих взглядов ему почему-то становилось не по себе.

— Так все-таки, с кем мне придется драться? — вновь обратился Конан к дриаде. Он уже забыл, что лишь несколько минут назад кипел от гнева, считая себя обманутым, и намеревался отсидеться где-нибудь в стороне, ни во что не вмешиваясь.

— Теперь-то ты, надеюсь, можешь сказать мне это? И потом — почему я один? Даже если я и лучший боец во всей Заморе, нужно было набрать самое меньшее еще сотни четыре-пять. Почему было не открыться мне сразу? Я нашел бы верных людей...

— Уложениями Высоких Богов, — торжественно и печально произнесла Айана, — Богов, перед силой которых трепещут и Митра, и Сет, для защиты моей родины я могу выставить только одного бойца.

— Что за глупости? — вытаращил глаза киммериец.

— Это не глупости, к великому моему сожалению. Ибо Высокие Боги, обитающие где-то там, в звездных пределах, разгневались на свайолей, вызвавших многие тайны и секреты Небожителей. И потому приговор их был таков — свайоли в конечном итоге обращали добытое ими знание на благо Смертным — так пусть же Смертные и защищают их. И, если деяния свайолей пошли на благо людскому роду — то и один боец этой расы сможет уберечь их от возможных нападений...

— Довольно-таки подлое дело, — перебил дриаду Конан.

— Не гневи Бога! — Айана испуганно зажала ему рот ладонкой. — Если чаша их ярости будет опрокинута на нас... то спасения ты не найдешь даже у Крома. Одним словом, решение Богов было изречено — и мне не оставалось ничего иного, кроме как повиноваться ему... Год назад моя сестра Аарта пыталась спасти свою рощу...

Конан насторожился.

— И она наняла воина, смертного воина, из твоего города... кажется, его звали Гатадес... или Гарадес... однако они не устояли. Предпоследняя Роща Свайолей была стерта с лица земли кровожадными слугами Сета, да падет проклятье Небес на этого отвратительного змея! И вот, ровно год спустя, настала моя очередь.

— А что стало с этим человеком, которого наняла твоя сестра? — глухо спросил Конан.

— Он был пленен... и подвергнут ужасным пыткам для вознесения Сета, потом душа смелого воина была вырвана из еще живого тела и обращена в кошмарного демона... Исторгавшиеся из его уст крики до сих пор звучат в моих ушах... — Айана остановилась и закрыла лицо ладонями, борясь с подступающими слезами.

— Что ж, он умер, как должно воину, — после некоторого молчания произнес Конан. — Ради того, чтобы тебя оплакала столь прекрасная женщина, может, и не жаль будет расстаться с жизнью!

— Что ты говоришь... — ужаснулась Айана.

— Не раздражаться же мне рыданиями, — огрызнулся киммериец. — Поневоле приходится отыскивать приятное даже в таком случае...

Они умолкли, погруженные каждый в свои мысли. Нельзя сказать, что настроение киммерийца хотя бы отдаленно напоминало то, с каким он принимал полную пригоршню золота в таверне Абулетеса...

— Ну хорошо, — нарушил наконец тишину Конан. — Но ты, женщина, во-первых, слишком много думаешь о неизбежности конца, а во-вторых, сама же его и приближаешь — своим молчанием. Если ты хочешь, чтобы я и вправду вступил в бой за тебя — хотя, видит Кром, ума не приложу, какая мне от этого будет выгода! — ты должна рассказать мне все, что тебе известно о слугах Сета. Я уже в третий раз

повторяю тебе одно и то же, и, клянусь пламенем Митры, мое терпение вот-вот иссякнет! Давай, начинай, я слушаю — выкладывай все, даже самые мелкие детали. Кто они такие, сколько их, во плоти ли они или призраки, чем и как они сражаются — все, все что помнишь!

— Конан, я расскажу тебе все, что знаю... но чуть позже. — Айана вдруг понизила голос. — Мы пришли. Перед тобой — Древо-Отец свайолой...

Они стояли на краю небольшой прогалины. Ее покрывала густая и мягкая трава с пушистыми метелками сверху; вид этих метелок так и манил прилечь — казалось, ложе из них будет мягче любой перины. А в самой середине круглой поляны, окруженной со всех сторон густыми рядами свайолой, стоял еще один — раза в два выше и толще остальных, из-под основания его могучего ствола брал начало небольшой ручеек. Конану в первый момент показалось, что это Древо-Отец ничем, кроме размера, не отличается от прочих встреченных им в этой роще — однако он думал так лишь до тех пор, пока не раздвинулись серебряные листья и на Конана не взглянуло лицо этого свайоля.

Киммериец не мог похвастаться утонченностью чувств и остро развитым состраданием. Он терпеть не мог нищих и прочую побирающуюся братию, которой полны были улицы гиборийских городов. Но на сей раз...

Лицо Древо-Отца было и впрямь лицом древнего, очень много пожившего и повидавшего старика. Громадные незамутненные глаза смотрели прямо в самую душу Конана; и киммериец вновь, как и в первые мгновения после того, как он очутился в роще, остро ощутил глубокое, исконное родство между этим местом — и тем, что он привык считать своим домом, со всем лучшим в Киммерии, Стране Глубокой Ночи, как ее называли древние авторы.

Глаза отца свайолой были полны непреходящей боли. Эту боль Конан не смог бы ни выразить в словах, ни даже хотя бы представить ее себе. Никакой человек не вынес бы подобного. Тысячи раз Отец умирал. Тысячи раз он воскресал — лишь для того, чтобы умереть снова со следующим своим сыном,

погибавшим от руки ужасных порождений безжалостного Сета. И Конан вдруг почувствовал, что у него перехватило горло.

Пытаясь скрыть волнение, киммериец почтительно поклонился, искренне выказывая уважение к мудрой старости. Спустя мгновение он распрямился — и услышал спокойный и печальный, чуть глуховатый голос, исходивший из середины ствола свайоля, хотя никакого рта там не было.

— Привет тебе, сын человеческий, Конан из Киммерии, я, Прародитель свайолой, прошу у тебя прощения за невольный обман, к которому прибегла наша Хранительница, чтобы только заполучить тебя сюда. Ты — наша последняя надежда. Посвященные, Братство Зеленого Храма — увы, слабо, его адепты привыкли держать в руках стило, а не меч. Если ты потерпишь неудачу — всех нас будет ждать ужасный конец, но, поистине, даже он лучше, чем видеть то, что сделают со светлым и радостным миром эти исчадия Тьмы!

— Я буду сражаться за вас, — внезапно вырвалось у Конана, вырвалось столь неожиданно, что он сам в первый момент удивился своим словам; однако затем вдруг настало удивительное, глубокое успокоение, и он понял, что сделал то, что должно. «Кром, вразуми меня!»

Вокруг могучей шее киммерийца внезапно обвилились мягкие, пахнущие дурманящей лесной травой руки Айаны, теплые и ласковые губы прижались к его губам... и Конан внезапно отстранился. Совершенно невозможно заниматься этим в подобном месте, где за тобой подглядывает каждое дерево...

Айана, похоже, поняла.

— Все, нам пора идти, — она потянула Конана за рукав куртки. — Им очень трудно говорить с людьми понятными им словами. Я постараюсь рассказать тебе все, что знаю, а потом Отец, наверное, захочет, чтобы ты увидел, как погибали остальные рощи...

— Ну тогда ладно, а то я уж подумал, что он потратил свои силы на никчемные слова, вместо того, чтобы толком рассказать мне о слугах Сета!

Айана повела киммерийца дальше, туда, где стоял ее дом. Точнее, домом это назвать было нельзя — хотя

в нем имелись и стены, и крыша, и дверь, и окна, а внутри — ложе, стол, кресло и тому подобная утварь. Однако в отличие от людских построек, в доме Айаны все было живое.

Стенами служили плотно сросшиеся побеги бамбука-тысячелетника. Крышей — широкие пальмовые листья, прилежавшие друг к другу без единой щели. Дверной проем закрывала подвижная сетка из густо переплетенных лиан. Ложем служил толстый пласт мягкого ароматного мха; однако больше всего удивили Конана чашки, ложки и прочая утварь — в их качестве Айана использовала живые венчики цветов.

И лишь очаг был сложен из мертвых черных валунов.

— Его я почти никогда не зажигаю, — пояснила Айана, подавая гостю угощение. — Он был зажжен для тебя, Конан.

Еда Айаны оказалась хоть и странной, но превосходной. Несмотря на полное отсутствие мяса, Конан ощутил такую сытость, как после доброй бараньей ноги, а цветочный нектар веселил ничуть не хуже старого аквилонского вина...

— Ну, попиروвали — и хватит, — киммериец осторожно отставил в сторону пустой бокал из громадного цветка, чем-то напоминавшего колокольчик. — Я слушаю тебя. И, кстати, как ты думаешь, сколько у нас еще осталось времени?

— Этого не знает никто, — ответила Айана. — Я знаю лишь, что только тридцать три дня в год силы Сета велики настолько, что он может преодолеть барьеры магии, окружающие наш мир, и отправить сюда самых страшных и злобных своих слуг. Эти тридцать три дня определяются по расположению звезд; они начинаются через двое суток. Теперь о самих чудовищах. Их шестеро, Конан. Шесть — сакральное число Тьмы, так же, как Семь — число Света. Двое из них крылаты, двое ходят на ногах и двое ползают. Ты увидишь их сам в видении Отца-Древа, поэтому скажу лишь, что все шестеро покрыты толстой роговой броней, вооружены когтями, клыками, клешнями и еще те, что ползают, умеют плевать ядом... Ростом каждое из них примерно со среднего свайоля. Руки их почти так же ловки, как и человеческие. Глаза видят и днем

и ночью. И еще — они наделены великой силой, куда как превосходящей силу сотен и сотен слонов. Они ломают деревья, словно тростинки, а их клыки тотчас разгрызают все, что бы ни попало им в пасть, даже камни. Но этого мало. В каждом из них обитает злобный и жуткий демон, и силы черных Преисподних повинуются их приказам. Я видела эти силы — тучи черных тварей величиной с орла, чьи когти раздирают в клочья тела врагов; полчища громадных крыс ростом не меньше волка и прочих, поменьше и уже не столь смертоносных. Однако, сокрушая Рощи Свайолей, шестеро демонов еще ни разу не прибегали к помощи Темных Миров. Теперь о том, как они сражаются. Они окружают рошу со всех сторон и принимаются вырывать из земли свайолей одного за другим. Вот, собственно, и все, что я знаю, потому что еще ни разу им никто не оказал настоящего сопротивления. Смертный воин, нанятый моей сестрой... он бросился навстречу ползающему зверю по имени Хатар и даже смог ранить его несколько раз копьем и мечом... Но, увы, Хатар — это как раз тот, что плюется ядом... Воин не смог уклониться, отравы парализовала его, и потом... Ох, что они с ним сделали!..

Дриада тяжело вздохнула и замолчала. Конан тоже сидел, глубоко задумавшись, и, похоже, только теперь начинал понимать, в какое безнадежное предприятие он оказался втянут, причем втянут, как ни крути, обманом!

— И все же погоди хоронить себя раньше времени, — проворчал он, видя, что Айана вновь вознамерилась плакать. — Может, мне и удастся додуматься до того, что так и не сумел измыслить Гатадес...

Он говорил это, и в то же самое время с горькой уверенностью понимая, что вся его речь — не более, чем пустые слова. Что он сможет сделать один против целой своры демонов, каждый из которых неизмеримо сильнее его?

— А все-таки я не сдамся! — обращаясь неизвестно к кому, вдруг выпалил киммериец и вновь умолк, погружаясь в размышления.

— Если тебе удастся отстоять рошу... — тихонько сказала Айана, — даже если тебе удастся спасти хотя

бы только Древо-Отца... то все богатства Зеленого Храма станут твоими... а, кроме того — если ты захочешь, конечно, кроме всего прочего... — она провела плотно прижатыми к телу ладонями по груди и бедрам; при этом ее щеки залил густой румянец.

— Там видно будет, — буркнул Конан; он чувствовал себя, словно мальчишка, застигнутый подглядывающим за чужими любовными утехами. — Ладно, Айана! — Он впервые назвал дриаду по имени. — Есть ли в твоей роще такие деревья, которые можно было бы срубить?

— В моей нет, но по соседству — там сколько уютно поваленных недавним ураганом, — тотчас ответила она.

— Покажешь, где это, — распорядился Конан. — И скажи, есть ли тут еще кто-нибудь, кроме нас — помочь таскать бревна?

Айана отрицательно покачала головой. Киммериец пожал плечами и хмыкнул.

— Ну, значит, придется нам вдвоем стараться. Рук жалеть не советую!

— Что ты задумал?

— Демоны хитры, но, говорят, умные люди и на них находили управу — и даже без всяких заклинаний! Так что мы еще посмотрим, кто кого, — Конан поднялся. — А что я задумал — сейчас увидишь, хозяйка!

Через некоторое время они вновь оказались на краю заповедной рощи. Уже наступила ночь, однако Айана сняла с пояса тонкую деревянную флейту, поднесла к губам и сыграла какой-то несложный и нежный мотивчик, вернее, лишь несколько тактов музыкальной фразы — и в ладонях дриады засветился яркий серебристый огонек. Он освещал все на расстоянии трех десятков шагов; и Айана повела Конана к темневшим неподалеку завалам старых упавших деревьев.

— То что надо, — резюмировал Конан, закончив осмотр. — Я боялся, что здесь и этого не сыщется.

Деревья и впрямь были подходящими. Кора слезла и отвалилась пластами, обнажив крепкую, точно сталь, древесину. Стволы в изобилии были утыканы толстыми и прямыми сучьями; мелких веток и листвы не осталось совсем.

— Просто превосходно, вот только как нам дотащить их? — кряхтя, киммериец начал подлезать под один из стволов, толщиной не менее обхвата. — Ого! Они внутри каменные, что ли?!

— Да, это так и называется — каменное дерево, — бесхитростно пояснила Айана. — Оно растет повсюду, но лишь здесь достигает своего истинного веса и истинной прочности! — В ее голосе сквозила невольная гордость.

— Слушай, мне одному их не перетаскать, — напрямик заявил Конан, бросив бесполезные попытки. Даже всей исполинской силы киммерийца не хватило на то, чтобы лишь оторвать комь бревна от земли. — Или мы что-нибудь придумаем... Или ищи себе иного защитника.

— А что нужно сделать? — с детским удивлением в глазах осведомилась дриада. — Куда надо доставить это?

— Куда-куда! — со злостью передразнил ее северянин. — На край твоей разлюбезной рощи, конечно же!

— Можно попросить его, и оно пойдет само, — кротко вымолвила дриада. — Дерево никогда не бывает мертвым по-настоящему — пока его не уничтожит огонь, конечно же.

На свет вновь появилась уже знакомая Конану деревянная флейта. Но теперь дриада сыграла довольно длинный и весьма сложный переливчатый фрагмент, с трудом переводя дыхание после каждой фразы, точно от тяжких усилий.

Киммерийцу уже случалось видеть чудеса черной магии в замке Аманара и кое-где еще и потому он не слишком удивился, когда на его глазах сухое сучковатое бревно внезапно приподнялось в воздух и, смешно елозя, поползло по земле...

Они не сомкнули глаз всю ночь. К утру роща была окружена настоящим валом сучковатого бурелома, однако Конан прекрасно понимал, что демонов это не остановит.

— А может, тут и ямы будут сами собой копать? — осторожно поинтересовался он у Айаны и очень огорчился, услышав, что над землей дриада не властна.

— Сперва я подумал о волчьих ямах, — признался вконец выбившейся из сил дриаде Конан. — Но это

было бы слишком просто... демоны легко избегают этой ловушки. Послушай... а с камнями ты... это... не можешь договориться? Я уже готов во все верить...

— С камнями? — Айана устало подняла голову. — Конечно. Только они ленивы и медлительны...

— Придется тебе их подогнать, — заявил Конан. «Да не рехнулся ли я? — мелькнуло у него в голове после этих слов. — Ходячие бревна, ползающие камни... Куда я вообще попал?»

— Я не смогу... пока не отдохну хотя бы до полудня, — умоляюще взглянула на киммерийца дриада.

— Ты или сможешь или твоя роща обратится в ничто, — жестко ответил киммериец, рывком ставя Айану на ноги.

Громадные валуны с берега недалекой речки катились медленно и с натугой; Конан готов был поклясться, что он слышит их недовольное ворчание и жалобы на то, что их разбудили, что им не дают спать и заставляют теперь тащиться невесть куда...

Но вот лианы Конану пришлось добывать самому. Дриада наотрез отказалась помогать ему с этими растениями из ее собственной рощи, равно как и помочь киммерийцу собрать нужное в соседнем лесу. Никакие угрозы не подействовали.

К исходу первых своих суток в Роще Свайолей Конан собрал все необходимое, однако чувствовал, что валится с ног, несмотря на всю целительную силу напитков, которыми его в изобилии потчевала Айана. Они помогали, но ненадолго.

И все же Конан заставил себя продолжать работу, стиснув зубы и усилием воли отгоняя сон. Теперь он вязал огромные петли из гибких лиан, вязал до тех пор, пока руки не начали покрываться пузырями...

Утро второго дня, последнего дня, когда они еще могли не бояться нападения, выдалось на удивление безмятежным. Киммериец проспал как убитый до рассвета, а пробудившись, с удивлением почувствовал, что вся его вчерашняя усталость исчезла как рукой снятая; и, когда он шел через Рощу Свайолей, то думал о ней как о своем собственном доме, который нужно защищать любой ценой. В эти минуты он не вспоминал о золоте.

Теперь Конану и Айане предстояло самое трудное. Предстояло закрепить по местам сработанные киммерийцем снасти, а для этого дриаде пришлось пустить в ход все свое умение повелевать деревом и камнем. Они работали как проклятые, не покладая рук, забыв о еде и отдыхе; и, когда к вечеру даже могучий киммериец начал пошатываться, совсем выбившись из сил, к нему неожиданно обратился Древо-Отец.

Дриада к тому моменту уже спала крепким сном, растянувшись прямо на голой земле. Внезапно она как-то странно, конвульсивно дернулась, ее рот приоткрылся и она заговорила, обращаясь к Конану, однако столь странным, нечеловеческим голосом, что киммериец сперва решил, что его нанимательница лишилась рассудка...

— Нет, она совершенно здорова, только очень, очень устала, — прозвучал странный голос. — Это я говорю с тобой, я, кого ты знаешь под именем Древо-Отец. Я должен показать тебе слуг Сета. Закрой глаза и освободи свой рассудок!

Киммериец повиновался.

Сперва перед его внутренним взором клубились лишь бесформенные темные облака. Затем мрак неожиданно разделился — теперь Конан видел шесть черных комков, шесть черных пятен на тускло-сером фоне, однако не прошло и мгновения, как эти шесть островков тьмы стали стремительно меняться. словно чьи-то невидимые руки, руки талантливого, но злого сердцем скульптора начали придавать форму этим податливым кускам первичного материала, из которого когда-то творилось все сущее.

Комья обрели четкость контуров. Теперь уже можно было видеть головы, чудовищные лапы и клешни, рога, ноги, крылья...

Потом видение внезапно померкло и Конан вновь услышал голос старейшего из свайолей:

— Не в моих силах явить тебе, о Человек, как в темных кузницах Мрака тела эти становились вмести-

лищами злобных духов, как они становились демонами. Смотри, что было дальше!

Конан вновь видел перед собой бескрайнее серое поле. Потом на нем появились шесть черных точек; они постепенно увеличивались, приближаясь к нему. Теперь он смог рассмотреть творения Сета во всей их злой красе.

Самым первым шествовал здоровенный ящер с огненно-рыжей чешуей. Могучее тело поддерживалось двумя колонноподобными ногами; по тому, как они были выгнуты — наподобие задних ног кузнечика — Конан понял, что эта тварь еще и способна скакать не хуже зайца. Туловище чудовища было снабжено двумя парами мощных трехпалых лап, каждый из пальцев заканчивался длинным когтем никак не короче того меча, что висел на боку у киммерийца. Вдоль всей спины тянулся высокий костяной гребень; вытянутый хвост, которым существо явно могло пользоваться, как хлыстом, оканчивался тяжелым костяным же трезубцем.

Рядом с ящером семенило страшилище, которое киммериец сперва принял за громадную сороконожку. Самым замечательным в ней, несомненно, была ее голова — длинный, вытянутый узкий серп с зазубренным неровным лезвием; голова эта торчала на длинной мускулистой шее и, скорее всего, тварь могла орудовать, точно боевым топором, этой частью тела, которая у обычных существ в основном предназначена для того, чтобы мыслить. Кроме того, вдоль всего длинного тела тянулись ряды клешней устрашающего вида. Конану пришлось бы сделать не менее двух десятков своих широких шагов, чтобы пройти от головы твари до ее хвоста.

Следом шли крылатые создания. Они показались киммерийцу не столь устрашающими — всего лишь громадные костистые птицы с кожистыми крыльями; удивление, правда, вызывало их брюхо, покрытое желтоватыми складками кожи вместо положенной в таком месте как можно более прочной роговой брони. Обе летающих твари были наделены длинными пастями, усаженными тремя рядами острых и длинных зубов; смыкаясь, челюсти заходили одна за другую, и ким-

мериец легко мог представить себе, как подобное существо с легкостью перекусывает человека пополам...

Замыкали процессию двое ползунов. И если в ходячих или летающих созданиях еще чувствовалась некая свирепая грация, ощущалась стремительная мощь, пусть и злая, то эти извивающиеся твари были настолько отвратительны, что Конан с трудом подавил приступ тошноты — хотя, казалось бы, он уже привык ко всему. Покрытые толстыми слоями слизи, ползуны тащили свои грузные тела мощно и упруго, что говорило о силе скрытых под их волосатой шкурой громадных мускулов. Огромные фасеточные глаза, похожие на глаза стрекозы, могли видеть все, что происходило не только прямо перед ними, но и по сторонам. Их оружием, кроме напоминающих отверстия пещер пастей, служили также несколько десятков толстых щупалец — сейчас те были свернуты и прижаты к спине.

Ползунов нельзя было назвать обычными змеями. Они скорее напоминали толстенных гусениц-переростков, только еще более коротких, чем были бы настоящие гусеницы, случись им вырасти до подобных размеров. У одного из ползунов, на боках которого чередовались черно-желтые полосы, словно у осы, Конан заметил в пасти какой-то странный трубчатый язык длиной не меньше руки взрослого человека. Это был, не иначе как сам Хатар, тварь, плюющаяся ядом, который взял верх над Гатадесом, лихим Шадизарским рубакой... Неожиданно для самого себя Конан подумал о том, что ему непременно надо отомстить за этого храбреца, хотя в прошлом они, несомненно, были бы врагами — гвардия Тиридата воров не жаловала.

Когда чудовища подошли совсем близко, Конан смог разглядеть тяжелые ошейники из черного металла, надетые на каждом из них — и их жуткие глаза. Это не были глаза обычных, земных чудовищ вроде крокодилов, морских змеев или даже драконов. Эти глаза принадлежали мыслящим существам, творящим Зло не по неведению, как кровожадные хищники человеческого мира, но сознательно, с полным напряжением черной воли, стремящимся упиться кровью и насладиться мучениями жертв. В их глазницах полыхал

мрачный холодный огонь, огонь бескрайних и беззвездных пустошей, откуда вышел великий Сет и куда его никак не удавалось загнать всему сонму светлых Богов и Небожителей.

Видение вновь изменилось, теперь Конан видел себя стоящим на самом краю какого-то леса, а прямо перед ним раскинулась небольшая роща деревьев с серебристой длинной листвой, которую киммериец теперь уже не спутал бы ни с какой другой — листвой Рощи Свайолей.

Внешне все вокруг было очень спокойно и тихо — однако слишком уж глубокой и мертвой была эта тишина. Солнце скрывали угрюмые серые тучи; все живое попряталось, словно перед грозой. Край Рощи Свайолей был безжизнен и тих.

А потом под ногами Конана внезапно вздрогнула земля. Откуда-то издалека налетел пронизывающий холодный ветер, завыл, засвистел, словно глумясь над беззащитными деревьями и радуясь их гибели. И тогда из-за ближайшего холма появилась злобещая шестерка.

Невольно Конан потянулся к мечу, хотя и понимал, что это всего лишь видение и он уже не сможет ничего изменить. Двое крылатых демонов тотчас же взмыли вверх, закружившись над обреченной рощей. Ящер, многоножка и ползуны тоже направились напрямик к ней. Они шли медленно, неторопливо, в гордой и наглой уверенности, что никто и ничто не сможет помешать их отвратительному пиршеству... Конан ощутил, что его рука до боли стискивает рукоять бесполезного сейчас меча.

Демоны, облаченные в плоть, неспешно подошли к самому краю рощи. Их крылатые собратья парили в воздухе над ней, время от времени издавая гнусаво-топливые вопли, однако кто знает — быть может, это были их клики ликования?

Подручные Сета стояли, словно дожидаясь какого-то знака. Вокруг ничто не шевелилось, и любая, даже самая неприметная былинка в ужасе старалась припасть к земле... А потом был дан Знак.

В самой середине неба, посреди серого облачного одеяла внезапно возникла воронка черного вихря. Длинный смерч, словно ищущая добычу гадюка, опускался

все ниже и ниже, постепенно и впрямь обретая форму громадного призрачного змея. Конану доводилось слышать, что вызыванием Сета занимаются ужасные и злобные чернокнижники в проклятых светлыми богами гробницах Стигии, хотя пока еще Мировому змею вход в мир людей закрыт; однако северянин слушал эти рассказы вполуха — тогда они казались ему совершенно бесполезными — о чем теперь оставалось лишь горько жалеть.

Знак был дан, и твари Тьмы все разом бросились вперед. С небес двумя черными молниями низринулись вниз крылатые чудовища; четверо их собратьев последовали за ними. И тут видение вновь изменилось.

Теперь Конан стоял как бы на краю Леса Свайолей. Но этого мало — он сам стал одним из них и видел, как на его соседа, с которым — он знал — они часто перговаривались, обмениваясь новостями об увиденном в подзвездных пределах — обрушился с небес чернокрылый демон.

Громадные когти впились прямо в большие глаза свайоля; костяные крючья на изломах крыльев терзали плоть наделенного сознанием дерева, в разные стороны летели мелкие и крупные щепки — и обильно текла алая жидкость, так похожая на теплую человеческую кровь...

Обжигающая вспышка боли едва не лишила Конана сознания. Однако он был бы даже благодарен этому, ибо боль и забвение были лучше для бессильного свайоля, окровавленную плоть которого, спеша насытиться, торопливо заглатывали демоны.

А затем настала очередь и того свайоля, в которого на время обратило Конана чародейство Отца-Древа. Раздираемый на куски крылатым демоном свайоля внезапно дрогнул и с громким треском повалился набок; над поверженным появилась отвратительная морда рыжего ящера.

Удар! Тело Конана сотряслось; рука искала меча, однако он с удивлением почувствовал, что не может пошевелиться. Громадная когтистая лапа деловито прошла по его боку сверху донизу, обламывая ветви и сбивая наземь тоскливо поникшие серебристые листья. Горевшие злобой глаза уставились прямо в лицо по-

гибающего свайоля; однако к своему удивлению Конан острым инстинктом варвара понял, что злоба эта направлена не против свайоля, а вообще на весь мир, потому что чудовище жестоко терзается от неутолимого голода...

Затем видение вновь изменилось. Иная местность, иная роща; однако точно так же к ней неспешной походкой шли четверо подручных Сета, а в небе над обреченным лесом сновали два крылатых демона. Ящер и Хатар на этот раз оказались несколько впереди остальных; летучие твари несколько задержались уже после того, как Знак был подан — и тут из рощи навстречу чудовищам выбежала невысокая человеческая фигурка, показавшаяся совсем крошечной рядом с громадными телами страшилищ. Человек был одет в сверкающие доспехи, на высоком шлеме развевался цветастый плюмаж воина дворцовой гвардии короля Тиридата.

«Гатадес!» — понял Конан.

Он уже знал — из рассказа Айаны — что должно произойти дальше, однако оказалось, что это не совсем так. Северянин увидел стремительный размах блистающего лезвия — и меч защитника рощи прочертил длинный кровавый полукруг на теле рыжего ящера.

«А как же его броня?!» — мелькнуло в голове киммерийца.

Очевидно, твари Сета впервые встретились с попыткой сопротивления. Ящер и Хатар застыли, с тупым удивлением глядя на невесть откуда взявшегося смельчака. Прежде, чем они опомнились, воин Тиридата с удивившей даже Конана ловкостью проскользнул между громадными лапами ящера и что есть сил вонзил свой клинок снизу вверх в брюхо чудовища.

Раздался громоподобный рев. Меч Гатадеса пробил роговую броню, о неуязвимости которой Айана прямо-таки прожужжала киммерийцу все уши, и из раны на пыльную и жухлую траву хлынула темная дымящаяся кровь.

Ящер дернулся и как-то неловко, припадая на один бок, отскочил в сторону, развернувшись, он вновь попытался сграбастать смельчака всеми четырьмя

своими когтистыми лапами, однако Гатадес вновь ловко уклонился.

Раненый ящер утратил последние остатки своей прыти. Он уже сидел в луже собственной крови; чудовищные ноги подгибались, лапы впустую молотили по воздуху; из глотки чудовища рвался хриплый не то рев, не то стон.

«Да что же ты его не добьешь!» — не выдержал Конан, ему казалось, что заморец непростительно медлит, а в настоящем бою такое не прощается...

Так и случилось. Хатар, несмотря на всю тупость, все же разобрался, что к чему, однако не стал пытаться нападать на человека, даже повернувшегося к нему спиной. Пасть ползуна широко раскрылась, между рядов темно-коричневых зубов мелькнул подозрительно длинный трубчатый язык — и из него вылетела тонкая струя темной жидкости. Плевок чудовища попал Гатадесу в плечо; человек внезапно выронил меч и словно в удивлении уставился на свою бессильно повисшую руку. Через несколько мгновений онемение сковало и все его тело...

Дальнейшего Конан уже не видел, видение прервалось окончательно.

Киммериец открыл глаза. Он лежал на спине, раскинув руки, и глазные яблоки жгло, точно он долго держал глаза сухими. Был уже глубокий, недобрый вечер, приближалось время, когда силы Зла выходили из тайных укрытий и когда где-то в своем мрачном логове пробудились ото сна и шестеро страшных слуг Сета.

Конан рывком поднялся. Он помнил свой странный сон в мельчайших деталях; и самое главное, что он понял — или панцирь чудовищ далеко не так крепок, как описала ему дриада, или Гатадес обладал каким-то зачарованным мечом, легко пронзавшим любую броню.

Айана крепко спала тут же, неподалеку, зябко подобрав под себя ноги и свернувшись калачиком; колени ее были прижаты к груди. Во сне ее лицо стало совсем безмятежным, точно у невинного ребенка; однако киммериец бесцеремонно принялся ее расталкивать.

Добудиться смертельно уставшей хозяйки рощи оказалось нелегко.

— Ну что, что тебе? — простонала Айана, наконец открыв глаза. — У меня все тело болит... Что, уже вставать?

— Расскажи мне о мече этого Гатадеса, которого наняла твоя сестра, — потребовал северянин.

— Да я ж не разбираюсь в этом, — с искренним недоумением ответила Айана. — Он говорил, будто клинок и впрямь какой-то особенный... Хвастал, наверное.

— Он не хвастал, — мрачно сообщил Конан. — Он вогнал свое железо в брюхо этой ходячей ящерице-переростку словно в перину! Мне помнится, ты что-то толковала о броне?

— Да... Они облачены в крепчайшую броню... — начала было вновь дриада.

— Это я уже слышал! — зарычал Конан. — Ответь мне, кто может знать, что случилось дальше с мечом этого Гатадеса?

— Что могло с ним случиться... наверное, лежит там же, где выпал из руки этого смелого воина... Возле погибшей Роши Свайолей...

— Нам придется отправиться туда и оказаться там до восхода Солнца, — деловито сказал Конан. — Если мы сумеем это сделать — считай, полдела сделано. У Гатадеса был куда как непростой клинок!

— Я слыхала, что на месте погибших Рош Свайолей жрецы Сета возводили свои храмовища...

Конан застонал сквозь зубы.

— И все-таки, мы можем отправиться туда? — продолжал настаивать он. — Тем же способом, что оказались здесь?

— Можем... — несколько неуверенно ответила не понимающая что к чему Айана. — Ты хочешь искать его меч там? Но ведь его уже давно подобрали послушники в святилище Великого Змея...

— Этот шанс упускать нельзя, сколь бы малым он ни казался, — непреклонно ответил Конан. — Вставай, нужно отправляться немедленно...

Голос киммерийца звучал сухо и властно. Айана медленно поднялась, привычно оправляя хитон; она еще колебалась, но воля Конана уже брала верх.

— Хорошо, — кивнула дриада. — Дай мне руку и зажмурь глаза.

Конан сделал, как было сказано; спустя мгновение он вновь услышал тонкое пение зачарованной деревянной флейты. На короткое время его охватил леденящий холод, как будто он со всего размаха окунулся в только что вскрывшуюся весеннюю реку; однако это длилось очень недолго, и не успел он опомниться, как услышал вновь голос Айаны.

— Мы на месте...

Киммериец открыл глаза. Ночь здесь казалась куда более черной и непроглядной, чем в покинутой ими роще. Казалось, в воздухе стоит запах тления; под ногами сухо шуршала мертвая трава. Прямо перед путниками лежало то место, где когда-то стояла Роша Свайолей; теперь же, как и предупреждала Айана, вместо нее высилась темная громада мощного и недоброго храма. В ночном сумраке даже остроглазый киммериец не мог различить никаких деталей этого строения — кроме лишь выделявшегося серого пятна в том месте, где должен был находиться вход.

— Нам нужно торопиться, — сквозь зубы проговорил Конан. — Я отчего-то уверен, что меч в храме, так что придется воспользоваться парадными воротами...

— Почему ты думаешь, что меч непременно нашли?

— Смотри, как здесь утоптана земля. Степь не бывает такой ровной, это место выглаживали специально. Вряд ли такая вещь, как меч, да еще такой, что может серьезно ранить демона, осталась незамеченной аколитами. Я иду попытать счастья в храме. Жди меня здесь!

И прежде, чем остолбеневшая дриада успела его удержать, Конан одним бесшумным прыжком скрылся во мраке, точно охотящийся тигр.

Ноги киммерийца мягко ступали по неестественно гладкой земле. Почва пружинила, Конану казалось, что он идет по громадному полю спекшейся золы. Это сильно облегчало путь — ему не встретилось ни рытвин, ни ям.

Сам храм был выстроен явно наспех, около него еще пахло сырой известкой. Похоже было, что где-то

в глубине здания горят светильники — четко виднелся серый прямоугольник распахнутой настежь двери.

«Не бояться они тут никого, что ли? — подумал киммериец, не привыкший к подобной небрежности храмовых хозяев в подозрительном Шадизаре. — Или тут ловушка, помоги мне Кром?»

Однако времени искать другую возможность проникнуть внутрь у него не было, они с Айаной и так страшно рисковали, оставив рощу и Древо-Отца без всякой защиты. Киммериец с гораздо большей охотой вошел бы в этот храм с черного хода или вовсе пробрался бы через крышу, однако выбирать не приходилось.

«Ну и ну — впервые иду на дело через парадные ворота!» — невольно усмехнулся северянин, входя внутрь.

Непроглядный мрак и впрямь сменился тут тусклым отсветом редких масляных светильников. Все указывало на то, что строители только-только покинули храм: всюду еще валялись оставленные ведра, кисти, доски, мусор и тому подобное. Стены еще оставались голыми, их не оживляли ни росписи, ни мозаика; они были просто выкрашены в черный цвет.

Без помех миновав первый зал, Конан направился к широкой двери в противоположной стене. Вспомнив все свое искусство, он неслышной тенью крался вдоль стен, замирая после каждого шага, настороженно оглядываясь и прислушиваясь.

В храме царил мертвая тишина, точно в склепе — и все же Конан явственно чувствовал, что в здании есть и еще кто-то, кроме него — и притом ни в малейшей степени не похожий на человека. Чутье опытного вора, соединенное с уже утраченным прочими, «цивилизованными» хайборийскими племенами даром угадывать присутствие потусторонних существ и сил, подсказывало ответ. В храме имелась стража, и сейчас она явно выжидала, чтобы Конан зашел подальше. Его здесь ждали, а это значило, что он был прав в своих предположениях и что зачарованный меч Гатадеса, неизвестно как попавший тому в руки, и впрямь находится здесь. Оставалось его только взять.

Киммериец добрался до полуосвещенного входа во внутренний покой храма. Не имело смысла пока искать оружия здесь — во внешнем, недостроенном и замусоренном зале. Во всяком случае, это место будет последним, где он станет искать.

Конан ожидал, что дверь начнет скрипеть, однако тяжелые створки бесшумно приоткрылись, поворачиваясь на тщательно смазанных петлях — лишнее доказательство тому, что храм не заброшен.

Северянин серой тенью скользнул за порог. Его собственный меч был уже наготове — однако к полному его изумлению, существенно лучше освещенный и прибранный внутренний зал был также пуст. В центре его возвышалась небольшая, примерно в два человеческих роста, пирамида, сложенная из блестящего черного камня; на ее вершине помещалась грубая, неотесанная кроваво-алая глыба какого-то прозрачного минерала, быть может, даже драгоценного; от одной мысли, что это может оказаться рубин подобных размеров, у Конана перехватило дыхание...

Однако к чести его надо сказать, что подобная мысль лишь мелькнула где-то на самых дальних задворках его рассудка. На поверхности алой глыбы лежал меч, который с виду ничем не отличался от обычного. Лезвие его было тусклым, рукоятка — самой простой, без малейшего намека на украшения. Меч был прикован к красному камню за эфес толстой золоченой цепью.

Сомнений быть не могло: перед Конаном лежал тот самый меч, которым незадачливый Гатадес едва-едва не отразил нападение демонов Сета, но почему, если уж это оружие попало в руки к служителям Великого Змея, храм не окружен пятью кольцами стражи?..

Махнув рукой на осторожность, Конан быстро пересек зал и бегом взбежал по гладким ступеням пирамиды, и тут на клинке, словно почуявшем приближение человека, голубым огнем вспыхнула вязь таинственных рун. Их рисунок был совершенно не знаком далекому от какой бы то ни было письменности варвару, и он не мог понять, что они означают — кроме того, что меч, похоже, и впрямь наделен какими-то особыми силами.

Конан просунул лезвие своего собственного меча в крепление цепи и с усилием навалился на свой импровизированный рычаг.

Глава 5

-Крыса в западне, крыса в западне! — грянул внезапно со всех сторон хор торжествующих злорадных голосов. — Закрывайте клетку, закрывайте!

Конан стремительно обернулся. В стенах зала широко распахнулось с десятков широких дверей, через которые внутрь вбегали многочисленные аколиты храма Сета. В развевающихся разноцветных мантиях темных тонов, с длинными копьями и луками в руках, они тотчас окружили пирамиду. На киммерийца были нацелены наконечники примерно полутора сотен стрел, уже наложенных на натянутые тетивы.

— Положи оружие, Конан из Киммерии, вор из Шадизара, — вышел вперед худой высокорослый человек с наголо обритым черепом и глубоко посаженными тусклыми глазами. Его плащ был черным — единственным черным плащом в зале. — Я не настолько глуп, чтобы, подобно Аманару, забавляться с выпущенным на свободу тигром — то есть, скажем, затевать с тобой рукопашную. Одно твое движение, и ты будешь весь утыкан стрелами, как дикобраз. Брось меч, подними руки над головой и иди сюда. Помни, что ни один из моих лучников не спустит с тебя глаз, так что не пытайся устроить тут что-нибудь в твоём духе.

— Что-то ты слишком многословен, пес, — проревел в ответ Конан, и не думая выпускать меч. — Хочешь убить — убивай! А я с места не сдвинусь.

По рядам окружавших киммерийца не то воинов, не то жрецов прошел волной возмущенный гул.

— Тихо! — бритоголовый вскинул руку и все тотчас умолкли. — Что ж, тогда тебе придется на собственной шкуре убедиться в меткости моих стрелков. И как ни жалко портить такое великолепное тело, как у тебя, но... Мы, пожалуй, начнем с правой ноги.

Пока длилось все это обсуждение, мускулы северянина трещали от напряжения, безуспешно пытаясь выломать крепление цепи из каменной глыбы. Что-то подсказывало варвару, что только этот клинок еще может помочь ему вырваться отсюда; стрелков же киммериец не боялся. Он догадывался, вспомнив кое-какие из своих прежних приключений, что жрецам этого мрачного храма он может потребоваться только в одном-единственном качестве — жертвы их ненасытному Сету, поэтому они вряд ли станут стрелять так, чтобы убить его, будут пытаться ранить и потом пленить. Похоже, тут уже наслышаны о его приключениях в Кезанкийских Горах и зря на рожон лезть не станут.

Главный жрец как раз закончил свою речь насчет правой ноги Конана, предвещая ей весьма плачевную участь, когда киммериец услышал слабый хруст и почувствовал, как туго натянутая цепь ослабела. Лежавший на алтаре меч был свободен.

Киммериец замер, боясь, что враги раньше времени поймут, в чем дело. Его левая рука перехватила рукоять его собственного меча, правая сжала эфес принадлежавшего когда-то Гатадесу оружия. Сейчас, сейчас... Поймать мгновение, когда лучники уже начали разжимать пальцы — и тогда резко рвануться вниз, перекачаться через плечо, вскочить, два прыжка — и он окажется подле этого типа с голым черепом, а там уж посмотрим!

— Эй, эй, он порвал цепь! — внезапно завопил кто-то, и Конан понял, что недооценил своих противников. Однако сделать он уже ничего не успел, не успел даже ни о чем подумать, потому что ступени пирамиды под его ногами внезапно разошлись, ступня Конана соскользнула со скользкой поверхности камня, и киммериец, нелепо взмахнув руками — мечей он так и не выпустил, — полетел вниз, в черную пустоту.

Он падал спиной вниз, и несколько мгновений еще видел над головой светлое пятно, однако оно быстро сужалось и почти тотчас исчезло совсем — камни сошлись, закрывая вход в подземелье.

Киммериец не успел подумать о смерти, не успел даже испугаться — лгут те, кто говорят, будто бы он не испытывал страха, просто он умел бороться с ним

лучше других — как тело его врезалось в песчаный склон. Это спасло ему жизнь, смягчив удар; скатившись по откосу вниз, он ощутил под ногами холодный и жесткий камень...

«Кром! Хорошенькое дело! Что-то мне здесь нравится не больше, чем в подземельях замка Аманара», — подумал киммериец, поднимаясь на ноги и лишний раз благодаря своего сурового покровителя за помощь. Очевидно, его сын доставлял старому и жестокому богу Киммерии некоторое удовольствие своими делами, что суровый Кром все еще не оставлял его своим заступничеством.

Он встал на ноги и постарался получше избавиться от набившегося в волосы, ноздри и уши песка. Кругом царил абсолютно непроницаемый мрак — и стояла полная, мертвая тишина.

Киммериец нащупал руками мягкий край песчаного склона, сел, стараясь поскорее успокоиться и как следует все обдумать. Положение его было не из приятных. Один, без еды, воды и огня, в неведомом подземелье — и как это его успели так быстро вырыть? Северянин не слышал эха своих шагов, хотя пару раз на пробу топнул довольно громко. Отсюда следовало, что подземная полость весьма велика... и, быть может, сотворена природными силами, а вовсе не волей людей или демонов?

Просидев несколько минут неподвижно, Конан поднялся. Ему ничего не оставалось делать, как попытаться обойти пещеру по кругу, все время касаясь одной рукою стены. Варвар обладал от рождения острым чувством направления; он надеялся, что оно поможет ему не сбиться, однако для верности он на ощупь отыскал довольно крупный валун, который и подкатил к самому краю песчаного склона. Если он совершит полный круг, по крайней мере, не придется без толку тратить силы.

Вообще говоря, оставался и еще один вариант — остаться на месте и попросту ждать, пока его не найдут жрецы. Он на свободе, хорошо вооружен — можно было попытаться счастья; однако, хотя такой выход и более отвечал воинственной натуре киммерийца, разум подсказывал, что лучше попытаться отыскать выход самому. Недолго думая, Конан отправился в путь.

Он решил идти налево, чтобы была готова к бою правая рука с зачарованным мечом Гатадеса, — на тот случай, если он столкнется нос к носу с каким-нибудь особенно рьяным прислужником Сета.

Довольно скоро песок сменился голой отвесной скалой. Она была холодна и суха, тишину пещеры ни разу не нарушило журчание подземного ручья или хотя бы редкий стук падающих с потолка капель. Воды, похоже, здесь не было, а жажда мучила киммерийца все сильнее и сильнее.

Мало-помалу он понял, что стена все круче и круче начинает уходить вправо, что совсем не понравилось киммерийцу. Если окажется, что он заперт в каменном мешке... или, быть может, тут и есть выход, на высоте больше человеческого роста... От таких мыслей становилось совсем плохо, и Конан старательно гнал их от себя прочь.

«Нет, похоже, я все же кружу, — подумал он спустя еще некоторое время. — Вроде опять песок начинается... да, так и есть. А где же мой камень?»

Камень был на месте. Крепко ударившись о него большим пальцем правой ноги, киммериец со злостью выругался не столько от боли, сколько от осознания факта, что он, похоже, оказался в большой ловушке. Клетка для крупной и злой крысы захлопнулась.

— Скажи, а зачем ты положил камень к моему любимому откосу, незнакомец? — вдруг раздался странный шепелявый голос. — Я часто скатываюсь по нему — сверху вниз, сверху — вниз — и мог бы ушибиться!

Прижимаясь спиной к песчаному склону, Конан резко развернулся на голос, держа наготове клинки. В темноте прямо перед ним где-то на уровне его пояса горели бледно-зеленым огнем два больших, вытянутых глаза с белесыми вертикальными зрачками. Глаза, не мигая, смотрели на киммерийца.

— Ты... кто такой? — хрипло спросил он, на всякий случай прикидывая расстояние до странного гостя.

— Нет, это я тебя должен спросить — кто ты такой? — с некоторым недовольством ответило зеленоглазое существо. — Ты подкатил камень к моему откосу — верно, хотел, чтобы я сломал себе спину,

скатываясь вниз — да еще и спрашиваешь, кто я такой! Ты дерзок, а дерзость нуждается в наказании...

Во тьме что-то еле слышно запелестело — различить эти звуки мог лишь такой острый слух, как у Конана. И это его спасло. Инстинкт заставил его пригнуться и рвануться в сторону — в тот самый миг, как над его головой что-то свистнуло и с глухим хлопком врезалось в песок. Точно хлыстом ударили.

— Я положил камень, чтобы отметить это место, — тем не менее попытался вступить он в переговоры. — Я, видишь ли, провалился сюда сверху и даже понятия не имел, что здесь может кто-то жить!

— Конечно, такая чистая, аккуратная, сухая пещера, — обиженно проворчал в ответ голос, — и здесь, видите ли, никто не может жить! Ты врун, ты прекрасно видишь, кто я, ты уклонился от моего хвоста, как опытный в играх резун — и толкуешь мне, что пришел сюда не для того, чтобы охотиться на меня!

— Клянусь Кромом! — рявкнул киммериец. — Мне нет до тебя никакого дела, о почтенный хозяин этой пещеры. Я пришел сюда не для того, чтобы охотиться на тебя, или на кого-либо еще; я вообще попал сюда не по собственной воле. И я постарался бы отблагодарить тебя, если бы ты вывел меня отсюда!

— Вывел тебя отсюда? — искренно удивилось зеленоглазое существо. — Вывел куда? Наверх? Но я там никогда не бывал! Вниз — пожалуйста, под этой пещерой лежат огромные и прекрасные лабиринты. Если хочешь, пойдем туда. Там можно славно поохотиться.

— Нет, мне туда не надо, — покачал головой Конан.

— Ну, тогда я пошел, о пришелец, — заявило существо. — У меня много дел. Наверху в свои права вступает ночь, мелкие и вкусные твари там, внизу, вылезают из своих норок... Мне надо идти. Прощай! Было приятно поговорить с тобой.

— Постой! — окликнул Конан своего странного собеседника. — А скажи мне, не бывали ли тут еще такие же, как я, люди? Из того храма, что возведен за последний год там, наверху, как раз над этими пещерами?

— Да, бывали, — после некоторого раздумья ответило существо. — Они продолбили потолок как раз в

этом зале. Потом скинули вниз веревку и спустились по ней — а потом поднялись, и больше я их не видел.

— А откуда ты так хорошо знаешь наш язык? — поинтересовался Конан. Несмотря на всю тяжесть его положения, любопытство взяло вверх.

— Это долгая история, — охотно сообщило существо, видимо, радуясь возможности поговорить, словно забыв, что только что говорило, будто чрезвычайно торопится. — Я ведь живу здесь очень, очень давно; когда-то верхние ярусы пещер имели сообщение с поверхностью. Тогда я часто гулял по подлунному миру. Окрестные племена почитали меня и часто приносили мне вкусную пищу. От них я научился вашей речи. А потом... Земные силы внезапно встали на дыбы, словно те странные животные, которые вы, люди, зовете «ко-нями», и выходы оказались завалены... Но я ничего не забываю, — хвастливо добавило существо. — Вот и ваша речь... Ты ведь понимаешь меня?

«Что-то по тебе не скажешь, что ты тысячу лет просидел в заключении», — подумал Конан. Он, конечно, был диким и необразованным варваром-киммерийцем, однако умел хорошо рассуждать — если бы это существо и выучило язык неведомого народа, что обитал тогда на поверхности, что-то слабо верилось, что эти племена были из числа хайборийцев, вдобавок за тысячу лет речь людей могла сильно измениться — об этом Конану говорил еще его отец. Северянин заподозрил неладное.

— Ну, я все же пойду, — вздохнуло существо. Было в этом вздохе что-то неуловимо-лицемерное; Конан напрягся, его чутье варвара предупреждало об опасности.

Однако он не подал вида.

— Что ж, прощай, — с деланным унынием ответил он. — Видно, мне суждено провести мои последние часы в одиночестве...

Киммериец не видел поднесенных вплотную к лицу собственных пальцев, однако не сомневался, что существо отлично видит каждое его движение. И потому он как можно более выразительно опустил голову, всем видом своим стараясь выразить беспросветное отчаяние — подражая в этом уличным шадизарским арти-

стам, часто дававшим представления в заморской столице.

Его уловка удалась лишь потому, что говорившее с ним существо не было человеком — любой другой, даже самый темный и недалекий рыночный стражник в Аренджуне сразу бы раскусил неумелое притворство Конана. Однако пещерный собеседник северянина принял все это за чистую монету. Голова у Сладкого Мяса была опущена, глаза смотрели вниз... мышцы расслаблены... он не сможет отдернуться так же быстро, как в первый раз...

Невозможно сказать, каким образом Конан определил тот момент, когда нужно было ничком броситься на землю. Тварь прыгнула совершенно внезапно, уже отвернувшись было от Конана...

Хлестнул гибкий, как хлыст, хвост, и тотчас над головой Конана пронеслось тяжелое тело, с размаху врезавшись в песок склона. В следующий миг киммериец, вверив судьбу свою Крому и надеясь лишь на то, что на коже у этого подземного болтуна не окажется ядовитых иголок, бросился на него сверху, пытаясь нашить горло и приставить к нему клинок.

Тишина подземелья огласилась визгами, хриплым боевым ревом киммерийца и отчаянной бранью стиснутого железными руками варвара подземного существа. Ругался он, надо сказать, ничуть не хуже завсегдатая Пустыньки...

Гибкий хвост ударил раз, другой и третий. Конан чувствовал, как что-то обожгло ему бок; потекла кровь, однако в этот же миг его руки, наконец, нащупали мягкое горло твари. Еще через секунду изукрашенный рунами меч лег поперек шеи чудовища.

Противник Конана тотчас обмяк; киммериец ощущал, как острая сталь меча даже против воли его обладателя режет мягкие складки кожи на горле твари.

— Ты куда-то очень спешил, не правда ли? — прохрипел северянин.

— Я выведу тебя отсюда, только убери это железо, — сдавленно пропищало существо. — Я выведу тебя, только пощади!

— Так-то оно лучше, — проворчал киммериец, однако он понимал, что выбраться все равно будет куда

как непросто — попробуй-ка прошагай весь путь в обнимку с этой тварью! Поневоле вынужденный плотно прижаться к телу своего врага, Конан чувствовал многочисленные мелкие роговые чешуйки, то сходящиеся, то вновь расходящиеся в такт учащенному, лихорадочному дыханию. Существо напоминало человека — однако задние ноги его, судя по всему, были предназначены для прыжков и смахивали на ноги кузнечика. Ноги кузнечика... И тут киммерийца осенило.

— Ну, вот что, тварь Сета, — проревел он, несколько усиливая нажим на приставленный к шее создания меч. — Я всегда убивал таких, как ты, и меня не обманешь лживыми сказками. Ты намереваешься завести меня в такое место, где тебя будут поджидать твои собратья; ты надеешься на их помощь. Ну так вот, тварь, тебе следует запомнить, что ты имеешь дело с Конаном из Киммерии; неужели твои дружки из храма не уведомили тебя об этом? Бедняга, в таком случае они послали тебя просто на убой! Так, для начала я отсеку тебе хвост; если не хочешь лишиться и всего остального, советую говорить правду. Как попасть в храм из этого подземелья?

— Не убивай меня! — вновь заскулило и задергалось существо. — Да, да, я слуга Великого Сета, не знаю, как стало тебе известно об этом, варвар! Но как бы ни был темен мой нынешний мир, я хочу жить. Подари мне жизнь, и я отслужу тебе; я мог бы попытаться объяснить тебе дорогу, но ты ведь все равно не пове-ришь мне?

— Я вижу тебя насквозь! — продолжал реветь киммериец. — Я теперь могу прочесть все, что сейчас творится в твоей несчастной башке. И не советую дурить! Я мигом пережеву тебе глотку. Что бы ни случилось со мной потом, тебе этого уже будет все равно не увидеть. Выбей-рай — или медленная смерть, по-нашему обычаю Истребителей Тьмы (сей громкий титул Конан придумал с ходу, подхваченный невесть откуда взявшимся вдохновением) — или ты даешь связать себя и тихо, медленно и без глупостей выведешь меня ко входу в храм. Там я отпущу тебя, клянусь Митрой!

— Кр-р-р! — пленник судорожно задергался, как будто его прижгли раскаленным железом. — Не про-

износи этого имени, прошу тебя! Не усугубляй моих мучений! Нам запрещено слышать это имя, имя заклятого врага нашего Повелителя. Я согласен, я согласен на все, варвар! Только убери, молю, твой меч, он уже и так почти что перерезал мне горло!

Конан осторожно отпустил левую руку, что держала меч за острие, и полез в карман, где по старой воровской привычке всегда имелся изрядный моток крепкой веревки. Поневоле неловко он принялся набрасывать на дрожащую крупной дрожью тварь одну петлю за другой, больше всего стараясь примотать к телу длинный и упругий хвост создания, заканчивающийся чем-то похожим на жало скорпиона. Обнаружил он и иные убийственные орудия — из пасти торчали длинные и острые клыки, точно у ядовитой змеи; на руках вместо пальцев росли когти, не уступавшие по размерам хорошему кинжалу. Киммериец подумал, что тварь эта, должно быть, высасывает кровь своих жертв — такие острые и тонкие зубы не годятся для того, чтобы рвать и жевать грубую плоть.

— А это что еще такое? — удивился Конан, на шарив широкий, железный, судя по всему, ошейник, что висел чуть ниже того места, к которому был приставлен меч северянина. Ошейник скрывался в кожных складках; почему-то во время схватки руки Конана не почувствовали его.

— Это... это... — казалось, пленника терзает целый сонм разъяренных палачей, он трясся, словно в падучей, сильно ранясь при этом об острое лезвие меча, однако так и не смог ничего ответить.

А Конан же вновь вспомнил видение, посланное ему Отцом-Древом; и здоровенные черные ошейники на всех без исключения слугах Сета.

— Эту штуку на тебя надел твой хозяин? — спросил киммериец.

— А... А... как больно... Он, да! — последние слова были выкрикнуты в самых настоящих корчах, по клинку обильно текла густая и горячая кровь.

И тут Конан решил на поступок, который, быть может, никогда не сделал бы его отец или иной, опытный и осторожный киммерийский воин, уже имеющий боевой опыт. Ловко зажав левой рукой шею

пленника в стальной зажим, северянин продел меч Гатадеса под ошейник и что есть силы налег на рукоятку, надеясь разорвать прочные звенья.

Меч Гатадеса внезапно полыхнул голубым огнем. Как ни стремительна была вспышка, при свете ее Конан разглядел и небольшую округлую пещеру, с одной стороны которой вверх уходил песчаный откос; и несколько небольших темных дыр в стенах подле самого пола, смахивавших на входы в какие-то норы; но самое главное — Конан увидел широкий и плоский уступ на высоте примерно двух его ростов, с которого вверх вело нечто вроде очень грубой каменной лестницы, заканчивавшейся небольшим люком.

Ошейник пленника туго натянулся, врезаясь в тело — и вдруг ослаб, с тяжелым звоном упав на камни пола. И тут пленник Конана издал тонкий, душераздирающий крик, забился в судорогах такой силы, что киммериец не смог удержать его, несмотря на всю свою силу — и упал без чувств.

Северянин на ощупь связал его покрепче, оставив неспутанными только ноги, но на всякий случай накинул петлю и на них — она не мешала идти, но не позволяла бежать.

— Эй, приятель! — варвар немилосердно затряс своего пленника. — Вставай и пошли отсюда!

И тут существо ответило — однако странным голосом, ничуть не похожим на тот ехидный мерзкий голосочек, которым разговаривало за минуту до этого. Точнее, оно даже не ответило, а спросило — спросило, точно тяжелобольной, наконец вынырнувший из пучин горячечного бреда:

— Где я?.. Что со мной? О Митра, что же происходит?

— Ты сказал — Митра? — поразился киммериец, сразу же заподозрив в этом, однако, новую ловушку.

— Ну да — Митра! О покровитель и защитник наш, вразуми же меня — что творится со мной? Я умер? И за грехи мои попал в Области возмездия?

— Как тебя зовут? — по-прежнему не в состоянии опомниться от удивления, спросил Конан.

— О, незнакомец, верно, это ты связал меня... Всемогущий Митра! — вдруг вырвался жуткий вопль. —

Что стало с моим телом! Митра, Митра!.. — И существо забилося в ужасных, несдержанных рыданиях.

— Эй, приятель, послушай, ты помнишь, что с тобой произошло?

— Да, помню, о чужеземец с двумя мечами, мои глаза хорошо видят тебя — хотя это глаза и не моего старого тела — но, увидав эту отвратительную плоть, я все вспомнил. Я вспомнил, как по собственной глупости и неосторожности стал рабом ужасного Сета... Меня зовут Аррадерс и родом я из Турана. С малых лет занимали меня тайны божественных сил...

— Погоди! — прервал его киммериец. — Детали случившегося с тобой сейчас не так важны. — Ясно, что каким-то образом Сет завладел твоей душой, а тебя самого превратил в это мерзкое существо... Пока на тебе был надет черный ошейник, ты был полностью в его власти. Но теперь ошейника больше нет, ты свободен. И я говорю тебе, хочешь ли ты сразиться вместе со мной против слуг этого самого Сета?

— Хочу ли я?! — раздался дикий хохот, полный столь жуткой ненависти, что удивился даже Конан. — Чужеземец, даже если для этого мне придется отдать всю мою нынешнюю проклятую кровь из жил, отдать медленно, капля за каплей — и тогда я скажу тебе — я с тобой, товарищ!

— Тогда показывай дорогу. У меня очень мало времени, но для спасения нам достаточно просто выбраться из храма — а там меня ждут, и мы быстро окажемся в таком месте, где эти жрецы до нас не доберутся...

— Нам будет не выбраться отсюда без драки, — ответил новый спутник Конана. — Известный мне выход отсюда — только через храм, а там всегда полно жрецов или их прислужников.

— Значит, будем прорываться, — решил Конан, — другого выхода нет. Идем!

— За тобой — хоть в самый ад, Конан из Киммерии! — горячо воскликнул Аррадерс.

— Тогда возьми у меня меч... вот этот, если ты умеешь держать его в руках.

— Я был сотником в Дозорной тысяче императора Илдиза! — с обидой ответил собеседник Конана.

Когти кривовато, но ловко и прочно сжали рукоять меча.

— Идем! Тут есть лестница наверх, но люк всегда заперт, а наружный засов нам не сломать. Но есть иная дорога... — с этими словами Аррадерс принялся быстро и ловко копать песок откоса. Конан, разумеется, ничего этого не видел, обо всем, что происходило вокруг, он мог догадываться только по звуку.

— Погоди, я развяжу тебя! — спохватился киммериец.

Вскоре руки Аррадерса были свободны и куча отбрасываемого им песка стала расти куда быстрее. На голове, венчавшей его странное тело, явно принадлежавшее до этого какому-то демону из темных Присподен, постепенно разгорелся неяркий зеленоватый огонек — как раз посреди темени, между торчащими острыми ушами. Хоть и слабый, но все же этот свет немного отогнал тьму. Киммериец смог наконец разглядеть своего негаданного сотоварища.

Нынешнее тело Аррадерса ходило на двух ногах, имело две руки и длинный хвост, который и впрямь оканчивался кривым кинжалом страшного жала, покрытого черными капельками яда. Конану оставалось лишь возблагодарить Крома за то, что во время драки это жало миновало киммерийца — рану ему нанесла одна из игл, росших на хвосте чуть выше жала. Ноги Аррадерса и впрямь смахивали на ноги кузнечика — очень высокая голень доходила почти до поясицы, потом следовал коленный сустав, вниз от которого отходило первое бедро; потом еще один сустав и второе, очень толстое, бугрящееся мышцами бедро — для дальних прыжков. Однако Аррадерс умел и быстро ходить — ловко и мелко перебирая негнуцимыми голенищами.

— Готово, — прозвучал приглушенный голос из ямы в откосе. — Тут дверь, сейчас я отопру ее — и пойдем.

Что-то звякнуло, потом заскрипел несмазанный заев.

— Путь открыт, — с некоторой торжественностью сообщил Аррадерс.

— Я иду, — отозвался киммериец. Излучаемый огнем на голове его спутника свет почти угас, однако лежавший на полу черный ошейник был еще виден.

Что-то подсказывало Конану, что эту вещь с ее злобным могуществом не следует оставлять здесь, что она еще может понадобиться...

Северянин осторожно набросил кусок тряпки на черную цепь, потом, стараясь не коснуться металла, несколько раз накрепко перевязал веревкой и приторочил к поясу, не решившись сунуть это за пазуху.

Аррадерс тем временем уже отворил низкую железную дверь. Перед ними открылся узкий проход; через несколько шагов началась винтовая лестница, по которой они и двинулись вверх.

Подниматься пришлось недолго. Необработанные стены тоннеля — видно было, что его вырубали в дикой скале — сменились гладко обтесанными каменными блоками. Коридор закончился в низком, но довольно просторном помещении, больше всего напоминавшем подвал.

— Мы под храмом, — сказал Аррадерс. — Над нами — внутренний зал — тот, с черной пирамидой... — он внезапно осекся и замер, прижав уродливые когтистые лапы к лицу, которое ныне лишь отдаленно напоминало человеческое. Выпавший меч звякнул, ударившись о каменную плиту.

— Что с тобой?

— Черная пирамида... — прохрипел Аррадерс. — Черная пирамида с поворачивающимися ступенями, они загоняли на нее людей, а потом срабатывал этот дьявольский механизм... и они летели вниз... ко мне... а я был постоянно голоден, а другой еды не было... и демон, сидящий в черном ошейнике, заставлял меня делать столь ужасное...

— Сейчас не время рыдать! — оборвал его Конан. — Если мы выберемся отсюда, ты еще сможешь отомстить за все. А теперь — давай вперед, или, клянусь Кромом, я оставлю тебя тут и пойду дальше один, бывший сотник Дозорной Тысячи.

Это подействовало. Все еще временами всхлипывая и пытаясь утереть слезы когтистой лапой, Аррадерс последовал за киммерийцем.

— Пока ничего сложного, — заметил северянин, увидев еще одну дверь в перегораживающей им дорогу стене.

— Да, но за той дверью — храмовый зверинец, — мрачно произнес Аррадерс. — Там собраны всякие мелкие твари из самых дальних пределов мира, от кхитайских болот до джунглей Зембабле. Можно только гадать, зачем они местным жрецам. Пройти будет нелегко, но иной дороги у нас нет.

— Раз так — то идем, — пожал плечами Конан.

К удивлению киммерийца, дверь была не заперта. Он потянул ее на себя, и она легко отворилась. За ней оказалась тяжелая кованая решетка — а за решеткой выл, вопил, хохотал, блеял, визжал, клекотал и издавал иные, совсем уж неопишуемые звуки тот самый зверинец храма.

Глава 6

-Н — да, веселое зрелище! — проворчал киммериец, отступая на шаг и зажимая нос от нескрываемого зловония.

Их живой светильник освещал лишь самые близкие к решетке части огромного и низкого сводчатого подвала, битком набитого самыми разнообразными тварями, которые казались Конану вышедшими из болезненных ночных кошмаров — многоногие, многоглазые, с бесчисленными скалящимися пастьями, волосатые, безволосые, с рогами, с хвостами, с когтями и прочим. Достаточно будет сказать, что киммериец ни разу в жизни не встречал подобной мерзости — если, конечно, не считать явленное ему в Роще Свайoley видение и шестерых слуг Сета. Похоже было, что у Темных Демонов имелась богатая фантазия.

— Нам — туда, — бесстрастно сказал Аррадерс; жало на кончике его хвоста уже источало черный яд в преддверии боя.

— Да ведь там же и шагу ступить некуда, — буркнул киммериец.

— Нам — туда, — настойчиво повторил Аррадерс. — Нам — туда, и я пойду первым.

— А, может, откроем решетку и подождем, пока они сами не разбегутся кто куда? — предложил Конан.

— Даже если бы тут и было, где укрыться, нас бы это не спасло, — ответил спутник киммерийца. — Эти твари не носят черных ошейников. Они сотворены для охоты — за человеком и за теми, кто с ним. Как только решетка поднимется, они все разом кинутся на нас.

Конан поудобнее перехватил меч Гатадеса. Что ж, если иной дороги нет... Ему еще не приходилось охотиться на столь необычную дичь; жаль только, не удастся захватить с собой достойных трофеев!

— Не подвернись мне под жало, — тихо сказал Аррадерс, берясь за поперечный прут решетки.

Твари в зверинце замерли, жадно глядя на двух безумцев бесчисленными алчными глазами. Разинутые пасти источали слюну, лапы скребли пол в нетерпении. Две блестящих полосы металла в руках жертв нисколько не смущали обитателей зверинца.

Решетка от первого же толчка сама пошла вверх, увлекаемая скрытым в стене противовесом. Конан и Аррадерс шагнули за порог — и в тот же миг настоящая волна тварей бросилась к ним; страшилища сбивали друг друга с ног, мяли и топтали упавших, изо всех сил стремясь первыми добраться до вожака живого мяса.

Хвост Аррадерса ударил с громким хлопком, точно пастушечий хлыст. Вырвавшаяся вперед тварюга размером с волка на шести ногах и с тремя торчащими в разные стороны длинными, острозубыми клювами не смогла уклониться и тотчас рухнула бездыханной под ноги набегающих свор; тушу ее тотчас же принялись рвать добрый десяток страшилищ помельче.

Только теперь Конан понял, каким страшным противником был Аррадерс; по правде говоря, теперь киммериец удивился бы — имей он время — что справился с бывшим туранским сотником столь легко. Правая рука Аррадерса без усталости рубила взятых у северянина мечом; левая ловко хватала бросающихся на него тварей за глотку, страшные когти легко разрывали плоть и в сторону отлетал еще один труп с разорванным горлом.

Конан старался не отставать. Однако этот бой оказался куда тяжелее любого другого, в каком довелось сражаться киммерийцу. Твари нападали со всех сторон, спереди, сбоку, сзади, снизу, сверху — отовсюду на

северянина устремлялся сплошной водопад оскаленных морд и выставленных когтей.

Удар — и отсечена голова прыгающего, наподобие лягушки, броненосца с клыками длиной в локоть Конана; поворот — и сверкающий веер стали превращает в два брызжащих кровью куска мяса тело восьминогого паука с выдающимися далеко вперед челюстями; затылком ощущается угроза — и Конан с разворота делает стремительный выпад, насквозь пронзая волосатую серую обезьяну с головой волка...

Во все стороны хлестала темная кровь. Под ногами сражавшихся валялись разрубленные, искромсанные туши чудовищ. Твари поменьше уже давно забыли о Конане и Аррадерсе и жадно рвали на части трупы своих братьев; однако все до единого крупные существа твердо, как оказалось, помнили урок своих наставников и любой ценой пытались добраться до сражавшихся спина к спине Конана и его странного спутника.

Меч Гатадеса не знал преград. Казалось, ему нипочем любой, самый толстый роговой панцирь, самая прочная чешуйчатая броня. Аррадерсу приходилось тягаться, но его выручало, помимо разящего насмерть жала, еще и точное знание того, куда и как следует ударить, чтобы наверняка свалить врага.

Шаг за шагом двое бойцов продвигались к противоположной стене зверинца, оставляя за собой залитый кровью и заваленный мертвыми телами пол. Самые яростные, самые дерзкие уже сложили головы, первыми кинувшись на показавшуюся столь легкой добычу; оставались поменьше и потрусилее. Конан уже вздохнул было с облегчением, когда находившаяся в другой стене зверинца дверь распахнулась, и на пороге появилась высокая и тощая фигура в темно-коричневом плаще.

— Эво! — взвизгнул жрец, и непонятно было, то ли это был крик удивления, то ли — страха; однако для тварей в зверинце это оказалось командой.

Мелкие создания бросили рвать трупы. Из дальних, темных углов выползли те, кто решил почему-то отсидеться в сторонке. Забыв обо всем, даже о сохранении собственных жизней, свора храма набросилась на Конана и Аррадерса с такой яростью, что выдержать ее напор не смогли даже они.

Кроша и ломая зубы о полыхающую голубым сталь меча Конана, одна из тварей, прыгнув, вцепилась пастью в оружие киммерийца. Как бы ни была быстра его реакция, стряхнуть неожиданную тяжесть он не успел, на острие меча трое тупорылых, схожих с кабанами созданий деловито насадили дико визжащего от почти человеческого ужаса своего четвертого собрата, самого толстого из них; что-то мохнатое бросилось в ноги Конану, киммериец споткнулся, потерял равновесие — и в тот же миг меч был вырван из его невольно разжавшейся руки.

Варвар покатились по полу. Мимо него с шипением мелькнул хвост Аррадерса, жало разило по-прежнему, однако и на нем начинали задерживаться куски мяса жертв, насаживаясь на него, точно на вертел, еще немного — и смертельное острие скроется совсем.

И все же прежде чем клыки, резцы и зубы добрались до киммерийца, рука его случайно задела привязанный к поясу сверток с черной цепью разорванного ошейника Аррадерса. Не сознавая того, что он делает, Конан со всей своей громадной силой рванул прочную мешковину — из прорехи, точно черная змея, выскользнула зловещная цепь. По счастью, Конан держал ее рукой за обмотанную холстиной часть.

Удар и череп ближайшего зверя лопнул, обдав все вокруг настоящим дождем из смешанных с кровью мозгов и мелких обломков костей. Труп еще катился — когда в зверинце внезапно замерло все движение. Глаза тварей неотрывно взирали на черный ошейник — а затем с истошными визгами вся уцелевшая свора бросилась наутек, не слушая отчаянных криков жреца в коричневом плаще.

Аррадерс повернул к Конану забрызганное чужой кровью жуткое свое лицо-маску.

— Мой ошейник! — прохрипел он с несказанным удивлением. — Вот уж пригодился!..

Держа на виду внушительно свисавшую из его кулака черную цепь, Конан подобрал свой меч. Жреца в коричневом уже и след простыл; не приходилось сомневаться — он уже поднимал тревогу.

Выход из зверинца также оказался не заперт. Решетка поднималась вверх, и этого строители храма поче-

му-то сочли вполне достаточным для того, чтобы без-опасно держать сотни страшилищ совсем рядом с парадными залами храма.

Конан и Аррадерс вышли в коридор. Спутник Конана на ходу срывал когтями застрявшие на острие жала лохмотья омерзительной чужой плоти.

— Вот та лестница ведет во внутренний зал, — он вытянул руку. — Там для нас уже вовсю готовится теплая встреча..

— У них полным-полно лучников, — напомнил товарищу киммериец.

— Я пойду первым и как следует их напугаю, — усмехнулся Аррадерс мертвой, нечеловеческой усмешкой. Он похлопал себя по бедру: — Посмотрим, кто быстрее — их стрелы или мои прыжки!

Выход из коридора перекрывала двустворчатая дверь, запертая с противоположной стороны на засов.

— Здесь понадобится вся наша сила, — повернулся к киммерийцу его спутник. — Как только дверь рухнет, врывайся внутрь и падай на пол. Я постараюсь отвлечь на себя первый залп, а ты постарайся добежать до стрелков прежде, чем они дадут второй!

Взявшись за руки, Конан и Аррадерс отошли на несколько шагов, а затем разом с разбегу бросились на дверь и — то ли петли оказались недостаточно прочны, то ли плохо были откованы крепления засова — строки разлетелись в разные стороны и тьма подземелий сменилась светом масляных ламп, в изобилии развешанных по стенам зала с черной пирамидой.

Падая на руки и перекатываясь через плечо, Конан успел заметить густые ряды жрецов; блеск копий и мечей в их руках, натянутые луки стрелков и — стремительно взлетевшее в неправдоподобно высоком и длинном прыжке тело Аррадерса с поднятым мечом и выставленными вперед когтями; хвост его был поджат, готовый ударить в любое мгновение.

Аррадерс оказался прав. Первый, самый тщательно нацеленный залп лучников пронал даром. Стрелы со свистом и звоном ломались о камни, однако никому не удалось задеть бывшего слугу Сета. И, пока Аррадерс совершал свой достойный восхищения прыжок, Конан

с мечом наголо мчался прямо на шеренгу жрецов и из горла киммерийца рвался самый страшный боевой клич из всех, когда-либо раздававшихся среди холмов его родины, Страны Глубокой Ночи...

Несколько стрел все же мелькнули и над головой северянина, а одна даже оцарапала ему левое плечо — он не обращал на них внимания. Подобно медведю, врезавшемуся в густую собачью свору, киммериец налетел на жрецов, и его клинок взметнулся в привычной кровавой работе.

Перед Конаном мелькала череда искаженных гневом, яростью, страхом, лиц, мелькали руки, ноги, плащи, щиты, копыя; сперва жрецы пытались окружить его и пустить в ход пики...

Острые разорвало бок куртки Конана; взмахом меча киммериец перерубил древко, рванул свободной рукой обрубок, выдернув из строя незадачливого копейщика, в спину которого тотчас ударило сразу три пики, предназначавшиеся северянину; прежде чем поразившие своего же собрата копейщики поняли, что к чему, и выдернули пики, Конан уже оказался возле них, тремя ударами повергнув на пол три разрубленных от плеча до пояса трупы.

— Эге-гей, Конан из Киммерии! — донесся до него крик Аррадерса. — Держись, я иду, я иду к тебе!

Сплошная стена коричневых и серых плащей распалась, не успевший отскочить жрец схватился обеими руками за пробитое острым жалом горло, и беззвучно упал, страшно выкатив уже незрячие глаза; отпихнув его тело в сторону, возле Конана оказался Аррадерс, с головы до ног покрытый пятнами крови, уже не разобравшись, своей или чужой...

— Направо — к выходу! — гаркнул он, нимало не заботясь о том, что его услышат их враги.

Даже при всей своей гибкости и ловкости киммериец с величайшим трудом успевал отбивать сыпавшиеся на него со всех сторон удары и выпады. Спина его покрылась потом, рука, сжимавшая меч, начинала неметь... Хотя немало копий было уже обращено в бесполезные обрубки, и немало вражеских тел осталось лежать с разрубленными головами и отсеченными конечностями, жрецы, точно безумцы, забывшие о смер-

ти, не отступали. С истеричными взвизгами «О Сет!» они кидались прямо на Конана с Аррадерсом и погибали — однако на их место вставали новые и новые.

Долго так продолжаться не могло. Киммерийцу удалось избежать тяжелых ран, зато вроде бы мелких порезов становилось все больше, а рана, полученная в схватке с Аррадерсом, когда тот еще не избавился от черного опшейника, вновь раскрылась; и, самое главное — бритоголовый жрец, судя по всему, главный, искусно уклонялся от боя, держась в задних рядах и криками подбадривая своих. Конану никак не удавалось прорваться к нему.

И тем не менее заветная дверь приближалась. Киммериец отлично понимал, что бой не прекратится, когда они окажутся во внешнем зале — и все же в те мгновения эта дверь была единственным смыслом его жизни. Дойти до нее! — а все прочее казалось уже неважным...

Копье скользнуло вдоль лопаток Конана, разорвав кожу. Ответный взблеск меча, принадлежавшего Гатадесу — и противник опрокинулся навзничь с разрубленной наискось грудью. Второе копье, также нацеленное в спину киммерийца, отбил своим плечом Аррадерс, а ядовитое жало завершило дело.

Эта пара оказалась последней. Конан и его спутник очутились на пороге внешнего зала. Только теперь бритоголовый жрец, кажется, сообразил, что следует делать, и стал командовать отход — чтобы освободить место для лучников — однако он жестоко ошибался, если полагал, будто киммериец и бывший прислужник Сета будут дожидаться окончания маневра. Путь наружу был свободен, и Конан рванулся к спасительному проему так, что в ушах засвистел ветер. Рядом с ним огромными прыжками мчался Аррадерс.

На бегу киммериец петлял, как заяц, из стороны в сторону, чтобы сбить прицел лучников — это была не трусость, а военная необходимость, которой не должен пренебрегать всякий воин, желающий дожить до победы, — и все же две или три стрелы ужалили его, по счастью, лишь слегка задев плечи и бок...

Конан и его спутник с разгону вылетели в спасительную черноту окружавшей храм ночи — и Конан

тотчас же услышал желанный звук — где-то впереди нежно пела флейта Айаны, указывая им дорогу.

— За мной, Аррадерс, не отставай! — на бегу прохрипел Конан, из последних сил заставляя отталкиваться от земли свои ноги...

Впереди внезапно зажегся слабый огонек. Трепещущий свет упал на вытоптанную, неправдоподобно гладкую землю; в самой середине этого круга стояла жрица, не отрывавшая от губ заветной деревянной флейты. Заметив вырвавшегося из тьмы первым Аррадерса, она невольно выронила инструмент и вскрикнула от ужаса; и тотчас ее облик стал на глазах таять, превращаясь в простое туманное облачко...

— Эй, постой, а как же мы?! — дико заорал Конан, с ходу влезая в освещенный круг.

— Конан, скорее, пока чудовище не... — донесся до него слабеющий голос Айаны, словно ее уже отделяли от киммерийца бесконечные лиги.

— Кром! — зарычал киммериец, хватая Аррадерса за когтистую лапу и едва ли не в последний момент втаскивая его в круг света.

На сей раз путешествие оказалось куда менее приятным и быстрым, чем первый переход Конана от Последней Рощи к Храму Сета с Айаной. Их с Аррадерсом немилосердно швыряло из стороны в сторону, холод был такой, что больно становилось дышать; невидимые лапы вцеплялись в руки и плечи Конана, стремясь оторвать его от Аррадерса, зашвырнуть куда-то в самые дальние уголки преисподней... На траву заветной Рощи Свайолсей они оба свалились совершенно обессиленные.

И тем не менее Конан заставил себя подняться, — потому что с самого первого мгновения чувствовал на себе взгляд Айаны, и взгляд этот не сулил ему, Конану, ничего хорошего.

Он выпрямился. Израненные руки, спина, плечи обильно кровоточили, однако дриада не подала и виду, что собирается перевязать его раны. Вместо этого она кивком головы с презрением указала на Аррадерса.

— Зачем ты притащил в мою рощу это грязное порождение Сета?! — Голос ее дрожал от несдерживаемого гнева.

— Айана, это вовсе не демон и не слуга Сета... — начал было объяснять Конан, сгоряча позабыв мудрое правило насчет того, что женщине нужно говорить: «Так будет, потому что этого хочу я», — а не пускаться в оправдания пополам с объяснениями. Дриада прервала его яростным вскриком.

— Эта тварь не будет оскорблять своим мерзким дыханием воздух моей рощи! — выкрикнула она и вновь подняла к губам волшебную флейту.

— Стой, дура! — лишившись терпения, гаркнул Конан, словно перед ним была не могучая чародейка, хозяйка магической рощи, а простая шадизарская девка. — Стой, тебе говорят!

Сильная и жесткая ладонь киммерийца вырвала коричневую флейту из рук Айаны.

— Истинно сказано, что Митра за красоту отнял у женщин весь разум!.. Послушай, жрица, это Аррадерс, бывший слуга Сета, зачарованный им, а в прошлом — такой же человек, как и я. На нем был надет вот этот черный ошейник, — Конан поднял рассеченную его мечом цепь, — который заставлял его повиноваться. Но теперь он избавлен от пут и хочет сражаться вместе с нами, чтобы отомстить — ведь ему теперь предстоит до конца жизни обретаться в этом пугающем темных людей облике!

— Это истинно так, о прекрасная хозяйка, — послышался слабый голос Аррадерса. — Понятны мне твои страхи и твое отвращение. Ибо сама ты прекраснее разгорающейся зари, когда небесные возничие закутывают дорогу солнца розовыми шелками над морем Вилайет... Раньше я думал, что на свете нет ничего красивее этого — а теперь вижу, что ошибался. Ибо гармония лика твоего, блеск очей и трепет губ, что алостью своей заставят страдать от зависти и рассветы и закаты — прекраснее всего, что я когда-либо видел в несчастной и темной своей жизни. Теперь я могу смело умереть — ибо я видел Совершенство, а, раз увидав его, жить больше незачем...

И уродливая, когтистая, хвостатая тварь в сухо шелестящей чешуе медленно преклонила колена перед дриадой и коснулась рогатым лбом земли возле ее ног.

«Ах, женщины!» — угрюмо усмехнулся Конан, увидав, как от этих немудрящих комплиментов щеки Айаны порозовели, приоткрылись губы и заблестели глаза.

— Благодарю тебя за учтивую речь, Аррадерс, — потупясь, промолвила дриада. — Прости меня за мой гнев. Теперь я чувствую, что твоя душа и впрямь свободна, коварный Сет не повелевает ею издалека — а то ведь он мог подстроить нам и такую ловушку... Если ты хочешь встать на нашу сторону — я буду рада, и все свайолы вечно станут благодарить тебя. Ты не человек, — она на мгновение запнулась, — так что запрет Высоких Богов не будет нарушен...

— Тогда приказывай мне, о повелительница! — воскликнул все еще распростертый на земле Аррадерс.

— Здесь приказывает доблестный Конан, — изящным жестом белой руки Айана указала на киммерийца.

Северянин встряхнулся, сбрасывая странное оцепенение и гася подступивший было гнев — или, быть может, ревность?

— Для начала нас нужно перевязать, — прорычал он. — Не видишь ты, что ли, женщина, что мы оба вот-вот истечем кровью? А потом — где мое золото за отслуженный срок?

Резко повернувшись, киммериец зашагал по направлению к дому Айаны. Дриада недоумевающе взглянула ему в спину.

— Он очень, очень крепко бился, — мягко произнес Аррадерс, бесшумно приближаясь к ней. — Зато теперь у него меч, что может разить демонов и иных тварей из Тьмы, и остатки того ошейника, что был надет на мне — его тоже боялся создания Сета... Пойдем, о прекрасная Айана, свет моего уродливого сердца, ибо Конан и вправду нуждается в твоей помощи...

Наверное, это были их лучшие часы. Кругом была ночь — лишь в очаге Айаны ярко горел огонь. Они сидели втроем, ели подносимые Айаной яства, пили воду из зачарованных источников ее рощи, что облегчала душу и тело лучше самого старого вина; они даже смеялись, потому что вновь вернулась надежда. Конан с мечом Гатадеса чувствовал себя куда увереннее, нежели чем просто за линией ловушек, что расставили

они с Айаной. Даже Аррадерс повеселел, хотя его история была долга и печальна — история о том, как он попал в силки Сета...

Наутро Конан пробудился в отличном расположении духа. После снадобий Айаны почти от всех его ран остались лишь небольшие шрамы; тело было полно сил. Судя по всему, отлично чувствовал себя и Аррадерс.

— Это удивительное и поистине волшебное место, — шепотом сообщил он Конану, стараясь не смотреть на внимательное лицо ближайшего свайоля, тотчас же обратившееся к ним, стоило им остановиться возле его подножия. — Не будет похвалой сказать, что я с радостью отдам жизнь и за этот лес, и за его прекрасную хозяйку...

Конан вновь ощутил укол ревности, однако смолчал.

— Пошли, а то все на свете просним, — буркнул он, направляясь к границе рощи. — Смотри, как бы нас не сожрали тут за возвышенными беседами!..

Они миновали залитый радостным утренним светом Лес Свайолей и остановились на краю зарослей. Конан в двух словах пояснил Аррадерсу суть сооруженных здесь устройств.

— Разумно и ловко, — одобрил бывший сотник Дозорной Тысячи. — Только это, боюсь, надолго их не остановит...

— Сам знаю, — угрюмо буркнул Конан. — Однако что мы еще можем придумать?

— У тебя меч, который страшен для порождений Сета. У тебя та проклятая цепь, что так долго стягивала мою душу. Я бы на твоём месте укрылся на дереве. А уж я постараюсь подманить этих тварей к тебе поближе. И тогда... прыгай вниз и руби им ошейник! Главное — освободить первого. Дальше уже будет легче.

— Ну, это я и сам знаю, — усмехнулся киммериец. — Однако в остальном твой план хорош. Только вот как быть с Крылатыми?

— Этих я беру на себя, — заявил Аррадерс. — Их ошейника мне, конечно, не разрубить — но уж оставить им каплю-другую яда я постараюсь!

— Еще неизвестно, подействует ли он на них, — заметил Конан.

— Все равно ничего другого у нас нет, — пожал плечами его товарищ.

Они умолкли. Перед ними лежала озаренная ласковыми рассветными лучами равнина. Было очень тихо, ничто не шевелилось, казалось, лежебока-ветер решил в этот день предаться лени.

Однако киммерийца не покидала тревога. Что-то недоброе мало-помалу подползало все ближе и ближе к границам рощи; что-то пока невидимое, но грозное... Видимо, Аррадерс тоже что-то почувствовал — привстал на цыпочки, шумно втягивая воздух уродливым плоским носом с вывернутыми наизнанку ноздрями. И тут над дальней синей чертой отдельного от них равниной леса с многоголосым воплем взвилась целая туча птиц, разом наполнив воздух своими полными ужаса криками.

— Они идут! — повернувшись к Конану, прохрипел Аррадерс, глаза его совсем остекленели.

Это Конан чувствовал и без него. Чутье варвар-киммерийца не обманывало. Враг был у ворот.

Глава 7

Они появились ниоткуда. Просто одно из деревьев на краю далекого леса внезапно рухнуло, а на его месте появилась знакомая уродливая голова рыжего ящера. Спустя еще секунду из облаков над тем лесом вынырнули две стремительные крылатые тени; чуть позже, выдрав с корнями целую поросль дрока, появился Хатар, а за ним деловито ползли и последние двое из страшной шестерки.

День не померк, солнце не подернулось тучами, зловеющая туманная мгла не поползла из ложбин и оврагов — под яркими лучами шли слуги Сета, гордо показывая, что не нуждаются ни в каких иных декорациях для своего кровавого представления, кроме одной лишь своей силы.

Они шли медленно и торжественно, сознавая свою мощь. Они не торопились. Перед ними в страхе слабо

шелестела листвою обреченная роща — и кто мог остановить их или хотя бы помешать им?

Громадные лапы мерно поднимались и опускались. Широкие кожистые крылья с когтями на сгибах били ветер и воздух зловеще шипел, рассекаемый угловатыми телами. Даже издали Конан и Аррадерс могли видеть толстые черные цепи на шее каждого из демонов; однако теперь Конан знал — если разрубить эту зловещую цепь, тварь перестанет подчиняться своему былому хозяину. В этом состояла его единственная надежда. «Сберечь хотя бы Древо-Отца!»

Крылатые бестии могли бы за считанные мгновения покрыть отделявшее их от рощи расстояние — однако они тоже медлили, словно наслаждаясь каждой секундой приближения, нарочно оттягивая миг сладостной трапезы, отчего она потом становилась еще желаннее...

Конан невольно вытянул меч из ножен до половины. Сейчас еще было не время, но молодой киммериец не мог сдержаться, — твари, которые неторопливо шагали сейчас навстречу через равнину, оказались куда отвратительнее, чем в видении. Нет, в их облике ничто не изменилось — но видеть их вот так, воочию, почти что лицом к лицу, оказалось нелегко. Они казались сейчас средоточием, квинтэссенцией чистого Зла. Благочестивые жрецы Митры многое могли бы порассказать об этом, но сейчас северянин и без их многомудрых пояснений понимал главное — перед ним тот враг, с которым стоит биться насмерть — не за золото, славу и прочее, а биться просто потому, что человек не может терпеть присутствие рядом с собой этой нечисти.

— Экие красавцы, — задумчиво произнес Аррадерс. — Интересно, они разделятся или полезут все скопом? Хорошо бы разделились...

Конан не ответил. Как замороженный, он следил за рыжим ящером, который, судя по всему, был среди демонов кем-то вроде вожака. Как и положено предводителю, ящер шагал первым. Время от времени он поворачивал уродливую башку с тем, чтобы еще раз оглядеть свое разномастное воинство; однако мало-помалу Конан стал чувствовать, что зверь — или может, демон, злой дух в зверином тебе — все чаще и чаще

поглядывает прямо на киммерийца, хотя тот и скрывался в густой, непроглядной поросли.

— Сдается мне, они учуяли нас, — сквозь зубы бросил киммериец.

— Тогда отойдем в другое место, — резонно предложил Аррадерс.

Однако это уже не помогало. Остальные пятеро демонов не обращали на защитников рощи никакого внимания — быть может, и в самом деле не видели, — однако рыжий ящер уже не сводил с них своего пристального взгляда. Конан чувствовал этот взгляд даже спиной; и уверенности в себе это отнюдь не прибавляло.

— Хватит нам тут торчать, — проворчал киммериец, — все равно никакого толку. Надо чуть отступить. Если хоть один из них напорется на крючок — услышим и с другого конца рощи.

Они так и сделали. Правда, Аррадерс настоял, чтобы они все же вскарабкались на одно из высоченных деревьев, за которым уже начинались сплошные ряды свайолей.

Небо стремительными черными росчерками перечеркивали два крылатых демона. Они вились как раз над головой рыжего ящера, не осмеливаясь залетать вперед него. Судя по всему, именно он должен был открыть это сражение; и Конан инстинктивно ощутил, что исход поединка решится в схватке между ним и этим рыжим страшилищем. Если вождь Шестерки испустит дух — справиться с остальными будет уже куда легче.

— Нам надо уложить этого любой ценой, — Конан кивком головы указал Аррадерсу на вожака. — Остальные — пусть их; пока они будут заняты корчевкой обычных деревьев, будет шанс управиться с рыжим демоном!

— Этого — тяжелее всех будет, — чуть изменившимся голосом ответил Аррадерс. — Но ты, разумеется, прав. Он здесь верховодит, он — голова...

— Надеюсь, он будет достаточно туп, чтобы угодить в одну из моих ловушек, — пробормотал Конан.

Демоны приближались, им оставалось преодолеть не больше одной десятой лиги. Фасеточные глаза Хатара дико горели, пасть была приоткрыта, трубчатый язык

мотался из стороны в сторону, но не так, как у разморенной жарой собаки; нет, скорее это напоминало движения змеи, ищущей себе жертву...

Под лапами рыжего ящера захрустели первые кусты.

— Конан! Ко-о-нан! — вдруг донесся тонкий девичий голосок Айаны.

— Вот проклятая девчонка! — выругался киммериец. — Вечно их несет в самый неподходящий момент!

Ящер внезапно приостановился, смешно, совсем поптичь склонив на сторону свою уродливую голову. Он словно прислушивался к крику дриады...

Тварь же со смахивающей на секиру головой, очевидно, ничто подобное не заботило. Вождь ступил на землю рощи, и теперь каждый мог действовать по собственному усмотрению. Громадное тело грузно сунулось в заросли, ломая и выдирая с корнем старые кусты южного можжевельника — и ненароком задело искусно спрятанную среди ветвей бечеву.

— Конан, да где же ты?! — надрывалась Айана. — Мне страшно, Конан!

Сперва тварь даже и не заметила того, что за одной из ее лап что-то тянется. Не встревожил ее и сухой щелчок где-то высоко в кроне дерева, под которым шагали ее многочисленные ноги...

Натянувшаяся бечева вырвала сучок-подпорку и три громадных камня, с большим трудом втащенные туда колдовским искусством Айаны, разом сорвались вниз. Конан, однако, не рассчитывал, что тварь будет стоять настолько удачно, чтобы одной из глыб разmozжить ей голову...

Обвязанные лианами валуны низринулись вниз, прямо навстречу многоногой твари. Из вороха сухих листьев, сломанных веток и прочего лесного мусора рванулась толстая жердь с часто насаженными на нее, подобно зубцам гребня, острыми и длинными серебристыми листьями Отца-Древа, что могло разить лучше любого сделанного человеческими руками кинжала...

Рывок был столь стремителен и быстр, что демон не успел ни отпрянуть, ни защититься. Удар пришелся ему поперек широкой груди. Часть листьев ножей сломалась о твердые пластины панциря, однако больше половины пробило броню...

Воздух священной Рощи сотрясся от дикого рева, смешанного с хрипом и бульканьем. Тварь встала на дыбы, голова ее взметнулась выше древесных крон; жердь с вонзившимися в плоть демона ножами болталась перед покрытой кровью грудной чешуей. Клепни и когтистые лапы в бешенстве полосовали воздух, костяной гребень на голове несколько раз яростно ударил по ветвям того дерева, откуда свалились камни, словно мстя за нанесенную рану...

— К нему! — взревел Конан, бросаясь вниз.

— Стой! Сюда летят крылатые! — донесся ответ Аррадерса.

Конан на бегу взглянул вверх. Две черных молнии стремительно неслись с небес, явно нацеливаясь на то дерево, с которого только что спрыгнул киммериец и где еще оставался его товарищ...

— Конан!! — Из кустов вырвалась растрепанная от быстрого бега дриада.

— Не суйся под руку! — рывкнул киммериец. Раненое чудовище билось и корчилось, отчаянно пытаясь стряхнуть засевшую в ране громадную жердь с частоколом лезвий, однако почему-то не решалось коснуться ее ни клешней, ни когтем, ни лапой. Длинное тело металось из стороны в сторону — и в любой момент могло задеть приводную бечеву соседней ловушки.

— Ты насадил его на крюк? — выпалила Айана, с разгону ударяясь о широкую грудь северянина. — Ты изловил первого?

— Нет, он попался не на крюк, — ответил Конан, не скрывая досады. Дорога каждая секунда, а тут эта девчонка...

Истошный вой и визг возвестили, что Аррадерс вступил в неравный бой с крылатыми тварями.

— Я с тобой! Надеюсь, мое копье придется ему не по вкусу! — непререкаемым тоном заявила Айана, потрясая самодельным копьём, увенчанным серебристым наконечником из листа Отца-Дерева, только куда длиннее и толще прочих, использованных Конаном для возведения заграждений.

Времени спорить и бранить глупую девчонку не было (в те мгновения киммериец как-то не думал о

ней как о полубогине); Конан бросился к изрыгающему из глотки кровавую пену зверю.

Члены громадного, налитого злой жизненной силой тела крушили все вокруг. Летели крупные комья земли, кусты и молодые деревца выворачивало, вырывало с корнем, тварь терлась грудью об ободранный ствол пальмы, пытаясь освободиться.

Киммериец замедлил бег, прикидывая, с какой стороны будет безопаснее подобраться — и тут Айана едва не испортила все дело. С диким визгом, от которого у Конана заложило уши, она метнулась вперед, прямо к оскаленной морде чудовища, и что есть силы ткнула копьём, целясь в один из налитых злобой глаз.

Стремительным движением костяного гребня на голове чудовище легко отбило этот выпад; клешня нацелилась на Айану сбоку, дриада успела отскочить в самый последний момент, однако край ее одеяния оказался зажат в мощных роговых тисках.

Страшилище, казалось, совсем забыло о ране. Перед ним была живая плоть, самое лакомое, самое желанное блюдо демонов. Несмотря на обильно струящуюся из ран темную кровь, оно явно не собиралось отказываться от вожденного обеда...

Киммериец с глухим проклятьем бросился к тащившей омертвевшую Айану клешне. Уродливая голова чудища мотнулась из стороны в сторону, костяной серп пронесся в ладони от Конана, едва не сшибив того с ног — однако северянин успел проскользнуть к вытянутой вперед конечности и косым ударом, держа меч обеими руками, развалить клешню на две беспомощные половины. Пока к ним тянулись другие щупальцы, лапы и когти, Конан успел отшвырнуть Айану назад, подальше от демона, и вновь повернуться к нему. Меч горел в его руках яростным голубым огнем.

Поглощенный схваткой со своим противником, Конан и думать забыл о том, что происходит с другими тварями Сета. Рыжий ящер стоял неподвижно, пристально глядя на приключившееся с сородичем, однако не сделал ни малейшей попытки прийти тому на помощь. Казалось, он о чем-то напряженно размышлял, для завершения этих размышлений ему необходимо было знать, чем закончится это дело... Ползуны же —

зверь Хатар и его безымянный брат — судя по треску, вломились в преддверия роци примерно в четверти мили от Конана. Рыжий ящер оказался посредине, между своими подручными.

Киммериец не знал, что сейчас происходит с Аррадерсом и жив ли он вообще; в этот момент он видел лишь толстую черную цепь на шее противостоящего ему чудовища. Разрубить ее — и еще один мятежный дух покинет темные пределы, освободившись от власти Великого Змея — а он, Конан, приобретет могучего союзника. Только бы перерубить ошейник!..

Однако он имел дело не со слегка измененным человеческим телом Аррадерса. Черная цепь на этой твари пряталась среди глубоких роговых впадин и наростов; костяной серп головы делал ее почти невидимой.

И все же Конан рискнул.

Пригнуться, подхватить валявшееся на земле копье Айаны и вновь метнуть его было для киммерийца делом одной секунды. Громадный, едва обтянутый кожей череп вновь дернулся, отбивая в сторону ничтожную тростинку, которая могла в лучшем случае лишь оцарапать его — и северянин, подобно тигру, ринулся в открывшийся проем, пока чудовищная серповидная кость не вернулась на место.

Он проскользнул между двух клешней; увернулся от щупальца; снес мечом оцарапавшую ему плечо лапу с когтями и оказался возле самого тела монстра.

Черная цепь маячила совсем рядом. Конан мог бы, при желании, даже коснуться ее. С виду она могла бы показаться самой обыкновенной толстой якорной цепью, скованной из вороненого металла — однако от нее исходило нечто, которому темный варвар не мог найти названия — «как если бы можно было увидеть саму Воень!» — подумалось ему.

Меч с размаху рухнул на выпирающее черное звено, рухнул — и со звоном отскочил, едва не вырвавшись из рук киммерийца. Клинок лишь надрубил цепь, но не рассек ее...

В тот же миг когти твари впились в незащищенную спину Конана — вернее, оцарапали ее, потому что он рванулся в сторону — в последний момент. Что-то

подсказало ему упасть на землю; и он сделал так, а воздух над ним рассекла здоровенная клешня. Оставаться дольше так близко от чудовища было безумием; Конан перекатился через плечо, вскочил и одним прыжком оказался на безопасном расстоянии. Демон тотчас рванулся за ним.

— Айана, уходи! — крикнул киммериец, тщетно пытаясь обогнуть раненую тварь и подобраться сбоку — чудовище высоко вскидывало голову и всякий раз преграждало ему дорогу. Конану ничего не оставалось делать, как медленно отступать, пятиться шаг за шагом, грозя демону мечом. Тот уже успел сообразить, что эта железная полоса сильно отличается от всех тех, с какими ему приходилось иметь дело, и поэтому осторожничал, втянув под панцирь уцелевшие клешни и лапы. Зато пасть была широко распахнута, и куда бы не рванулся киммериец, его встречал все тот же голодный блеск злобных глаз. По длинным клыкам стекала дымящаяся слюна; там, где капли касались земли, тотчас начинал клубиться белесый дымок.

— Сзади ловушка! — внезапно крикнула киммерийцу Айана, и тот успел остановиться и метнуться в сторону — зато бросившийся за ним демон вновь задел мордой бечеву.

Вторая ловушка, куда киммерийцу удалось завести своего врага, была еще хитрее первой. Камни упали с трех деревьев одновременно: тугие, сплетенные из лиан канаты потянули за собой две рамы из перекрещенных жердей, густо усаженных кривыми клинками. Смертельные для любого другого существа челюсти сомкнулись; угол одной из рам ударил о костяной серп на голове чудовища и надломился, зато вторая ударила точно в бок чудовищу, вонзившись всеми своими шипами.

От воя раненого страшилища на время заложило уши. Кровь густо текла теперь не только по груди, но и по бокам тела демона; и, пока тот бился и извивался, пытаясь справиться с первой, самой острой и невыносимой болью, Конан вновь оказался рядом.

На сей раз пара щупалец оплела его плечи, сдавила грудь так, что затрещали ребра и дыхание пресеклось — однако благодаря этому Конан вновь оказался возле

самого тела твари, возле надрубленного им звена в черном ошейнике. Киммериец рубанул вновь, однако боль от сдавливавших тело щупалец стала тоже нестерпимой, он хрипло закричал, не слыша собственного крика — и промахнулся. Меч глубоко ушел в зловонную пасть; пузырясь и пенясь, кровь ручьем хлынула из широкой раны; однако ошейник остался цел, а главное — руки варвара оказались опутаны третьим щупальцем...

Киммерийца ударило оземь, в глазах его уже плавал красный туман, сознание начало мутиться... как его внезапно и резко отбросило в сторону, так что он едва не сломал себе спину, ударившись о ствол дерева — это Айана, безумно смелая маленькая дриада, никогда не державшая в руках боевого оружия, вновь ухитрилась подобрать свое копьё и, брошенное ее рукой, оно вонзилось как раз в проделанную мечом Гатадеса брешь в сплошной роговой броне.

Древко проникло глубоко в омерзительную плоть; щупальца тотчас обмякли, из-под панциря выпала переставшая повиноваться бессильная клешня...

Боль раздирала внутренности, однако киммериец заставил себя подняться. Меч был по-прежнему в его руке; и он видел, что чудовище впервые за этот бой получило, наконец, серьезную рану.

Из глотки демона внезапно вырвался оглушительный высокий вой, почти визг, от которого начинало ломить в висках; однако этот визг не был просто криком боли. Конан различал в нем странные и древние слова нечеловеческого языка, на котором, бывало, с киммерийскими племенами говорили их мрачные и суровые покровители, память о которых еще сохранялась у кое-кого из стариков.

Демон звал на помощь.

Крик раненого чудовища отрезвил и северянина, уже начавшего опьяняться азартом боя и позабывшего о двух крылатых демонах и двух ползунах, которым сейчас ничто не препятствовало, если не считать неуклюжих, на скорую руку сооруженных ловушек да одинокого Аррадерса. Былой слуга Сета хорошо сражался, однако мог ли он выстоять против двух летучих тварей?!

И все же эту тяжело раненную тварь нужно было добить во что бы то ни стало!

Конан шагнул вперед. Первый шаг отозвался острой болью в спине, второй дался уже легче, на третьем боль как будто бы и вовсе отступила. Киммериец, подобно тигру, бросился на своего истекающего кровью противника, заходя с той стороны, где щупальца и клешни бессильно волочились по земле...

На сей раз ему угрожал только костяной серп, но движение его было нерезким, замедленным, Конан легко уклонился — и вторично ударил по черной цепи ошейника, по надрубленному в первой атаке звену.

Хотя искусство стрельбы из лука и не слишком хорошо давалось Конану, глаз у него был точен. Меч Гатадеса ударил точно в проделанную им же до этого щель — и с мокрым, чавкающим звуком цепь медленно распалась. Перерубленный ошейник тяжело соскользнул с шеи чудовища и тупо ударился оземь.

Киммериец поспешно отскочил назад. После случившегося с Аррадерсом он и на сей раз ожидал, что горящий безумной жадой крови и смерти взор страшилища прояснится, быть может — оно даже заговорит своим прежним, человеческим голосом... На мгновение ему стало даже жаль, что они настолько сильно изранили будущего союзника...

Ошейник валялся на земле. Символ власти Сета над этим существом был разрублен, сорван, повержен, и... ничего не произошло. Во взгляде страшилища ничто не изменилось.

— Это что такое?! — вне себя вскричал Конан. Он был настолько поражен увиденным, что сделал несколько шагов вперед, совсем забыв об осторожности, и рванувшаяся левая клешня чудовища оставила кровавый след на его плече; северянин едва успел отшатнуться.

Тварь по-прежнему билась и дергалась, стараясь избавиться от впившихся в него живых клинков. Медленно, постепенно, она начала пятиться задом, по-прежнему мотая жуткой башкой.

— Айана... оно не освободилось! — вырвалось у Конана. Разочарование было слишком велико для того, чтобы его скрывать.

Дриада не успела ничего ответить, а киммериец — броситься в последнюю атаку и добить раненого демона, как рыжий ящер наконец решил, что пришла пора вступить в бой и ему. Вознесенная над верхушками деревьев голова повернулась к киммерийцу и чудовищные лапы сделали первый шаг.

— Кром! — зарычал Конан, в ярости останавливаясь. Ящер ломился через заросли напрямик, недвусмысленно выказывая намерение сразиться именно с киммерийцем и ни с кем иным. Свайоли, похоже, его сейчас заботили мало.

Конан знал, что на пути ящера будут самое меньшее две ловушки, но... нечто вроде старого охотничьего чутья, помогавшего угадать, куда направится ускользнувший в первый момент зверь и куда следует идти самому, на сей раз подсказывало Конану, что бросаться очертя голову на раненую тварь не следует.

Ящер с разгону вломился напрямик в настороженную западню. Каменная глыба грохнулась с дерева, утыканная листьями-ножами жердь мелькнула где-то около мягкого подбрюшья, серебристые клинки вонзились в плоть чудовища... и вновь ничего. Ящер издал лишь короткий и низкий рык, исполненный такой злобы и такого гнева, что содрогнулся даже киммериец. Четыре пары могучих лап вцепились в окровавленную жердь, легко вырвали ее из раны и отбросили прочь. Глухо и яростно рыча, ящер шел прямо на застывших Конана и Айану.

Сработала вторая западня. Из-за недостатка времени Конан не мог устроить достаточного количества самострелов, однако несколько штук он все же соорудил. И один из них оказался как раз на пути рыжего ящера...

Щелкнула туго натянутая тетива, наспех выструтанный ствол молодого дерева впился в левое бедро ящера — и даже пробил броню, однако сила была потеряна и он лишь слабо оцарапал плоть. Ящер взрыкнул, махнул лапой, стряхивая наземь докучливую занозу, и как ни в чем не бывало двинулся дальше.

— Айана, беги! — приказал Конан, поудобней перехватывая меч и ловя взор туповатых огненных глазок, как делал всегда перед поединком, стараясь по направлению взгляда понять, что предпримет противник.

Однако глаза этого ящера неожиданно оказались не туповатыми и не огненными. К полному изумлению Конана, это оказались живые, человеческие глаза, в которых читались и ум, и воля. Что-то случилось после того, как был разрублен ошейник твари с костяным серпом на голове; взгляд ящера был по-прежнему полон ненависти и жажды крови, однако это были уже не демонические глаза.

Изменились несколько и движения ящера. Прежде он двигался мягко и ловко, теперь же — брел словно кукла-марионетка, управляемая искусными руками кукольника. Нет, в нем не убавилось ни силы, ни гнева — просто шел он теперь как-то иначе, но тогда Конан не мог долго над этим задумываться. Перед мысленным взором киммерийца встала сцена из явленного ему видения — Гатадес с мечом, перечеркивающий сияющей полосой косога взмаха нависающее над ним брюхо чудовища, и киммериец уже примерялся, чтобы кинуться в атаку, как вдруг понял, что зверь направляется даже не к нему, а к бьющемуся и корчащемуся от боли раненому собрату. Конан понял это слишком поздно, вдобавок ящер приближался к истекающей кровью твари с той стороны, где еще действовали все лапы, клешни и щупальца: было слишком рискованно становиться меж двух таких огней.

Могучие верхние конечности ящера легко выдернули из спины сородича утыканные листьями Отца-Древа рамы. Громадная лапа переломила и засевший в груди раненого чудовища гребень; после этого ящер медленно потащил заметно ослабевшую от потери крови тварь прочь из рощи.

Лапы ящера потянулись было и к валявшейся на земле разрубленной черной цепи ошейника, но уж на сей раз Конан не сплеховал. Стремительный размах меча заставил ящера поспешно отдернуть распоротую вдоль кости лапу; после чего чудовище, уже не пытаясь вступить в бой, довольно-таки проворной трусцой двинулось прочь из Леса Свайолей.

Конан издал торжествующий киммерийский боевой гик и ринулся в погоню. И кто знает, быть может, ему бы и удалось добить серьезно раненую тварь, — он

настиг ее в два прыжка и меч его вновь глубоко рассек ее покрытую кровью грудь — если бы до его слуха не донесся отчаянный крик Аррадерса, смешавшийся с диким воплем Айаны:

— Они рвут свайоля!!!

Дриада буквально повисла на Конане. Ее тонкие и изящные ручки развернули киммерийца лицом в противоположную сторону с такой силой, какую он не встречал у самых мощных своих противников, с которыми ему приходилось бороться.

— Они рвут свайоля!!!

Конану оставалось только одно:

— Эту тварь надо прикончить! Или она вернется!!!

Быть может, он и не подчинился бы неразумному с военной точки зрения порыву Айаны, если бы в сознании киммерийца внезапно не зазвучал голос Отца-Древа:

«Поспеш. Твой друг в опасности. Крылатые нацеливаются на меня».

Это не было призывом о помощи. Сухой, спокойный голос сообщал некое известие, как будто совсем и не касающееся его обладателя.

И киммериец ринулся вслед за Айаной.

Глава 8

Пока Конан и дриада сражались с тварью, которая первой вползла в рощу, с Аррадерсом происходило следующее.

Уже полностью человек своим сознанием, туранец заставил себя забыть на время об уродливом и ужасном теле, из-за которого ему навсегда — если только он останется жив — будет закрыта дорога в мир людей. Все его внимание было приковано к двум стремительно приближавшимся крылатым бестиям, к их сверкающим когтям, изгибам могучих крыльев, оскаленным пастьям, которые куда больше подошли бы какому-нибудь ходящему по земле крупному хищнику, нежели летающему созданию. Демоны отлично видели его и не

собирались медлить. Сейчас, сейчас — удар длинного крыла сшибет его наземь, а затем длинные зубы примутся алчно рвать на части его плоть...

Аррадерс сжался, точно мощная пружина. В этот миг он готов был даже благодарить Сета за пришедшую тому в голову мысль сделать Аррадерса высоко прыгающим существом. Могучие мышцы его ног напряглись; и в тот миг, когда ни один из крылатых демонов уже не мог отвернуть, Аррадерс прыгнул.

Ветер зло свистнул в ушах; коричневый бок демона оказался совсем рядом, и Аррадерс что было сил полоснул по нему и мечом, и когтями, и ядовитым жалом.

Он рассчитал все точно. Демоны не успели встретить его ни клыками, ни лапами. Меч Конана лишь слегка оцарапал прочную роговую броню — однако и жало, и когти Аррадерса глубоко вонзились в тело чудовища, как будто его и не прикрывала никакая чешуя...

Уже падая вниз, Аррадерс хлестнул хвостом и второго демона, только-только начавшего разворачиваться пастью к новому врагу. И вновь ему сопутствовала удача, хотя тварь судорожным рывком ушла в сторону, поспешно взмахнула крыльями и стала набирать высоту.

Первому же демону повезло куда меньше. От боли он, верно, потерял ориентировку и врезался в густую крону дерева, на котором до этого прятался Аррадерс; крылья чудовища запутались, и оно тяжело рухнуло на землю, ломая своей тяжестью ветки и сучья.

Аррадерс опустился как раз рядом с ним. И прежде, чем не успевший прийти в себя зверь опомнился, он от всей души хлестнул ему по глазам жалом. Ядовитый шип угодил точно в орбиту; демон зашипел и задержался, из глазницы потекла коварная слизь. Зубы чудовища щелкнули, однако Аррадерс вовремя отпрянул.

— Это тебе, Сет! — глумливо выкрикнул он, упиваясь своей первой победой. — За все, что ты сотворил со мной, за то, что надел на меня черный ошейник! — И он нацелился впиться своими длинными и острыми когтями в горло трепыхавшемуся на земле одноглазому демону.

Шум крыльев над самой своей головой распаленный схваткой Аррадерс услышал, увы, слишком поздно. Он совсем забыл про второго врага — и теперь едва-едва успел увернуться от нацеленных в голову страшных когтей; однако они все-таки вырвали изрядный кусок мяса из его плеч.

От боли потемнело сознание; помимо воли Аррадерса в него стали проникать какие-то странные, путающие мысли — некто громадный, в темном, грозил своему бывшему слуге страшными, непредставимыми муками за предательство; и тут же добавлял, что все еще может быть забыто и прощено, если он, Аррадерс, принесет ему, Великому Змею, голову киммерийца Конана и дриады Айаны, дерзнувших противостоять Ему, Непобедимому, перед которым трепещут и Ассура, и Митра, и прочие мелкие боги!

Аррадерс скрипнул зубами и поднялся. Оба крылатых демона опустили на землю — им было не раз вернуться между деревьями с их громадными крыльями — и теперь наступали на него. Когти на сгибах крыл были выставлены вперед; длинные клювы-пасти злорадно и хищно скалили в жутких усмешках; глаза неотрывно вперивались в зрачки Аррадерса, стремясь вновь погасить едва-едва освободившуюся его душу, заставить его собственное тело обернуться против него — и потом, насладившись его страхом, его мучениями, передать в руки их страшного господина...

Аррадерс зарычал, изгибаясь и вновь готовясь к нападению. Хвост с жалом давал ему известное преимущество; меч же оказался полностью бесполезен. Лучше было использовать когти...

Демоны неспешно напировали, Аррадерс так же неспешно отступал. Сейчас, сейчас... вот, чуть более открытое место, над головой — чистое небо...

Мощные мышцы ног вновь швырнули его тело вверх и вперед. Он оказался за спинами демонов — и вновь, с неопишимым, почти сладострастным наслаждением вонзил жало в низ живота окривевшего врага, а когти — в спину второго.

Однако враги развернулись куда более быстро и ловко, чем можно было ожидать, глядя на волочащиеся по земле концы их бесполезных сейчас крыльев. Отвага

Аррадерса едва не стоила ему жизни — клыки рванули его левое плечо, когти оставили длинные кровавые борозды на правом боку... Он чудом вывернулся.

Даже в бытность свою человеком — сильным и храбрым по туранским меркам — Аррадерс, конечно, не мог сравниться и силой и боевой яростью с Конаном; а сейчас вдобавок его собственное тело восставало против него, не желая терпеть боль от «своих», оно кричало и вопило, требуя, чтобы он сдался, пал на колени и запросил бы пощады. И, когда окровавленный, шатающийся Аррадерс отлетел назад и ударился спиной о ствол какого-то дерева, малодушное тело едва не взяло верх. Оно, тело, заставило его обмякнуть, закрыть глаза и завалиться набок. Умом Аррадерс понимал, что это бессмысленно, однако в тот миг плоть оказалась сильнее.

Демоны разом повернулись, словно забыв о его существовании. Злоба в их глазах вновь сменилась блеском пожиравшего их неутолимого голода, терзавшего их, верно, с такой силой, что он даже позабыл о своем враге. Плоть свайоля влекла их гораздо сильнее.

Аррадерс сам долгое время был прислужником Сета; только поэтому он смог понять быструю смену выражения в глазах демонов. Они уже видели беспомощного, неподвижного свайоля, одного из самых близких к границе рощи — и со всех ног кинулись к нему, толкаясь, шипя и оставляя на земле длинные борозды от своих когтей.

Только теперь Аррадерс смог, наконец, вновь повелевать своим собственным телом. Он еще не успел разобраться в чувствах, что владели им после того, как он оказался в Роще Свайолей, однако что-то подсказывало ему, что это место способно стать ему настоящим домом, дать приют отверженному уродливому страшилищу, за которым люди и демоны будут охотиться с равным усердием. Это место способно стать ему домом — если оно само уцелеет. И потому Аррадерс был готов сейчас драться за него до последней капли крови.

Он вновь прыгнул. Демоны семенили, почти касаясь боками друг друга, и потому Аррадерсу удалось опуститься прямо им на спину, ударив жалом в основание

черепу одному, кривому, и разодрать когтями шею второму.

Брызнула кровь, темная горячая струя из перебитой артерии хлестнула прямо в лицо Аррадерсу, который в эти мгновения был на самой вершине блаженства. Опьяненному кровью врагов, ему казалось, что он рвет и терзает ненавистную плоть самого Сета, превратившего его в гнусное чудовище; из горла Аррадерса вырывался хриплый клекот, от которого кровь бы заледенела в жилах у любого человека, услышь он эти жуткие звуки; туранец был близок к победе, как никогда.

Однако и демоны оказались не слабого и не робкого десятка. Несмотря на глубокие раны, они не дрогнули, а дружно отпрянули в стороны, так что Аррадерс оказался на земле, и с двух сторон яростно кинулись на него. Свайоль вновь был позабыт.

Длинные, вытянутые вперед челюсти мелькнули перед самым лицом Аррадерса. Он еще успел как-то прикрыться, отпихнуть в сторону тянувшиеся к горлу зубы, как все его существо пронзила острая боль в боку. Второй, кривой на один глаз демон запустил свои клыки глубоко в незащищенное тело. Как и самих демонов, чешуя Аррадерса не могла защитить его от повреждений их общего хозяина, великого Сета...

Мышцы бедер судорожно распрямились. Аррадерса отшвырнуло в сторону, он успел подняться, прежде чем демоны вновь впились в него; он даже успел ударить еще раз жалом — однако его отчаянный рывок оставил свайоля беззащитным.

Несмотря на обильно струящуюся из глубоких ран кровь, несмотря на то, что окривевший демон теперь заметно приволакивал правое крыло и ноги после того, как получил порцию черного яда себе в жилы, враги Аррадерса с прежней прытью ринулись на вожака добычу. Удары тяжелых крыльев поднимали их в воздух: когти впились в тело свайоля, длинные челюсти начали рвать бледное вытянутое лицо... Громадные глаза мыслящего дерева закрылись, ветви и ствол задрожали в агонии — и по всей роще пронесся беззвучный страшный вопль, вопль предсмертного ужаса непереносимой боли...

Именно этот крик и был услышан всеми свайолями; Отцом-Древом, Айаной, а спустя мгновение об этом узнал и Конан.

Киммериец и дриада сломя голову мчались через рощу. Откуда-то слева донесся знакомый грохот — кто-то из ползунов угодил в ловушку, но сейчас это было уже неважно. Аррадерс был в опасности и погибал свайоль — Конан не мог решить для себя, что главнее. Он спасал того, кто сражался рядом с ним, и это было в тот миг едва ли не важнее, чем жизнь всей священной Рощи.

Они бежали на крик. От вонзающейся в сознание дикой боли Аррадерс закричал, уже не в состоянии подняться; бок его был растерзан, разворочен, обнажились кости — однако он был еще жив.

И на сей раз Конану показалось, что Роща Свайолей как будто с готовностью уменьшилась, сжалась под его ногами, чтобы он мог добежать как можно скорее; однако, когда они добежали, было уже поздно.

Тело-ствол свайоля было уже надломлено. Растерзанное в ключья лицо с вырванными из орбит глазами безжизненно свешивалось вниз; а оба демона с отвратительным жадным урчанием пожирали трепещущие ветви, даже не столько пожирали, сколько ломали и крошили в щепки...

По всей роще прокатывались судороги боли. Каждый из свайолей умирал сейчас вместе с терзаемым обратом; дриада тоже содрогалась всем своим существом, когда коготь крылатого демона отыскивал еще живой клочок плоти погибавшего свайоля...

Конан с треском проломился через кусты, оказавшись прямо перед гибнущим деревом. За его спиной бурно дышала Айана; в ее руках вновь было легкое копье, неведь каким образом оказавшееся вырванным из тела раненого демона, которого утащил прочь рыжий ящер.

— А поворотитесь-ка вы лучше сюда, твари! — загремел киммериец, потрясая мечом Гатадеса. Из кулака другой руки свисала сорванная с Аррадерса черная цепь.

Один из демонов лениво обернулся. Он был одноглаз, голова его странно кривилась на сторону, с че-

люстей стекала странная голубоватая жидкость, которую Конан принял за кровь свайоля.

Айана со стоном вдруг метнула копьё — так же, как смертная женщина с подобным же стоном рухнула бы ничком и разразилась рыданиями. Для терзавших свайоля демонов этот бросок не представлял опасности — копьё угодило в сук и отклонилось в сторону — однако оно заставило одноглазого расправить крылья и ринуться на дерзкую дриаду, хищно щелкая вытянутой пастью.

Меч киммерийца встретил гнусную тварь еще в воздухе. Ловко увернувшись от тянувшихся к нему длинных лап, снабженных саблевидными когтями, отглавившими зловещей синевой, Конан ударил мечом, держа его словно пику. И демон всей своей тяжестью напоролся на этот смертельный шип, собственным разгоном помогая клинку проникать все глубже и глубже.

Северянин с трудом вырвал оружие из бьющегося на земле тела. В следующую секунду удар крылом сбил его с ног, однако он успел рубануть по длинной и толстой шее чудовища. И тут, хотя этот удар должен был напрочь снести голову страшилищу, судьба неожиданно обернулась против Конана. Меч как-то неудачно упал на чешуйку брони, соскользнул, содрав пласт кожи... и тварь уцелела.

На выручку ему кинулся второй демон. Этот, видя раны собрата, не пытался уже молодецки кидаться на киммерийца с высоты. Он поступил хитрее. Могучие крылья подняли коричневое тело в воздух — и спустя миг демон уже стрелой мчался к земле — на следующего свайоля.

Изрыгая проклятия, Конан бросился за ним. Ясно было, что эта тварь способна управиться со всей священной рощей в одиночку — ведь для нежного свайоля хватит и одного-двух ударов когтями в лицо; так неужели же все труды защитников пошли насмарку?!

Конану оставалось только одно — раздражить этого демона до такой степени, чтобы тот и думать забыл об истреблении свайолей, чтобы единственной целью существования этой твари стала бы смерть его, Конана; а ведь нельзя было забывать и еще о двух ползунах, медленно, но верно приближавшихся к середине рощи...

Аррадерс застонал и с трудом пошевелился. Бок болел невыносимо, однако вложенная в свое творение Сетом сила брала свое — кровь запеклась, образовав не плотную корку, как у людей, которая бы тотчас растрескалась, но гибкий и плотный покров, наподобие смолы. Он мог ходить, а главное — он мог прыгать.

Тяжело раненный киммерийцем одноглазый демон бился в судорогах на земле, извергая кровавую пену. Похоже было, что он уже находился в агонии; двигаться, по крайней мере, он как будто бы уже не мог, и Аррадерс решил не тратить на него времени. Он должен был помочь Конану — тот все равно не смог бы справиться с летучим чудовищем, если оно сдуру не полезет прямо на него...

Словно дразня Конана, крылатый демон летел все дальше и дальше, словно зная, что именно в роще ее защитники станут обороняться до последнего дыхания. Тварь Сета явно нацеливалась на Отца-Древо.

Конан мчался так, что ветер свистел в ушах, ни на миг не теряя из виду своего врага. Тот качнул было крыльями, словно собираясь низринуться на одного из свайолей, заставил метнуться в сторону и Конана — но выровнял полет, а потерявший драгоценные мгновения киммериец не мог для сбережения дыхания даже разразиться облегчающей душу бранью...

И все же к Древу-Отцу все трое добрались почти одновременно. Демон, правда, чуть опередил, однако ему пришлось тратить время на поворот и на то, чтобы набрать высоту, именно эти секунды и использовали Конан с Аррадерсом.

Киммериец стремительно и ловко взлетел вверх по голому стволу Отца. Отчего-то он был уверен в тот миг, что Прародитель свайолей не рассердится на него за это святотатство. И точно — когда Конан оказался рядом с благообразным лицом Старейшего, бездонные глаза взглянули на него с теплотой и благодарностью.

Крылатый демон, развернувшись и выставив когти, уже собирался полоснуть по боковым ветвям кроны, как снизу внезапно вынеслась в высоком прыжке фигура Аррадерса. Два порождения Сета сплелись; когти одного впились в плоть другого; изгибаясь, яростно

хлестал врага хвост Аррадерса, и ядовитое жало всякий раз глубоко погружалось в тело.

Киммериец застыл в развилке, держа наготове меч; однако демону сейчас было явно не до него. Аррадерс вцепился в него мертвой хваткой, пытаясь дотянуться зубами до горла врага; тварь неуверенно и редко взмахивала отяжелевшими крыльями, с трудом удерживаясь в воздухе...

Однако и товарищу Конана пришлось несладко. Когти-крючья на лапах и сгибах крыльев рвали его бока и спину; клыки и зубы терзали плечи, тшась перекусить шею; Конан мог только бессильно взирать, как тело Аррадерса стремительно покрывается темными кровавыми пятнами...

Аррадерс слабел; его рваная рана на боку вновь открылась. В ярости Конан метнул во врага висевший на поясе короткий нож, но немудреное изделие Шади-зарского кузнеца лишь со звоном отлетело от непробиваемой чешуи. Демон не обратил на это внимания, он намеревался покончить с более опасным, как ему тогда показалось, врагом...

Тварь с повисшим на ней Аррадерсом медленно кружила вокруг Отца-Древа. Конан застыл в напряженной готовности; он уже подумывал о том, не использовать ли в качестве метательного оружия лист Старейшего свайоля, столь недурно послуживший ему для ловушек, как демон сделал одно неверное движение крыльями, оказавшись на мгновение совсем близко от вершины Отца-Древа.

И тогда Конан прыгнул.

Это было чистой воды безумие. Расстояние превышало четырнадцать футов, гладкая спина чудовища вся блестела от крови, удержаться на ней было бы почти невозможно — однако Конан рискнул.

Мощные мускулы ног не подвели молодого киммерийца, привыкшего у себя на родине совершать поистине головокружительные прыжки по горным кручам. Он упал грудью на опускавшееся крыло, пальцы, скользя по залитым кровью пластинам спинного панциря, все же нащупали зацепку — и тогда зажатой в кулаке левой руки черной цепью, бывшим ошейником Арра-

дерса, Конан со всей силы хлестнул демона по плоской змеиной голове.

Тварь издала истошный визгливый вопль. Из пасти волной выплеснулась кровь; крылья опустились и демон камнем рухнул вниз, подмяв под себя оказавшегося внизу Аррадерса.

Конан не удержался, все-таки скатившись по покатою спине чудовища; вскочив на ноги, он вновь замахнулся цепью, однако когтистое крыло опередило его. Левое запястье оказалось разодраным, остатки ошейника выпали из разжавшейся от боли ладони; но, несмотря на адскую боль и уплывающее сознание, Конан все же ударил еще раз — на сей раз мечом Гатадеса — по толстой змеиной шее.

Теперь клинок не подвел. Мгновение — и из короткого обрубка фонтаном брызнула кровь из перебитых жил. Уродливая голова упала к ногам киммерийца, однако челюсти еще успели в последний раз сомкнуться у него на ступне.

Киммериец со звучным проклятием рассек жуткий живой капкан. Тело обезглавленного демона еще дергалось, крылья еще скребли землю, точно оно пыталось взлететь, жизнь упорно не желала покидать это тело, пока Конан не додумался перерубить цепь черного ошейника. И, стоило ему сделать это, как дергающаяся в разные стороны обрубленная шея рухнула наземь, крылья распластались, по туше прошла последняя судорога и демон замер окончательно.

Так их и застала Айана, опоздавшая всего на несколько мгновений — весь бой у Отца-Древа едва ли занял более полминуты. Она увидела бессильно привалившегося спиной к стволу Старейшего свайоля Конана с рассеченным запястьем и кровоточащей правой ступней, на которой ясно были видны следы многочисленных зубов, а рядом с ним — полумертвого Аррадерса, которого киммериец сумел вытянуть из-под мертвого тела чудовища, однако помочь ему уже ничем не мог, ибо и сам едва-едва не терял сознания...

Айана в ужасе всплеснула руками и с отчаянием взглянула на Старейшего. И, словно отвечая ей, ветви мыслящего дерева дрогнули, раздвинулись, и по серебристым листьям вниз стекло несколько пригоршней

прозрачной голубоватой жидкости, источавшей слабый пряный запах.

— Отец... — благоговейно прошептала дриада, низко кланяясь патриарху свайoley. Бережно, стараясь не расплескать ни капли, Айана поднесла сложенные лодочкой ладони ко рту Конана.

— Не... меня, сперва... его, — с усилием выговорил киммериец.

— Пей, пей, пей, — вместо ответа как заворуженная шептала дриада, и Конан повиновался.

Питье оказалось терпким и теплым; от него тотчас утасла боль и кровь перестала течь. Конан с недоуменным выражением на лице поднялся — только что он лежал полумертвый, а теперь — снова готов к бою!

— Ты выпил крови Отца-Древа... — полусшепотом, торжественно произнесла Айана. — На моей памяти ни разу не вскрывал Он своих жил, чтобы спасти кого-то, ибо еще десяток таких горстей, и с жизнью простится сам Отец...

Киммериец помедлил, а потом с почтением поклонился Древу. Его листва запахнула, словно плащ, и глаза Старейшего взглянули на киммерийца с такими нежностью и теплотой, что молодой воин даже смутился.

Волшебного питья дали и Аррадерсу, однако тот так и не пришел в сознание. Айана, осмотрев его, заявила, что хотя опасности теперь и нет, очнется он еще не скоро.

— Что нам теперь делать, Конан?

— Как что?! У нас еще двое ползунов!

Киммериец поудобнее перехватил меч, заменил — для верности — ошейник Аррадерса на черную цепь с шеи убитого демона, куда более внушительного вида — и они вместе с Айаной двинулись туда, где что-то ворчал, трещало, хрипело и ворчалось.

Ползунов они отыскивали быстро. Хатар и его собрат ползли футак в двадцати друг от друга. В спине Хатара Конан увидел несколько вонзившихся своих гребней, однако зверь Сета, похоже, не обращал на это никакого внимания. Он был слишком занят своим делом — ломал, крошил, вырывал из земли и давил все, что попало ему на пути. Обе твари оставляли за собой

полосу мертвой черной земли, но, по счастью, на их пути пока не попало ни одного свайoley — правда, до первого им осталось лишь какие-то полсотни футов.

— Помни, Хатар плюется ядом! — предупредил Айану Конан, и как раз вовремя — пасть чудовища открылась, длинный язык метнулся вперед, и желтоватая струйка яда пронеслась над плечом дриады. Если бы не рывок Конана, плевков чудовища угодил бы в цель.

После пригоршни Крови Патриарха силы, казалось, прямо-таки распирали Конана. Киммериец уже забыл и думать о только что полученных ранах. Извивающаяся, покрытая слизью тварь вызвала настоящий взрыв самого неистового омерзения, омерзения, истоки которого исходили — хотя Конан и не знал об этом — от легендарного короля Кулла, властителя Валузии, возглавившего борьбу человеческого рода с расой змеелюдей...

Дриаде показалось, что среди зарослей по земле к демону метнулся какой-то невиданный, катящийся колесом зверь. Руки и ноги киммерийца слились в стремительном движении; он сам не знал, как ему пришлось подобное в голову, но, так или иначе, причудливо перекувырнувшись шесть или семь раз то через голову, то через бедро, то через руку, северянин счастливо избег и второго плевка, и разом развернувшись к нему многочисленных щупалец — и меч Гатадеса прочертил длинную кровавую отметину чуть ниже громадного фасеточного глаза, в котором даже теперь не исчезло выражение жуткого, неуголимого голода, что терзал его обладателя.

На помощь Хатару поспешил его собрат. Конан услышал за спиной тяжелый скрежет, сиплое сопение, — затем дико вскрикнула Айана, предупреждая его об опасности. Киммериец вскочил на ноги; ему оставалось не более одного мгновения, и он использовал его сполна. Клинок рассек один из двух выпученных глаз второго ползуна; под ноги северянину хлынула липкая и густая слизь.

И тут откуда-то из-за пределов рощи донеслось мощное, хоть и гнусавое, завывание, словно какие-то громадные рога трубили сигнал многочисленному во-

инству. Ползуны разом остановились. Тот, у которого меч Конана разрушил глаз, бился и корчился, сокрушая мощными извивами тела окрестные деревья; Хатар же вновь высунул свой страшный трубчатый язык, и киммерийцу пришлось искать спасения в бегстве.

Очевидно, тот, кто командовал натиском на рошу, решил, что на сегодня хватит потерь. Оказавшись на безопасном расстоянии, киммериец оглянулся — над деревьями, подобно башне, возвышался рыжий ящер. Вожак скликал свою свору. Ползуны отступали медленно и с достоинством. Хатар прикрывал их отход; Конан попытался было повторить свой дерзкий рейд, но плюющаяся ядом тварь оказалась начеку и северянина спасло только чудо — внезапный порыв ветра и очень кстати опустившаяся ветка, о которую разбилась смертоносная струйка.

После этого Конан решил было, что с него тоже хватит. Как-то сразу, внезапно, навалилась усталость, заныли вновь раны, едва затянувшиеся от действия выпитого им магического напитка. Вдобавок Хатар отползал точно по проложенной им же до этого просеке, ни на миг не теряя бдительность.

Но на ползуна можно было бы прыгнуть сверху, стараясь поразить мечом голову... Не желая упускать шанса, киммериец пустился вдогонку за отползающими чудовищами.

И тут оказалось, что рыжий ящер обладает куда более острым зрением, чем можно было бы подумать. Громада огненно-красной туши легко двинулась наперез Конану; и киммериец вновь поразился удивительным глазам этой твари — они казались совершенно человеческими, только сильно увеличенными...

Тварь очень быстро оказалась на пути северянина. Четыре мощные кривые лапы выразительно нависали над кронами деревьев; казалось, ящер обладает способностью видеть даже сквозь листву, он играюще прослеживал любое передвижение варвара. Однако, стоило Конану, сплунув в досаде, отступить в глубь роши, как подался ближе к ее краю и сам ящер.

— Пусть они уходят, Конан, — услышал киммериец голос Айаны. Дриада подошла незаметно, он даже и не

услышал легких ее шагов — совершенно непростительный промах для воина...

— Я чувствую, Богам угодно, чтобы битва продолжилась бы завтра, — тихо произнесла она, легонько прижимаясь к могучему плечу Конана. — Твари Сета отступают, и я ощущаю, что они отступают в страхе и растерянности. Еще никто и никогда не мог нанести им такого урона, какой нанес им сегодня ты...

— Какой нанесли им сегодня мы, — налегая на последнее «мы», хмуро буркнул Конан. — Если бы не Аррадерс...

Надо было хорошо знать гордого и заносчивого киммерийца, чтобы оценить эти его слова.

— Он, к несчастью, едва ли сможет скоро подняться на ноги, — покачала головой дриада, не переставая прижиматься к киммерийцу. — Его раны... они очень тяжелые. Завтра нам предстоит сражаться без него.

— Ты так уверена, что они не нападут ночью?

Айана покачала головой.

— Отец-Древо следил за битвой, твари Сета сильно потрепаны, один из демонов убит... Они будут эту ночь зализывать раны. Отдохни, Конан. У нас еще немало времени...

— Которое надо потратить на то, чтобы заново построить ловушки, — закончил киммериец, словно бы не замечая мимолетной гримасы разочарования на лице дриады. — Давай, доставай свою флейту...

Глава 9

Киммерийцу показалось, что бой со страшилищами Сета длился долгие часы, хотя на самом деле едва ли минуло более одного. Солнце только еще двигалось к зениту; впереди был весь день. Твари Тьмы и в самом деле отступили; их нигде не было видно.

Конан и Айана, засучив рукава, взялись за работу. Предстояло поднять обратно камни, обновить шипы на спрятанных гребнях, поправить разбитые рамы. И, конечно, не покладая рук множить число ловушек, добав-

ляя к уже существующим все новые и новые. Прошедший бой показал, что без них Рощу Свайолей ждала бы быстрая гибель.

— И все-таки я не понимаю, — говорил киммериец Айане. — Я разрубил ошейник на Аррадерсе — и он вновь стал самим собой, пусть и в чужом, уродливом теле; а когда мне удалось то же с этой жуткой тварью... ну, той, что с серпом на макушке — то ничего не произошло. Я, признаться, теперь и ума не приложу, что делать с этими тварями... если они двинутся всем скопом... — он озабоченно покрутил головой.

— Я думаю, сила Сета в этих созданиях настолько велика, что даже исчезновение символа его могущества не может ничего изменить, — предположила Айана.

— Нет, тут дело в другом, — киммериец грыз костяшки пальцев. — Я чувствую, тут что-то не так! Будь власть Сета так велика — зачем вообще эти черные цепи? Это ведь не украшения. Меня мороз продирает, когда я оказался рядом с той тварью, когда эта цепь была на ней! И потом — ведь этот ящер зачем-то выволок раненого демона, хотя тот еще мог сражаться... А сам этот рыжий отчего-то медлил... — Конан сплюнул с досады. Понять что-либо казалось невозможным.

Он продолжал работать, стараясь хоть этим заглушить возрастающую тревогу. Аррадерс был потерян. Враг знал теперь, какие ловушки ожидают его, и наверняка постарается что-то придумать в ответ — Конан не сомневался, что имеет дело не с тупыми чудовищами, а с истинными демонами Тьмы, хитрыми, коварными и безжалостными... Киммериец прекрасно понимал, что в одиночку ему не остановить страшную пятерку, пусть даже трое в ней и выйдут в бой несколько подпорченными. Этот ящер... Он, пожалуй, и один способен многое тут натворить. Этот голодный взгляд... — северянин даже поежился.

Голодный взгляд... Голодный взгляд? Стоп! Конан с размаху хлопнул себя ладонью по лбу. Как он мог не додуматься до этого раньше? Они же зверски голодны, эти демоны, и потому — руби на них ошейник или не руби — они будут видеть перед собой рощу и рваться к ней, невзирая ни на какие преграды. Интересно, а нельзя ли заставить их жрать что-нибудь другое —

лучше всего, конечно, друг друга, и сойдет ли просто соседний лес?

— Ты, конечно, прав, Конан, — сказала Айана, выслушав речь северянина. — Позор мне, что я не смогла догадаться до этого сама! Но... вот как сделать так, чтобы они сочли бы свайолей несъедобными — ума не приложу!

Конан долго молчал, в сердцах тиская свой сыромятный ремень. Можно, конечно, выскочить из рощи и увлечь чудовищ за собой к другому лесу... но если та крылатая тварь все еще может летать, то ему, Конану, придется на открытом месте совсем туго. А что, если за ним погонится только один демон, в то время как остальные преспокойно разделаются и с рощей и... с Айаной?

Так ничего и не придумав, киммериец вместе с дриадой отправился к Отцу-Древу. Аррадерс лежал по-прежнему бледный и неподвижный; дышал он тяжело и редко, из груди при этом вырывался какой-то подозрительный хрип пополам с бульканьем. Нечего было и надеяться, что к завтрашнему дню он будет готов для боя.

— Не казни себя, Конан, — тихо молвила дриада, когда северянин, мрачнее тучи, принялся за поданную ею трапезу. — Ты сделал куда больше, чем любой другой человек смог бы...

— Меня это не волнует! — зарычал Конан. — Я сделаю то, за что взялся — или Кром презрительно плюнет мне в лицо, когда я предстану перед ним с тем, чтобы дать ответ на его вопрос — достоин ли я был пращура нашего племени?

— От черных твоих мыслей вокруг нас светлее не станет, — словно не слыша его последних слов, продолжала дриада. — Зачем без толку изводить себя? Даже если нам с тобой отпущен только один-единственный день и одна-единственная ночь, проживем их так, чтобы было что вспомнить, даже стоя перед престолами Высоких Богов!

Легкая, теплая рука, чуть касаясь, прошла по бугрящимся мышцам предплечья Конана.

— Отец-Древо будет следить за каждым шагом тварей Сета, — тихо журчал голос дриады, словно чистый

лесной ключ под сенью вековых дубов. — Он предупредит нас... Конан...

Трепещущие губы, нежные руки, сияющие удивительные глаза... Как не походило все это на затасканные ужимки шадизарских и аренджунских плутов, с которыми только и имел дело в ту пору Конан! Он видел поднявшуюся от волнения великолепную грудь; разалевшиеся в предчувствии небывалого щеки; дивный, невиданный еще киммерийцем блеск в глазах — этой женщине были нужны не его деньги, а он сам, и не потому, что он продлил на один день существование заповедной рощи — ведь очень возможно, что им осталось жить всего одни сутки; и не потому, что теперь было уже все равно и оставалось только пуститься напоследок во все тяжкие — нет, в памяти киммерийца ясно встали таверна Абулетеса, грязные столы с вечно пьяным сбродом за ними — и глаза дриады, устремленные на него, сверкавшие, словно два изумруда. Два изумруда в абулетесовской навозной куче... Как она тогда смотрела на него!

Руки и губы дриады тянулись и тянулись к нему. Тихо шелестел кроной Патриарх, словно нашептывая что-то нежное, ласковое. И иные чувства, а вовсе не похоть, властно подняли легонькое тело дриады могучими руками киммерийца и понесли в заросли, на мягкий ковер душистых, ароматных трав... Роскошный плащ черных волос распахнулся, хитон словно бы сам собой оказался сброшен, и нагое трепещущее тело прижалось к мощной и широкой груди северного варвара.

Когда они пришли в себя, солнце уже садилось. Наступал тихий, покойный вечер, и все случившееся сегодняшним утром стало казаться просто дурным сном, быстротечным ночным кошмаром...

Глаза Айаны сияли, словно два горящих огнем изумруда.

— Я надеюсь, что это будет мальчик, — нараспев произнесла она.

— Что-что? — Конан не сразу понял, о чем речь. — Ты хочешь... ребенка?

— Что ж тут странного? — дриада блаженно зажмурилась. — Кто же из нас не хотела бы стать матерью

воина, чьим отцом был бы самый великий воитель нашего жестокого времени? Я надеюсь, что это будет мальчик, — вновь повторила она. — Я буду рассказывать ему о тебе и он станет гордиться своим великим отцом; быть может, настанет час, и он придет к тебе... а может, судьба и не сведет вас вместе, не знаю.

— Ты так говоришь... будто мы уже пережили застрашный день, — криво усмехнулся Конан.

Он впервые в жизни имел дело с девственницей, и ему до сих пор было как-то не по себе.

— Мы победим, я знаю, — очень серьезно, без тени сомнения произнесла Айана. — Ты найдешь способ. Не может быть сомнения.

— Потом хвалиться будем, — проворчал киммериец.

Пока они ужинали, как могли, пользовали раненого Аррадерса и ходили на разведку к краю рощи, наступила ночь. Неумолчно тархтели и стрекотали беспечные цикады; над кронами деревьев вновь замелькали тени ночных птиц. Свайоли стояли беззвучно; ни одно лицо не было поднято к звездам — они медленно пели долгий, неслышимый для смертных гимн своему погибшему собрату.

— Почему эти твари не нападут ночью? — недоуменно пробормотал киммериец. — Будь я на месте этого рыжего крокодила-переростка, нипочем не упустил бы такой возможности! Ночь — это же ведь их время!

— И тем не менее они после заката ни разу не нападали, — отозвалась дриада. — Всегда на рассвете и только на рассвете.

— Кто-то из них не видит в темноте... — задумчиво проронил Конан. — Да, с такими гляделками, как у этих ползунов, что днем, что ночью — никакой разницы; а вот этот рыжий ящер... Что-то непохоже, чтобы он мог видеть в темноте, как кошка. Уж больно глаза на человеческие смахивают.

— Не ломай сейчас голову, Конан, — мягко промолвила Айана. — Положись на Судьбу — хотя вы, киммерийцы, и не верите в нее... Утро вечера мудренее. Пойдем! Я не хочу терять ни одной минутки. Старейший даст нам знать. Пойдем же!

Эту ночь киммериец запомнил надолго.

Рассветный луч скользнул по лицу Конана, и северянин тотчас пробудился. Айана сладко спала, совсем по-детски подложив ладошку под щеку. Однако Конану казалось, что далекий и суровый голос постоянно зовет к нему, что в его сознании звучит одно-единственное грозное слово: «Враг!»

Вскочить, натянуть одежду, опоясаться мечом да плеснуть себе в лицо пригоршню воды было делом одной минуты. Айана, основательно умаявшись за ночь, так и не проснулась. Патриарх свайoley повел киммерийца через рошу, поправляя его, когда он забирал слишком сильно вправо или влево.

На краю зарослей Конан остановился. Дерево-Отец поднял тревогу не напрасно — твари Сета вновь двигались к священной Роше.

Сегодня их было пятеро. И было видно, насколько недешево дался им вчерашний бой. Бодро шагал один только рыжий ящер, да зверь Хатор полз уверенно и мощно. Крылатый демон летел медленно и низко, крылья его поднимались и опускались с явным трудом; второй ползун, которому Конан рассек мечом глаз, тащился позади и, будь эта тварь человеком, киммериец не преминул бы сказать, что, мол, идет он ровно на эшафот. Многоногая же тварь с костяным серпом на голове тащилась и совсем еле-еле, припадая на один бок; половина ее клешней и щупалец по-прежнему висела безжизненно.

При виде этого изрядно потрепанного воинства Конан не мог удержать злорадной ухмылки. Все-таки они им изрядно врезали!

Вскоре стало ясно, что чудовища изменили тактику. Они построились узким и острым клином; в его вершине шел рыжий ящер. Слева от него и чуть сзади извивался зверь Хатар; на одной линии с ним мерно взмахивал крыльями летучий демон. Третью линию боевого порядка составляли пострадавшие больше других второй ползун и многоножка.

Звери Сета решили идти на прорыв в одном месте, решив таким образом избежать многочисленных ловушек. План их был прост и понятен — вперед они пустили ящера, который меньше всех, похоже, опасался ловушек и самострелов Конана. И это значило, что

волей-неволей киммерийцу приходилось первым встретиться именно с этим огненно-рыжим демоном, самым опасным из всей шестерки. Ящер двигался уверенно и мощно. В каждом его шаге чувствовалась исполинская сила; под гладкой броней перекачивались вздутыя громадных мышц. На фоне светлого оранжевого тела резко выделялся черный ошейник.

Конан закусил губу. Что делать? Если на этот раз твари навалятся на него всем скопом, не поможет уже ничто. Эх, уложить бы крылатого... тогда, быть может, и удалось бы увести остальных за собой, прочь от Роши Свайoley.

Взгляд Конана напряженно ощупывал величественную фигуру громадного ящера — киммериец отыскивал слабые места в роговых доспехах врага. Брюхо с его мягкими желтоватыми валиками морщинистой кожи казалось весьма привлекательным... но уж слишком бросается в глаза. Нет, вряд ли Сет настолько глуп, чтобы творить себе слугу, уязвимое место которого расположено таким образом, чтобы человеку с мечом было бы удобнее до него добраться. Стоп! А что это у нас там такое на глотке?!

Под черным ошейником ящера Конан разглядел перекачивающийся зоб; роговая чешуя там была совсем мелкой и тонкой. Если уж меч Гатадеса рубил панцирь ящера и там, где он был самым толстым и прочным... то как знать, быть может, все можно будет разрешить одним точным ударом в горло?!

Звери Сета подходили все ближе и ближе; киммериец ловко, точно леопард, вскарабкался на дерево. Оставалось надеяться только на то, что тварь подойдет достаточно близко, но так, что Конан успеет дотянуться до нее прежде, чем она сама дотянется до него.

Конан взбирался все выше и выше, до тех пор, пока ветви не начали гнуться под его тяжестью. Ящер был очень высок, но и выбранный северянином платан — один из немногих в роше — не уступал в росте чудовищу. Конан извлек на свет клинок Гатадеса и приготовился...

Крылатый демон заметил его первым. Издавая дикий и злобный клекот, тварь закружилась вокруг платана, не подлетая, однако, слишком близко и не пы-

таясь нападать. Весь строй демонов, как по команде, развернулся и двинулся к дереву.

Конан сжался в комок. Если у этих тварей хватит ума окружить его со всех сторон... дело станет совсем скверным.

Однако крылатый демон, покружив некоторое время вокруг Конана, вернулся к своему месту в строю; ящер теперь шел прямо на Конана, неотрывно глядя в лицо киммерийцу своими странными глазами, так похожими на человеческие...

«Кром, сделай так, чтобы Айана оказалась где-нибудь подальше от этого места», — вдруг горячо взмолился Конан, обращаясь к своему суровому покровителю. Сама мысль о том, что нежная и ласковая, стыдливая и робкая дриада станет добычей этих кошмарных чудовищ, заставляла сердце биться вдвое быстрее, а руки — еще крепче сжимать рукоять клинка.

Ящер приближался. На сей раз он не собирался ждать. Вожак стаи Великого Змея должен был сам сразиться с дерзким противником, подобного которому еще ни разу не встречала выпестованная Сетом свора.

Ящер шагал, не обращая внимания на приводные бечевы ловушек. Вот сработала одна из них, утыканный шипами гребень воткнулся в мягкое брюхо предводителя стаи — демон лишь издал короткий рык, выдернул занозу, отбросил в сторону и зашагал дальше. Вот, как и в прошлый раз, он сорвал колышек, удерживавший натянутую тетиву самострела — но короткий и толстый дротик бессильно отскочил от нагрудной чешуи чудовища.

Конан скрипнул зубами от досады. Не будь эти твари так глупы, они бы уже сейчас смогли расправиться со всей рощей! Оставить под платаном рыжего ящера — и готово дело...

Однако настолько хитроумные планы, похоже, были слишком сложны для небогатого умом демона. Рыжий вожак пер прямо на укрывшее Конана дерево, и киммерийцу казалось, что он ощущает дрожь, пробежавшую по стволу платана...

Не доходя двух десятков футов до дерева, ящер остановился. Глаза его взирали на Конана с откровенной и плотоядной усмешкой; от исходяемого им зло-

вония у киммерийца едва не началась рвота. Зверь Великого Змея заранее торжествовал победу. Что может против него, столь могучего и необорного, какой-то ничтожный человек, пусть даже и с зачарованным мечом? Достаточно протянуть одну из усаженных когтями лап...

Отливавшие синевой когти вытянулись к Конану, нещадно ломая ветви и сучья несчастного платана. Громадные, точно настоящие турецкие сабли, клинки эти были способны растерзать человека в несколько мгновений; и, когда оставалось не более одного фута, киммериец внезапно прыгнул, как сутки тому назад прыгал с самого Старейшего на спину крылатого демона.

Тело Конана с силой пробило сплетение ветвей. Руки киммерийца крепко вцепились в сустав одной из лап ящера и прежде, чем страшные когти обхватили его, Конан резко подтянулся и, почти лежа на предплечьи ящера, что есть силы выбросил вперед меч Гатадеса.

Северянин целился в пульсирующий надувающийся пузырь зоб на горле ящера, однако тот уже начинал двигаться, стараясь поспеть за стремительным рывком киммерийца — и меч угодил не в открытое горло демона, а в толстую черную цепь ошейника, куда, как убедился Конан на примере многоножки, бить было совершенно бессмысленно...

Клинок, казалось, на миг окутался призрачным пламенем. Острые его врезались в черный металл ошейника, посыпались искры — но удар северянина был настолько силен, что цепь не выдержала, одно из звеньев лопнуло и ошейник невиданной гремучей змеей соскользнул вниз, под ноги ящера.

— Кром!! — вырвался вопль Конана. Он уже чувствовал, как сверху на него опускаются сразу две когтистые лапы, времени нанести второй удар не оставалось, его стискивали... отрывали... тащили куда-то вверх, к усаженной коричневыми подгнившими зубами пасти, откуда исходил самый сильный смрад...

И тут сжимавшая его поперек тела жесткая чешуйчатая лапа внезапно разжалась. Конан камнем полетел вниз, насилу ухитрившись замедлить падение, хватаясь за ветки платана.

С демоном же творилось что-то непонятное. Сперва он замер, словно пораженный молнией; затем вдруг завертелся на месте, растопырив все четыре верхних лапы в разные стороны. Голова чудовища задралась, из глотки вырвался долгий ужасный рев, а затем Конану вдруг показалось, что он разбирает в этом реве слова, отрывистые и бессвязные:

— Где?.. Кто?! Рвать?! Цепь! Цепь!!!

«Кром всемогущий, — мелькнуло в голове киммерийца, — да уж не окажется ли тут как с Аррадерсом?!»

Конан лежал на земле, с трудом приходя в себя после падения с высоты. Пальцы правой руки по-прежнему сжимали меч; однако в тот миг он даже не думал об оружии или об окружавших его демонах. Взгляд его был без остатка прикован к дергающемуся и воющему рыжему ящеру; того корчило словно в агонии, из пасти хлопьями летела пена, мощные нижние лапы и толстый хвост взрывали землю; казалось, чудовище уже ничего не видит вокруг.

И тут началось нечто совсем уж непонятное. Остальные четверо демонов некоторое время смотрели на происходящее совершенно равнодушно и безучастно; однако, когда хвост рыжего ящера случайно задел и отбросил далеко в сторону разорванный ошейник, что валялся подле его ног на земле, поведение четырех других тварей Сета внезапно изменилось. Они вдруг резко и враждебно заворчали, словно бродячие псы, ссорящиеся из-за кости; головы их пригнулись, пасти раскрылись, обнажая готовые к бою клыки; Хатар вновь выпростал свой трубчатый язык.

Рыжий ящер как будто бы почуял неладное. Он внезапно перестал вертеться и сотрясать рыком окрестности; в наступившей тишине он медленно наклонил голову и обвел взглядом своих недавних подручных. Взгляд этот упал и на Конана; ошибиться было невозможно, это был человеческий взгляд и он предлагал встать рядом, плечом к плечу для последнего боя!

Киммериец еще успел подняться на ноги, когда четверо демонов разом бросились на них, а Хатар вдобавок и плюнул ядом, метя при этом не в северянина, а в своего недавнего предводителя.

Рыжий ящер с неожиданной ловкостью и грацией, непредставимой для его грузного тела, успел отклониться чуть в сторону, и струя яда пронеслась мимо.

Первой дерзнула броситься на бывшего вожака, как ни странно, серьезно раненная Конаном во вчерашнем бою многоножка. Костяной серп на голове с неожиданной ловкостью мотнулся из стороны в сторону, совершая какие-то обманные движения, и ударил в низ груди ящера, да так, что тот аж покачнулся. Этим немедленно воспользовались второй ползун и крылатый демон. Они разом бросились с обеих сторон, норовя вцепиться в ноги и повалить вожака. Позади них пыжился и тужился Хатар, явно собираясь плюнуть ядом вторично.

Конан вскочил на ноги. Конечно, самое разумное было бы повернуться и постараться как можно скорее унести отсюда ноги, предоставив этим тварям пожирать друг друга, однако киммериец чувствовал, что все случившееся — не следствие охватившего вожака безумия. Нет, просто черная цепь на рыжем ящере значила нечто иное, чем на многоножке; он явно переставал быть слугой Великого Сета, он обретал свободу, хотя и не во всем подобную свободу, как это происходило с Аррадерсом. И Конан никак не мог бросить этого ящера, в чьей речи внезапно прорезались человеческие слова, одного против четверых врагов.

Кольцо вокруг рыжего вожака не успело сомкнуться. Сам ящер с яростным ревом, который, однако, уже очень сильно походил на человеческий голос, бросился на серпоголового многонога. Одноглазый ползун оказался между ящером и Хатаром; Конан же оказался на пути у крылатого демона.

Меч Гатадеса со свистом очертил в воздухе сверкающее полукружье. Краем глаза не переставая следить за плюющим ползуном Хатаром, киммериец опутал блистающей сетью выпадов своего противника, целясь тому в глаза — единственное по-настоящему уязвимое место у этих слуг Сета; северянин пригнулся, уворачивался, приседал, подпрыгивал, забыв и думать о бережном расходовании сил, и страшные когти летучей твари ни разу не задели его.

Зато меч Конана щедро крошил тело демона. Раз, и другой, и третий сияющее лезвие оставляло длинные

кровавые росчерки на темно-коричневой плоти. И без того плохо повиновавшиеся демону крылья окончательно обвисли; из нескольких глубоких ран на груди толчками выбивалась кровь.

Конан не имел даже доли секунды на то, чтобы обернуться; из-за его спины доносился сотрясающий деревья рев. Демоны сошлись в смертельной схватке. Ящер запустил когти всех своих четырех лап в спину и шею многоножки, длинный хвост его, не переставая, хлестал во все стороны, не давая одноглазому ползуну приблизиться достаточно близко. И вместе с тем ящер обнаружил удивительное проворство — даром пропали уже два ядовитых плевок. Хатар явно осторожничал, держась в отдалении от разбушевавшегося вожака и не выказывая стремления сойтись в честном ближнем бою.

Из спины многоногого демона летели целые веера темно-багровых брызг — артерии были перебиты, кровь щедро хлестала по бокам, бесчисленными ручейками сбегая на землю; глаза страшилища были выкачены в муке, но, несмотря ни на что, демон продолжал сражаться. Клешни и щупальца действовали у него только справа; ящер изо всех сил пытался отгородиться от них телом своего противника, однако это удавалось ему далеко не всегда, и вот сразу две клешни многоногого существа впились в оранжевую броню четвероугого гиганта, проломили ее, вырвав из брюха несколько окровавленных кусков мяса.

При виде этого осмелел и одноглазый ползун; хвост ящера в очередной раз врезался в землю рядом с мордой извивающегося демона, и тот решил, что настало его время. Даже зверь Хатар отбросил осторожность и, на ходу целясь своим трубчатым языком, устремился следом за собратом.

Рыжий ящер оглянулся, не выпуская многоножку из своих смертельных объятий; Конан в этот момент тоже обернулся — его демон, наконец, отпрыгнул достаточно далеко назад — и его глаза встретились на краткий миг с глазами рыжего ящера.

Конан смотрел в человеческие, подернутые болью и горящие гневом, но совершенно человеческие глаза. Казалось, этот взгляд говорил: «Ничего, приятель! Ты справа, я слева — мы с тобой тут год стоим!».

несмотря на то, что трава под ногами рыжего ящера уже окрасилась и его собственной кровью, а не только кровью его врагов.

Конечно, киммерийцу не удалось бы так лихо обрубать противостоящего ему демона, не будь тот изранен Аррадерсом в предшествовавшем бою. Наконец клинок Конана сильно надрубил основание левого крыла; демон с жалобным визгом шлепнулся брюхом о землю.

И тут к киммерийцу повернулась круглая отвратительная башка Хатара. Ползун собирался извергнуть свой запас яда в ящера, но, верно, в визге грохнувшегося вниз демона прозвучал отчаянный призыв о помощи, и Хатар решил помочь.

Тем временем демон с костяным серпом окончательно обмяк и когти рыжего ящера разжались. Изорванное, окровавленное тело бесформенной грудой повалилось; и тут в дело, наконец, вступили ползуны. И, хотя Хатар вновь промахнулся, киммериец быстро прыгнул, услышав знакомое шипение — клыки и щупальца ползуна оказались куда как опасны.

Метко ударивший хвост ящера распорол броню на боку одноглазого демона, однако метнувшиеся десятки щупалец оплели одну из четырех когтистых лап, немилосердно ее выкручивая.

Послышался жуткий хруст: Хатар впился зубами в бедро ящера.

Из глотки рыжего гиганта вырвался отчаянный крик. Это была просьба о помощи, самая отчаянная просьба, какую когда-либо на смертном поле доводилось слышать Конану — потому что просившему грозило нечто куда более худшее, чем смерть.

Казалось, ползуны напрочь забыли о Конане. Ящеру уже не удавалось удерживать их на почтительном расстоянии, они вцепились в гиганта, оплетая его тело десятками и десятками гибких, но очень сильных щупалец. Очевидно, до тупого умишки Хатара наконец дошло, что нечего тратить силы и время на ловкого и подвижного киммерийца; нужно покончить с рыжим ящером; в такую громаду в несколько футов при всем желании невозможно...

Противник Конана издал жалобное курлыканье. Ящер и ползуны сплелись в один ревуший, рычащий,

бьющийся, окровавленный клубок; летучий демон остался один на один с разъяренным киммерийцем. Израненный, с надрубленным крылом, которое бес- сильно волочилося по земле, зверь Сета уже и не помышлял о нападении, лишь кое-как отбиваясь от стремительных атак северянина.

Рыжий ящер закричал вторично. Одна из четырех его лап, сломанная, беспомощно свисала вдоль тела; зато когти трех других вонзились глубоко в плоть Хатара, неловко оказавшегося перед резко поверну- шимся вожаком. Гигант тряс ползуна за загривок, словно котенка; из-под когтей ящера летели красные струйки, Хатар отчаянно мотал круглой башкой, но нацелить свой смертоносный язык на своего против- ника ему никак не удавалось. Громадные рваные раны на его спине становились все больше и обильно кро- воточили; каждый новый взмах когтистой лапы ящера заставлял Хатара корчиться от страшной боли; плоть безногой твари клочьями летела в разные стороны.

Зато одноглазый ползун несколько преуспел. Его гро- мадные зубы почти перегрызли мощное бедро рыжего гиганта, щупальца, изловчившись, оплели и начали вы- ламывать вторую лапу; хвост мятежного демона несколь- ко раз со свистом стегнул по спине и бокам одноглазого существа, оставляя длинные рваные раны, но ползун лишь глухо взреывал от боли, не оставляя хватки.

Конан понял, что еще немного — и его неожидан- ного союзника будет ожидать очень печальная участь; понимал — и в то же время никак не мог окончательно разделаться с неуклюже семенящим перед ним крыла- тым демоном. Тот защищался из последних сил; однако одолеть его даже сейчас было куда как непросто и такому великоленному воину, каким был киммериец.

Меч Конана раз за разом погружался в тело твари Сета — та дергалась, хрипло вопила — но отдавать концы, несмотря ни на что, явно не собиралась; ким- мериец никак не мог нанести последнего удара.

А тем временем Хатар, корчась в муке, запрокинул- таки залитую кровью голову, его язык показался между изломанных страшным ударом ящера челюстей — и струя яда брызнула прямо в глаза рыжему вожаку. И увернуться от нее он уже не успел.

Левая половина громадного тела замерла, словно оледенев; две лапы отказались повиноваться, и счастье еще, что одна из них и так была сломана, а вторую оплели десятки щупалец одноглазого ползуна. Однако и силы двух оставшихся правых лап хватило, чтобы яростным движением, в котором сквозила сила обре- ченности, с корнем вырвать почти все хватательные отростки из спины Хатара; сжимавшая шею ползуна лапа погружалась все глубже и глубже в тело, и вот, наконец, достигла шейных позвонков. С глухим ревом, в котором смешались и торжество, и боль, рыжий ящер вырвал лапу из глубокой раны; в окровавленной трех- палой кисти смутно белело начало позвоночного столба.

Морда Хатара ткнулась в измятую и залитую кровью траву; тело его тотчас обмякло.

Казалось, можно было бы торжествовать победу; однако в тот миг не выдержала наконец и берцовая кость рыжего ящера, треснув под зубами одноглазого ползуна. С отчаянным, совершенно человеческим кри- ком гигант повалился набок. Ползун тотчас же потя- нулся зубами к его горлу, одновременно обвивая щу- пальцами еще действовавшие лапы своего противника.

«Ну же, Конан!»

Отбросив осторожность, варвар бросился в послед- нюю атаку. Он рычал и ревел ничуть не тише тварей Сета; летучий демон попытался было отпрыгнуть назад, но прыжок киммерийца был для него слишком быстр. Меч сияющей полосой сверкнул в воздухе; и без того искромсанное крыло отвалилось, отрубленное напрочь; вторым ударом северянин вогнал меч в бок врага по самую рукоятку. И на сей раз клинок дошел до глубоко упрятанного сердца.

Выдернув меч из опрокинувшейся набок туши, се- верянин поспешно развернулся. Он увидел одноглазого ползуна, уже обвившегося вокруг поваленного ящера, увидел кровь на горле мятежного демона...

— Айана! — неожиданно для самого себя крикнул Конан, бросаясь в атаку. Пять или шесть щупалец по- пытались остановить его, метнулись наперерез; он сру- бил одно, проскользнул между двумя другими, пинком ноги отбросил четвертое... В два прыжка Конан оказался рядом с поверженным гигантом, вскочил на твердое,

покрытое мощной роговой чешуей плечо и, уже чувствуя обвившееся вокруг пояса щупальце ползуна — оно подобралось сзади — что было сил рубанул по оставшемуся еще целым громадному фасеточному глазу.

Второй удар рассек вцепившееся в киммерийца серое щупальце; источающая непереносимый смрад пасть ползуна щелкнула возле самой груди Конана, и в тот же миг поваленный ящер, собрав последние силы, вонзил свои смертоносные когти в бок ползуну, примерно футах в трех ниже головы.

Рыжий ящер умирал, из широких ран на горле хлестала дымящаяся кровь, но мускулы его еще действовали и он щедро тратил последние мгновения отпущенного ему существования, пытаясь спасти киммерийца — меч Конана завяз в кости нижней челюсти чудовища, в плечи и торс варвара вцепились разом штук десять или даже больше хватательных хоботов, неумолимо тянувших северянина к разверзнутой смрадной пасти... Сил сопротивляться уже не оставалось.

Конан отчаянно упирался руками в нижний край пасти, когда когти рыжего ящера взломали панцирь ослепленного ползуна, пронзили толщу плоти и одним движением в ключья разорвали сердце демона.

И тут яд, извергнутый чуть раньше Хатаром, добрался до нервных узлов и правой половины тела умирающего ящера; он оказался полностью парализован.

Тело мертвого ползуна медленно покосилось и с мокрым громовым шлепком свалилось на землю. Смертельные объятия разжались. Конан скатился вниз.

Встать оказалось нелегко. Прощальные объятия чудовища, казалось, переломали все до единой кости в теле киммерийца; кое-как помогая себе рукой и опираясь на меч, Конан поднялся, все еще не веря, что остался в живых.

Рыжий ящер медленно повернул к человеку уродливую голову; из рваных ран на шее выплеснулась кровь, видны были судорожно содрогавшиеся мышцы. Демон страшным усилием превозмог на несколько мгновений мертвящее действие яда. Страшные челюсти приоткрылись, и тихий хриплый голос с натугой произнес, обращаясь к неподвижно застывшему человеку:

— Убей меня этим мечом, друг!

Слова еще не успели отзвучать, как яд Хатара добрался до мускулов шеи и гортани. Демон умолк, теперь говорить могли одни только его глаза — однако Конан в жизни своей не видывал более красноречивого взгляда.

Киммерийцу доводилось слышать о свирепых обрядах некоторых племен пустыни, которые приканчивали тяжелораненных прямо на поле боя, дабы не умножать их мучения, но самому ему такое проделывать еще не приходилось. Он мог с легкостью положить в бою не один десяток врагов, без всякого сожаления. Но убить беспомощное... беззащитное... да еще и спасшее тебя, пусть даже и жуткое страшилище, сотворенное злобным ночным демоном?..

«Убей же, не медли!» — отчаянно молили глаза умиравшего ящера. Человеческие глаза.

Конан даже закусил губу от злости на самого себя. И это он-то, уже давно потерявший к девятнадцати зимам счет убитым врагам — он не может подойти и облегчить страдания этого существа, неважно, демон он или, как Аррадерс, человек в чужом для него теле?!

«Ну же, во имя Крома!» — прикрикнул сам на себя киммериец. И — шагнув к умирающему гиганту, киммериец одним коротким и точным ударом вогнал меч в грудь ящера. Отчего-то он не сомневался, что бить следует именно сюда и что клинок быстро дойдет до сердца, без мучений оборвав нить жизни поверженного демона...

Тело в рыжей чешуе дернулось один-единственный раз и замерло. Ящер был мертв. Конан остался один посреди мертвого поля, посреди широкого круга вытоптанной травы и взрытой почвы, щедро орошенной кровью сражавшихся. А над головой весело и безмятежно светило невозмутимое солнце, которому все равно — празднуется под его ласковыми лучами веселая свадьба или же идет смертельный и кровавый бой...

Так или иначе, Роща Свайoley, священная Роща дриады Айаны, была спасена. Киммериец исполнил взятое им на себя обещание. Твари Сета были мертвы — все до единой; однако что-то мешало Конану равнодушно повернуться спиной к побоищу и уйти восвояси требовать с хозяйки рощи обещанную награду. Киммериец во все глаза смотрел на распростертое тело рыжего ящера; и, хотя он ни на секунду не отводил

взгляда, киммериец так и не смог понять, в какой момент тело чудовища внезапно утратило свой ярко-огненный цвет, исчезла чешуя, громадное туловище внезапно сжеглось, втянулись далеко выдававшиеся вперед челюсти, исчез шипастый хвост, бесследно пропала вторая пара верхних когтистых лап... И лишь широко открытые мертвые глаза остались прежними.

Через несколько мгновений перед Конаном на земле появилось неподвижное и окровавленное человеческое тело.

— Кром! — пробормотал потрясенный киммериец.

Лежавший перед ним оказался невысоким, мускулистым и коренастым мужчиной, с короткой и аккуратной черной бородой клинышком и чуть вьющимися черными волосами. Скулы чуть выдавались, на оливковой коже лба виднелся застарелый беловатый шрам, оставленный, скорее всего, от сабельного удара — погибший был, без сомнения, воином и притом туранцем.

— Гатадес!.. — прошептал киммериец.

Конан ни разу не видел этого таинственно исчезнувшего капитана тиридатовой гвардии, но помнил ходившие одно время по Шадизару слухи. Судя по описанию, погибший несколько смахивал на исчезнувшего, но можно ли в полной мере доверять молве?

Тем не менее, бросать его здесь было, конечно, нельзя. Киммериец взвалил тело себе на плечи и по-неволе медленным шагом двинулся в глубь священной Рощи. За его спиной, привлеченное острым запахом крови с громким хлопаньем черных крыльев быстро слетелось ненасытное воронье.

ЭПИЛОГ

Айана продолжала сладко спать, когда киммериец со своей страшной ношей на плечах добрался до ее небольшого домика. Конан протянул было руку — потрясти дриаду за плечо — но, взглянув на свои грязные, покрытые засыхающей кровью демонов пальцы, тянущиеся к белоснежному чистому плечу прекрасной хозяйки Рощи Свайолей, внезапно передумал, и его ладонь опустилась.

— Эй, Айана, — негромко окликнул он ее. — Проспайся, все кончилось.

— Кончилось?! Что?! Что кончилось? — непонимающе вскинулась со сна дриада. — Конан!.. — вырвалось у нее, как только она смогла получше разглядеть стоявшего перед ней усталого воина. — Что... что случилось?!

— Что случилось?! — передразнил ее киммериец. — Все кончилось, женщина. Пойми это. Твои враги мертвы — все до единого. Они лежат там, — он указал направление кивком головы. — Можно сходить поглядеть... А теперь скажи мне — тебе знаком этот человек?

Взор Айаны упал на мертвое лицо Гатадеса.

— Конечно... — вырвалось у нее. — Это... это тот самый защитник, который погиб в бою у предпоследней рощи...

— Его надо предать достойному погребению, — жестко произнес Конан. — Он умер, как подобает умирать мужчинам. Хотел бы и я умереть так же.

Только теперь Айана наконец поняла, что случилось.

— Так ты... один... уложил всех демонов?! — замирая, еще боясь поверить в случившееся, прошептала она, глядя на варвара сияющими глазами.

— Не один! — отрезал Конан. — Если бы не Гатадес — да возвеселится его душа в чертогах Крома! — перед твоей рощей сейчас бы лежал я, а не они, а на месте Леса Свайолей... наверное, уже не осталось бы ничего живого.

— Ты великий герой! — восхищенно проворковала дриада.

— Да нет же! — вспыхнул северянин. — Я привык получать плату за сделанное. Слушай, женщина, я ведь не зря принес сюда это тело. Гатадес не погиб в прошлом бою! Его пленили и превратили в ящера — очевидно, прежнего все-таки сразил этот меч, — рука киммерийца похлопала по висевшему у пояса лезвию. — И тогда — как видно, в наказание, — Гатадеса поместили в то самое чудище, что погибло от его руки... Наверное, наложили особые чары, опутали волно... Впрочем, уже неважно, что они с ним сделали. Я сперва разрубил черный ошейник на Аррадерсе — и тот освободился; я решил, что для победы достаточно осво-

бодить от ошейников и остальных — но ошибся. Та, с костяным серпом — она ведь так и осталась рабыней Сета. Я было подумал, что с этими тварями все, значит, совсем по-другому... Ну и бросил я это дело, а, как выяснилось, зря. Ну что мне стоило... — киммериец с досадой оборвал себя, махнул рукой. — Ничего не подделаешь. Сожаление недостойно мужчины, а сделанного не переделаешь.

Рассказ киммерийца о случившемся длился не очень долго. Северянин тогда как-то не смог по обыкновению цветисто разукрасить свои подвиги. Тем не менее Айана охала, ахала, вскрикивала, всплескивала руками и вообще всеми возможными способами выражала свое восхищение и изумление.

— Я не ошиблась в выборе. Ты действительно величайший герой хайборийских земель!..

— Все это хорошо, женщина... Но давай поговорим о деле. Нужно ли мне охранять твою рощу и дальше, все тридцать оставшихся дней?

— А что, тебе тут плохо? — удивилась Айана. — Я думала... мне казалось... — она мучительно покраснела.

— Мой мир — там, — мотнул головой киммериец. — Ты прекрасна, о хозяйка Рощи Свайoley... то есть нет, — поправился Конан, видя увлажнившиеся глаза дриады, — ты и в самом деле очень нравишься мне, Айана... ты совсем не такая, как женщины в Шадизаре...

— Так почему бы тебе не остаться здесь, Конан? — медленно, тихо и очень серьезно проговорила Айана. — Я не показала тебе и тысячной доли тех тайн и чудес, что скрываются в моем мире. Здесь есть враги, чтобы сражаться с ними, есть золото, чтобы добывать его...

— А доброе вино тут найдется? — осведомился Конан. — И вообще, Айана, почему ты говоришь — мой мир, мой мир? Разве мы не в одном дне пути от Шадизара? Насколько я помню, мы ехали очень недолго.

— Мы в сотнях и тысячах лет пути от Шадизара, мой Конан, — ответила Айана. — Мне будет сложно объяснить тебе это...

— Да и не надо, — отмахнулся киммериец. — Я же знал, что тут не обошлось без колдовства... Впрочем,

это уже не важно. Но я все же хочу получить ответ: сколько еще продлится моя служба?

— Твари Сета мертвы, — ответила Айана. — И он еще не скоро сможет сотворить новых — звезды ему не благоприятствуют.

— Значит, — напирал Конан, — роще ничто не угрожает и я свободен?

Айана опустила голову.

— Я хотел бы получить свою плату и отправиться восвояси, — сказал киммериец. — Понимаю, не дело требовать с тебя все причитающееся мне, хотя, по-моему, здесь золото тратить все равно не на что. Мне пора, Айана. Больше для твоей рощи я сделать ничего не могу.

— Конан! — пролепетала дриада, еще ниже нагибая голову и в волнении стискивая переплетенные пальцы. — Конан, я должна покаяться перед тобой. Ты прав, здесь негде потратить золото — так же, как и неоткуда его взять. Прости меня, Конан... я обманула тебя. Я не платила тебе туранскими монетами. Это была лишь иллюзия, временный морок — не больше.

Киммериец побагровел, его густые брови грозно сошлись.

— А... как же та монета, которую я дал трактирщику?

— Мне пришлось потратить много сил, убеждая его в том, что ее украли у него из-под носа. Он теперь сильно горюет и клянет себя на чем свет стоит.

— Ты лгунья, женщина, — неожиданно ровным голосом произнес киммериец, глядя прямо перед собой. — Я подозревал это с самого начала. Ты и так обманом заманила меня сюда; что ж, нечего и удивляться твоей второй лжи. Ты использовала меня как тупого наемника, ты решила, что...

— Но ведь ты сражаешься только ради золота, разве не так? — вдруг прервала его дриада. — Разве ты отправился бы по собственной воле со мной, расскажи я тебе правду?! Мне нужно было спасти Рощу, Конан. Если бы она погибла, я сгинула бы тоже. А теперь... мой долг исполнен. Роща спасена. Если хочешь — убей меня; может, тебе станет от этого легче.

С минуту киммериец стоял, кипя от негодования, кусая губы и тиская в могучей ладони рукоятку завет-

ного меча. Его душило от ярости; он чувствовал, что его провели, точно мальчишку, заставив сражаться не на жизнь, а на смерть — и во имя чего?!

— Но разве, войдя в Рошу, ты не понял, что за нее стоит сражаться, несмотря ни на что? — услышал он слова Айаны. — А кроме того... — она вдруг положила обе ладони себе на живот. — Через девять месяцев у меня родится твой сын. Неужели ты не хочешь быть вместе с ним, чтобы сделать из него величайшего бойца всех бесконечных миров — ведь он унаследует не только твою ловкость, силу, храбрость, но и мою волшебную силу?

У Конана в глазах все помутилось.

— Отправь меня в Шадизар! — прорычал он, угрожая выдвигая клинок из ножен. — Отправь, не то...

— Поздно, Конан. — Айана выпрямилась, ее глаза горели торжеством. — Слишком поздно. Боги сделали свой выбор. Ты не уйдешь отсюда. Ты станешь родоначальником новой расы полубогов, хранителей спокойствия заповедных мест великих воителей, верных соратников тех, что сидят на Высоких Престолах. Граница закрыта, путь назад отрезан. Смирись, гордый воин!

— Кром! — зарычал северянин, выхватывая давно просившийся в дело меч. — Лучше бы ты позаботилась о бедняге Аррадерсе, ему-то вот точно закрыта дорога в мир людей — а не строила бы планы, как использовать меня тут, словно я — племенной бык. Нет, женщина. Это тебе не удастся. Ты уже трижды обманула меня. Я такое не прощаю. Клянусь моим пращуром, Кромом, я сам смогу порубить твою Рошу не хуже каких-то там жалких тварей Сета!

И тут заговорил Старейший свайоль.

— Отпусти его, Айана, — пронесся над притихшей Рошей его странный, нечеловеческий голос. — Он должен жить в своем собственном доме. Не удерживай дикого волка. Пусть он уйдет.

— Но так решили сами Высокие Боги, о Старейший! — вскричала дриада.

— Даже они не всеведущи и могут ошибаться. Следуй голосу своей совести, а не только исполняй их приказы.

— Голос моей совести как раз и велит мне удержать его! — в отчаянии воздела руки Айана. — Высокие Боги видят — я люблю его... я рожу ему сына. Я не хочу, чтобы он уходил!

— Но он этого хочет, — невозмутимо молвил Старейший. — Не препятствуй ему и смирись, о дочь Кристального Неба! И — поверь мне — я предвижу, что вы еще свидитесь.

— Нет! Нет! Нет! — кричала Айана, из глаз ее быстро-быстро капали слезы...

И тогда Конан решил. В этот миг его не заботило — кто эти Высокие Боги и что там соблаговолило втемешиться в их божественные головы; он хотел одного — вновь оказаться дома. В Шадизаре, на худой конец — в Киммерии или в Немедии; и он пошел на отчаянный шаг.

Рука киммерийца схватила дриаду за длинные, роскошные волосы; спустя мгновение меч Аррадерса был уже приставлен к ее груди.

— Эй, вы, там, вы, кого здесь именуют Высокими Богами! — надсаживаясь, заорал Конан прямо в небо, высоко задирая голову. — Немедленно отправьте меня домой, иначе, клянусь Кромом, мне придется сперва убить эту лгунью, а затем оставить от Роши Свайолей, которую я только что защищал, не щадя жизни, одни только пни! Выбирайте, и выбирайте быстро, я уверен, что вы меня слышите!

Сперва ответом ему была только страшная, гробовая тишина; Айана обмякла, похоже, лишилась чувств...

А потом воздух между Отцом-Древом и одним из ближайших к нему свайолей вдруг задрожал, точно над раскаленной железной печкой, и из этого мерцания вдруг появилась женщина, облаченная в свободные травянисто-зеленые одеяния. Прибывшая остановилась в пяти шагах от замершего киммерийца, который был не в силах оторвать глаз от самого прекрасного, воистину божественно прекрасного лица и внимательных бездонных глаз, полных тревогой и болью, что смотрели сейчас на него.

— Ты не знаешь, от чего ты отказался, Смертный, — прозвучал тихий голос, словно ветерок пробежал по ветвям кустов. — Но будь же по-твоему. Я не могу

рисковать жизнью моей единственной и любимой дочери, потому что я знаю тебя, киммериец Конан. Будь по-твоему! Ты хочешь оказаться вновь в Шадизаре?..

И не успел северянин промолвить и слова, как мир в его глазах померк, а когда спустя несколько секунд разноцветная карусель остановилась, он увидел, что стоит на пороге знакомой таверны Абулетеса. Дождь прекратился, над Шадизаром занималось утро; где-то в отдалении слышались унылые голоса начинавших рабочий день метельщиков и водоносов.

Конан оглядел себя. На его поясе висел его собственный старый клинок, меч Гатадеса исчез бесследно; однако кроме этого рядом с ножами обнаружился увесистый кожаный мешочек. Заглянув в него, Конан обнаружил, что кошель полон тяжелых туранских монет, и на сей раз это было нормальное золото, в меру потертое, в меру поцарапанное...

Киммериец ухмыльнулся и принялся считать добычу. Однако же, закончив это занятие, он только и мог, что с презрением покачать головой.

— Ну и скаредны же вы, именуемые Высокими Богами: вы заплатили мне ровно за три дня службы!..

Все еще усмехаясь и покачивая головой, Конан распахнул дверь таверны.

Глава 1

Зима в Туране — самое отвратительное время года. Хотя Ильбарские горы и защищают приморские долины от северных ветров, дождевые тучи почему-то проходят свободно — и, конечно, злобно вываливают свой холодный, мокрый, слякотный груз на головы туранских обывателей — впрочем, не только обывателей. Сам император, полубожественный Илдиз, покидает на это время Аграпур, предпочитая переждать зимнее ненастье в местах более теплых и не столь расточительных на грязь и сырость.

Но что же делать тем, кто тянет лямку опасной и трудной службы наемника? Илдиз был щедр со своими лучшими солдатами, однако если ты — Капитан Вольного Отряда, обязанностей твоих с тебя никто не снимет даже и в отсутствие Правителя.

В старом добром «Красном Соколе» все оставалось по-прежнему. Отставной десятник конницы Илдиза, Моти, днем содержал довольно-таки приличное даже по столичным меркам заведение, ночами же, не в силах совладать с Маммоной, помаленьку скупал краденое. И, быть может, не в последнюю очередь благодаря воровскому серебру в «Красном Соколе» совсем не дурно кормили и подавали славное неразбавленное вино, чем грешили иные, более «честные» содержатели других таверн.

Конан-киммериец, капитан отряда наемников в армии Илдиза, сидел в своей любимой Аграпурской таверне и пил свое любимое вино из драгоценной серебряной чаши ванирской работы, время от времени лениво обмениваясь с Моти проклятиями по адресу погоды.

Киммериец провел на плацу целый день, без устали гоня новобранцев — Илдизу все время было мало тех воинов, которые у него уже были. Зима тянулась медленно и скучно. В этот год небесные владыки, верно, за что-то разгневались на Туран — и вот уже целых два месяца, декабрь и январь, дождь со снегом сменялся снегом с дождем. Дары небес моментально таяли, пропитывая сыростью и жалкие лачуги, и роскошные дворцы. Вслед за императором из города потянулась в теплые края знать; в опустевших роскошных апартаментах оставались только дворецкие да немного стражи — а это означало, что приходит хорошее время для того, чтобы несколько облегчить карманы утопающих в золоте толстосумов...

Конан сидел, потягивая вино, и прикидывал в уме, куда имело бы смысл нанести визит нынешней ночью. Жалованье его тотчас по получении уплывало в кошельки содержателей питейных заведений и к веселым потаскушкам, коими всегда изобиловал славный Аграпур. И, кроме того — постоянный риск был нужен киммерийцу не меньше, чем хорошая девка. Без женщин и опасностей жизнь мужчины тотчас же утрачивает всякий смысл, считал двадцатичетырехлетний киммериец, и по мере сил старался, чтобы иметь в достатке и того, и другого. Приветствовалося, разумеется, если риск завершался хорошим вознаграждением — желательно в звонкой монете.

«Так... Хан Хижрак отправился восвояси позавчера... нет, к нему идти рано — слуги еще не перепились как следует. Эмира Адраж — нет уже полторы недели. Вон, вчера ванир — золотых дел мастер говорил, что Адраж взял у него работу, а денег не заплатил, уехал и даже управляющего не оставил. Вот и славно. К нему и наведемся». — Конан досадливо дернул щекой. Тфу, пропасть, до чего же тоскливая житуха — он, Конан-киммериец, король воров Арэнджуна и Шадизара, лучший — без хвастовства! — взломщик Аграпура, да что там Аграпура, всего Турана! — вынужден лезть за пригоршней жалкого золота. Не за сказочным самоцветом, мечтой магов и королей, не за чудодейственным талисманом, не за полной ужасных тайн чародейской книгой — за обыкновенным презренным золотом,

которые обращались столовые чаши и кубки, а также тому подобная чепуха. Нет, нельзя сказать, чтобы киммериец пренебрежительно относился к деньгам, он-то как раз относился к ним с большим уважением; однако в голове его густо роились планы разбогатеть за один присест, после чего прикупить себе небольшое, но уютное королевство, где и можно будет славно проводить время в промежутках между подобающими для мужчины занятиями, а именно: войнами. Копить же по грошу — удел труса и скряги.

— Благодарю тебя, Моти, — киммериец поднялся, бросив на прилавок мелкую серебряную монету.

— Что-то ты сегодня рано, — подивился трактирщик. — Куда ты пойдешь? Дождь, как из ведра... Да еще и снег вроде как сейчас повалит. Оставайся, Пила с Зариной сейчас выйдут танцевать...

— А, меня что-то тошнит сегодня от женских животов и ляжек, — отмахнулся киммериец.

Моти понимающе прищурил один глаз.

— О, прости меня... — он ухмыльнулся. — Ну, как открывается задняя дверь в трактире, ты, надеюсь, помнишь.

Конан скорчил Моти гримасу и — для остротки, чтобы хозяин таверны не становился чересчур уж запанибрата, от души хватил кулаком по столу так, что треснули толстые дубовые доски.

— Видал? Так что придержи язык, — внушительно произнес киммериец, вставая и запахивая плащ. Несколько поблудневший Моти поспешно кивнул.

Едва Конан захлопнул за собой дверь таверны, как в лицо ему угодил здоровенный ком рыхлого, тающего, раскисшего снега, как нельзя некстати свалившегося с крыши. Киммериец выругался и сплюнул. Ночь началась — хуже некуда, вдобавок дождь и в самом деле шел довольно сильный. Завернувшись в плащ, Конан пустился в путь по темным, залитым водой улицам. Он шел уверенно и спокойно, высоко держа голову — как и должен, само собой, ходить Капитан императорской армии, пусть и командующий не золотопанцирной дворцовой гвардией, а лишь отрядом наемников, которых втрапливают в самые опасные и чреватые потерями дела...

От «Красного Сокола» до роскошного, недавно отстроенного дворца Эмира Адража было не так и далеко. Киммериец миновал Медную Улицу, спустился с холма Мадана, вновь поднялся — теперь на Холм Ифритов, миновал небольшой участок замощенной и широкой Торговой Улицы, свернул еще раз за угол — и оказался у цели.

Эмир, надо отдать ему должное, понимал толк в дворцах. Сложенное из розового камня строение располагалось посреди обширного сада, скорее даже парка, окруженного высокой стеной. Сам дворец был трехэтажным; в стороны расходились двухэтажные крылья, охватывая специально выкопанный проточный пруд, где в теплое время жили удивительные животные, вывезенные эмиром откуда-то из тропических лесов, что лежат за Черными королевствами. Животными этими были не какие-нибудь там крокодилы или, скажем, бегемоты — но твари жуткие, древние и страшные, названий которых не знал никто — быть может, что и сам эмир. Одно время по Аграпуру ходили мрачные слухи, что слуги Адража ловят по ночам пьяных нищих, чтобы скормить их ужасным живым игрушкам своего повелителя. Конан поверить в эти байки не поверил, однако ухо решил держать остро — слишком уж часто на его пути попадались всякие малоприятные твари из давно ушедших столетий, которых роднило только одно: любимым их лакомством служила человеческая плоть.

Конан прижался к стене. Ее складывали из гладких, тщательно пригнанных друг к другу блоков, справедливо полагая, что главной преградой злоумышленнику всегда служит не столько высота стены, сколько невозможность на нее вскарабкаться. Здесь рабочие потрудились на славу — поверхность камня была словно отполирована.

Киммериец ухмыльнулся. Во всем мире не построено еще такой стены — полагал он — чтобы остановить его; ведь всего-то дел — забросить наверх крюк с веревкой!

Не долго думая, он так и поступил. Однако стоило четырехзубому якорю-кошке зацепиться за гребень преграды, как до чуткого слуха Конана донесся слабый,

еле слышимый, но отчетливый звон сигнального колокольчика в помещении стражников. Звон этот никогда не услышал бы обычный хайбориец, избалованный и изнеженный безопасной жизнью в городах — но Конан никогда не был избалованным хайборийцем. Его ухо приучено было слышать шуршание в траве летней ночью за несколько десятков шагов.

Киммериец досадливо скрипнул зубами. Эмир оказался несколько умнее, чем можно было ожидать, глядя на его заплывшую жиром физиономию и крошечные пороссячи глазки. Очевидно, там, поверху, были натянуты нити, проведенные в кордегардию; любой другой взломщик счел бы за лучшее отступить, выждать более благоприятного момента, любой — но только не Конан. Неожиданные препятствия возбуждали в нем такое желание одолеть их, что Конан уже не отступал ни под каким видом. Что ж, раз для нас закрыли черный ход — войдем через парадный.

Конан ловко взмахнул рукой, посылая по веревке бегущую волну, потом подобрал упавший к его ногам якорь и спокойно двинулся к главным воротам дворца.

Навстречу ему из-за завесы дождя внезапно вынырнули восемь фигур; стражники, тяжело топоча по размокшей грязи и вздымая сапожищами фонтаны коричневых брызг, со всех ног спешили к тому месту, где неведомый вор попытался вскарабкаться на стену. Конан не без основания полагал, что сейчас примерно вдвое больше таких же стражников рассыпались по парку в поисках злоумышленника. Ну и пусть их.

— Куда это вы так, ребята? — любопытствовал киммериец у стражников, когда они всей толпой налетели на него.

— Э... а... ых... а ты-то кто такой? — не слишком дружелюбно смерил Конана взглядом старшина стражников, запыхавшийся от быстрого бега. — Кто ты такой и что ты делаешь здесь?!

В узких глазах караульного Конан прочел страх и недоверие. Киммериец легко мог представить себе, как этот стражник пытается думать — способность, которая никоим образом не процветала среди простых воинов

Турана: «Подозрительный тип... в такой дождь, и здесь... нет, тут дело нечисто...»

— Иду по улице — вот что я здесь делаю, — невозмутимо ответил Конан. — Кажется, это еще никому прежде не возбуждалось.

— Ты что, это же капитан Конан! — прошипел в самое ухо старшему один из стражников. — Не задирай его, а то он враз отправит всех нас раздувать огонь под котлами Преисподней!

— Капитан Конан? — старший по-прежнему сомневался. — Ладно, проводи его, Бержак! Остальные за мной!

— Куда проводить-то?! — запоздало крикнул в спину своим товарищам оставленный с Конаном воин, однако те, сопя и пыхтя, уже заворачивали за угол. Караульщик остался топтаться в недоумении.

— Ну, и долго ты намерен тут торчать? — не слишком любезно осведомился Конан. — Я не снес твою пустую башку лишь из уважения к твоему почтенному хозяину. Идем, не стой, как столп!

— Куда? — со страхом пробормотал воин — щуплый, невысокого роста, он даже в своем высоком шлеме едва доставал до плеча здоровенному киммерийцу.

— Куда-куда! — со злостью передразнил его Конан. — Ясное дело, к вам в караульню! Надеюсь, я смогу там хоть чуть-чуть обсушиться.

Совсем подавленный властным, повелительным тоном Конана, стражник покорно повел его вперед. Вскоре показались ворота, ведущие в парк: тяжелые железные створки были наглухо закрыты. Спутник Конана торопливо забарабанил в маленькую дверь висячим железным кольцом.

Открылся смотровой глазок.

— Это ты, Бержак? — осведомился голос из-за двери. — А кто это с тобой?

— Капитан Конан! — с отчаянием выкрикнул маленький стражник, торопясь как можно скорее разделиться с непонятным и оттого пугающим поручением. — Старший велел проводить его...

— А, ну, заходите, — дверь со скрипом отворилась.

Пригнувшись, киммериец зашел внутрь.

За воротами, естественно, оказалась та же самая промозглая дождливая ночь, что и снаружи; однако из открытых дверей караульни падал уютный свет от горящего очага, слышался говор нескольких мужских голосов и вкусно пахло жареным мясом.

— Ноги отсохли? — Конан пихнул своего растерявшегося провожатого в спину. — Долго мы еще тут мокнуть будем?

Растерявшийся стражник угодливо посторонился, пропуская Конана вперед. В просторной кордегардии действительно жарко пылал камин, действительно готовилось мясо над стоявшей в углу жаровней, полной синеющих углей, действительно стоял жбан с добрым замбулийским вином — словом, имелось все, что необходимо мужчине, чтобы переждать ненастье. Все, кроме девушек.

Пятеро воинов, сражавшихся в кости, оторвались от игры и уставились на пришельцев. «Хотел бы я знать, почему они здесь, а не ищут вора по саду?» — мелькнуло в голове киммерийца.

Однако он знал, как нужно вести себя в таких случаях: пара крепких словечек по адресу погоды, соленая шутка, нарочно проигранный кон. Вскоре Конан расположился в караульне так же непринужденно, как и в казарме своего собственного Вольного Отряда. Его знали. Хотя многие из выполнявшихся киммерийцем поручений короля Илдиза значились строго секретными, какие-то слухи все равно просачивались. О Руке Нергала, например, о Городе Черепов или Камнях Курага...

Добрая застольная беседа только-только начала разворачиваться, как вдруг снова грянул колокол. Он помещался где-то рядом, за стеной караульни; дверь распахнулась, и всунувшийся стражник проорал:

— Опять лезут на стену!

Киммериец едва не разинул рот от удивления.

Все до единого стражники вскочили на ноги, включая и низкорослого Бержака.

— Извини, капитан, но тебе нужно уйти, — развел руками старший над этими воинами. — Сам понимаешь, служба наша такая...

— Конечно, старшина, — кивнул киммериец, нарочито небрежно поднимаясь и шагая к дверям вместе со всеми. План Конана мог удасться только при абсолютной точности и молниеносности каждого движения. Шаг за порог вместе с толпящимися, толкающимися стражниками; ложное движение влево, к калитке в железных воротах; сильный рывок за кольцо и прежде, чем торопящиеся стражники успевают что-либо сообщить, киммериец уже оказался в узкой щели между створкой и стеной. В суматохе стражники не должны были ничего заметить... или заметить через несколько секунд, которые только и были нужны Конану.

Однако все вышло намного загадочнее.

— Э, а куда этот капитан делся? — внезапно остановился, как вкопанный, один из стражников.

— Да он же за калитку вышел, — заметил Бержак. — Вон он идет!

Недоверчивый стражник не поленился выглянуть за ворота.

— И в самом деле, уходит, — услышал оторопевший Конан. — Ну ладно, запираем и айда за остальными! У колокола — Ездра и Хафар.

Воин протянул руку — закрыть калитку. Она помещалась в левой части ворот, подле самой стены карательного помещения; закрывая железную створку, стражник, естественно, смотрел уже в другую сторону — что толку глазеть на гладкие камни? Закрывая калитку, он уже отворачивался, пусть на считанные мгновения, однако и их хватило Конану, чтобы бесшумной тенью скользнуть за спиной у незадачливого стражника в темноту парка.

Остальное было делом привычки. Конан не позволил себе удивляться и изумляться по поводу того, что же сбило стражников эмира с толку; мягким стремительным шагом, так, что ничего не хрустело и не шуршало под ногами, он пробирался между деревьями.

Проложенная от ворот широкая дорога была вымощена камнем; она вела к парадному входу во дворец. По пути она огибала мрачно чернеющий пруд; на всякий случай киммериец обошел его подальше. Кто знает, действительно ли эмир Адраж держал там своих чудовищ только летом?

Окна огромного дворца были темными. Стены покрывал сплошной слой причудливой лепнины, изображавшей гирлянды сказочных цветов, среди которых резвились невиданные, причудливые звери — словом, было сделано все, чтобы облегчить киммерийцу подъем. Конан взлетел вверх по отвесной стене дворца так же легко, как поднялся бы по лестнице.

Окно отворилось быстро — рама отошла, поддавшись простому нажатию коротким и толстым кинжалом. Еще мгновение — и киммериец оказался внутри, угодив в мягкий полумрак. Подосадовав на то, что он оставляет мокрые следы на мраморном мозаичном полу, Конан осторожно двинулся вперед.

Прежде он ни разу не бывал здесь — однако аграпурские дворцы не отличались разнообразием планировки. Как правило, все здание по периметру опоясывал сквозной коридор, а окна залов, спален и тому подобного выходили во внутренние дворы. Точно так же был выстроен и дворец Адража.

Киммериец проходил мимо драгоценных, шитых золотом и серебром шпалер, мимо стоявших целое состояние скульптур, вывезенных из далекого Кхитая и тому подобных вещей. Пока стражники будут гоняться невеста за кем по темному парку, он, Конан, должен добраться если не до сокровищницы, то, по крайней мере, до личных покоев эмира, где может найтись нечто не слишком большое, но достаточно ценное — что особенно важно, не такая вещь, которая известна всему городу и которую невозможно будет сбыть даже за десятую часть настоящей цены.

Коридор дворца освещался редкими масляными светильниками на стенах. Горела лишь одна из каждых пяти таких ламп, едва-едва рассеивая сумрак. Дворец казался пустым; инстинкт подсказывал Конану, что все оставшиеся слуги собрались сейчас где-то внизу, в людской — и вряд ли какой-нибудь особо рачительный холуй решит лишний раз совершить обход. Тем не менее подобная мысль все же могла прийти в голову кому-то из этих олухов — следовало поторопливаться.

Вскоре киммериец оказался перед высокими двустворчатыми дверями из драгоценного розового дерева. Конан коснулся ручки — замок был заперт. Киммериец

усмехнулся, всунул лезвие кинжала в щель — и спустя минуту дверь покорно распахнулась.

Конан огляделся. Это был громадный торжественный зал; вдоль стен теснились столы с золотой и серебряной посудой. Пожалуй, на сей раз сойдет... вон, кубки, — и продать легко, и унести можно много. Недолго думая, киммериец принялся переправлять чаши одну за другой в свой заплочный мешок.

Если бы стражник появился даже в самом дальнем конце коридора, Конан непременно услышал бы его шаги. Однако человек за спиной киммерийца возник совершенно бесшумно. Темная фигура — высокая, плечистая, с длинным мечом на правом боку — на правом, а не на левом, как у большинства воинов. В тишине раздался негромкий, приглушенный голос, выговаривавший хайборийские слова четко, но со странным носовым акцентом:

— Оставь на время занятие свое, о достославный Конан...

Киммериец с быстротой и ловкостью тигра повернулся на голос. Клинок словно сам собой оказался в руке. Конан поднял оружие в первую позицию — обе руки на эфесе, острие смотрит вертикально вверх — и мягкими шагами двинулся навстречу невесте откуда взявшемуся пришельцу.

— Нам нет нужды сражаться с тобой, о Конан, — не прикасаясь к оружию, прежним тихим голосом произнес странный гость. — Если бы не я и мои товарищи, тебе не удалось бы так легко и просто проникнуть сюда. Как ты думаешь, кто устроил тревогу, попытавшись влезть на стену, когда ты сидел в караульне? И как ты думаешь, чью спину видели стражники, когда ты затаился за створкой? Да и неспроста мы сумели сделать так, что ты полез к Адражу...

Киммериец чуть опустил меч. Он узнал в собеседнике человека, который, представившись ювелиром, и навел его на дом Адража.

— Чего ты хочешь? — Он был готов к любым неожиданностям. Пока не стоило ломать себе голову, что это за тип и откуда он взялся — раз пришелец в настроении поговорить, то пусть говорит... а там видно будет.

— Я хочу, чтобы ты сделал для меня кое-что. За приличное вознаграждение, разумеется.

Этот оборот разговора был Конану хорошо знаком. Его не раз нанимали для исполнения всякого рода тайных дел, требовавших звериной ловкости и отваги, которыми не смог бы похвастаться ни один из малопочтенного общества аграпурских воров и наемных убийц.

— А ты не мог найти более подходящего момента? — зарычал киммериец. Его начинало раздражать зло — в самом деле, эти остолопы что, с ума все посходили? Устраивать разговоры — и где?! В зале роскошного дворца, когда по окрестному саду в поте лица рыщет многочисленная стража!

— Сейчас, к сожалению, единственно возможный момент. Мы могли поговорить только здесь, — сухо заметил пришелец. — Чуть позже я все тебе объясню — а пока просто послушай меня!

— Я не привык, чтобы мне приказывали всякие проходимцы! — последовал немедленный ответ. — Отойди с дороги, или, клянусь Кромом, убью!

— Я не сомневался, что ты ответишь именно так, — вздохнул странный пришелец. — Но, может, ты все-таки выслушаешь меня, а уж потом станешь хвататься за меч?

— Говори, но быстро! — Киммерийца раздражало любопытство и он ничего не мог с собой поделать. В стоявшем перед ним человеке он не чувствовал никакой потусторонней силы. Что ж... пусть скажет. Убить всегда успеем.

— Далеко отсюда, на востоке, на границе Кхитая и Вендии, есть потайной храм. Нужно пробраться в него и похитить хранящуюся там статую одного божества. Статуя нужна нам — а ты получаешь все золото храма. Возьмешь столько, сколько сможешь унести или увезти.

— Тайный храм? — недоверчиво прищурился Конан. Ему было уже далеко не четырнадцать, чтобы слушать подобные байки с раскрытым ртом и горящими глазами. Кроме того, ему совершенно не улыбалось тащиться на другой край света, даже если ему пообещают все золото мира, вдобавок — при таких обстоятельствах.

— У нас очень мало времени, — продолжал гость. — Пока мои братья водят за нос стражу, ты должен дать нам ответ.

— А если я откажусь? — прищурился Конан.

— Тогда ты не выйдешь отсюда, — вздохнул его собеседник. — Впрочем, так же, как и мы.

— Сколько можно толочь воду в ступе?! Клянусь Кромом, объясни мне — и, по возможности, быстро — почему мы можем говорить только здесь? Что, других мест не существует?

— Отчего же? Просто именно во дворце Адража хранится одна древняя вещь... она не дает услышать наш разговор тем, кому это знать совершенно не следует — и кто дорого бы дал, чтобы пронюхать, о чем мы тут беседуем!

— А, может, эту вещь следует просто украсть? — деловито предложил Конан.

— Мы поставим на ноги весь дворец и ничего не добьемся. Адраж хитер — он поставил стеречь свою главную сокровищницу вывезенных из-за Черных Королевств чудовищ. Придется их перебить, а это вызовет много шума...

— Позор — бежать от опасности, не взглянув на нее даже одним глазом! Веди, а там разберемся.

— Ты действительно этого хочешь? — незнакомец откинул капюшон и впервые взглянул прямо в глаза Конану. — Тогда мы действительно не ошиблись в выборе. Кстати, я не представился — Скарфен, я родом из Ванахейма.

Мгновение Конан смотрел на Скарфена — резкое, заостренное лицо, глубокие морщины возле углов рта и под глазами, бескровные, твердо очерченные губы, едва заметные в густой поросли усов. Подбородок выбрит тщательно, до синевы; на нем заметен неглубокий, полувзрослый шрам в виде пятиконечной звезды. Серые волевые глаза, однако на самом дне их таились тщательно укрываемый от всех страх. «Он чего-то очень боится, этот Скарфен, — мелькнуло в голове Конана. — Хотел бы я знать — чего... Не стражников же, ясное дело!»

— Идем, — позвал киммерийца ванир, отбрасывая с прочерченного складками лба светлые густые волосы. — Надо спуститься в подвал.

— Ты что-то слишком хорошо знаешь этот дом, приятель, — заметил киммериец.

Скарфен криво ухмыльнулся.

— Тебе повсюду чудится предательство, Конан-киммериец... Что ж, не могу не признать твоей правоты — осторожность превыше всего. Я не следовал этому мудрому правилу... и вот поплатился.

— Может, пока идем, ты расскажешь мне, что там за чудовища? Если я правильно тебя понял, в доме нет охраны?

— Да, только слуги внизу, — кивнул Скарфен. — Но они уже изрядно выпили вина с подмешанным в него сонным порошком и теперь, полагаю, уже видят десятый сон.

— Тогда что же ты нес насчет того, что мы поставим на ноги весь дворец? — удивился Конан.

— Если бы во дворце были одни только люди... — вновь криво усмехнулся ванир. — Адраж хитер. Слуги-то спят, а вот иные сторожа — они-то могут проснуться...

— Все равно ничего не понимаю, — пожал плечами киммериец. — Если есть иные сторожа, как ты выразился — почему они до сих пор не подняли тревогу? И зачем такие сторожа, если есть другие твари, те, что из пруда?

— Откуда ж мне знать? — в свою очередь пожал плечами Ванир. — Мне известна одна легенда, но сейчас неподходящее время для рассказов.

Ведя такую беседу, они оставили позади длинный, поражающий богатством убранства коридор и начали спускаться вниз по неприметной узкой лестнице, явно предназначенной для слуг.

Они спустились на первый этаж и ванир свернул в невзрачный коридор, один из тех, что вели к людским, кухням, поварским, кладовым и прочим подобным частям дворца. Кругом царил мертвая тишь; масляные светильники стали совсем редкими.

Затем коридор внезапно раздвоился и Конан со Скарфеном запутались по настоящему лабиринту узких проходов и комнатушек, забитых какой-то хозяйственной утварью, вроде тазов и веников.

— Это где-то здесь, — Скарфен остановился возле совершенно неприметного участка стены, ничем не отличавшегося на первый взгляд от соседних. Киммериец снял со стены ближайший светильник и поднес его к самому камню. Потайные двери всегда занимали его и он упорно старался развить в себе умение замечать тщательно замаскированные швы и щели.

— Не старайся, — заметил ванир. — Это строили не люди. Тут не помогут и все твои воровские ухватки. Придется ломать!..

Конан не успел удивиться словам Скарфена, как тот выпрямился, раскинул руки в сторону и, покачиваясь из стороны в сторону, что-то негромко забормotal нараспев. И, по мере того, как тек поток странных гортанных созвучий, тусклый свет вокруг двух искателей приключений меркнул все сильнее и сильнее, тьма наступала, окружая киммерийца и ванира сплошной непроглядной стеной. Ладони Скарфена начали слабо светиться; лицо же позеленело, приобретая совершенно трупный цвет. Казалось, из-под капюшона скалится усмевающийся череп.

«Магия! — подумал Конан. — Ох, мало мне было Иллианы и этого безумца с Камнями Курага!» Киммериец всегда старался держаться подальше от всякого рода чародеев и некроматов; однако почему-то всякий раз получалось, что ему приходилось либо сражаться с оными, либо иметь их в союзниках...

На всякий случай киммериец отступил в сторону — и вовремя, потому что между разведенными далеко в стороны ладонями ванира вспыхнула ослепительная, сверкающая дуга зеленоватого пламени — словно снопы ветвящихся молний — и, развернувшись, Скарфен вонзил пламенную стрелу в сплошной камень стены.

Едва коснувшись гладкой поверхности, огненная дуга исчезла — зато тем же зеленым огнем засветились очертания искусно замаскированной двери; там, где полагалось находиться замку, мгновение бился яростный клубок пламени — а потом дверь бесшумно распахнулась.

Открылся узкий проход, залитый мраком; прямо от порога уходила куда-то вниз винтовая лестница. Тяжело дыша, Скарфен вытирал пот со лба.

— Возьми светильник, киммериец, — глухо произнес он, пытаясь унять бившую его дрожь. — У меня нет пока сил, чтобы зажечь иной огонь...

— Ты чародей? — поинтересовался киммериец таким будничным тоном, словно речь шла не более, чем о том, блондинок предпочитает его спутник или брюнеток.

— Чародей?! — Скарфен глухо, с болью в голосе рассмеялся. — Нет, сохрани Митра, вовсе нет. То, что ты видел — это так, крохи с барского стола... — Он оборвал себя. — Ладно, пошли вниз. Не стану скрывать, хорошо бы, конечно, добыть эту вещь... С ней наши шансы на Востоке резко повысятся...

Они спускались по древним, выщербленным ступеням куда-то вниз, в непроглядный мрак. Все новые и новые витки лестницы оставались позади; и все сильнее становилась мерзкая, идущая снизу вонь. Тянуло гниющей плотью, экскрементами и тому подобной гадостью; киммериец был совершенно уверен, что они идут напрямиком в пасть какого-то дракона.

— Плана этих подвалов я не знаю, — приостановился на мгновение Скарфен. — Придется идти наугад, но, я думаю, звери, если они действительно здесь, сами найдут нас.

— А как мы станем отыскивать эту твою вещицу? — как бы невзначай осведомился Конан. — Где она тут спрятана и, вообще, на что она похожа?

— Это вырезанная из цельного светящегося изумруда фигурка Размышляющего Ханумана, — отозвался Скарфен, доставая левой рукой из ножен свой длинный меч. — Она должна быть где-то здесь... я чувствую ее...

— Тихо! — схватил его за плечо Конан и замер, прислушиваясь.

Что-то еле слышно шелестело по камням, где-то совсем рядом раздавались одному киммерийцу слышимые мокрые шлепки; донеслось алчное, кровожадное сопение.

— Тут полным-полно каких-то тварей, — шепотом сообщил Конан своему спутнику. — Поставь-ка светильник; я думаю, их притягивает свет.

Скарфен повиновался. И в тот же миг из окружающего их мрака (масляная лампа с трудом освещала

лишь узкий круг замощенного округлым булыжником пола) — тяжело вывалилась уродливая, покрытая чешуей голова, смахивавшая на жабы. По бокам пучились маслянисто блестящие глаза; с пухлых, вывернутых наружу черных губ капала на пол слюна. Во мраке угадывалось мощное тело, поддерживаемое четырьмя напряженными, готовыми к прыжку лапами.

— Хатчи! — выкрикнул Скарфен, стремглав бросаясь в сторону. — Бей в горло, Конан!

Киммериец и чудовищная жаба прыгнули одновременно. Отчего-то страшилище выбрало первой жертвой Скарфена; тупая морда ударила ванира в грудь, отбросив куда-то в темноту. По счастью, лампа каким-то чудом уцелела и в ее тусклом свете киммериец со всей силы вогнал свой клинок в бок твари по самую рукоятку.

Раздался оглушительный рев, чешуйчатое тело конвульсивно дернулось, да так, что эфес меча вырвался из руки киммерийца. Страшная пасть лягнула, и Скарфен вскрикнул; и в тот же миг на спину Конана обрушился всеокрушающий удар. Он опрокинул киммерийца, лица Конана коснулась жаркая зловонная волна. Над ним, безоружным, полуоглушенным падением, нависала уродливая жабы морда еще одного *хатчи*. Черные слюнявые губы разомкнулись, Конан увидел ряды желтых зубов.

Подвал наполнился жутким, утробным урчанием; чудовищная глотка приближалась.

Конан обеими руками уперся в осклизлый подбородок чудовища, пытаясь выиграть несколько секунд и откатиться в сторону; мощные мускулы киммерийца взбугрились, надулись синие канаты вен, кости захрустели от поистине нечеловеческого усилия — и страшная пасть на краткий миг приостановилась. Улучив момент, Конан извернулся и, обдирая локти, вскочил на ноги. Уродливая голова чудовища повернулась следом за ним; в выпученных буркалах, казалось, застыло недоумение. Как это пища смеет ускользать?!

Прежде, чем тварь совершила новый бросок, киммериец успел подхватить меч. Укрываясь за чудовищной тушей первой жабы, что терзала Скарфена (так думал Конан), киммериец приготовился к отпору. Он

не сомневался, что его странный поводирь уже мертвее мертвого, и каково же было его удивление, когда из-под черно-зеленых чешуйчатых складок на подбородке твари высунулась окровавленная рука ванира, с силой вонзила в шею жабы короткий кинжал, затем вырвала клинок и вновь ударила.

Не раздумывая, Конан обрушил меч на шею чудовища. Чешуя лопнула, брызнула вонючая кровь, окатив киммерийца с головы до ног... — Удар не пропал втуне. Чудовищные лапы дернулись, тварь конвульсивно отпрянула назад, однако она не успела отскочить на безопасное расстояние, как Скарфен приподнялся — и метнул зажатый в руке кинжал, угодив твари точно в левый глаз.

Жабе этого показалось достаточно. Она отдернулась в темноту, дальше, почти пропав из виду; вторая тварь, с которой боролся Конан, все-таки прыгнула, но теперь ее встретили сразу два выставленных клинка. Повторно ни Конан, ни Скарфен не сплеховали: мечи ударили двумя разящими молниями, с двух сторон вонзившись в горло твари. Чудовище захрипело и забулькало, из распахнувшейся пасти хлынула кровавая пена, громадные лапы судорожно заскребли по полу...

— Отрубить ей голову! — скомандовал Скарфен, с размаху опуская оружие на покрытое чешуей основание головы чудовища.

Окончательно они добились жабу только с четвертого удара. Уродливая башка отделилась от туловища, хлынул поток темной крови.

— Быстрее, хватаем статуэтку — и уходим! Хатчи наверняка переполошили уже всех, кого только могли!

От пятен жабьей крови на одежде Конана шел донельзя гнусный запах, сшибавший с ног даже здесь, в зловонном подземелье. Ванир подобрал чудом уцелевший масляный светильник и уверенно зашагал вперед. Только теперь Конан смог увидеть, что его спутник, которому полагалось бы быть растерзанным в клочья, похоже, так и не получил ни одной раны.

Они быстро шли, почти бежали по замысловатому темному лабиринту, сменившему просторное преддверие подвала, где обитали хатчи. Скарфен находил дорогу по каким-то одному ему видимым приметам; он

странно торопился, поминутно оглядываясь через плечо, хотя в подземельях это совершенно бессмысленно и полагаться следует в основном на слух, а не на зрение.

— Впереди еще кто-нибудь будет? — деловито поинтересовался Конан, на ходу пытаясь отереть клинок полый мокрого плаща.

— От Адража всего можно ждать, — рассеянно откликнулся Скарфен, останавливаясь на очередном перекрестке. — Размышляющий Хануман... он где-то поблизости...

Их окружали совершенно обычные кирпичные стены. Этот участок подвала содержался в некотором порядке — нигде ни малейших следов потоков или плесени. Очевидно, громадным хатчи было не протиснуться сюда, в узкие запутанные коридоры.

— Хотел бы я знать, кто тут чистоту наводит, — задумчиво пробормотал Конан. — Вряд ли машет метлой сам эмир... И вряд ли кто-то, кроме него самого, смог бы пройти мимо этих жаб... если только они специально не выдрессированы, хотя в это мало верится. Должен быть второй выход! Второй выход, которым пользуются слуги — может, даже один, из особо доверенных...

Киммериец поспешил сообщить это Скарфену.

— Ты прав, где-то во дворце есть и второй вход в эти подземелья, — согласился ванир. — Просто я не знаю расположения этой секретной двери, и я не владею заклятьем, которое помогло бы ее отыскать... Впрочем, с хатчи мы справились — кто помещает нам вернуться тем же самым путем?..

Киммериец молча пожал плечами. В последнем он совершенно не был уверен.

Они шли все медленнее и медленнее. Скарфен взял из рук Конана светильник и, приближая его к стенам, тщательно осматривал каждый дюйм кирпичной кладки.

— Здесь! — Он отпрыгнул в сторону так стремительно, что Конан, гордившийся своей молниеносной реакцией, едва не налетел на ванира.

Рука Скарфена указывала на четыре кирпича возле самого пола. На первый взгляд они ничем не отличались от соседних — однако Скарфен недаром отпрыгивал подальше. Из-под кирпичей быстро-быстро из-

ливалась темная дымящаяся жидкость, распространяя вокруг себя резкий, тошнотворный запах, от которого даже у привычного ко всему Конана начинала кружиться голова.

— Сейчас... сейчас... — бормотал ванир, поспешно творя какие-то пассы руками над дымящейся лужей. — Сейчас мы тебя образуем...

Между его ладонями вновь вспыхнул огненный мост, на сей раз — темно-багряный. Не сноп ветвящихся молний, как в прошлый раз, но ровная струя спокойного огня. Скарфен пронес ее над дымящейся лужей — и та вскипела, стремительно испарившись.

— Если бы я замешкался — то сам обратился бы в такую же точно жижу, — пояснил Конану ванир. — Но это все игрушки. Ставили, чтобы охранять от людей, не от таких, как я...

— Ты не человек? — тяжело взглянул на своего спутника Конан... Рука его невольно потянула из ножен меч. Скарфен чуть усмехнулся, заметив движение киммерийца, и ответил:

— Человек. Такой же, как и ты. Но как-то меня угораздило попасть в ученики к одному чародею... с тех пор и маюсь. Но разговаривать станем потом! — пальцы ванира осторожно ощупали заветные кирпичи, потом потянули один из них. Открылась черная выемка; Скарфен припал к самому полу, глубоко запустив руку в отверстие. Лицо его исказилось от напряжения; казалось, он обмер при одной мысли о том, что вожденной статуи в тайнике может не оказаться. Однако...

— Есть! — приглушенно выдохнул ванир.

Фигурка Размышляющего Ханумана оказалась в точности такой, как и в описаниях Скарфена. Высотой в две ладони, она была искусно, с мельчайшими деталями убранства, вырезана из цельного куска чуть светящегося изнутри зеленоватого кристалла. Хануман сидел, скрестив кривоватые ноги и сложив длинные руки-лапы на круглом животе. Крошечные глазки казались живыми; создавалось полное впечатление, что бог-обезьяна внимательно смотрит на тебя, не сводя ни на мгновение взгляда.

— Он же огромных денег стоит, — поневоле хрипло произнес Конан, со всех сторон рассмотрев статуэтку.

— Да, и тебе причитается половина, — отозвался Скарфен. — Я не люблю оставаться в должниках, возьми! — Он распахнул плащ и отвязал от пояса увесистый кожаный мешочек. Киммериец поймал кошелечек на лету и даже присвистнул — золота там на вес было столько, что хратило бы купить четверть Аграпура... Не удержавшись, киммериец рванул завязки, заглянул внутрь — все правильно, тяжелое, полновесное, чистое туранское золото с горных приисков в Ильбарсах...

— Теперь надо постараться выбраться отсюда, — заметил Скарфен, аккуратно всовывая кирпичи на место. — Думаю, что не стоит зря мудрствовать, отыскивая твой второй выход, а вернуться тем же путем, что и пришли...

Они двинулись обратной дорогой. Ванир уверенно вывел из лабиринта, однако когда они добрались до зала, служившего обиталищем хатчи, оказалось, что жабы устроили всю эту кутерьму не напрасно. Подземелье заполнял мягкий, серебристый свет; над полом колыхалось нечто вроде молочно-белого тумана. По колена в его невесомых волнах стояли пять странных человекоподобных фигур, в ниспадающих тяжелыми складками плащах с низко надвинутым капюшоном. В руках, куда более длинных, чем людские, пятеро держали кто топор, кто булаву, кто шестопер. Мечей или кинжалов Конан не заметил ни у кого.

Прежде, чем киммериец успел хотя бы принять оборонительную позицию, пятеро воинов молча и бесшумно шагнули вперед, а Скарфен вдруг захрипел, как будто ему не хватало воздуха, и, рванув Конана за плечо, потащил его назад, в лабиринт узких ходов, откуда они только что вышли. Черные плащи неспешно пустились вслед за беглецами.

— Если мы не найдем выхода — нам конец! — крикнул ванир. — Но я знаю дорогу только до тайника! Дальше пойдем наобум!..

Вскоре они действительно миновали приметное место, где еще не окончательно рассеялся едко-кислый запах колдовской жидкости. Коридоры продолжали быстро ветвиться, и тут Скарфен спасовал. Теперь он просто бежал следом за Конаном, крепко прижимая к груди Размышляющего Ханумана.

Киммериец выбирал дорогу. Он не мог объяснить, почему он сворачивает влево или вправо; его просто тянуло то в одну, то в другую сторону, и он слушался своего звериного инстинкта варвара.

Как ни странно, звуков погони Конан пока не слышал. Несмотря на то, что дважды предвидение все же подводило его и они оказывались в тупиках, преследователи так и не смогли нагнать их. После недолгих метаний по запутанному лабиринту, где любой «цивилизованный» хайбориец проплутал бы неделю, Конан и Скарфен оказались подле узкой лестницы наверх. Ступени закончились мощной дверью; по счастью, она легко отворилась. Выскочив за порог, Конан и ванир поспешили задвинуть очень кстати установленные прочные железные засовы.

— Мы где-то возле поварской, — сориентировался Скарфен. Ванир тяжело дышал и беспрерывно утирал обильно струящийся пот; для бесстрашно сражавшегося с жуткой жабой человека, владеющего кое-какими секретами колдовства, он вел себя несколько странно.

— Надо убираться отсюда, — заметил Конан. — Ты не забыл, что в саду полно стражников?

— Думаю, мои братья уже все уладили, — сказал Скарфен, вновь обретая прежнее хладнокровие.

Однако выбраться из дворца оказалось далеко не так просто, как попасть в него. Слуги отнюдь не спали: вооружившись кто чем, повара, лакеи и прочая челядь по трое-четверо осторожно пробирались по коридорам, освещая себе дорогу многочисленными факелами. Им было страшно, они постоянно перекликались друг с другом — и потому Конан со Скарфеном сумели незамеченными добраться до какого-то окна. Ванир собрался было его вышибить; Конан остановил его в последний миг и аккуратно отомкнул замок острием кинжала.

В парке все было тихо; сквозь снежную пелену видны были фигуры стражников; с копьями наперевес они длинной цепочкой бежали ко дворцу.

— К стене! — скомандовал Конан. Там, где дело касалось воровства, он не терпел ничьих приказов.

Им повезло. Незамеченными они пересекли парк, в то время как у них за спинами в многочисленных дворцовых окнах один за другим загорались огни; слышались запоздалые крики.

Конан одним движением забросил якорь с веревкой на гребень; спустя мгновение киммериец оказался уже наверху. Скарфен чуть замешкался — казалось отсутствие опыта, однако вскоре Конан и ванир были уже на улице.

— Сама судьба за нас, — вдруг глухо произнес Скарфен, и голос его внезапно дрогнул. — Идем, Конан. У тебя наверняка есть надежное место, где мы могли бы поговорить — и ты не опасался бы, что я с товарищами попытаюсь отнять у тебя честно заработанные деньги.

— Ну, отчего же и не поговорить, — кивнул головой киммериец.

— А вот и мои братья, — Скарфен указал на три возникшие из пелены дождя фигуры. — Веди нас, Конан!

Глава 2

Глухой дождливой ночью задняя дверь трактира «Красный Сокол» неслышно приоткрылась и в темный дом проскользнули пятеро закутанных в плащи мужчин. Одним из них был Конан; другим — Скарфен; еще трое — «братья» ванира. По дороге Скарфен торопливо назвал Конану их имена: Скольд, Фьюри и Эйджес. Имена ничего не говорили Конану, похоже было, что они просто выдуманы. Скольд оказался высоким и плечистым гипербореем, живо напомнившим киммерийцу его далекую юность и рабство у Колеса; Фьюри — мощным и высоким чернокожим южанином, однако не походившим статью ни на одного чернокожего, которых доводилось встречать Конану. Он носил густую черную бороду и волосы его, гладкие, ниспадали до самых плеч по северному обычаю. Губы его, тонкие и хорошо очерченные, напоминали губы северянина. Третий, Эйджес, узкими раскосыми глазами и желтой кожей походил на выходца из Кхитая — если бы не

широченные плечи и мало в чем уступающие мышцам Конана мускулы. Одеты все четверо были одинаково — плотные черные плащи с громадными капюшонами, простые кожаные куртки, испачканные жидкой грязью сапоги с загнутыми носами, подобные тем, что делали в Султанапуре. Ничего необычного не заметил Конан и в их оружии — простые, неброские мечи, а у Фьюри на боку висела громадная секира.

Моти высунулся было — и тотчас исчез, ринувшись раздуть огонь и подавать на стол вино с закуской. Вскоре мокрые плащи и куртки уже сушились подле пылающего очага, на столе имелось все потребное для доброго времяпрепровождения — а в самой середине стола важно восседал изумрудный Хануман.

Первым заговорил Фьюри — глубоким, глухим, каким-то утробным голосом:

— Прими нашу благодарность, брат Конан. По доброй воле ты решился помочь нам, и мы этого не забудем. Но давай поговорим о деле. Какмотришь ты на то, чтобы совершить далекое путешествие? Вознаграждение будет очень неплохим...

— Как-то раз я уже имел глупость отправиться защищать некую рощу... — проворчал киммериец. — Мне это не по нутру. Вдобавок я — капитан в армии Илдиза, вряд ли ему понравится моя отлучка.

— Насчет Илдиза можешь не беспокоиться, — прогудел Скольд. — Завтра же ты получишь его приказ отправиться в дальний поход. Один, лишь с несколькими тобой же избранными спутниками. Цель — разведка на вендийских рубежах. Это будет очень просто.

— Хочешь сказать — я у тебя в руках? — недобро ощерился киммериец.

— Нет, вовсе нет, — Скольд примирительно улыбнулся. — Все дело в тебе, Конан. Без твоего согласия я ничего не смогу сделать, — он виновато развел руками. — Не по доброй воле никто не станет выполнять опасную работу.

У Конана на этот счет имелось собственное мнение, однако он не стал спорить.

— По-моему, стоит рассказать Конану, как все было, — заметил Фьюри. — Если мы не убедим его — то заставить и подавно не сможем.

Скольд, Эйджес и Скарфен молча кивнули.

— Тогда я начну, с вашего позволения, — оглядел товарищей все тот же Фьори. — Слушай же, Конан, слушай — и ничему не удивляйся.

Вот история, рассказанная Фьори, какой услышал ее киммериец:

«С незапамятных времен жил-был на земле один маг, по имени Кивайдин, что значит „северо-западный ветер“, хозяином которого он был. Власть он, однако, имел не только над ним, ибо был могучим чародеем. Покорны его воле были и многие обитатели адских бездн и хрустальных небесных сфер. Многих ифритов и джиннов заклинал Кивайдин своим именем, и верно служили они ему после того. Однако питал он слабость к дочерям человеческим, и имел целый гарем прекрасных наложниц. И была среди них одна, именем Цхи-Шо, из далекого Кхитая. Желтоватой, точно золото, была кожа ее, и глаза напоминали черные жемчужины. Когда пела она, даже Орлы Нездешних Богов останавливали свой полет и усаживались на шпилях дворца Кивайдина, дабы послушать Цхи-Шо. Когда брала она в руки лютни, то пускалось в пляс все живое, и даже вековые деревья норовили вырваться из крепких земных объятий. И все это делала Цхи-Шо, дабы возвеселить своего господина; и была меж нею и Кивайдином великая любовь.

Однако случилось так, что Кивайдин вмешался в войну между одним из вендийский правителей и подземным племенем злобных карликов, что владели несметными богатствами. Неправедной войной пошел вендиец на подземных жителей; а Кивайдин, не разобравшись, стал помогать ему, ибо считал себя в долгу перед князем — именно он в некое время подарил магу Цхи-Шо, выкупив ее из рабства.

И не устояло племя карликов перед колдовской мощью могучего мага. Бросив несметные сокровища свои, они разбежались по свету — однако поклялись страшно отомстить чародею. И были среди уцелевших карликов двое, именами Гунар и Готорм. Хитростью прознали они о любви Кивайдина, выманили из дворца его Цхи-Шо и убили ее. А, убив, отрубили ей голову и послали страшный подарок чародею.

Не описать гнев и отчаяние Кивайдина, когда получил он ужасный дар. Казалось ему, что отняли у него и цель и смысл жизни; и в страшной ярости поклялся он тогда истребить весь род карликов, мстя за погибшую возлюбленную. Хотел он сперва сам заняться этим, однако был призван Великими Нездешними Богами, ибо затевалась во Внешнем Море великая война между ними и Асурами. Война эта обещала выдаться долгой, и потому Кивайдин решил не откладывать мести. Отыскал он четверых людей, смелых и сильных, алкавших Знания и, в обмен на часть своего колдовского могущества, поручил им уничтожить все злокозненное племя карликов. Этими четверыми и были Скольд, Фьори, Эйджес и Скарфен. От разных земных пределов призвал их Кивайдин в свой дворец; и, когда получили они от него, что хотели, сказал он так:

„Должно вам наказать смертью каждого карлика, куда бы ни скрылся он. Однако не можете вы просто убить их. Всемогущая судьба властвует надо всеми живыми созданиями; и участь каждого из них запечатлена в великой Книге Судеб. Все карлики, оставшиеся в живых, есть в этой Книге, и должны вы убить каждого в точном соответствии с тем, как это в ней сказано. Открывайте книгу лишь с великими предосторожностями, ибо если с ней что-либо случится, вы не выполните волю мою и гнев мой тогда будет ужасен“.

Страшными карами грозил чародей людям; и поклялись они ему нерушимой клятвой Вечности, что исполнят все в точном порядке с его повелением.

— Однако нас подстерегла беда, — опустил голову, тихо говорил Фьори. — Предупреждал нас маг, что Книга Судеб — куда как непростая, и говорил, чтобы мы не открывали ее из пустого любопытства. Мы же пренебрегли его словами, гордясь обретенной колдовской силой. Не наложив нужных заклятий, мы открыли Книгу... и увидели, что изображенные на страницах ее карлики — живые. Неведомо мне, как сделалось так — скажу лишь, что стоило раскрыться переплету, как они бросились враспынную, и мы не смогли переловить их».

Конан поднял бровь в знак сомнения. Рассказанная тяжеловесным «высоким штилем» история казалась нелепой выдумкой.

«И в руках наших, — продолжал Фьюри, — осталась лишь пустая Книга с чистыми страницами. Более не было у нас власти преследовать и убивать карликов; нам оставалось лишь в страхе ожидать страшного возмездия. И Кивайдин вскоре узнал о случившемся; ярость его не знала границ. Поклялся он, что мы все четверо умрем такой смертью, какой еще не умирал никто из смертных; и мы в ужасе пустились в бегство. Наше счастье, что маг Кивайдин далеко; однако известно, что он послал своих слуг изловить нас и доставить к нему.

Мы бросились в самые знаменитые храмы, ища ответа, можно ли как-то спастись от ярости Кивайдина. Долгое время никто не мог сказать нам ничего обнадеживающего, пока мы не встретили странствующего жреца, что служил Древнему Богу Востока, Великому Хануману. Людям Хануман знаком в различных ипостасях — и злых, и добрых; нам же посчастливилось встретить служителя Размышляющего Ханумана. Он-то и подсказал нам, что нам следует делать.

Оказалось, с давних пор враждуют Великий Хануман и маг Кивайдин. Древний Бог потерял большую часть своей силы, однако не настолько, чтобы чародей смог бы совладать с ним. Сила Ханумана может защитить от Кивайдина — та статуэтка, что мы похитили у эмира, например, не позволяет чародею слышать наши беседы, видеть нас и направлять своих псов. Однако Кивайдин очень скоро узнает о том, что фигурка в наших руках: эмир Адраж — один из его сторонников и втайне поклоняется ему.

Однако этот успех сам по себе еще ничего не значит. Нам нужно добраться до главного храма Ханумана, все еще стоящего в непроходимых джунглях у восточных рубежей Вендии. Увы, ныне этот храм в руках злобных фанатиков, служителей Черной Ипостаси великого Ханумана — поэтому нам и нужен ты, Конан, лучший боец и лучший вор в пределах хайборийских земель. Нам нужна вторая такая же статуэтка Размышляющего Ханумана, с ее помощью мы навсегда сможем оградить

себя — и тебя, кстати — от мести обезумевшего чародея...»

— А если бы мы не добыли эту штуку, что тогда? — Конан ткнул пальцем в стоявшую на столе изумрудную фигурку.

— Тогда дело бы несколько осложнилось, вот и все, — сказал Скольд. — Пришлось бы похищать Главный Глаз Ханумана с большой его статуи в восточном храме. Но мы не боялись осквернить то место, ибо оно уже осквернено, и Размышляющий Хануман был бы только доволен, что смог как-то помочь хоть кому-нибудь.

— Так что выбор за тобой, Конан, — проговорил Скарфен. — Мы не пожалеем никаких сокровищ для тебя, если ты вызовешься помочь нам!

— А на кой я вам? — в свою очередь спросил киммериец. — Я видел, как ты открывал потайную дверь, Скарфен. Что может помешать тебе точно так же пробраться в этот твой восточный храм и взять все, что тебе надо?

— Все не так просто, — вздохнул Эйджес, впервые вступив в разговор. — Мы посвятили себя Размышляющему Хануману, и никакое колдовство не скроет нас от глаз служителей его Черной Ипостаси. Едва мы подойдем к его Храму ближе, чем на расстояние полета стрелы, как нас учует целая стая таких хищников, по сравнению с которыми *хатчи* в подвале эмира покажутся тебе милыми домашними зверушками. Они будут неотступно преследовать нас, и от их взоров не скроют даже стены.

— В храм тебе придется идти одному, — подытожил Фьюри. — Дело трудное и опасное, не скрою. Но сокровищ там куда больше, чем во всей туранской казне!

Киммериец тяжело задумался. Рассказ Фьюри казался чистейшим бредом, если бы не фигурка изумрудного Ханумана перед самым носом Конана. Да и золото в кармане — оно казалось чистым и полновесным. Впрочем, одна ловкая дриада, хозяйка священной Роши Свайолей, как-то раз в Арэнджуне уже подловила его на эту удочку...

— Я должен проверить ваше золото, — утрюмо бросил киммериец.

— Понимаю тебя, — заметил Скарфен. — На твоём месте я тоже не слишком-то торопился бы доверять первому встречному... Только как ты сможешь убедиться, что это золото — настоящее? Ведь мы могли бы навести на тебя такие чары, что ты принял бы за золото все, что угодно.

— Что-то я не чувствую никаких чар, — усмехнулся киммериец, доставая из тайника Моти темную бутылку с кислотой, которую тороватый хозяин использовал для определения подлинности попадавших к нему несправедным путем золотых кубков, серег, монет и тому подобного.

С брошенной в кислоту монетой ничего не произошло. Это было настоящее золото — или же очень искусное колдовство.

— Хорошо, — сказал Конан, тщательно отмывая монету в воде. — Я верю вам. Считайте, что вы меня наняли. Так что там насчет приказа? Да, кстати — аванс — как подтверждение серьезности ваших намерений.

— Ты прав, — кивнул Фьюри. — Держи!

На столе оказалось еще четыре увесистых кошелька, ни в чем не уступающих первому, полученному Конаном от Скарфена. Киммериец не поленился заглянуть во все — но там было золото, чистое золото...

Уже один этот аванс мог позволить ему купить один из императорских дворцов и содержать его по меньшей мере лет десять, ни в чем себе не отказывая.

— Тогда завтра, на заре, тебе вручат письменный приказ Илдииза, деньги, оружие и подорожную до самой границы Турана. — Поднялся Скольд. — Мы будем ждать тебя ровно в полдень у восточных ворот города. Смотри же, не болтай лишнего! Помни, Кивайдину ничего не стоит найти наш след, если о том, куда мы направились, будет знать хоть одна живая душа в этом городе.

— Я бы на его месте и так знал, куда вы направитесь, — пожал плечами Конан. — Думаю, этот ваш маг отнюдь не дурак и ему давно известно про храм Ханумана. Для него сейчас самое лучшее не гоняться за нами, а выслать к этому храму войско, да побольше.

Если этот тип додумается до такого, что мы станем делать?

— Изумрудный Хануман в одиночку не сможет защитить нас от Кивайдина, — сказал Эйджес. — Ты прав, Конан, магу лучше всего было бы как следует стеречь наш заветный храм — однако он далеко, а оттуда руководить своими слугами не слишком сподручно. Добытая вами со Скарфеном статуэтка не подпустит к нам гонимых псов мага, однако, если он явится сам... Тогда нам конец — если к тому времени ты не проберешься в храм и не вернешься — вместе со второй такой же статуэткой.

— Ясно, — кивнул головой Конан. — Что ж, все ясно. Значит, завтра в полдень у Восточных Ворот? Ну, если так, то мне пора. Хотелось бы выспаться — перед походом.

На том они и простились.

Глава 3

Конан обычно ночевал в комнате, что снимал у некоей мамыши Хидрат, в одном из относительно приличных кварталов Аграпура. Правда, киммериец выбрал этот дом исключительно потому, что на его первом и втором этажах помещался обыкновенный бордель, а хозяйка Хидрат частенько посылала Конану одну или двух своих девочек — в качестве благодарности за то, что ему удалось отвадить всяческих любителей запустить пятерню в не слишком толстый кошелек самой мамыши...

Однако в эту ночь киммериец решил вернуться в казармы. Отчего-то ему не улыбалась перспектива неблизкого пути по пустынным улицам ночного Аграпура. Никогда и ничего не боявшийся Конан с непонятным ему самому трепетом всматривался в темноту на перекрестках — ему казалось, что за плотными дождевыми завесами угадывается какое-то сложное движение, словно там, во мраке, ворочался неведомый зверь. Однако стоило киммерийцу взглянуть попристальнее,

как все замирало, и он видел лишь изгибающиеся под ветром струи дождя...

Как бы то ни было, до казармы Конан добрался благополучно. Миновав отдавшего ему салют старательного новобранца, которого он только сегодня всю гонял по плацу, Конан вошел в свою крошечную каморку.

Внутри, в небольшой печурке, горел огонь — вестовой постарался — и стояла бутылка вина на столе, и лежала кое-какая снедь, и еще копченый свиной бок. Решив перекусить перед сном, киммериец уже отломил кусок хлеба от краюхи, когда в дверь осторожно и вежливо постучали.

Это совсем не походило на манеру вестового или спешного гонца с приказом. Конан обнажил меч и встал.

— Открыто! — рявкнул он, на всякий случай приоткрывшись к отпору.

— Позволит ли доблестный капитан Конан войти немощному старцу? — раздался дребезжащий голос.

Дверь медленно приоткрылась. На пороге стоял дряхлый старик, опиравшийся на длинный белый посох, в добротной, но насквозь промокшей, заляпанной грязью одежде. Жидкие седые волосы прилипли к шишковатому черепу, а по бородачке стекал настоящий ручей; старик беспрерывно хлюпал носом, его красные, воспаленные глаза слезились.

— Ты кто такой?! — точно перед строем гаркнул Конан. Кром разорви этих лентяев-часовых! — Входи и садись к огню, однако сперва ответь, откуда ты здесь взялся!

— Спасибо тебе, капитан Конан, ты не выгнал старика за порог... — пришелец осторожно, бочком, двинулся в комнатку, пробираясь ближе к огню. — Что же до того, как я сюда попал — вспомни, когда в последний раз ты приказывал починить заднюю ограду воинского двора? Позавчера? Верно, там работы на день для пары настоящих каменщиков, но, если щель заделают, как же доблестные воины императора смогут тайком наведываться в город, в кабаки и к девочкам? Вот почему ограду чинят до сих пор, а я вошел сюда

без всякого труда. Что же до моего имени... Тебе оно ничего не скажет.

— Я не люблю гостей, которые не называют своих имен, — заметил Конан. — Тебе лучше не шутить со мной, отец.

— Меня звать Праценсом, — усмехнувшись, ответил старик. — Что тебе в этом имени?

— Праценс — один из богатейших землевладельцев Аграпура, — пристально глядя на гостя, произнес киммериец. — Я знал его. Что-то не вижу особого сходства! — Меч киммерийца поднялся, острое было направлено в грудь старику.

— Молодец! — неожиданно похвалил тот Конана, нимало не смутясь таким оборотом дел. — У тебя острый глаз, Конан. От тебя ничего не скроешь. Как ты, наверное, уже понял, я явился сюда далеко не случайно. Мое настоящее имя — Кивайдин.

Меч киммерийца ударил в ту же секунду, ударил раньше, чем смысл сказанных слов дошел до сознания Конана. Удар был хорош. Пронзенное насквозь тело должно было повалиться на пол — однако вместо этого легко увернувшийся от выпада чародей заговорил снова:

— Это мне тоже нравится — ты не изменяешь тем, кому дал слово и на чью сторону встал. Только против меня подобные стальные игрушки тебе вряд ли помогут. Сядь. Не стоит так волноваться — я ведь пришел просто поговорить с тобой.

Конан немедленно сел. Когда чародей настолько хитер, что тебя подводит даже собственный меч, и в самом деле бывает лучше сперва вступить в переговоры и узнать, что он хочет.

— Говори, я слушаю, — собрав волю в кулак, спокойно сказал киммериец, словно ничего не случилось.

— Я хотел бы потолковать с тобой о сегодняшней ночи. Ты ведь не станешь отрицать, что проник во дворец моего доброго слуги, эмира Адража, и унес оттуда фигурку Изумрудного Ханумана?

— О чем это ты? — по-прежнему спокойно ответил киммериец. — Послушай, чародей, я хочу спать, а потому выбирай — либо ты выкладываешь, чего тебе надо, либо убираешься на все четыре стороны. Хотя на

улице дождь... или остаешься здесь, но не мешаешь мне, во имя Крома!

В глазах колдуна мелькнуло удивление.

— Я не служу в сыскной службе императора Илди-за, — медленно проговорил он. — Мне нет дела до тех, чьи дома ты обчищаешь по ночам, Конан из Киммерии. Ты, я вижу, совсем не страшишься меня... и не хочешь казаться неучтивым, выгоняя меня под дождь. Поэтому я скажу тебе прямо — не связывайся с этой четверкой. Им все равно не избежать своей судьбы. Ну, а мои возможности ты теперь легко сможешь представить — несмотря на все их предосторожности, мне не составило труда отыскать тебя.

— И чего же ты хочешь? — по-прежнему спокойно спросил Конан.

— Я? Совершенно ничего не хочу. Просто завтра ты не идешь испрашивать отпуск, а остаешься в казарме...

«Значит, эта зеленая мартышка и впрямь не давала этому типу подслушать нашу беседу», — мелькнуло в голове у Конана.

Кивайдин тем временем поудобнее устроился возле печки. Уходить он явно не торопился.

— Скажи мне, киммериец, — начал он сладким голосом, — а все же, о чем у вас шла речь? Я не пожалею золота за эту услугу — потому что чем скорее я осуществлю задуманное, тем меньше невинных страдает. Ведь эти четверо способны натворить все, что угодно — например, втянуть еще кого-то в свою безумную авантюру...

— Я не выдаю чужих тайн, — прежним, совершенно ровным и спокойным голосом ответил Конан. — Я дал слово и сдержу его.

— Ага, — Кивайдин положил подбородок на кулак, приняв весьма озабоченный вид. — Ну, я ожидал, что ты окажешься все же поумнее. Неужели ты не понимаешь, что у вас нет против меня никаких шансов?

— Тогда зачем же ты ведешь со мной этот разговор? — парировал Конан. — Только не говори, будто бы тебя так сильно заботит моя будущность.

Кивайдин вздохнул и поднялся.

— Жаль, очень жаль, Конан из Киммерии, — объявил он скорбным тоном. — Я полагал, что мы сможем

договориться. Я мог бы предложить тебе службу у меня — начальником всех моих воинов, прояви ты благоразумие! Уж тогда бы ты золота точно не считал. Увы, увы! — он сокрушенно вздохнул. — Ладно, пусть будет по-твоему.

Кивайдин скрылся за дверью — а Конан, весь в поту, жадно припал к кувшину с вином. После такого разговора не грех было как следует выпить.

После этого он еще долго не мог заснуть. Могущество неведомого мага производило впечатление, однако все равно оставались вопросы — почему он не расправился с Конаном прямо на месте? Почему, если уж он такой всесильный, чародей не отправился в «Красный Сокол», где заночевали Скарфен и товарищи, тем более если фигурка Ханумана не смогла бы остановить его?

Однако для себя Конан уже все решил. Полновесное золото служило хорошим аргументом; что же до гнева чародеев... Их уже случалось убивать, как, например, злобного хозяина Башни Слона...

Едва рассвело, Конана поднял на ноги императорский гонец.

— Спешный приказ... — он сильно запыхался, — спешный приказ пресветлого повелителя капитану Конану... Спешный и тайный.

Конан с несколько двойственными чувствами принял тугой свиток. Увы, все было четко и правильно: стояла Большая Императорская Печать из красного сургуча, что означало особую важность; и витиеватая подпись Илди-за под выведенным придворным каллиграфом текстом...

Приказ был четок и ясен:

«Настоящим я, Илди-за, волею Богов император... — дальнейшее перечисление добрых трех десятков пышных титулов Конан пропустил, — ...повелеваю Конану, Капитану Вольного отряда сей же час по получении сего приказа отправиться на границу Царства Нашего с Вендией, и во всех деталях изучить военные приготовления, что ведутся там. Разрешаю Капитану Конану взять с собой четверых спутников по его, Капитана Конана, выбору. Настоящим приказом предписываю также всем моим подданным оказывать Капитану Ко-

нану всяческое содействие...» — конец приказа киммериец также пропустил.

Итак, Скольд сдержал свое слово.

— Передай Его солнцеподобному Величеству, — стараясь, чтобы в голосе не слышалось насмешки, сказал гонцу Конан, — что я счастлив получить это Его повеление, и буду еще более счастлив умереть, исполняя его.

Гонец кивнул, отвесил положенный этикетом поклон и умчался.

Все дальнейшее не заняло много времени. Хан Хрошак, командовавший Императорской Гвардией, куда входил и Вольный отряд, долго и с почтением глядел на грозный свиток, от избытка чувств даже причмокнул губами.

— Что ж, поздравляю, — заявил он напоследок. — Такое счастье выпадает далеко не каждому. Ты уже знаешь, кого возьмешь с собой, капитан? Я ведь должен дать им отпуска...

— Не тревожся, о высокородный хан, — с невозможной вежливостью ответил Конан, внутренне скривившись от омерзения: Хрошак был смел и неглуп, однако обожал подобострастие. — Я наметил себе четырех моих старых товарищей еще по Аренджу. В моем Вольном Отряде большинство — новички, а я не могу рисковать невыполнением Императорского Приказа...

Ровно в полдень, когда тень громадного трехгранного Временного Столба коснулась Зимней Полуденной Черты, Конан стоял возле Восточных Ворот, держа в поводу двух выючных коней и одного верхового под седлом.

Скарфен и компания не заставили себя долго ждать. Кавалькада на рысях вырвалась из кривой и узкой боковой улочки, Фьюри на мгновение откинул капюшон, приветственно кивнув Конану. Киммериец вскочил в седло, и маленький отряд выехал из города. Прежде, чем они достигли Холма Отрубленных Голов — места публичных казней, где дорога делала крутой поворот, Конан оглянулся. На таясь, возле привратной башни стоял Кивайдин, небрежно опершись на длинный посох.

Конан схватил Скарфена за плечо.

— А как выглядит этот ваш чародей?

— У него множество обличей, — удивленно ответил ванир. — Никто не знает, какое из них истинное. А почему ты спрашиваешь?

— Да потому, что вчера ко мне в гости забрел некий старикашка, почему-то назвавшийся Кивайдином... — И Конан рассказал своим спутникам о случившемся.

Черное лицо Фьюри сделалось серым, Скарфен и Эйджес схватились за головы и лишь Скольд ничем не выдал своих чувств.

— Скачем дальше, как ни в чем не бывало, — бросил киммериец своим растерявшимся спутникам. — От судьбы не уйдешь, однако надо сделать все, чтобы насадить эту тварь на кол вместо нас!

— Как он мог нас выследить? — потрясенно прошептал Фьюри, ни к кому в отдельности не обращаясь.

— Он вернулся из-за Звездных Сфер... — мрачно проронил Скарфен, — вернулся с новой силой — верно, его одарили его боги...

— Но как бы то ни было, у нас нет иного выхода, как во весь опор скакать на восток, — промолвил Эйджес. — Других средств борьбы с Кивайдином мы не знаем, и уже нет времени, чтобы заниматься изысканиями...

— А почему этот ваш колдун не прикончил меня, вы можете мне ответить? — резко вмешался Конан. — Или он решил позабавиться? Я знал могучих чародеев, для которых подобные игры окончились весьма плачевно.

— Никто не знает ответа на этот вопрос, — глухо отозвался Скольд. — Быть может, ты и прав. А, возможно, чародей обрел новые силы, но при этом на него наложили и какие-то новые ограничения — Боги редко делают бескорыстные и безвредные подарки. Все может быть...

— Ну, раз никто не может сказать ничего дельного, тогда вперед! — подытожил Конан. — На восток, к храму Ханумана!

И они прищипорили лошадей.

Нет нужды описывать их дорогу через Туран. Жесткая длань Илдиза не давала палачам скучать без работы, зато дороги в его владениях были неплохи и постоянны

дворов хватало даже в не слишком населенных местах — за разбой полагалась мучительная казнь на месте, и повешение считалось великой милостью. Отряд Конана скакал на восток вдоль южной оконечности Моря Вилайет. Позади остались Шангара и Хоарезм, не так много оставалось и до памятной реки Запорожки. Из этих мест начинался Великий Торговый Путь — от границ Турана до самого Кхитай. Дорога была неблизкой, однако и не особенно опасной — купеческие караваны все время двигались от заката к восходу и обратно. На тракте можно было встретить кого угодно; здесь встречались выходцы из самых дальних народов.

Конан не находил себе места — чутье подсказывало ему, что за ними следят, однако, несмотря на все уловки, киммериец так и не сумел обнаружить согладаята. Бросить тракт и пробираться дикими афгульскими горами, где высокие, достигающие поднебесья хребты перемежались протянувшимися с юга жадными языками сухих пустынь, он не хотел. Хотя отряд и не испытывал ни в чем нехватки, лезть очертя голову в совершенно неведомую страну представлялось неразумным.

Мало-помалу местность стала меняться. Исчезли последние поселения, над сторожевыми постами которых развевался стяг Турана; началось вендийское пограничье, десятки лиг дикой местности, где Гиндукушские Горы чередовались с причудливыми островками вечнозеленых лесов — в тех местах, где водяные жилы находили дорогу к поверхности или где сбегавший с вечных снегов поток орошал участок плодородной земли. Караваны старались миновать эти места как можно скорее — местность изобиловала разбойниками, беглецами как из Турана, так и из Вендии.

— По-моему, пришла пора сворачивать, — поделился своими сомнениями с остальными Конан. — Кивайдин — или кто-то из его прихвостней — висит у нас на плечах; его надо стряхнуть. Края здесь, конечно, дикие, зато довольно много воды, да и лес — укрытие надежное. Предлагаю уклониться к югу и сделать крюк через Айодию.

— А что это нам даст? — заметил Скольд. — Если даже Конан-киммериец не смог обнаружить шпиона —

то, значит, дело тут не обошлось без колдовства. Соглядатай Кивайдина последует за нами и в Вендию, и в Кхитай, и даже за край Великого Восточного Океана, что тянется, говорят, до самого края нашей земли. Я думаю, что чем скорее мы окажемся на месте, тем лучше. — Несмотря на фигурку Ханумана, они не отваживались напрямую называть цель их похода. — Кроме того, почему бы не попробовать устроить засаду прямо здесь, на тракте?

— Предоставь это дело мне, — в упор глянул на него Конан. — Шпиона следует убрать и, клянусь Кромом, я это сделаю! Но не на этой дороге, где каждому ослу ясно, где мы будем на следующий вечер, где нельзя свернуть в сторону! В Вендии мы заставим нашего преследователя держаться к нам поближе.

На это никто не смог ничего возразить.

От постоялого двора, больше смахивавшего на небольшую крепость, к закрывшему полнеба южному перевалу уходила неширокая тропа. Небо было черным-черно, звезды еще и не думали угасать, когда пятеро путников, ведя в поводу коней, осторожно выбрались за ворота. Выбрались — и словно растворились в ночи.

Утро застало их в величественной роще исполинских горных кипарисов. Узкая тропа серпантинном поднималась по крутому склону; никто не смог бы подняться по ней незамеченным.

Они отвели коней в лесок, а сами устроились в засаде на краю рощи. Началось долгое, томительное ожидание.

Они просидели в засаде весь день. И лишь когда землю вновь объяли вечерние тени, внизу, подле самой подошвы горы, Конан заметил какое-то движение.

Приближался невысокий старый человечек, тяжело опирающийся на длинный белый посох. У Конана от удивления глаза полезли на лоб. Чтобы их преследовал сам Кивайдин?..

Всю четверку спутников киммерийца трясла крупная дрожь.

— Вся надежда — на Ханумана... — еле-еле выдавил из себя Скарфен, кое-как пытаясь наложить стрелу в тетиву.

— Да, против Кивайдина обычное оружие бессильно, — вторил ему Фьюри.

— Ну, это мы еще посмотрим, — проворчал киммериец.

Старик приближался. Видно было, что подъем дается ему не слишком легко — он частенько останавливался, и даже пару раз присел отдохнуть. Конан взял из неверных рук Скарфена лук со стрелами.

— Когда имеешь дело с магами, кодекс чести оставляй дома, — назидательно произнес он, вскидывая оружие и щуря левый глаз.

Долгие часы упражнений на стрельбище не прошли даром. Сделав небольшую поправку на ветер, Конан мягко отпустил тетиву; стрела мелькнула в воздухе, вонзившись точно в левую половину груди старика — там, где должно было быть сердце.

Фигура с посохом замерла, пошатнулась — и беззвучно повалилась на камни. Конан оглядел своих спутников торжествующим взором, однако на их лицах не было видно радости.

— Ловушка, — заявил Фьюри.

— Мираж, — согласился Скарфен.

— Ждет, когда мы подойдем, — подхватил Скольд.

— Подойти все равно надо — но давайте возьмем с собой Ханумана, — закончил Эйджес.

— Слушайте, оставайтесь здесь, — Конан выпрямился во весь рост. — Я стрелял сам. И это мое дело выяснить, жив враг или уже нет.

Слуги чародея согласились с ним до неприличия поспешно.

Старик лежал на спине, задрав вверх седую растрепанную бороденку. Стрела вошла точно в сердце; серая дерюга задубела вокруг раны от засохшей крови. Остекленевшие глаза были широко открыты; одним словом, старик был мертв, как колода.

Конан деловито обшарил тело. Ничего, что может вызвать интерес. Сумка с немудреной дорожной едой — и больше ничего.

— Осторожно, Конан! — крикнул из-за кустов Скарфен, поднимая высоко в воздух статуэтку Ханумана. — Кивайдин хитер, он может только притворяться!

— Так хорошо притворяться может только труп, — проворчал киммериец.

Он оставил тело мертвого соглядая лежать на камнях и зашагал обратно к роще. Из-за спины у него внезапно донесся тонкий издевательский смех; Конан молниеносно оглянулся, уже готовый к бою, с мечом в руках — однако труп старика по-прежнему лежал в той же позе; склон был пуст и гол. Ни души.

Не зная, что и думать, киммериец медленно вернулся к поджидавшим его спутникам. Смеха больше не было слышно; серая хламида убитого смутно виднелась на затянутом вечерними тенями склоне.

— Думаю, двигаться дальше уже не стоит, — киммериец указал на быстро темнеющий небосклон. — Утром пойдем дальше...

Однако выспаться этой ночью им было не суждено.

Глава 4

Киммериец едва успел задремать, как внезапный порыв ветра донес отдаленный рокот множества больших барабанов. Проклиная все ударные инструменты на свете и ослов, что вздумали устраивать подобный концерт в такое время, Конан и Скарфен осторожно выглянули из-под прикрытия спасительных зарослей.

С юга, по широкой каменистой равнине к ним двигалось множество огненных точек.

— Народа сотни две... с факелами, — на глаз определил Конан. — Какого рожна им тут понадобилось?!

Скарфен мог лишь пожать плечами.

Огромные барабаны били все громче и громче. Мало-помалу к ним присоединились трубы, бубны и арфы. Над горами разносилась мрачная и торжественная мелодия, больше всего смахивавшая на похоронный марш.

— Вряд ли эти типы явились сюда с целым оркестром охотиться за нами, — заметил Конан.

— Тогда что они тут делают? — резонно возразил Скарфен.

Прежде, чем киммериец успел ответить, укладывавший фигурку Ханумана Эйджес внезапно подскочил и завопил так, словно оказался на раскаленной сковороде.

— Ханума-а-ан!!! — Волосы у кхитайца встали дыбом, с искаженным лицом он тыкал пальцем в статуэтку — и было отчего. Вырезанный из светящегося изумруда божок неожиданно приоткрыл красноватые глаза...

Нельзя сказать, чтобы Конан особенно удивился этому — ему уже случалось видеть, как оживают зачарованные статуи, поэтому он скорее напрягся, готовясь к отпору, потому что подобные вещи, как правило, предвещали большую резню и тому подобные неприятности.

И тут возвышенно-строгий строй погребальной мелодии внезапно сломался. «Он здесь! Он здесь!» — донеслись многочисленные возгласы.

Факельщики из процессии умело, ловко и быстро развернулись в цепь, словно загонщики на облаве. Алые точки огней медленно двинулись вверх по склону, как будто люди пытались изловить кого-то.

— Хотел бы я знать, кого это они тут ловят, — сквозь зубы процедил киммериец.

В эти минуты он совсем забыл про ожившую статую Ханумана. Важнее казалось понять, куда отправятся эти факельщики, сколько их здесь точно, и, вообще, зачем они потащились на ночь глядя в эти негостеприимные предгорья?

Четверо же спутников Конана, не отрываясь, как замороженные глазели на изумрудную фигурку. Глазки Ханумана горели двумя раскаленными бусинами, обезьянья голова медленно начала поворачиваться...

Длинная цепь тем временем поднималась все выше и выше по склону холма. Не умолкая, грохотали барабаны — теперь их ритм вновь изменился, сделавшись странно-запугивающим, затягивающим, хотелось забыть обо всем и слушать, слушать без конца эту

мрачную и прекрасную музыку, так напоминавшую неистовые биения громадного сердца. Невидимый хор продолжал тянуть бесконечные песнопения.

Однако эти типы с факелами вот-вот доберутся до кромки леса! Нужно либо уносить отсюда ноги (что куда разумнее), либо вступать в переговоры с вожаками шествия.

Любой на его месте счел бы внезапный шорох возней какого-нибудь мелкого зверька и не стал бы обращать внимания, любой — но только не Конан. Это могла оказаться и подосланная чародеем крыса-вампир с ядовитыми зубами...

Меч свистнул разящим незримым полукружьем; скошенные стебли травы упали наземь, однако существо, в которое целился Конан, сумело увернуться. Мимо Конана прошмыгнуло нечто, в темноте похожее на большого суслика; прошмыгнуло и метнулось туда, где четыре коленопреклоненные фигуры застыли подле изумрудного Ханумана.

— Проклятье! — Конан ринулся в погоню. Чутье предупреждало об опасности, а этому чувству киммериец привык доверять.

— Он здесь, он здесь, он уже не уйдет! — эхом откликнулся многоголосый хор из-за спины факельщиков.

Существо, преследуемое Конаном, передвигалось большими прыжками. Один, другой, третий — и оно очутилось подле изумрудной светящейся статуэтки. Четверо спутников Конана, как по команде, вскочили на ноги; но к удивлению киммерийца, они даже не взяли за оружие. Непонятный зверек тем временем присел на задние лапки и, смешно отведя в сторону правую переднюю, произнес писклявым голосом на чистом туранском языке:

— О достойные почитатели Великого Ханумана!..

Оторопели все, включая Конана. Киммериец так и замер с поднятым мечом в руке. Чтобы суслики говорили по-человечьи?..

Однако похоже было, что слова странного создания слышали не только Конан и его спутники. Со склона вновь донесся хор торжествующих голосов: «Он здесь! Он здесь! Мы слышали!» Барабаны загрели так, что

заложило уши. Остававшиеся невидимыми за спинами факельщиков хористы затянули новый гимн, точнее, не затянули, а грянули с таким воодушевлением, словно выступали на певческом состязании у самого императора...

Тело зверька судорожно дернулось. Его словно потащила прочь незримая, но крепкая рука, и все, что он успел, это истонно заверещать:

— Помогите, ради Ханумана!

Скарфен решил первым. Шагнув вперед, он схватил «суслика» поперек спины — и едва не полетел ничком на землю. Сграбаставшая существо невидимая рука обладала исполинской силой.

— Он просил нас именем Ханумана!.. — выкрикнул Скарфен, обращаясь к своим спутникам. Это подействовало. Сперва Эйджес, а за ним — и Скольд со Фьюри. Однако даже их соединенных усилий не хватило, чтобы одолеть невидимого противника. Брыкающуюся, визжащую, сопящую, упирающуюся группу вцепившихся друг в друга людей неуклонно тащило навстречу шествию к зарослям, за которыми начинался оголенный склон.

Конан ринулся на помощь. Он, конечно, был зол как сто тысяч голодных демонов — какого рожна эти недоумки вообще встряли в это дело?! — но, если их сейчас вытащат на всеобщее обозрение... Связываться с многочисленным отрядом Конану не хотелось, тем более, что он чувствовал — и у факельщиков, и у хористов, и у барабанщиков имеются милые пустячки вроде луков, арбалетов, мечей и тому подобного.

Недолго думая, Конан сплеча рубанул по воздуху — там, где, по идее, должен был находиться тот незримый канат, что тянул всех его спутников, дружно вцепившихся друг в друга. Скарфен при этом не выпускал из рук несчастного «суслика», которому грозила сейчас печальная участь оказаться разорванным пополам.

Меч киммерийца со всего маха вонзился глубоко в землю, не встретив никакого сопротивления, однако удар не пропал даром — четверо слуг чародея кубарем покатались по земле. Тянувший их прочь незримый линь беззвучно лопнул.

На темном склоне тоже что-то произошло — ритм торжественного пения сломался, раздалось нестройные вопли и неразборчивые проклятия...

Кряхтя и отряхиваясь, спутники Конана поднялись на ноги.

— Надо убираться отсюда, и как можно скорее! — шепотом скомандовал киммериец. Его правоту подтвердила яркая вспышка над самыми их головами — вспышка, а затем дождь жгучих искр. Знакомая штука. Конан сталкивался с такими, служа в туранской армии. К обычной стреле прикреплялась бамбуковая трубка с секретным «огненным порошком», поджигался выведенный наружу фитиль — и стрела выпускалась. Деревянные стены от таких стрел вспыхивали очень быстро... Здесь, однако, фитиль был нарочно укорочен до предела — чтобы смертоносная игрушка разорвалась в воздухе, над головами возможного противника. Киммериец оценил ловкость и смелость стрелка — а ну как все это дело рвануло бы прямо на тетиве?.. Остался бы без головы, самое меньшее.

За первой огненной стрелой последовала вторая, третья, четвертая... Занимаясь пламенем, затрещали ветви кипарисов, огонь стремительной змеей скользнул по корням... перепуганные лошади рвались с привязей.

— Быстрее! Прячьтесь Ханумана и вперед! — проревел киммериец, взлетая в седло.

Не разбирая дороги, они помчались прочь. Крики за их спинами не утихали, более того — взлетело несколько сигнальных стрел, рассыпавшихся в темном небе яркими зонтами разноцветных искр. Вскоре и спереди донеслось тревожное рокотание больших барабанов — судя по всему, гора была окружена со всех сторон.

Конан осадил коня. Они очутились в самом сердце горного леса; здесь пока было безопасно. Следовало хоть чуть-чуть подумать, прежде чем очертя голову метаться из стороны в сторону.

— Скарфен! Кого это мы нашли?!

Ванир осторожно опустил на землю несколько помятого во всей этой кутерьме «суслика». Скольд достал из седельной сумы изумрудную статуэтку, и оживший Хануман тотчас же отыскал зловещим алым взором их

неожиданного гостя. Правая лапа обезьянобога задрожала, точно сию минуту вырваться из камня и сделать какой-то жест. Четверо спутников Конана взирали на все это с благоговейным ужасом, киммериец же — лишь с досадой. Он не слишком-то жаловал всякие там чудеса вроде подобных фокусов с оживающими камнями.

— Благодарю вас, о благочестивые странники, истинно верующие в Великого Ханумана! — велеречиво начало существо в сусличьей шкуре, поднимаясь на задние лапы и делая передними элегантные жесты, словно ритор на университетской кафедре. — Возношу вам сладостные содрогания сердца моего («Это как?» — не понял любивший точные выражения Конан), возблагодарю за мое спасение...

— Слушай, давай короче! — не выдержал киммериец. Ожившие статуи, говорящие суслики... Нет, положительно все это не к добру! — Кто ты такой, кто тебя ловит, и что это за свора у нас на хвосте?! Говори, да поживее — нам еще прорываться.

— О да, да, благородный воин, — суслик мелко закивал головой. — Да не зародится в тебе отравный червь сомнения. Я все расскажу...

Рокот барабанов раздался уже совсем близко — очевидно, преследователи взобрались по склону и сейчас прочесывали лес. Изумрудный Хануман медленно повернул голову; исходивший из его каменных глаз красноватый свет залил «суслика», тот встряхнулся и дальше говорил уже уверенно, без постоянной дрожи.

«...Испокон веку в здешних горах жил многочисленный и тороватый народ. Находясь на великом торговом тракте, они жили между Тураном и Вендией, умудрившись отстоять свою независимость. Само собой разумеется, что они нуждались в постоянном заступничестве Богов, — иначе как добиться, чтобы у Секандерамского сатрапа перед самым походом расстроился бы желудок, сбежала с доверенным рабом любимая наложница и украли лучшую борзую из знаменитой своры? Ясное дело, в поход он выступал крайне расстроенным, ему было совершенно наплевать на каких-то там непокорных горцев (ими заняться никогда не поздно, а вот наложница удалялась все дальше и дальше

с каждым часом). Сатрап повернул назад после первых же свистнувших в горных ущельях стрел — после чего и занялся своими делами. Главное, что можно было отправить должный рапорт в Аграпур...

— ...И поставлен был высшими силами, Богами земными и небесными стеречь сей народ, — продолжал «суслик». — Долгие века длится моя служба и одному светлому Хануману ведомо, когда она кончится. Признаюсь, порой приходилось потрудиться — вроде как в том случае, что я описал вам выше. Это ведь не то, что у колдунов или черных магов Стигии — дунул, плюнул, ногой топнул и все готово. У нас, Богов, все куда сложнее...

— Так, а что же тогда творится здесь? — Конан выразительным жестом обвел окрестности.

— Не торопись, о благочестивый воин, истина не может быть высказана в спешке, хотя я не хуже тебя понимаю, что погоня скоро вцепится в нас.

Рассказ божка-хранителя был прерван самым неподобающим образом. На поляну из сплетения окаймлявших ее зарослей вывалились двое низкорослых, длиннородых мужчин с дымно горящими факелами. Увидав странную компанию со стоявшими перед ней на задних лапах сусликом и статуей Ханумана, они проявили завидную сообразительность. Сбоку у каждого висело по длинной кривой сабле, однако ни один и не подумал хвататься за оружие. Вместо этого они дружно бросились наутек, вопя и завывая на весь лес:

— Слуги Ханумана украли Тершу! Терша в лапах окаянного Ханумана! Хануман! Хануман-истребитель! Конец! Конец всему! Тревога! Тревога! Караул! Хануман схватил Тершу!.. — и так далее в разнообразных сочетаниях. Они улепетывали с такой быстротой, что даже Конан, гордившийся своей отменной реакцией, на сей раз не успел бы ничего сделать.

Не медля ни секунды, пятеро путников вскочили в седла. «Суслик» Терша сам вскочил на грудь к Скарфену и, пронзительно вереща, вцепился в него всеми четырьмя лапками. Шпоры впились в бока коней; отряд полетел в темноту. Надо было идти на прорыв.

Счастье еще, что в кипарисовом лесу почти не оказалось подлеска — иначе кони точно переломали бы

ноги. Несколько раз отряд Конана натыкался на факельщиков — однако всякий раз скорость и темнота помогали избежать схватки.

Конан понимал, что искать счастья на горных тропах бесполезно — лучше попытаться вырваться в долину. К утру они уже будут далеко; и потому, когда склон стал понижаться, он, не раздумывая, повернул скакуна под уклон.

Еще несколько мгновений безумной скачки по ночному лесу — и всадники, пробив колючую стену кустов, очутились на полого уходящем вниз каменистом склоне. Рокот барабанов и мерцание факелов остались позади; открывалась дорога к спасению.

Преследователи заметили их, когда кавалькада уже почти достигла дна долины. И Конан невольно поразился той слаженности, с которой сотни и сотни глоток завопили:

— Они украли нашего бога!

В этом многоголосом крике слышалась такая ненависть, что не отступавшему ни перед какими чудовищами киммерийцу стало не по себе. Эти будут преследовать не ради золота. Фанатики, жертвующие собой ради черт знает чего, всегда оставались самыми опасными врагами.

Нахлестывая коней, отряд скакал и скакал вперед по неширокой, залитой тьмой долине. Счастье еще, что по ней шла достаточно приличная для подобных мест дорога.

Они остановились лишь через несколько часов, когда их кони окончательно выбились из сил. Долина расширилась; по сторонам угрюмыми стенами мрака вздымались горные громады. Ночную тишь нарушало лишь журчание ручейка да неумолчный стрекот горных цикад.

— Пусть лошади остынут, — Конан спрыгнул с седла. — У нас есть время, так что послушаем-ка этого Тершу — или как его там.

Божка не пришлось просить дважды.

Обычным высокопарным стилем, пересыпая речь благодарностями им за спасение и славословиями в адрес великого Ханумана, Терша рассказал, что за долгие годы, пока он хранил своих подопечных, те,

чувствуя на себе явное и благосклонное внимание богов, прямо-таки из кожи вон лезли, дабы сохранить эту благорасположенность. Была разработана сложнейшая система обрядов, празднеств и заклинаний. Чтецу во храме, допустившему малейший сбой во время благодарственного молебствования, немедленно отрубали голову...

Так повелел Великий Хануман, которому в незапамятные времена служил и сам Терша. Но главным было даже не это — хотя Терша, по его словам, и страдал, становясь невольным свидетелем многочисленных казней, тем более, что ему самому точность исполнения гимнов была абсолютно безразлична.

Но вскоре, оказалось, что многие из этих ритуальных песнопений, увы, имеют над Тершей вполне очевидную власть. Один из них благочестивые господа даже смогли услышать — тот самый, под звуки которого незримая рука потащила божка прочь...

Так помимо собственной воли Терша оказался принужденным участвовать во всевозможнейших церемониях охраняемого им народа.

— Однако когда же тогда мог я делать свою работу? — с отчаянием возопил Терша, воздевая очи горе. — Я не мог выбраться из Храма ни днем, ни ночью. А вдобавок Великий Хануман отчего-то устроил так, что горожане Цхесты — это охраняемый мной город — совершенно уверены в том, что знают, как им надлежит со мной обращаться, и не обращают на мои слова и увещевания никакого внимания! А я ведь не могу отказаться от службы, будучи поставлен на нее самим Великим Хануманом...

— Однако и это можно было бы стерпеть, — от полноты чувств Терша всплеснул лапками. — В конце концов, не так уж сложно проделывать в собственном храме всякие там чудеса, заставляя статуи говорить жуткими, замогильными голосами, вызывать призраков и заниматься тому подобной чепухой. Однако от меня потребовали большего, куда как большего! Они захотели, дабы я... я... — он замялся, словно в смущении; наверное, он даже покраснел бы, если бы мог. — Дабы я имел омерзительные плотские сношения с выбираемой ежегодно ими девушкой — так де, мол,

открыл их верховному жрецу в откровении сам Великий Хануман. Я пробовал воззвать к своему повелителю — напрасно; кознями иных небожителей он был принужден уйти в изгнание и поселиться, я слышал, в уединенном лесном храме на рубеже Кхитая и Вендии. Мне приходилось подчиняться, испытывая при этом ужасающие телесные и душевные муки — мало того, что соитие отвратительно мне само по себе, так я еще и должен был удовлетворять экзотические прихоти этих свихнутых девиц в образе могучего, непобедимого воина, в доспехах, со священными Мечом Гнева и Жезлом Плодородия в руках, в блистании бесчисленных светочей, в душном дыму курильниц... Я люблю леса, чистые, открытые пространства, я задыхаюсь в четырех стенах храма... И вот настал день, когда я не выдержал. Силы мои оказались на пределе. Надо пригнать побольше снеговых туч на перевалы — запасти воды для посевной, а заодно и перекрыть дорогу кое-кому из не в меру ретивых кшатриев; это очень трудно, нужны все силы — а тут эти жрецы подсовывают мне свою Божью Невесту...

— И тогда ты дал деру, — Конан уже вполне освоился, несмотря на всю необычность случая. Помогало и то, что Терша отбросил, наконец, свой заковыристый и обильно уснащенный торжественными оборотами язык, заговорив по-простому.

— И тогда я дал деру, — сокрушенно признался Терша. — Я сбежал из храма, однако куда я мог уйти? Я надеялся только переждать тут, в лесах, несколько дней, пока не минет ихнее «благоприятное расположение светил» и они отложат этот мерзейший обряд до следующего года...

— Но, я смотрю, твои подопечные обнаруживают недюжинную сноровку, — заметил Конан.

Терша со вздохом опустил пушистую мордочку.

— Истинно так, благочестивый воин; я уже дважды убегал, когда становилось совсем уж немоготу. Первый раз меня поймали у городских ворот; второй раз уже в предместьях. Так что я тоже стал хитрее — и вот смог добраться аж до этих, неблизких, мест!

— Понятно, — нарушив краткое молчание, сказал Конан. — Ну, что же, Терша, туго тебе живется. И

хотелось бы помочь тебе — ни разу в жизни еще не помогал Богам! — но мы спешим. Мы держим путь в тот самый храм Ханумана, о котором ты поминал. Быть может, ты сумеешь подробно описать дорогу туда?

— О, сумею, конечно же, сумею! — непритворно обрадовался Терша. — Я всегда рад помочь благочестивым паломникам, идущим на поклонение моему небесному повелителю, чью священную статую вы везете с собой. Слушайте же меня внимательнее и запоминайте!

И божок, с важным видом устроившись поудобнее подле разведенного огня, пустился в пространные описания...

Терша и впрямь знал дорогу. Он рассказывал о ней с такими мельчайшими подробностями, что по его словам можно было бы составить подробную карту — чем незамедлительно и занялся Скарфен.

Время шло. Терша не добрался еще и до середины Вендийского пограничья, как Конан внезапно остановил его, прижавшись ухом к земле.

— Они оказались куда быстрее, чем я думал, — угрюмо бросил он, выпрямившись. — Надо уносить ноги!.. А ты, что же, не почувствовал их? — последний, презрительный вопрос обращен был к сжавшемуся в комок Терше.

— Нет... Я увлекся... — пробормотал несчастный божок.

Эйджес решительно поднялся.

— Послушайте, — вдруг жалобно проскулил Терша, — а, может, вы возьмете меня с собой!?

— Ну, пока-то непременно возьмем, — усмехнулся Конан. — Ты покажешь, как выбраться из этого ущелья, а вдобавок — быть может, ты видел, как я подстрелил одного старикашку — на границе тех кустов, где мы с тобой встретились?

— Старикашка? — Терша внезапно хихикнул. — Так ведь это был я! Я просто прочел это в ваших помыслах... и мне захотелось как-то привлечь ваше внимание. Это было совсем нетрудно.

— Ты сотворил призрак? — ошеломленно проговорил Скольд. — Призрак... а ты знаешь, чей это был призрак?!

— Разумеется! Колдуна, которого вы все боитесь.

— А не можешь ли ты... — разом вскричали все четверо спутников Конана, однако Терша лишь забавно покачал мохнатой головой.

— Защитить вас от него я не смогу. Один лишь Великий Хануман... Его священное изображение обладает большими силами, но и оно, увы, не всемогуще. По крайней мере, он вроде бы не должен слышать наших разговоров...

— Что-то в это мне не шибко верится, — проворчал Конан. — Ну, по седлам!

— Погодите, ну возьмите же меня, я вам пригожусь! — горячо взмолился Терша. — Взгляните на священное изображение нашего Великого Бога — он подскажет правильный ответ!

Ожившая статуя Ханумана и в самом деле медленно кивала.

— Ладно, давай с нами, — махнул рукой киммериец. — Там видно будет, глядишь, и впрямь где сгодишься...

— Благодарю, о, благодарю, благочестивые паломники! — восторженно взвизгнул божок. — Сам я не мог покинуть место своей службы, но, поскольку вы как бы похищаете меня, то запрет снимается...

— А что же, ты раньше не мог никого найти, кто помог бы тебе убраться отсюда? — любопытствовал Конан, уже посылая коня вперед.

— Не мог, — сокрушенно вздохнул Терша, поудобнее устраиваясь за пазухой у Скарфена. — Цхеста стоит в стороне от Великого тракта — ради безопасности, и чужеземцев там очень мало, вдобавок за каждым из них постоянно следят, пока он в городе. Нет, там у меня не было ни одной возможности — вдобавок я не хотел причинять зло тем, кого был поставлен охранять и оберегать. А еще — как бы смог я добраться до Храма? Ноги коротки, а летать я не умею...

И вновь длилась ночная скачка. Летели назад темные, словно сотканые из мрака склоны; долина становилась все шире и шире, киммериец даже угадывал по сторонам смутные очертания каких-то строений.

— Мы приближаемся к Цхесте, — крикнул Скарфен спутникам. — Терша предлагает взять сейчас правее...

Однако выполнить этот, без сомнения, мудрый и своевременный совет они уже не успели.

Конь Скольда едва-едва свернул на обочину, как мрак прямо перед ними разорвали десятки и сотни ярких огней. Шипя, разбрызгивая искры, яростным пламенем зажгло множество огненных шаров. Дорога оказалась со всех сторон окружена народом — воины и горожане, все вперемешку; Конану бросился в глаза странный, кроваво-красный цвет их плащей.

Киммериец с проклятием выхватил меч. Придется прорубать себе дорогу — если только этот самый Терша что-нибудь не сделает.

— Они украли нашего Бога! — неслось со всех сторон.

Лошади, храпя и фыркая, внезапно уперлись, отказываясь идти дальше. Над плечом Конана свистнула первая стрела.

— Вперед! Да иди же! — шпоры киммерийца впились в бока жеребца, тот дернулся от боли, однако не подчинился.

Скольд поднял свою храпящую лошадь на дыбы, вновь возвращая ее на дорогу. Кобыла тотчас сбросила непонятное оцепенение, и ринулась вперед, точно на призовых скачках.

«Кивайдин, не иначе, — мелькнула у Конана мрачная мысль. — Наверняка надоумил горожан... и околдовал лошадей... похоже, нам осталась одна дорога — вперед, по дороге, к городу... Спрыгнуть? — нет, тотчас поднимут на копыта, или, того проще, засыплют стрелами...»

Как ни странно, дорога пока оставалась не перерезанной. Ясно было, что она прямоком ведет в ловушку, но... иного выхода Конан пока не видел. К тому же у обитателей этой Цхесты имелось куда больше шансов на успех, атакуй они немедленно — темнота, неожиданность, все было на их стороне; теперь они по крайней мере утратили преимущество внезапности.

В горной долине стало светло, как днем. По обе стороны дороги высились шесты с пылавшими на их вершинах огненными шарами; обочины щетинились частоколами пик, свет дробился и играл на тысячах

наконечников стрел; не смолкая, вслед бешено несущемуся навстречу Судьбе отряду несло:

— Они украли нашего Бога!

— Терша! — рявкнул киммериец, направляя коня ближе к Скарфену. — Ты можешь что-либо сделать?!

— В Цхесту пришел ваш колдун! — с отчаянием выкрикнул божок. — Он перенесся сюда на крыльях бури... он выследил вас, следя за мной!

— Пр-роклятье! — вырвалось у Скольда. — Надо прорываться, сожри мою душу Локи!

— Нет! Нет! — взвизгнул Терша. — Нужно прорваться в Храм! Если свернете сейчас — верная смерть! А мне — вечный плен! И женщины! Женщины! — Он почти рыдал.

Кавалькада, не замедляя бега, обогнула скалистый холм — и с разгону вылетела к воротам Цхесты.

Нельзя сказать, чтобы укрепления города произвели на Конана особое впечатление. Он повидал немало куда более величественных крепостей; а эта... Две привратные башни; створки самих ворот — деревянные и даже не обиты металлом. Рва нет и в помине; стены, хоть и каменные, но невысоки...

Отряд влетел под арку; за ними густо валила вооруженная толпа.

— Они украли нашего Бога!

— Прямо по главной улице, никуда не сворачивая! — прокричал Терша, высываясь из-за пазухи Скарфена.

Времени рассматривать бешено несущиеся назад ряды домов у Конана не было. Мелькали глинобитные стены, черные провалы мрачных дворов и проулков... И по-прежнему на всем протяжении их пути засевающие на каждой крыше лучники провожали отряд десятками и сотнями нацеленных стрел, следивших за Конаном и его спутниками, точно подсолнухи за солнцем...

Главная площадь — она же рыночная, правосудия и тому подобного. В дальнем ее конце, соседствуя с отвесным склоном горы, стоял храм, царственно высившийся над всеми прочими строениями города.

Это было высокое пирамидальное здание, опоясанное несколькими уровнями террас, где среди зелени смутно виднелись ряды белеющих изваяний. Окон киммериец

не заметил, одни лишь широкие входные двери, сейчас распахнутые настежь. Их как будто бы никто не охранял.

— Туда! — выкрикнул Терша, едва не свалившись под копыта бешено мчащихся лошадей.

Кавалькада влетела в гулкий, высокий зал, залитый темнотой. Копыта зацокали по каменному отполированному полу; Конан первым соскочил с седла и кинулся закрывать тяжелые створки дверей. В отличие от городских ворот, эти были сделаны из настоящей стали.

Тяжелый засов, едва поддавшийся совместным усилиям Конана, Скарфена и Скольда, вошел в гнезда как раз в тот миг, как толпа преследователей добралась до храма.

Кое-как устроив лошадей, спутники развели огонь. Их взорам предстало обширное и мрачное помещение, уставленное изукрашенными курильницами. Потолок поддерживали ряды витых толстенных колонн из редкого, черного мрамора. В нишах застыли тяжеловесные, массивные статуи непроглядно-темного камня — странные, уродливые чудовища, изображавшие какие-то гротескные помеси людей и обезьян. Ряд страшилищ завершался занимавшим всю противоположную от входа стену громадным барельефом, изображавшим Великого Ханумана во всем великолепии торжественного облачения. А под барельефом примостился скромный, бедно выглядевший алтарь из простого, необработанного гранита. По обе его стороны застыли золоченые курильницы в виде разинувших пасти змей, когда-то побежденных Великим Хануманом и с тех пор ставших его самыми верными слугами...

Во всем храме Конан не увидел ни единого окна или хотя бы двери. Глухие стены — и ничего больше. Если только, конечно, здесь нет потайных ходов.

Очевидно, та же мысль пришла в голову и Эйджесу, тотчас же спросившему об этом взбравшегося на алтарный камень Тершу.

— Ни о чем подобном я никогда не слыхал, — божок смешно покачал сусличьей головой. — И жрецы, и миряне всегда входили и уходили только через главный вход...

— Ну, так и что будем делать дальше? — с неожиданной резкостью бросил Фьюри. — Мы заперты здесь, как крысы в крысоловке! У нас мало припасов. Да дней через семь нам придется пить собственную мочу и варить ремни с сапогами!

— Погоди впадать в отчаяние, благочестивый воин, — Терша тронул лапой ладонь Фьюри. — Я недаром оставался хозяином этого хлама много веков. Ночь пройдет, утро присоветует. Двери храма сломать вовсе не так просто; на какое-то время мы в безопасности...

— А что ты нес насчет того, что в Цхесте объявился наш враг? — в упор спросил Эйджес.

— Я почувствовал чужую силу в Цхесте, едва мы оказались возле ворот, — ответил Терша. — Достаточно было сопоставить природу этой силы с теми страхами, что я прочел в ваших душах — и мне все стало ясно.

— А что значит — «он выследил вас через меня»? — продолжал допрос Эйджес.

— С вами — священная статуя нашего покровителя, могучего Ханумана, — охотно пустился в объяснения божок. — Она защищает вас от ока вашего врага, однако, когда вы встретили меня, колдун смог посмотреть моими глазами — и увидел вас.

— То есть пока мы от тебя не избавимся, он сможет следить за каждым нашим движением? — грозно поднялся Скольд.

— Н-ну... в общем... — промямлил Терша, съеживаясь. — Но с этим я могу справиться.

— Как же это? — не без яда осведомился Конан.

— Ваш враг вернулся из дальнего путешествия к самым заветным пределам, — серьезно, без тени иронии ответил Терша. — Он обрел от Нездешних Богов новые силы — однако и этому можно противостоять. Я отведу ему глаза. Я создам ваши точные подобию, которые и отвлекут его на себя. А уж как сделать так, чтобы он подольше поломал над этим голову — это уж моя забота.

— Хорошо бы, коль так, — проворчал Конан, невольно прислушиваясь к негодующим воплям на площади перед храмом. — А теперь поведай мне, о Терша, что могут сделать с нами те молодцы, что толпятся сейчас на площади?

— Если ворвутся внутрь... — начал было божок.

— То оторвут нам голову, — докончил за него киммериец. — Это понятно и так. Что они могут сделать, чтобы ворваться внутрь? Ты ручаешься за эти двери?

Терша на некоторое время задумался. Вид он при этом имел, конечно, презабавнейший — размышляющий суслик, глазки которого вдруг обрели выразительность человеческих глаз.

— За двери — да, ручаюсь, — изрек он напоследок. — Но если за дело примется сам этот ваш Кивайдин...

Воцарилось тяжелое молчание. Четверо спутников Конана мрачно глядели в пол, сам же киммериец озирался по сторонам, точно пойманный в западню волк. В самом деле, разве могла какая-то там дверь устоять против могучего чародея? Вдобавок Конан сильно сомневался в том, что Терше удастся продержаться против Кивайдина хотя бы минуту. Он не мог рассчитывать ни на что, кроме собственного меча.

Конан искоса взглянул на спутников. Похоже, они уже опустили руки и теперь думают лишь о том, как успеть покончить с собой до того, как попадешь в руки Кивайдина. Ну нет, так дело не пойдет!

— А ну-ка, вставайте, вы! — загремел киммериец, словно вновь очутившись на аграпурском плацу. — Скольд, Скарфен — берите во-он ту каменную бабу с крыльями и тащите наверх! Пристройте ее над дверьми. Фьюри, Эйджес — надо соорудить баррикаду — вот здесь, если они сломают створки...

В голосе киммерийца звенел металл; и четверо незадачливых слуг чародея уже поднялись, замороженные звучавшей в этом голосе силой, когда вменялся Терша.

— Постой, погоди, зачем ты хочешь двигать священные изваяния? — ужаснулся он. — Победы надо одерживать головой, а не тупыми мышцами!

— Да, если только ее тебе не снесут с плеч раньше! — язвительно бросил Конан. — А твои изваяния, право же, немного стоят, если в минуту опасности от них никакого толку — даже на голову никому не сбросишь!

— Ты хороший боец, киммериец, — покачал головой Терша, — но даже ты не в силах сражаться один против целого войска. Одна случайная стрела... Нет, мы

поступим иначе. Отойдите к стенам, благочестивые воины; мне надо предаться магии...

Магия Терши оказалась сильной и впечатляющей. Маленький божок подбежал к одной из статуй, критически оглядел изваяние с ног до головы — а потом его лапки замелькали с поразительной быстротой. Свет затейливых масляных ламп померк, зал храма быстро наполнился удушливым серым дымом, в котором, точно два пятна мрака, виднелись Терша и статуя напротив него.

По спине Конана пробежал неприятный холодок. Варвар недолюбливал всяческое чародейство — однако на сей раз ему пришлось признать (потом, когда все завершилось), что Терша здорово знает свое дело.

Клубы дыма стали подползать к уродливой фигуре перед божком, с мокрым хлюпаньем всасываясь внутрь изваяния. Контур статуи утратили резкость, размылись — а Терша все размахивал и размахивал короткими передними лапками, и Конану пришло на ум, что похожие движения ему случалось замечать у гончаров...

Статуя тем временем и в самом деле начала менять очертания. Сгорбленная спина выпрямилась, втянулся отвислый живот, укоротились чудовищно длинные руки, обезьянья челюсть вдвинулась, очертания головы все больше и больше напоминали человеческие... Терша трудился, словно опытный скульптор.

Наконец он удовлетворенно склонил голову набок, несколько мгновений пристально вглядывался в свое творение — а затем со вздохом перешел к следующей скульптуре... И так еще три раза.

— Ну как, нравится? — В голосе Терши чувствовалась усталость, однако он явно гордился сделанным. — Идите сюда и смотрите внимательнее!

Дым быстро рассеивался, уползая куда-то в щели между каменными блоками. Мало-помалу в храмовом зале становилось все светлее и светлее; вскоре четыре неподвижно замершие позади Терши фигуры можно было разглядеть во всех подробностях.

Взору Конана предстала точная копия его самого. Он даже ощупал себя, глядя на статую. Повторялось все, вплоть до расположения пор на коже. Каждый волос

на голове двойника лежал в точности так же, как и у настоящего Конана. Столь же идеальными оказались и подобию остальных его спутников. Однако в глазах их пока что не было видно биения жизни — они казались пустыми и мертвыми, хотя грудь каждого из сотворенных двойников мерно вздымалась, словно они и в самом деле нуждались в воздухе.

— Они оживут по-настоящему, лишь когда выйдут за ворота храма, — вполголоса пояснил Терша. — Опытный маг без труда распознает обычную подделку, особенно если она не живет и не дышит — но мои творения от живых отличить не так просто.

— И что будет, когда они выйдут отсюда? — не сводя глаз со своего двойника, осведомился Скарфен. — Их ведь просто изрубят в капусту, и мы ничего не добьемся!

— Нам и надо, чтобы их изрубили, — Терша издал короткий смешок. — Горожане должны поверить в то, что справились с вами. И — хоть на краткое время — должен обмануться и сам Кивайдин. А другого выхода у нас все равно нет — если только вы и впрямь не решите пробиваться силой!

Взгляды спутников Конана обратились на него. Он не был их предводителем, напротив — его наняли; однако в решающие моменты незадачливые слуги чародея отчего-то стремились переложить бремя ответственности именно на киммерийца.

— Ты здесь хозяин, Терша, и решать тебе, но мы все равно будем готовиться к прорыву. Удастся ли тебе твой трюк — ведают одни боги. Я же больше полагаюсь на свой меч. Если все провалится — устроим здесь кровавую бойню! Неплохо бы, чтобы нас надолго запомнили...

— Мои создания не подведут, — прижал лапки к груди Терша. — Можешь не сомневаться, о недоверчивый из недоверчивых!

Конан только дернул щекой.

— А что будет, если обитателям Цхесты вздумается обыскать храм, после того как они прикончат твои творения? — раздался голос Эйджеса.

— Пусть обыскивают, — беспечно махнул лапкой Терша. — Они могут обыскивать его еще хоть десять

веков и, ручаясь, обнаружат только пыль. Я придам вам облик тех пяти статуй, которых я превратил в ваши подобию. Никто ничего не заметит.

— И сколько же нам придется стоять здесь каменными истуканами? — поинтересовался Скольд. На скалах его отвердевали и вновь распускались каменные желваки — верный признак того, что ему вся эта затея весьма и весьма не нравится.

— Не больше суток, — ответил божок. — Надеюсь, моим созданиям удастся вырваться из города; за ними в погоню наверняка устремится большая часть воинов. Выяснить, кто именно, не составит большого труда, и я придам вам временное сходство с отсутствующими. Так мы сможем выбраться из Цхесты. Лошадьми, правда, придется пожертвовать — но в городе вы сможете достать себе других...

С каждой минутой Фьюри хмурился все больше и больше.

— А, по-моему, это сплошное безумие! — неожиданно взорвался он, стоило Терше на мгновение умолкнуть. — Да Кивайдин поймет, что ему подсовывают подделки, раньше, чем ты успеешь даже мигнуть, о Терша! И тогда нас уже ничто не спасет.

— Поднимись в дозорную башню, о благочестивый воин, — судя по возвращению холодно-вежливых оборотов, божок здорово обиделся. Тем не менее его предложение выглядело здравым, и смотреть они отправились все вместе.

Терша негромко, совсем по-сусличьи свистнул и сверху, разматываясь, к их ногам упала веревочная лестница. Надувшийся божок с неожиданной ловкостью стал карабкаться по ней вверх; его примеру последовали и пятеро путников.

В темном потолке храмового зала отыскался узкий квадратный проем. С трудом протиснув через него мощное тело, Конан оказался внутри узкой башни. Сперва киммерийцу показалось, что стены здесь совершенно глухие, и он даже удивился, зачем Терше понадобилось тащить их сюда, однако божок ничуть не смутился.

— Прижмитесь лицом к стене и смотрите! — командовал он.

— А почему я знаю, что увиденное мной не будет мороком, который ты сам же и вызовешь? — недоверчиво проворчал киммериец.

— Да зачем же мне вас обманывать?! — Терша всплеснул лапами.

— Кто вас, богов, знает...

Пока они так переговаривались, четверо спутников Конана уже последовали совету божка.

— Вот это да!.. — услышал киммериец потрясенный шепот Скарфена и, не удержавшись, сам прильнул к холодному камню.

И, к его полному изумлению, серая поверхность стены послушно сделалась прозрачной, как будто киммериец смотрел в самое обыкновенное окно. Цхеста лежала перед ним, как на ладони; стояла ночь, однако город казался залитым странным сероватым светом; светом, который совершенно не походил ни на звездный, ни на лунный, ни, тем более, на солнечный. Конан ни разу не видел такого страшного света. Однако благодаря этому диковинному свечению все, творящееся вокруг храма, можно было разглядеть в мельчайших деталях.

Храм окружало три кольца тяжеловооруженных воинов, и Конан мельком подивился, откуда небольшая, никому не ведомая Цхеста взяла деньги на такое количество панцирников? Кого ни попадя в железо не оденешь — драться в латах надо уметь...

Все улицы были перекрыты кордонами. На плоских крышах домов засели многочисленные лучники, держа на прицеле наглухо запертые железные двери храма. Светящихся шаров стало заметно меньше — они горели лишь у самой дверной арки. Разумно — враги окажутся на виду у всех, а воинов Цхесты прикроет темнота...

— Против такого заслона впятером не выйдешь, — киммериец впервые нарушил тяжелое молчание.

В одиночку, быть может, он и сумел бы прорваться, но законы киммерийской чести не допустили, чтобы в сознании Конана подобная мысль появилась бы пусть даже на краткий миг.

— Что ж, по-моему, иного выхода, кроме как согласиться с планом Терши, у нас нет, — отозвался Скольд.

— А что я вам говорил, о благочестивые воины! — обрадовался божок. На сей раз вежливое обращение было искренним...

— Оставайтесь лучше здесь — так вы сможете все увидеть своими глазами, — предложил Терша, направляясь к открытому люку. — Как только я спущусь, поднимите лестницу; про дозорную башню в Цхесте мало кто знает...

Конан и его спутники последовали совету хозяина храма.

Божок скрылся из вида. Вскоре лестница чуть колыхнулась — Терша оказался на полу; Эйджес и Фьюри быстро втянули лестницу наверх.

— Теперь посмотрим, — Скольд поудобнее устроился у стены.

Снизу через открытый люк доносилось неразборчивое бормотание Терши — а затем тишину прорезали тяжелые шаги. Скрипнули петли тяжелых створок — а затем раздалось слитное и страшное пение сотен разом отпущенных тегив. Лучники Цхесты знали свое дело.

Однако уже в следующее мгновение Конан увидел, как на площадь перед храмом на всем скаку вылетели пять всадников, неведомым образом избегнувшие гибельного колючего ливня. Один из них (в нем киммериец со смешанным чувством удивления и брезгливости узнал себя) вскинул над головой меч и, размахивая им во все стороны, поскакал прямо на угрюмо темнеющие ряды копейщиков. Стрелы летели со всех сторон настолько густо, что едва не закрывали поле боя — однако пятеро воинов летели, словно заговоренные.

Конь с двойником Конана на спине первым домчался до вражеских шеренг. Доскакал, и — взлетел в длинном великолепном прыжке, обманув копейщиков, ударивших в то место, где он только что был. Копыта жеребца мимоходом снесли головы двоим латникам и вслед за первым всадником во вражеский строй врубались остальные. Считанные мгновения — и первый кордон был прорван. Пятерка бойцов с лихим гиканьем

устремилась дальше, тотчас же скрывшись за крутым изломом улицы.

Лучники и копейщики Цхесты не сразу оправились от неожиданности; а оправившись и сообразив, что упустили святотатцев — с воплями ринулись в погоню. Просторная площадь перед храмом быстро пустела.

— Вот так-то, о благочестивые воины, а вы еще сомневались в Терше! — донесся снизу ликующий голос божка.

И в самом деле, Конан не мог не признать, что сработано было очень лихо.

Глава 5

— **Т**еперь можно немного отдохнуть, — выдохнул Терша, совсем по-человечески пытаясь утереть пот со лба, почти отсутствующего у сусликов. В его торжественном храме вновь царил чинный порядок. Все изваяния застыли на своих местах; а нагрянь сюда с обыском хоть вся городская стража Столицы Воров, Аренджуна, — она ничего бы не нашла.

Теперь следовало осуществить вторую часть нехитрого плана. Терша знал, что его создания благополучно прорвались через все заслоны и в погоню за ними устремились девять десятых воинства Цхесты. Город почти не охранялся.

Бесконечная ночь, вместившая в себя такое обилие событий, все никак не могла окончиться. Неужели в храм никто так и не зайдет? На такую удачу Хранитель Цхесты боялся даже надеяться.

Он не успел даже перевести дух, как из бокового проулка вновь раздалось казавшееся ему донельзя отвратительным, режущее слух торжественное пение. Терша кое-как схватил короткими лапками голову и мысленно застонал. Конечно! Как он мог позабыть об этом! Его подопечные, конечно, уже поняли, что их бог никуда не делся, что он в своем храме — и решили, не дожидаясь окончания погони, совершить-таки торжественный обряд бракосочетания бессмертного Хра-

нителя с выбранной ими «душой Цхесты» — пятнадцатилетней девственницей, с самого рождения подготовлявшейся к этому кошмарному для Терши ритуалу.

Надо было что-то делать... немедленно... избавиться от этого облика... Маленький рыжеватый суслик стрелой вскочил на алтарный камень.

— Превеликий Хануман! — ту часть храма, где стоял жертвенник, быстро затягивало плотным теплым туманом. — Помоги! Молю тебя вновь! Избавь меня от этого кошмара! — в глубине белесых волн мглы стремительно метались из стороны в сторону какие-то темные тени. Внезапно они замерли — словно молящий и впрямь получил какой-то ответ.

— Конан! — заверещал Терша. — Очнись, очнись же, о благочестивый воин!

Одно из уродливых изваяний возле стены медленно разлепило серые каменные губы:

— Ну, чего тебе? — пробурчал искаженный, весьма отдаленно напоминавший прежний голос — низкий рык, почти что бас.

— Нам надо поменяться местами. Замени меня в этой ужасной церемонии! Ах да, ты же ничего не знаешь...

Терша, как мог, в нескольких словах объяснил свой замысел. Губы статуи снова вздрогнули, на сей раз сложившись в подобие саркастической ухмылки, свойственной киммерийцу.

— Ясное дело, я согласен!

— Тогда повелеваю камню, нынешней плоти твоей — иди сюда!

Раздался скрип. Одна из мощных ног статуи оторвалась от постамента и сделала первый, еще не слишком уверенный шаг. Второй дался уже легче, третий получился и совсем хорошо.

Торжественное пение за дверьми не умолкало. Площадь мало-помалу заполнялась народом в торжественных алых плащах. Воинов почти не было, зато пришли все остальные горожане, от мала до велика.

Во главе процессии двое облаченных в синие мантии жрецов осторожно вели под руки закутанную с ног до головы в полупрозрачный белый газ девушку. Взоры простых смертных не могли коснуться ее красоты,

предназначенной для лицезрения одним лишь Хранителем Города.

Предназначенная в невесты девушка шагала, не чуя под собой ног; несчастная была ни жива ни мертва от страха. Будущих подруг Терши держали, словно в тюрьме, и пуще всего следили, чтобы те, кто уже побывал во храме и вкусил сомнительные радости плотского соития, не поколебали бы веры юных божьих невест. Женщины, уже ставшие Женами Терши, высоко почитались в Цхесте; они составляли особую касту могущественных жриц, однако вход им в Обитель невест был строго-настрого заказан. И все же какие-то слухи не могли не просачиваться. По Цхесте шепотом опасно передавалось, что эти жрицы предаются самому ужасному разврату, не сумев снискать расположения Божественного Хранителя, обделившего их во время брачной ночи супружескими радостями...

И потому девушка по имени Шейол, которую осторожно вели ко Храму два Великих Жреца, едва переставляла ноги. Она лишь смутно догадывалась о том, что ей предстоит.

А тем временем внутри строения над алтарным гранитом продолжал клубиться колдовской туман. Изваяние, тяжело шагая, преодолело последние футы до алтаря и, словно в воду, погрузилось в непроглядную мглу. Тоненький голосок божка забормотал непонятные заклинания.

Киммериец повел затекшими плечами. Он вновь стал самим собой; а на том месте, с которого только что ушло ожившее изваяние, уже стоял Терша, приняв вид статуи... Все было готово к началу церемонии.

Конан ожидал, что двери вот-вот распахнутся и торжественная процессия вступит внутрь; однако у него уже сводило от зевоты рот — а крыши домов окрасились первыми лучами наступающего рассвета — когда нескончаемые хоровые песнопения, наконец, закончились.

Короткая пауза... и тишина вновь сменилась медленной, тягучей мелодией. Предыдущие гимны навевали одну зевоту; однако этот отчего-то пробудил в Конане неясную тревогу. Посланное для поимки дерзких святотатцев войско все еще не возвращалось; а ведь

по замыслу Терши двойники должны были погибнуть, чтобы, по крайней мере, успокоились обитатели Цхесты. Конан старался не думать о том, что изначально они должны были выбраться из храма чуть ли не вслед за ушедшими воинами...

Двери храма медленно распахнулись; внутрь хлынул бледный свет разгорающегося дня. Поспешно прячась за алтарь, киммериец успел заметить плотные ряды народа на площади и медленнодвигающееся к Храму величественное шествие.

«А эти жрецы, оказывается, знают толк в женщинах», — невольно подумалось киммерийцу при одном взгляде на точеную фигурку божьей невесты. Лицо девушки скрывала вуаль, но волнующие линии плеч, ног и талии говорили сами за себя.

«Интересно, долго еще они будут завывать? — Конан начинал проявлять нетерпение, тем более, что хоры неспешно втягивались внутрь вслед за ведущими девушку жрецами. — Я чувствую, что возненавижу музыку навеки!..»

Приготовления к таинству оказались долги, скучны и однообразны. Что-то гнусавили жрецы, хоры продолжали распевать («И как только не охрипнут?» — подивился их выносливости Конан), служки возжигали в курильницах незнакомые киммерийцу благовония... Храм мало-помалу наполнялся сладковатым дымком, от которого немилосердно першило в горле и щипало глаза. Конан с трудом подавлял неудержимое желание откашляться.

Закутанную в белый невесомый газ девушку долго водили взад-вперед, останавливая перед каждым извятием, и тогда тонкая фигурка начинала медленно извиваться в причудливых фигурах завораживающего танца под негромкие звуки больших струнных арф, внесенных в храм одними из последних.

«Ну сколько можно!..»

Но вот, наконец, хоры потянулись к выходу; пятились задом, низко кланяясь нареченной, многочисленные жрецы; последними уходили музыканты. Однако песнопения вовсе не утихли, на что очень надеялся Конан; священные гимны грянули с утроенной силой —

чтобы было слышно через любые стены, с тоской подумал киммериец.

Девушка осталась одна; трясущиеся пальчики начали размытывать скрывавшие лицо покровы. Киммериец осторожно выглянул...

«Да, она и впрямь могла стать Божьей Невестой, — невольно подумалось ему. — Хороша!.. Хороша, нечего сказать!.. И откуда только такая взялась здесь, в богами забытой Цхесте?!»

«Никто не должен ничего заметить, киммериец!» — вспомнил он последние слова Терши, сказанные божком за миг до того, как он сам обратился в статую.

«Да, разрази меня Кром... но девчонка же так юна...»

«Вот и хорошо, что ей встретился ты, знающий толк в женщинах и умеющий не причинить боли...» — отозвался ему чей-то голос в сознании.

Песенники на площади завопили так, что, казалось, сейчас рухнут толстенные стены замка. Девушка судорожными, механическими движениями снимала с себя слой невесомого, прозрачного газа; она тряслась от страха, хорошенькое личико помертвело, неестественная бледность пробилась даже сквозь толстый слой наложенных румян.

«Пора», — подумал Конан, вспомнив наставления Терши. Он знал, что, стоит ему выпрямиться — и его окутает алая святающаяся аура. Божок постарался обставить выход киммерийца должным образом.

Девушка только слабо вскрикнула, закрыв нарумяненное лицо ладонями. Ее обеспамятовшему взору предстал полуобнаженный великан с невероятными, никогда не виданными в Цхесте глубокими ярко-синими глазами. Словно торжественный плащ, его окутывало алое свечение; могучие руки, перевитые тугими жгутами великолепных мускулов, тянулись к ней, губы улыбались, открывая ряды белоснежных зубов. Да, это был истинный бог!..

Рука киммерийца осторожно коснулась немыслимо тонкой талии. Девушка вновь вскрикнула; глаза ее закатились, казалось, что она вот-вот может лишиться чувств. «Только этого мне не хватало... Сейчас, того и гляди, рухнет... Ну, этого мы тебе сделать не дадим. Таких, как ты, на руках носить нужно...»

И Конан легко, словно перышко, поднял обомлевшую цхестийку.

За алтарным камнем обнаружилось широкое и жесткое ритуальное ложе: на него киммериец и опустил свою бесценную ношу. Сознание девушка все-таки не потеряла и сейчас крепко прижималась к груди воина. Что ж, она, как видно, не из трусливых...

А потом произошло то, что мириады раз уже случилось на земле, когда красивый мужчина оставался наедине с красивой девушкой. Киммериец старался, как только мог; такого усердия он не проявлял и в спальнях лучших куртизанок хайборийских Королевств. К мужскому желанию впервые примешалось и нечто большее: неосознанное стремление защитить и сохранить — «Ну хотя бы на ночь, черт возьми», — это нежное и хрупкое создание, волей судеб доставшееся ему...

И Конан добился своего, хотя при этом с него сошло семь потов. Высокий потолок храмового зала отразил ликующий крик. Забыв обо всем, юная жрица что есть мочи обнимала за шею своего бога, доставившего ей величайшее наслаждение в ее такой короткой и обделенной радостями жизни...

Однако он не успел даже перевести дух — не говоря уж о том, чтобы натянуть одежду — когда стройный хор на площади внезапно рассыпался и умолк, сменившись чьим-то низким, яростно-гневым рыком. Некто, облеченный силой и властью, явился, чтобы взыскать с нерадивых жрецов; а затем железные створки дверей сотряс мягкий, но страшный удар.

«Кивайдин! — огнем обожгла страшная мысль. — Разобрался-таки что к чему, подлец... Ловко, ничего не скажешь!»

В следующую секунду киммериец был уже на ногах. Все, что он успел сделать, это обмотать чресла набедренной повязкой и выхватить меч; и тут ворота рухнули.

По залу пронесся ледяной шипящий ветер. В дверном проеме полыхало багровое зарево; а на пороге, скрестив руки, неподвижно застыла темная, исполненная силы фигура. Конану хватило одного взгляда, чтобы понять, кто сейчас перед ним. Увы, его подозрения оправдались. Великий маг и впрямь добрался до них.

— Ну вот и пришел конец вашей дурацкой игре, Конан-киммериец, — прогремел от двери мрачный, глубокий голос. — Приблизься и прими свою судьбу! В виде особой милости я дарую тебе право умереть в бою.

Девушка недоуменно открыла блаженно смеженные было глаза. Что здесь происходит? Куда делась алая аура ее бога, который только что был с ней, обнимал ее, оставил в ней часть самого себя — драгоценнейшую часть своего божественного семени? И кто этот жуткий человек у входа?.. Что ему надо? Как он вообще смог войти? Ведь засов был заперт!

Понимая, что все кончено, Конан медленно шел через зал. Его разум тщетно искал путей к спасению и не находил их. Конечно, что Кивайдину и его меч, и все чародейство Терши... В голову лезли темные, полные беспросветного отчаяния мысли.

Девушка за алтарным камнем приподнялась на ложе, во все глаза смотря на происходящее. Казалось, ее охватил столбняк. Она не кричала, не билась — молча и сосредоточенно смотрела...

Признаться, киммериец думал о ней в эти последние — как он полагал — свои минуты:

«Бедная девочка, лучше уж сшибиться с магом поближе к двери — авось, крыша если и обвалится, то ее — там, за алтарным камнем — все-таки не придавит...»

Казалось, что за спиной разгневанного мага полыхает весь город. Площадь исчезла, без остатка затопленная пламенем, и Конан не знал, искусная ли это иллюзия, или Кивайдин и впрямь решил разделаться со всей Цхестой...

Киммериец мягко продвигался вперед; чародей стоял неподвижно. Лица его Конан не видел — лишь порой что-то сверкало там, где должны были располагаться глаза.

— Ну что же ты медлишь, отважный Конан? — в голосе Кивайдина слышалась неприкрытая издевка. — Не больно-то ты скор! Разве так предписывают поступать тебе правила киммерийской чести?!

«Пусть говорит. Ему для чего-то надо меня раздражить... но уж этого удовольствия я ему не доставлю!»

— Неужели ты боишься меня? — продолжал издеваться чародей. — Разве ты не видишь — я безоружен!

Конан лишь усмехнулся про себя. На такие фокусы он был горазд и сам. Иногда выгоднее напоказ отбросить меч, а дело решить ударом небольшого, затаившегося в рукаве кинжальчика...

Врагов разделяло не более шести футов. Конан приостановился; маг же продолжал говорить, явно потешаясь:

— Хотя, может быть, мне и не убивать тебя? Всего лишь оскотить, чтобы навсегда отбить охоту портить девушек! Ведь ты, в конце концов, оказал мне немалую услугу — мои нерадивые, заслужившие казни слуги здесь, и обращены в недвижные изваяния... Это очень, очень мне на руку! Ты избавил меня от множества хлопот, Конан из Киммерии...

Пока длилась эта хвастливая речь, варвар успел собраться с духом. В конце концов, это не первый волшебник, столь самоуверенно грозивший ему скорым и неизбежным концом. Хозяин Башни Слона тоже, к примеру, грозил. И многие другие тоже... Чего стоил хотя бы один Аманар!

— Что же ты медлишь, киммериец? Ну, подойди же, снеси мне голову своим славным мечом!

— Вряд ли мне это удастся, чародей, — стараясь, чтобы безнадежность и отчаяние звучали бы в голосе как можно явственнее, ответил Конан, в знак признания своего поражения низко опуская голову. — Что я могу сделать тебе, если мой меч против тебя бессилён?

Говоря так, он мало-помалу повернулся к чародею боком, прикрывая плечами и грудью напрягшуюся, готовую к удару правую руку с опущенным мечом. И, все еще продолжая говорить что-то сокрушенно-покорное, киммериец внезапно и резко взорвался стремительным движением. Все его мышцы напряглись в едином порыве, тело, точно отпущенная пружина, послало вперед руку с мечом; клинок был нацелен в грудь чародея. Конан надеялся только на внезапность, на то, что этот выпад в упор Кивайдин уже не отобьет.

Киммериец жестоко ошибался. Глаза волшебника внезапно и грозно блеснули на окутанном тьмой лице; в них светилось злое торжество. Молниеносным дви-

жением, которого не мог различить человеческий глаз, он отпрянул в сторону; острое меч прошло в пальце от его груди. Инерция собственного удара развернула Конана спиной к врагу; и тотчас же страшный удар в затылок отправил киммерийца на пол. Глаза застлал красный туман, однако варвар не потерял сознания и даже не выпустил меча из руки. Позади него раздался приглушенный, полный отчаяния девичий вскрик.

— Ну, вставай же, Конан! — загремел Кивайдин. — Вставай и сразись со мной, глубоким стариком! Я даже оставлю тебе твою железную игрушку! Поднимайся же и продолжим бой! Не порти мне развлечение, вставай!

И Конан встал. Больше ему просто ничего не оставалось. Перед ним стоял усмехающийся Кивайдин; в разверстых дверях храма по-прежнему полыхал негасимый магический огонь. Быть может, это была лишь иллюзия, и Конану была оставлена дорога для бегства — по странной прихоти волшебника; а быть может, это был и самый настоящий огонь... Во всяком случае, киммериец, стиснув зубы, заставил себя не смотреть на манящую арку входа.

— Атакуй же, чего ты ждешь! — Кивайдин вновь пренебрежительно скрестил на груди руки.

В сердце Конана начинала закипать медленная, черная ненависть. Обычно он не давал ей воли, понимая, что победу может дать лишь хладнокровие; но теперь становилось ясно, что если что и вручит, так только это — древнее и страшное наследие несчетных поколений предков-варваров, переданное от них неукротимое стремление во что бы то ни стало убить врага, даже если ты уже весь изранен и изрублен... И порой эта ненависть способна была творить чудеса.

Второй выпад киммерийца прочертил кровавую полосу на груди чародея. Тот слишком увлекся насмешками и пропустил удар; хотя рана и была пустяковой, Конан внезапно ощутил прилив сил и уверенности. Враг вовсе не так уж неуязвим, как хочет казаться!

И тут Кивайдин показал, как он на самом деле умеет сражаться. Его голая ладонь небрежно, играючи отшибла в сторону закаленный тяжелый клинок варвара, в то время как другая рука резко ударила киммерийца в подбородок. Шейные позвонки хрустнули, но поддержа-

ли; удар, способный сломать шею даже быку, лишь еще раз опрокинул Конана наземь.

И вновь он поднялся. Рот был полон крови, в висках раздавались гулкие, глухие удары сердца, уже предчувствовавшего конец. Еще один выпад, еще, еще... Кивайдин уклонялся ловко, однако меч киммерийца еще дважды оставлял на нем легкие отметины.

Казалось, они бьются уже вечность, хотя на самом деле прошли считанные секунды после начала их поединка. В очередной раз сбитый с ног, Конан со всего размаха врезался в сваленную у стены груды их заплечных мешков и седельных сумок; ткань затрещала, и по полу покатился, слабо постукивая, какой-то зеленоватый, слабо светящийся предмет, при виде которого Кивайдин слабо ахнул — точь-в-точь как робкая девушка — и проворно отскочил в сторону.

Из прорехи в мешке выкатилась изумрудная статуэтка Ханумана, и странно-живые глаза горели яростным пламенем. Оно билось в глазницах, стремясь на волю — и внезапно пробило-таки себе путь.

Конан ощутил, как в спину ему ударили две горячие воздушные струи — это вырвавшиеся из глаз Ханумана желтые лучи коснулись тела варвара. Боль тотчас исчезла; ноющие мышцы налились новой силой. И, когда Конан поднялся на ноги, в глазах Кивайдина он заметил на миг проскользнувшую искорку неподдельного страха. Меч сверкнул серебристым полукружьем, словно и не полыхал совсем рядом мрачный багровый огонь, и на сей раз чародей уклониться не сумел. Левый бок его бесформенной хламиды стремительно потемнел от крови; Кивайдин беспомощно пошатнулся, прижимая к ране обе руки...

Киммериец потерял осторожность только на краткий миг, однако чародею хватило и этого. Кивайдин внезапно оказался совсем рядом; по-змеиному гибкие пальцы впились в сжимавшую меч кисть Конана, вторая рука метнулась к горлу. Ее Конан успел отбросить, однако из-за этого пропустил самый что ни на есть прозаический удар в пах, после которого он опять оказался на полу.

Кивайдин не повторил его ошибки. Он прыгнул вперед, точно голодный тигр на добычу. Выроненный Конаном меч был уже в его занесенной руке.

И тут ему под ноги с отчаянным визгом бросилась невысокая, закутанная в белый газ фигура. Руки ее были вскинута в жесте не то мольбы, не то угрозы; тонкие пальчики, только что ласкавшие мощное тело Конана, обхватили руку чародея с мечом... предназначенная в невесты Хранителю Города, девушка теперь готова была на все, собой закрывая его от демона тьмы...

И предназначенный киммерийцу удар достался ей.

Клинок рассек ее левое плечо, дойдя до сердца. Белый газ окрасился багровым, кровь фонтаном брызнула из страшной раны; потолок зала отразил слабый предсмертный крик...

Как в страшном сне, Конан видел эту сцену; время словно остановилось, маг замер, вцепившись в эфес торчащего из груди девушки меча, почти до самой крестовины залитого кровью. Несколько мгновений в храме царила жуткая тишина; а потом мертвые губы девушки приоткрылись, упавшие было веки поднялись вновь. Взор ее, странный и невидящий, казалось, источал холодный безжизненный свет. Залитый кровью клинок внезапно осветился, а затем покрывавшая его кровь несчастной словно ожила. Десятки и сотни ярко-красных змеек ринулись вверх по мечу — к сжимавшей его руке Кивайдина. И взор красных зрачков Ханумана был направлен прямо в спину убитой...

Маг заревел. Дико, страшно, в голосе его не осталось ничего человеческого; родившиеся из крови змейки впились в его незащищенную плоть, рука окуталась красноватым дымком...

Спустя еще миг Кивайдин швырнул меч и, завывая, опрометью бросился прочь, к выходу из храма, на бегу срывая с себя терзавших его красных тварей.

Подхватив меч, на острие которого извивался еще целый клубок алых созданий, Конан бросился в погоню. Такой случай упускать было нельзя; он обязан был догнать!

И он догнал, чуть не влетев в смертельные объятия бушующего на пороге пламени. Клинок еще раз вон-

зился в спину Кивайдина; новый вопль, красные змейки вновь ринулись вперед, но... Конан знал, что рана неглубока. Меч остался в его руке, а змейки, точно по волшебству, мгновенно исчезли.

Обессиленный Конан едва дотащился до погибшей девушки. Она лежала с блаженной, умиротворенной улыбкой на сомкнутых устах, как сломанная злой судьбой прекрасная игрушка — наивное, невинное и истово верившее в него, Конана, создание...

И тут могучее тело никогда не плакавшего киммерийца сотрясло отрывистое глухое рыдание: «Она умерла за тебя, помни это; она отдала свою жизнь, чтобы жил ты; и, значит, твой долг теперь — преследовать этого мага до самых дальних земных пределов, пока он не ответит за все».

Конан стиснул зубы так, что они захрустели. Однако, хотелось бы знать, что все это время делал доблестный Терша?! Конан одним прыжком подскочил к бессмысленно скалящемуся каменному истукану; не сдержавшись, он со всего размаха треснул по статуе кулаком.

— Что же ты сидел, пока меня убивали, а? — рявкнул киммериец, не слишком задаваясь вопросом, слышит его божок или нет. — Или, быть может, мне расколотить это идолище, чтобы ты понял, что такое боль?!

Очертания изваяния внезапно подернулись знакомой киммерийцу магической дымкой, задрожали, теряя четкость... спустя мгновение ниша полностью утонула в сером мареве, а когда туман рассеялся, на постаменте вместо массивного обезьянца сидел Терша в прежнем своем сусличьем обличье.

— Прости, прости меня, благочестивый Конан, — виновато зачастил божок. — Прости, я не мог распутать собственное заклятье... я был так испуган, что перезабыл все на свете...

— Трус, — с презрением бросил ему киммериец. — Девчонка погибла из-за тебя, а ты... испугался он, видите ли! — передразнил Тершу Конан, зло сверкая глазами. — Ты можешь ей помочь? Лекарь-человек, конечно, давно бы отступился; но, быть может, ты докажешь, что не зря именуешься Богом?!

— Сейчас, сейчас... — торопливо забормотал Терша, опрометью кидаясь к убитой. Несколько мгновений его лапки осторожно скользили по краям страшной раны... а затем божок виновато развел ими.

— Скорблю и проливаю потоки слез вместе с тобой, Конан... но тут уж ничего не поделаешь. Я бессилен! Нам и впредь остается только оплакать ее, увы! Душа уже покинула тело...

— Вовсе еще не покинула, — вдруг раздался чей-то медленный, скрипучий голос — будто терлись друг о друга два шершавых камня. Конан и Терша обернулись разом, точно ужаленные — к ним обращалась изумрудная статуэтка Ханумана. Каменная пасть бога-обезьяны приоткрылась, глаза по-прежнему мерцали огнем. — Поднесите меня ближе к ней!

— П-повелитель... — жалко задрожал Терша. — Ты з-здесь? О, молю, не карай меня очень су...

— Я сказал — поднесите меня к ней! — обрывая бормотание Терши, зло проговорило изображение Ханумана.

Киммериец поспешно нагнулся, подхватив ожившую статуэтку. Она жгла руку, словно была только что вынута из печи; взор каменных светящихся глаз упал на разрубленное плечо, уже покрывшееся бурой коркой свернувшейся крови.

— Да... — тихо и чуть слышно выговорил Хануман (или его изображение?). — Мы опоздали. Из-за тебя, Терша, трусливый и нерадивый раб!

Суслик повалился на пол, очевидно, он пытался встать на колени, забыв, что тело его несколько отличается от человеческого. Его била крупная дрожь, шерстка встала дыбом...

— Хватит корчиться! — сурово бросил Хануман. — Если хочешь заслужить мое прощение — то должен будешь сопровождать этих людей, что принесли сюда мое изображение, к известному тебе тайному храму. Ты понял меня? Они должны дойти!..

И тут у обитавшего в статуэтке духа как будто иссякли силы. Озарявший глазницы свет бесследно исчез, приутасло и внутреннее изумрудное сияние; перед Конаном и Тершей на полу вновь лежала мертвая каменная статуэтка.

Киммериец и глазом моргнуть не успел, как Терша опрометью метнулся к превращенным в изваяния спутникам Конана. Не прошло минуты, как Скарфен, Скольд, Эйджес и Фьюри уже стояли вокруг киммерийца, забрасывая его вопросами.

— Потом, все потом! — отмахнулся тот. — Идемте, надо отыскать хоть каких-то коней, иначе нам не унести отсюда ноги!.. Давайте, разбирайте тюки, я вас сейчас догоню...

Магический огонь в дверях тем временем угас; взорам открывалась пустая, залитая солнцем площадь. На ней не было ни одной живой души.

Возглавляемая Тершей процессия в открытую двинулась через открытое пространство; киммериец же чуть задержался. Он в последний раз взглянул в лицо девушки; даже сейчас, отмеченное Смертью, оно не потеряло своего очарования.

— Ради меня ты пролила свою кровь, — негромко произнес Конан, обращаясь к убитой. — И клянусь тебе Кромом, богом моих отцов, что твой убийца перед смертью узнает ее вкус. Я заставлю его!

С этими словами он вытащил кусок тряпицы из своего заплечного мешка и, сломав, запекшуюся корку, смочил платок кровью девушки. Потом аккуратно сложил его, спрятал в кожаный мешочек, а его — в потайной карман заплечного мешка.

Спутники уже ждали его.

Глава 6

Лошадей они нашли без труда. В покинутой всеми конюшне спокойно стояли десять сильных, холеных коней. Ворота были распахнуты, конюшню никто не охранял.

— Это лошади городских стражников, — сообщил Терша, вновь обосновавшийся за пазухой Скарфена. — Ума не приложу, почему тут все настезь...

Конан тотчас же заподозрил ловушку, и потому в раскрытые ворота он входил точно в пасть огнедышащего дракона. Однако все обошлось благополучно, жи-

вотных удалось беспрепятственно оседлать (упряжь нашлась тут же) и вывести наружу. Не прошло и нескольких минут, как отряд уже мчался верхами к городским воротам. Им по-прежнему никто не препятствовал.

Кое-где заметны были следы вчерашнего яростного боя. Остатки разметанных баррикад; сломанные копья, воткнутые тут и там в землю стрелы; бурые пятна, подозрительно похожие на высохшую кровь... Однако трупы — если они и были, с улиц уже исчезли.

Ворота Цхесты были наглухо закрыты.

— Ты знаешь, как они открываются? — крикнул Терше Скарфен.

— Да там самый обыкновенный засов!

Конан живо представил себе, как высыпавшая из окрестных домов многочисленная стража берет на прицел их, возящихся с толстенным бревном запора; уж он-то на месте здешнего командира не стал бы мешкать, нипочем бы не упустил столь выгодного момента! Все как на ладони; перестрелять их проще простого...

Однако никто из горожан так и не дерзнул бросить вызов страшным неуязвимым воинам. Лучники так и не появились, засов был отодвинут без помех, и под копыта коней легла пыльная дорога.

Конан навсегда покинул Цхесту.

Путь через вендийское пограничье оказался нелегким, однако не чрезмерно. Терша показал себя отличным проводником; он знал все до единого колодцы, удобные места стоянок, опасные участки, где могли появиться разбойники и где следовало держаться настороже. Без всяких приключений, счастливо избегнув встреч и с кшатриями, и с бандитами, и с горцами, путники мало-помалу приближались к великим Химелийским Горам. Терша безошибочно выводил их к богатым дичью местам, так что им даже не требовалось рисковать, заходя в селения, где легко можно было нарваться на кшатриев — или, что куда хуже, на шпионов или прислужников Кивайдина.

Терша провел отряд Конана в обход, далеко уклонившись к югу. И, уже почти достигнув горных хребтов, они повернули к северу. Здесь пришлось пробиваться сквозь влажные тропические леса, где они непременно

бы заблудились, если бы не Терша. После трех недель пути божок резко свернул на восток.

Они шли по широкой долине. По ее склонам темнели вечнозеленые горные леса; беря исток на высоких ледниках, журчала небольшая и быстрая речушка. Места казались дикими; путники, как ни старались, нигде так и не смогли заметить следов человека.

— Хотел бы я знать, какой смысл строить храм в таком месте, где до него не доберется ни один паломник, даже если ему и приспичит помолиться! — заметил как-то раз на привале Конан. — Тут глушь, какой свет не видывал. Сюда и из Вендии-то не меньше месяца пути, не говоря уж о Туране или Кхитае! Нет, ничего не понимаю!

— Так ведь храм этот и строился как тайный, — откликнулся Терша. Он так и не расстался с сусличьим обличем, объясняя это данным обетом. «Только обретя прощение Великого Ханумана, смогу я изменить свой вид», — совершенно серьезно объяснял он Конану и его спутникам. — Эта долина прямоком ведет к храму. Само строение стоит на левом склоне, примерно на середине. Правда, сейчас там вроде бы остались одни развалины...

— И вдобавок еще слуги Черной Ипостаси, — мрачно добавил Фьюри.

— Да, и еще они, — уныло кивнул божок. — Вы, четверо, не сможете войти туда, не сможете даже приблизиться... внутрь пойдем мы с Конаном.

— А если эта самая Черная Ипостась учует тебя издали так же, как и их? — тотчас же спросил Конан. — Я не хочу рисковать. Если меня для них как бы не существует и, охотясь за мной, им придется полагаться только на обычные глаза и уши — лучше уж я отправлюсь один. По крайней мере, никто не будет путаться под ногами.

— Погоди так говорить! — не на шутку обиделся Терша. — Может, мне еще придется выручать тебя, о благочестивый воин!

— Там видно будет, — коротко отмолвил Конан, обрывая разговор.

Говорить и впрямь было не о чем. Терша отлично знал дорогу к тайному храму, однако сам ни разу не

бывал в нем, не говоря уж о четверке незадачливых слуг Кивайдина. Так что вся работа вновь падала на одни лишь его, Конана, плечи... Уж какие там такие несметные сокровища — это еще вопрос (в последнее время киммерийцу фатально не везло с древними кладами; уже несколько раз он терял драгоценную добычу в самый последний момент из-за какой-нибудь нелепой случайности, как, например, получилось с золотом гномов...).

На третий день пути по долине ее склоны начали постепенно сходиться. Речка превратилась в быстрый ручей; и справа и слева в зеленых облаках листвы прорезались острые серые пики скал.

— Дальше мы не пойдем, — угрюмо осадил коня Скольд. — Я уже сейчас ощущаю смрадное дыхание этих нелюдей! Нам пора останавливаться.

Четверо спутников Конана избегали смотреть ему в глаза при расставании. Им было стыдно, они краснели и отводили взоры, не находя слов для прощания. Все инструкции были уже даны и затверждены несчетное число раз — Конан должен был вынести из развалин либо вторую изумрудную статуэтку Размышляющего Ханумана, либо Главный Глаз Ханумана с большой статуи Размышляющего Бога. Все остальное — по усмотрению самого киммерийца. Все богатства, которые он сможет унести — его. Надо признать, что подобные условия Конана весьма устраивали, неясным оставалось только, согласится ли с подобным сам Размышляющий Хануман...

И еще Конана беспокоил Кивайдин. Чародей ни разу не напомнил о себе за все время их пути; однако киммериец не сомневался, что их враг отнюдь не мертв. Что-то подсказывало Конану — маг еще встанет у них поперек дороги; хорошо бы только, чтобы это случилось уже после того, как он, Конан, успеет вынести свое золото...

— Отсюда до храма — полдня пути, — оценивающе прищурился Терша, глядя вдаль. — Я бы оставил коня здесь, Конан...

— Интересно, а на чем же я вывезу свою добычу? — возразил киммериец, садясь в седло. — Если хочешь, то можешь добираться до храма сам, Терша.

Божок с потешным сомнением взглянул на свои короткие лапки — и без лишних слов вспрыгнул на протянутую руку Конана.

Взятая в Цхесте кобылка оказалась послушной и выносливой. Вот и сейчас, повинувшись направляющей ее сильной руке киммерийца, она шла неспешным шагом самым верхним краем поросли густого и жесткого остролистого кустарника, вдоль стены каменных обрывов. Серые башни возносились над головой, их вершины, казалось, доходили до самых облаков. Кругом царила глубокая тишь; внизу под легким ветром чуть заметно колыхалось зеленое море. И впервые за много дней Конан ощутил удивительное спокойствие, — словно разлитое в воздухе этой долины, оно властно вытесняло все кровавые и черные воспоминания, заставляя расслабиться напряженные, обхватившие эфес меча пальцы.

— Что ты чувствуешь, Терша? — шепотом обратился Конан к своему удивительному спутнику (по правде говоря, киммериец так и не привык к говорящему суслику, да еще вдобавок умеющему колдовать).

— Чистое дыхание Великого Ханумана! — чуть торжественно, однако тоже шепотом, отозвался божок. — Даже отравные испарения Черной Ипостаси не смогли одолеть эманации Истины!

Конан не знал, что такое «эманация»; впрочем, сейчас это было уже не важно. Мысленно киммериец пожелал Терше попасться на зуб лисице или степному орлу за неумеренную восторженность.

— Ты что, не чувствуешь, где эти ваши слуги Черной Ипостаси?!

— Нет, — смутился божок. — Но они наверняка в храме! Где же им еще быть? Откуда им знать, что мы должны пожаловать?

Киммериец хмыкнул. У него было свое мнение по этому поводу. Как правило, служители всяких Черных Демонов, Ипостасей, Колдунов и прочей нечисти обнаруживали удивительную прозорливость и почему-то оказывались в таких местах, где их уж никак не должно было быть.

Лошадь Конана осторожно ступала по узкой тропке, вившейся вдоль неприступного обрыва. Дно долины скрывал густой лес; время от времени среди зарослей

сверкала серебристая лента речки. Нигде никаких руин, никаких дымов — девственные джунгли. Конан уже засомневался даже, отыщут ли они вообще хоть что-нибудь, как неожиданно увидел кольцо коричневых развалин, почти поглощенных стремительно наступающим лесом. Киммериец резко натянул поводья, соскальзывая с седла в траву.

Чуть ниже и правее него, на склоне горы виднелось широкое кольцо высоких коричневых колонн; меж ними громоздились бесформенные груды обломков, среди которых поднималась молодая поросль, однако она выглядела совсем уж молодой — на глаз лет шесть-семь, не больше.

— Храм! — страшным шепотом сообщил Терша. Тело божка была крупная дрожь.

— Это? — фыркнул Конан. — Да это ж какой-то погреб, вот и все! Между здешними колоннами и десять человек не встанет! Что ж за храм-то такой?

— Тайный, тайный, от всех сокрытый храм... — нараспев, точно замороженный, проговорил Терша, неотрывно глядя черными глазками-бусинками на кольцо руин. — Здесь никогда не собиралось много народа. Размышляющий Хануман не нуждается в коленопреклоненных толпах.

— А где вход? — прежним шепотом осведомился киммериец. — Наверняка ведь нужно будет идти в подземелья?

— Вход должен быть в самой середине Колонного предела... — пробормотал Терша, правда, без особой уверенности. — Я никогда не был здесь...

— И ждать нас будут именно внизу?

— Наверное...

— Наверное... А где вся твоя магия? Ты что, стал обыкновенным сусликом? — не удержался Конан.

— Я слуга великого Ханумана... — чуть не плача, ответил несчастный божок. — Здесь, в священном месте, только он властен творить чародейства!

Киммериец вполголоса выругался. Кром разорвал бы этого божка-неудачника! Толку никакого...

Оставив лошадь привязанной к толстому, выпиравшему из каменистой земли корню, Конан и Терша со всеми мыслимыми предосторожностями спустились к

кольцу коричневых колонн. Все оставалось спокойным. Беспечно перекликались лесные птицы.

Руины не показались Конану хоть сколько-нибудь интересными. Колонны как колонны, обломки как обломки — сколько ему встречалось таких! Терша тут же принялся шнырять взад-вперед по камням, отыскивая обещанный им киммерийцу вход; на взгляд Конана, рухнувшие плиты лежали настолько плотно, что между ними не проскользнула бы и мышь.

Он попытался, вслед за божком, заглянуть под камни — бесполезно. В некотором недоумении Конан попытался даже подсунуть под одну из плит свой меч, когда внезапно услышал тихое, но злобное шипение:

— Ни с места, и брось свою железяку, великан!

В подтверждение сказанному над плечом Конана коротко свистнула стрела, с коротким треском сломавшаяся об одну из колонн. Это было предупреждением — шелохнись только, и мы в один миг утыкаем тебя стрелами...

Не разгибаясь и не выпуская из руки клинка, Конан медленно повернул голову. Кольцо колонн окружало десятка три низкорослых лучников в старых, изодранных черных одеждах. Самый высокий из них ростом был едва по локоть Конану; однако сейчас колоссальное преимущество киммерийца в силе не имело никакого значения — на него в упор было направлено три десятка холодно блистающих наконечников. Терша бесшумно юркнул в какую-то дыру; его так никто и не заметил.

Глава 7

Конан со вздохом выпрямился, подняв над головой руки. Когда в тебя целится три десятка лучников, лучше не совершать резких движений. Пусть подойдут поближе — тогда мы еще посмотрим, кто тут из нас двоих бросит свою железяку...

Однако командир стрелков оказался далеко не так глуп, как хотелось бы Конану.

— Раздевайся! — услышал он следующую команду. Из рядов облаченных в черное тряпье стрелков вышел

их предводитель — хромой, невысокий, узкоглазый и узколикий: казалось, череп его зажимали в тисках, нарочно стараясь придать ему вытянутую форму. Заостренную макушку едва прикрывали редкие и сальные черные волосы; между них просвечивала бледная, как у трупа, кожа — зрелище оказалось весьма и весьма неаппетитным.

— Катись ты... — равнодушно отвечал ему Конан по-вендийски. Он не раз бывал в подобных ситуациях и знал, что если бы у стражников был приказ убить его, они бы не стали разводить разговоры. Одна хорошо нацеленная стрела из-за укрытия... А раз они не поленились окружить его и завести свои дурацкие разговоры — значит, он нужен им живым. Киммериец собрался в комок, готовясь прыгнуть, — если не останется другого выхода.

Предводитель с вытянутым черепом еще обдумывал достойный ответ чужаку, а его подчиненные нетерпеливо переминались с ноги на ногу, когда вдруг прямо под ногами Конана раздался скрип и плита, на которой он стоял, вдруг поползла в сторону, открывая черную дыру входа в подземелье.

— Конан! Сюда! — из провала появилась мордочка Терши. Не раздумывая ни секунды, киммериец метнулся вниз, в спасительную темноту, и воздух над его головой застонал от многочисленных стрел.

Варвара со всех сторон охватил полный мрак. Плита быстро закрывалась, дневной свет стремительно мерк. Возле самых ног киммерийца что-то завозилось.

— Возьми меня на плечо, — услышал Конан голос божка. — Мы в привратном покое. Отсюда по спиральной лестнице придется спускаться вниз, к главному залу, там мы узрим самого Великого Ханумана — его почитаемое всеми изображение, в кое столь часто в былые годы сходил его пресветлый дух! — Терша почти что впал в благоговейный экстаз.

— А эти, с луками... это и есть служители Черной Ипостаси?

Терша тихонько рассмеялся.

— Эти?! О нет, киммериец! Это жалкие отбросы, палачи, наемные убийцы и прочие злодеи, что бежали от вендийского и кхитайского правосудия! Настоящие слуги Черной Ипостаси подкармливают их... и порой

отправляют в вендийские пределы заниматься привычным разбойным делом.

— Они не полезут за нами? — осведомился Конан, подозрительно оглядывая темный потолок. — Сказать по-правде, я уже жалею, если нет: быть может, у них факелами можно разжиться! А то темно, хоть глаз коли, куда тут пойдешь?

— Иди, куда я скажу, — уверенно заявил Терша. — Здесь, в верхнем зале, одни только руины, нам нужно вниз — и поскорее, пока настоящие слуги Черного Ханумана не пожаловали сюда!

— А хоть какие они? — любопытствовал Конан. — Небось опять какие-нибудь... с рогами да со щупальцами?

— С щупальцами? Нет! — удивился Терша. — Лучше бы нам не говорить о них в этом месте, киммериец. Не буди лихо, доколь оно тихо.

Киммериец хмыкнул, однако вопросов больше не задавал. Подчиняясь указаниям примостившегося на его плече Терши, он осторожно пробирался вперед, сквозь крошечную тьму. Под ногами, судя по всему, громоздились обломки каменных плит; идти приходилось очень медленно, чтобы нога не провалилась в какую-нибудь предательскую щель.

Конан шел, шел и шел, ему казалось — он идет уже целые сутки и наверху давно наступил вечер; однако, когда позади него раздался скрип открываемой плиты, он невольно поразился, увидав, сколь малое расстояние отделяет его от светлого квадрата в потолке подземелья — он миновал самое большее с сотню футов.

Лучники в черном, держа в руках помимо оружия еще и брызгающие искрами факелы, один за другим спрыгивали на пол. Кто-то не удержался на ногах, с болезненным стоном повалился на бок; однако сразу пять или шесть глоток кровожадно завопили: «Вот он!»

Затылком чувствуя слабое дуновение от пронзающих воздух стрел, Конан ринулся вперед, петляя из стороны в сторону. Тершу мотало так, что он еле-еле удерживался на плече киммерийца; однако маленький божок все же ухитрился срывающимся голосом подсказывать Конану направление.

Подземелье казалось бесконечным; то справа, то слева с противным визгом воздух резали стрелы.

— Сейчас... сейчас... — как заведенный, твердил Терша, — еще немного — и будет вход на лестницу... туда это отребье не сунется...

Оборванцы с луками показали себя неплохими бегунами — славившийся быстротой и неутомимостью бега киммериец никак не мог от них оторваться; хотя, быть может, так получалось потому, что разбойники оказались в прекрасно знакомом им месте, Конан же невольно ждал каждое мгновение, что нога его внезапно провалится в бездну, не встретив под собой опоры...

Низкорослые лучники пристрелялись уже почти наверняка, когда Терша внезапно взвизгнул в самое ухо Конану:

— Лестница! Вот она! Вправо!

Разгоряченного бегом лица киммерийца коснулся поток поднимавшегося из глубины прохладного воздуха со странным запахом горьковатых благовоний — верно, его гнали вверх специальные устройства. Конан ощутил справа от себя пустое пространство — и, не раздумывая, метнулся туда. И вовремя, потому что несколько стрел свистнули у него над самым ухом — еще мгновение, и следующий залп преследователей стал бы для него последним.

Под ногами оказались широкие щербатые ступени. Спиральный ход, плавно изгибаясь, шел в глубь земли; и тут киммерийца невесть отчего охватил страшный, беспричинный ужас — ужас, какого он не испытывал никогда. Это не было страхом — его Конан и так почти не ведал; это не было боязнь драки, смерти, боли или тому подобного — нет, это было каким-то слепым всепоглощающим чувством такого древнего, дремучего и первобытного ужаса, что тело отказалось повиноваться отважному духу варвара. Ноги подгибались, в коленях появилась предательская дрожь. Конан не мог понять, чего же — или кого — он так испугался. Глаза до боли вглядывались в окружавшую его темноту; напрасно. Он ничего не мог разглядеть, хотя всегда гордился своей способностью видеть по ночам.

— Что здесь такое, — губы отказывались повиноваться Конану, слова едва можно было разобрать.

— Это... истинные слуги Черной Ипостаси, — еле слышно пролепетал в ответ тот. — Эта лестница — единственный спуск вниз... к их логову...

— Да кто они такие, эти твои «слуги»? — возвысил голос киммериец, презирая себя за невольную слабость.

Терша не успел ничего ответить. Мрак перед самым лицом Конана внезапно заколыхался, точно морская гладь, и киммерийцу почудилось, будто он сходит с ума — он не видел эту черную рябь, но ощущал ее неким вторым зрением, ставшем в те мгновения надежнее зрения, слуха и осязания. Киммериец знал, что его сейчас в упор рассматривают бесчисленные холодные взоры многоглазого призрачного существа, столь древнего, что по сравнению с ним даже покрытые пылью веков гробницы Стигии показались бы возведенными только вчера. Неисчислимы века обитал здесь, на вырубленной неведомыми строителями лестнице демон-привратник; и тысячи тысяч существ прошли за эти столетия перед его безразличным, холодным взором.

Тьма вокруг Конана изменилась. Теперь она сделалась неоднородной, в ее черном океане поплыли причудливые серые пятна; в пятнах, как заметил Конан, мельтешили какие-то фигурки, иногда мелькали даже яркие дневные краски — обрывки воспоминаний, мыслей, чувств. Достояние тех, кто уже прошел по этой лестнице, чтобы вернуться затем к свету или же навсегда остаться в подземной жадной тьме — ныне они принадлежали привратнику. Холодные глаза пристально вглядывались в самую сердцевину памяти Конана, отбирая оттуда по одному демону ведомым признакам, что-то для своей исполинской кунсткамеры... В сознание киммерийца медленно вползал ледяной холод, холод предсмертного ужаса. «Чудовище же просто выпьет сейчас меня, — отрешенно подумал он, отчего-то в один миг утратив и волю к борьбе и всегдашнюю свою злую решимость. — Он выпьет мою память, и я навечно останусь здесь... быть может, одним из одетых в лохмотья лучников. Тело без мыслей, без воспоминаний, без чувств... с одними животными желаниями...»

«Нет! Не поддавайся! Подними меч! Ему надо противиться! Спротивляться!» — зазвенел в ушах тонкий, комариный писк, очевидно, это был Терша...

Несмотря на то, что липкий парализующий страх не отступал (Конан чувствовал себя пойманной мухой, которую пристально рассматривают несколько мгнове-

ний перед тем, как прикончить); киммериец судорожным усилием воли двинул правую руку к висевшему на перевязи оружию. Один Кром ведает, как с помощью простого стального клинка можно бороться с призраками — даже не с демонами, которые имеют хоть какую-то плоть — а именно с призраками, лишенными всякой телесной оболочки...

Казалось, мрак расплывается в слюнявой ухмылке. Серые пятна с заключенными, точно в клетки, воспоминаниями, поплыли быстрее, словно выделявая фигуры ритуального танца. Конан готов был поклясться, что слышит нетерпеливое чавканье незримой пасти.

Обливаясь потом, киммериец все-таки сумел вытащить меч из ножен. Как затравленный зверь, он озираясь, стараясь понять, что же теперь делать, если рубить — то кого?!

А в висках тем временем нарастала холодная вязкая боль. Слово большой студенистый шар, она каталась внутри черепа варвара, разбухая, становясь с каждой секундой все объемнее, угрожая заполнить собой всю голову и разнести в пыль непрочные кости. Это была боль опустошения; призрак прибавлял к своему собранию новые и новые картинки.

И тут в дело вмешался Терша. Божка тоже трясло от страха — даже сквозь железную сеть кольчуги Конан чувствовал, как трепещет тщедушное сусличье тельце; однако в решающий момент Терша бросился вперед с решимостью и яростью голодного тигра, оказавшегося среди беззащитного стада. Божок метнулся прямо в самую густоту мелькавших серых пятен — короткий черный росчерк, тут же канувший в непроглядном мраке.

— Беги, Конан! Вниз! Вниз по лестнице, я его отвлеку! — донесся прощальный не то вскрик, не то вскрик и вновь наступила звенящая, гнетущая тишина. Однако шар холодной боли в сознании Конана внезапно лопнул, рассыпавшись мириадами острых льдистых игл, и сознание вновь прояснилось. Не теряя более ни мгновения, киммериец ринулся вниз по погруженной во мрак лестнице.

Виток, виток, еще виток... сколько же их, Кром, и будет ли когда-нибудь конец у этой каменной кишки? Ступени летели под ноги десятками, десятки складывались в сотни... поворот, поворот, еще поворот; и Конан

не сразу заметил, что под ногами уже не лестница, а гладкий, отполированный пол громадного подземелья.

Спуск кончился. Киммериец перевел дыхание... а тьма начала постепенно рассеиваться, отступая под натиском света, разгоравшегося в расставленных по подземелью причудливых бронзовых фонарях. Пещера озарилась; варвар стоял на самой ее середине.

Нельзя сказать, что подземный зал поражаел роскошью и богатством убранства. В противоположных концах подземелья на возвышениях стояли два одинаковых трона, искусно вырезанные из драгоценного розового дерева и украшенные громадными черными жемчужинами — каждая стоимостью в добрый дворец, как тут же определил Конан. Вдоль стен тянулись каменные скамьи; стены украшала затейливая мозаика, изображавшая различные славные деяния Ханумана, Царя Обезьян. Этим, собственно, и исчерпывалось описание храма — если не считать небрежно сваленных в углах груд драгоценной утвари, безделушек и просто золотых самородков вперемешку с самоцветными камнями.

Однако в тот момент взоры Конана оказались прикованы отнюдь не к сокровищам. Он вспомнил слова Терши и Скарфена о том, что храм «захвачен» слугами Черной Ипостаси; однако это оказалось не совсем так. Храм изначально строился как средоточие сил двух ипостасей многоликого божества: Ханумана Размышляющего и Ханумана Черного, еще именуемого кое-где в народе Душителем. Согласно бытовавшим здесь, в Вендии, верованиям, Черный Хануман является к человеку в последние мгновения его жизни и, сжимая сердце незримой дланью, выдавливает из еще живого тела трепещущую душу. Занятие несколько мрачноватое, зато — с точки зрения вендийца — исключительно полезное. Что было бы, если б недостойные светлого посмертия души оставались неприкаянными, бродя вне Обители Богов дорогами сего мира?

На одинаковых розоватых тронах в разных концах зала восседали два величественных изваяния. Слева от киммерийца застыла статуя зеленого камня, цветом очень похожего на изумруд, из которого изваяна была небольшая статуэтка Размышляющего Ханумана, добытая Конаном и Скарфеном из подвалов эмира в Аграпуре. Хануман сидел, задумчиво касаясь лба средним

и указательным пальцами левой руки; правая, покоившаяся на коленях, перебирала четки. Неведомый скульптор гениально запечатлел выражение глубочайшей сосредоточенности и отрешенности в облике погруженного в раздумья Бога. Персты его были унизаны бесчисленными кольцами; два глаза полуприкрыты тяжелыми веками, третий же, в самой середине лба — напротив, широко раскрыт. В зеленоватой изумрудной оправе дивным огнем горел огромный бриллиант. Размером с куриное яйцо, идеальной формы, тысячегранный, он светился и играл так, что было не понять, отражается ли это свет бронзовых ламп от его бесчисленных граней, или же внутри самого камня живет его собственный магический огонь...

Размышляющий Хануман был лишен всяких зримых атрибутов силы и величия, вроде скипетров, мечей, жезлов, секир и тому подобного; зато у его темного двойника этого добра имелось с избытком.

Взглянув направо, Конан в первый миг не понял, отчего изображенную здесь Ипостась именовали «черной» — изваяна она была из чистейшего белого камня, сперва показавшегося киммерийцу слитком искристого серебра.

Черный Хануман застыл, подавшись вперед, словно собираясь вскочить во гнев; узловатые длинные пальцы стискивали подлокотники трона, готовые схватить любое из окружавших трон смертоносных орудий. Мечи, копья, топоры, секиры, пилы, серпы, косы и тому подобное — все изображено с пугающим реализмом. Киммериец готов был поклясться, что в случае надобности это каменное оружие послужит не хуже настоящего.

Кривоватые ноги Душителя напряглись, готовые в любой момент оторваться от пола: Бог словно готовился к стремительному и длинному прыжку. На шее его красовалось ожерелье из человеческих черепов — все, как один; были увенчаны царскими коронами.

Лицо Черного Ханумана было иссечено частой сетью глубоких морщин; глаза скрывались под низко нависшими надбровными дугами. Могучие мышцы груди и плеч бугрились от напряжения: Бог-Душитель был готов к немедленному бою.

После встречи с призрачным привратником ноги у Конана еще слегка подкашивались. Переведя дух, ким-

мериец стоял посреди пустого зала, озираясь по сторонам. Где же, во имя Крома, здесь может быть эта проклятая статуэтка? Очевидно, придется перетряхивать все кучи этого драгоценного хлама...

Конан двинулся вдоль ближайшей стены, вороша острием меча небрежно набросанные груды золотых кувшинов, кубков и чаш, серебрянных цепей и ожерелий с самоцветами, царских посохов и жезлов, изукрашенных дивными камнями латных рукавиц и тому подобного. Кое-какие небольшие, но особо ценные вещицы одна за другой перекачывали в мешок варвара.

«Хотел бы я знать, кто засветил для меня эти лампы, или же так происходит всякий раз, когда в зал кто-либо входит?» — подумал Конан...

Шаг за шагом он приближался к розовому трону с Размышляющим Хануманом. Мешок киммерийца приятно отяжелел, однако главного, за чем он пробирался сюда, так до сих пор и не нашлось. Поневоле мысли Конана обратилась ко второму предмету, упоминавшемуся Скарфеном — Главному Глазу Ханумана. Бриллиант дивно сиял и искрился, притягивая взгляд; добыча его казалась делом совсем несложным — ковырни раз-другой кинжалом... Однако что-то подсказывало Конану, что самые завлекательные возможности на деле могут оказаться здесь хитроумными западнями; врожденная осторожность варвара на сей раз взяла верх над алчностью. Киммериец твердо решил сперва обшарить, как следует, весь зал и уж потом, если и впрямь ничего не отыщется, попытаться овладеть Главным Глазом.

Он продолжал свой обход. Торопиться было некуда; Конан запретил себе думать о том, что же случилось с Тершей, и вообще, как он будет выбираться отсюда; сперва нужно было найти искомое.

Жемчуга черные, розовые, белые; золото в слитках, в самородках, в монетах; алмазы неограненные, ограненные, светлые, темные; самоцветы алые, зеленоватые, темно-синие, почти черные... Даже в пещере гномов Конан не видывал такого богатства.

Мало-помалу он подходил все ближе и ближе к трону Ханумана Душителя. Перевороченные груды несметных сокровищ оставались позади; заветной статуэтки нигде не было.

Надо сказать, что киммерийцу не слишком-то хотелось подходить вплотную к Черной Ипостаси. Статуи статуям рознь; иные, случается, проявляют куда как удивительную резвость в самый неожиданный момент...

Киммериец закончил перебирать драгоценности в углу подле трона Душителя; повернул голову и под ногами Черного Бога вдруг увидел то, что искал. Вырезанная из зеленого изумруда небольшая фигурка закатилась между мощных ступней Ханумана; и, в отличие от всех прочих вещей в зале, статуэтку покрывал вековой слой сероватой пыли.

Другой на месте киммерийца кинулся бы к вожденной добыче, забыв обо всем, однако Конан не совершил бы подобной глупости даже в мальчишеские годы. Пыль эта... явно неспроста. Кто-то регулярно вылизывал все огромное подземелье, не исключая и саму статую Ханумана Душителя — а эта фигурка, во-первых, валялась уж слишком не на своем месте; и во вторых — почему к ней никто никогда не прикасался?

Киммериец застыл, размышляя. Казалось бы, что может быть проще — протяни руку и возьми! Но, как хорошо известно, бесплатный сыр бывает только в мышеловках.

После минутного раздумья Конан решил не рисковать. Подобрал слиток золота поувесистее, примерился — и не слишком сильно бросил с таким расчетом, чтобы слиток, ударившись в пол перед статуэткой, покатился и выбил бы фигурку из-под ноги зловещего изваяния.

Однако статуэтка даже не дрогнула. Бросать сильнее Конан не хотел из страха повредить фигурку; после еще трех бесплодных попыток он, наконец, решил. Осторожно опустившись на колени, он протянул руку.

Звенящая тишина подземелья внезапно нарушилась хриплым недобрый смешком, раздавшимся прямо над головой киммерийца. Сомнений быть не могло — смеялось, оживая, изваяние!

Одним движением Конан оказался на ногах, крепко прижимая к себе левой рукой изумрудную фигурку, а в правой уже сжимая меч. Зловещий смех повторился; Душитель пошевелился на своем роскошном троне и медленно повернул к варвару уродливую голову. Взгляды бога и смертного скрестились; и киммериец едва не вскрикнул от изумления — у глядящего на него в

упор изваяния оказались накрепко запавшие в память Конану глаза чародея Кивайдина!

— Ты удивлен, не правда ли? — Каменные челюсти задвигались, однако грудь волшебника оставалась недвижимой, словно он не нуждался в воздухе. — В это не так-то просто поверить, а, мой мальчик? Да, что и говорить, розыгрыш оказался неплох и игра доставила мне истинное удовольствие. Если бы только не одно лишь но...

Только теперь Конан увидел, что кисть на правой руке Кивайдина-Ханумана обглодана; белый камень обнажил черные кости; можно было только удивляться, как это не бросилось в глаза варвару раньше. Каменные члены задвигались, распрямляясь, мощное тело поднялось с сидения и Душитель шагнул напрямик к киммерийцу.

— Ты, конечно, хотел бы знать, кто я такой на самом деле, — мерно говорило существо, неспешно двигаясь к отступающему Конану. — Что ж, я скажу тебе это — перед тем, как выдавить из тебя твою жалкую душонку, подобно тому как женщина выжимает грязную тряпку! Так вот, узнай же, червь — я и есть Черная Ипостась! Много, бесконечно много веков пришлось довольствоваться мне жалкой ролью какого-то мага, но теперь все изменилось!

Голос Душителя становился все громче и громче, почти уже переходя в гулкий рев.

— Скоро, очень скоро позабывшие, что такое страх, народы вновь вспомнят обо мне! Вновь на главных площадях городов будут воздвигаться храмы в мою честь и каждый день — слышишь, варвар, каждый день! — на моих алтарях будут трепетать в руках душителей юные девственницы, отдавая свои души — мне! Смертные вспомнят свое место и, валяясь предо мной во прахе, будут умолять взять вместо их жалких душонок души их близких — сестер, невест, дочерей... Легионы верных мне воинов огнем и мечом пройдут всю землю из конца в конец, изгнав прочь презренных служителей иных богов, вроде вашего Митры. И тогда истинный Хозяин — Страх — овладеет всем Сущим, а править его именем буду я, Черный Хануман, Хануман Душитель!

Глаза Бога горели диким желтым огнем, с высунувшихся из пасти клыков сочились и капала вниз свята-

щаяся изумрудная слюна. Потрясая воздетыми кулаками, он надвигался на киммерийца; Конану ничего не оставалось делать, как шаг за шагом отступать. Вряд ли его меч помог бы остановить ожившего каменного истукана. Варвар взглянул на прижатую к боку статуетку Размышляющего Ханумана — не оживут ли глаза фигурки, не придаст ли ее взгляд новых сил подобно тому, как случилось в цехтинском храме?.. Однако фигурка оставалась простым куском мертвого изумруда — пусть даже и очень красивого...

Сколько еще смогут они кружить вот так по подземелью, от одной стены к другой? Черный Хануман все увереннее и увереннее теснил варвара в угол; не убывая шага, разведя в стороны длинные, неимоверно сильные руки, он шел прямо на Конана и — говорил, говорил, говорил...

Его слова воистину были словами безумца. Задышавшись и захлебываясь, он говорил о грандиозной Империи Страха, о пирамиде до самых черезд, что будет сложена из выбеленных человеческих черепов, о пиршествах, на которых главными блюдами будут задушенные новорожденные младенцы... О призвании жутких колдунов и чародеев из давно забытых гробниц, верных слуг Душителя; и, когда их соберется достаточно — о великом походе, который повергнет во прах всех остальных небожителей, чтобы утвердить священную власть Черного Ханумана над всем сущим.

Спиной киммериец уже чувствовал стену. Дальше отступать было некуда и он, извернувшись, проскочил под рукой Душителя в самый патетический момент его речи. Проскочил, сам удивившись легкости, с какой это удалось. И, оказавшись за спиной у врага, Конан четко, как на занятиях с новобранцами, сплеча рубанул мечом по мощной шее Черного Ханумана.

Это был испытанный прием. Медвежья сила варвара позволяла ему рубить этим ударом лучшие кольчуги, однако на сей раз именно сила сослужила Конану плохую службу. Клинок не выдержал богатырского удара об ослепительно белый камень, со звоном разлетевшись на несколько кусков.

Душитель прервал свою горячую тираду, с кривой усмешкой уставившись на обезоруженного варвара.

— Что, может, поборемся? — прорычал Черный Хануман. — Я когда-то любил позабавиться этим! Твоя зубочистка тебя подвела; быть может, руки окажутся крепче? — он расхохотался.

Безоружному Конану ничего не оставалось делать, как вновь отступить, кружа и кружа по залу. Ловкостью он многократно превосходил своего неповоротливого противника; однако никаких преимуществ Конан извлечь из этого не мог. Он чувствовал чудовищную силу, таившуюся в каменных мускулах Душителя; может, попытаться отступить по лестнице? Там, правда, Привратник...

Нет, этого делать нельзя, вдруг понял Конан. Пропытый раз меня спас Терша; второй раз в одиночку там не прорваться. Только управившись с Черным Хануманом, дающим силы и жизнь бестелесным тварям этих подземелий, можно рассчитывать на то, что удастся выбраться...

В руках киммерийца осталась одна лишь изумрудная статуэтка.

«Безжизненный кусок камня, ну что же ты?! Я ведь помню, как твой брат-близнец помог мне! Неужто ты обманешь меня?!»

Душитель чуть прибавил прыти. Конан взмок, уворачиваясь от жадно тянущихся к горлу каменных пальцев, ослепительно белых и костяшек черных. Варвар понимал, что первое же их прикосновение будет означать смерть; и он хитрил, уклонялся, изворачивался, стараясь выиграть время и надеясь... на что? Какое чудо еще могло спасти его, запертого между двумя смертями?

Каменная длань Душителя с шипением рассекла воздух возле самой шеи Конана. Уклоняясь, киммериец задел край возвышения, на котором покоился трон Размышляющего Ханумана, потерял равновесие... И в тот же миг ужасающе сильные пальцы каменного бога впилась киммерийцу в горло.

Боль была такая, что, казалось, сознание погаснет тотчас, как задутая ветром свеча; перед глазами взметнулись фонтаны ярко-алых молний. Жизнь и впрямь покидала Конана, выдавливаемая не знавшими преград каменными руками Душителя...

Однако варвар продолжал бороться. Боль, страх — все это взъярило его. «Врешь!» По подбородку струями текла кровь, сознание мутилось, глаза уже ничего не

видели, однако руки сделали то единственное, что им еще оставалось — со всех сил опустили фигурку Размышляющего Ханумана на голову его Черной Ипостаси.

Хватка страшных рук тотчас же ослабла, уши Конана заложило от яростного рева; Душитель дико ревел от непереносимой боли, обхватив ладонями разбитый затылок; из-под пальцев сыпались осколки раскрошенного черного и белого камня. Изумрудная фигурка же осталась целой...

Не теряя ни секунды, киммериец вновь замахнулся своим оружием, не давая врагу времени опомниться. Ему показалось, что еще немного — и он сумеет превратить злобного истукана в груду обломков.

Однако Черный Хануман оказался крепок. С ловкостью мастера рукопашного боя он перехватил в воздухе руку варвара — и киммериец с невольным стоном выпустил статуэтку из ослабевших пальцев. Изумрудная фигурка тяжело ударилась об пол, и каменная плита треснула.

Душитель пригибал Конана все ниже и ниже к полу; затылок изваяния раскрошился, от головы грозили вот-вот отвалиться и более крупные куски. Силы у Черного Ханумана не убавилось, однако движения стали какими-то неуверенными. Стремительно вывернутая кисть Конана, похоже, была последним усилием уже поврежденного ударом каменного мозга.

Правда, легче от этой мысли киммерийцу не стало. Пальцы черной, обугленной руки Душителя вновь грозили сойтись на его горле, но, извернувшись, как кот, Конан ухитрился ногой оттолкнуть страшную длань в сторону. Ненамного, но все же он сумел задержать ее; задержал и, рванувшись что было мочи, сумел вырваться. Каменные когти оставили на его груди и предплечье длинные и глубокие царапины, которые тотчас же начали кровоточить.

Теперь противники стояли лицом к лицу у самого подножия трона, на котором восседал невозмутимый Размышляющий Хануман. В отличие от своего зловещего собрата, он оставался неподвижен.

В глазах Душителя Конан видел свою смерть. Отступить было некуда, в руках не осталось ничего, даже простого камня. Черный Хануман-Кивайдин надвигался, широко расставив руки-клешни со скрюченными паль-

цами... Конан рванулся в сторону, стараясь, чтобы между ним и Душителем оставался бы розовый трон с неподвижной статуей на нем. Ловкостью он многократно превосходил своего врага, и подобная игра, так напоминавшая детскую, могла бы продолжаться довольно долго.

И она действительно затянулась. Киммериец надеялся, что от каменного Кивайдина отвалится еще какой-нибудь кусок, после чего тот, если не помрет сам, то, быть может, не сможет передвигаться...

Однако этим надеждам варвара не суждено было сбыться. От надколотой головы истукана больше ничего не отпадало, и двигался он хоть и недостаточно быстро для того, чтобы схватить Конана, однако киммерийцу вряд ли удалось бы уцелеть, выберись он из-под защиты розового трона. Душитель напрочь отрезал Конану дорогу к валявшейся на полу зеленой статуэтке.

Кружа вокруг трона, киммериец лихорадочно пытался придумать выход. Если в голову ничего не придет, останется только очертя голову рвануться к статуэтке... Если сдадут — конец.

«Постой! А этот истукан на троне, вокруг которого мы носимся? Что, если попробовать его?..»

Подхваченный внезапным импульсом, Конан ухватился за голову статуи и что было сил рванул ее на себя. Суставы и сухожилия затрещали от страшного напряжения, вены вздулись — однако изваяние сидело, как влитое, на своем розовом троне.

Душитель уже оказался за спиной Конана. Ядовитая зеленая слюна жгла, словно огнем, затылок варвара. Конан дернулся, подтягиваясь к голове Размышляющего Ханумана, и Черная Ипостась промахнулась — вошла в ткань заплечного мешка, который Конан так и не успел снять — туда, где был карман. Раздался приглушенный рев, и Душитель так рванул Конана назад, что сидящая статуя начала, наконец, крениться. Хватка каменных лап тут же ослабла. Конан, рыча от невыносимой боли, вырвался и откатился, оглядываясь.

В пасти Черного Ханумана бился клубок алых огненных змеек, сестер тех, которые обглодали уже его руку. И в этот самый момент изумрудная статуя Размышляющего Ханумана обрушилась прямо на Душителя.

В последнее мгновение варвар заметил, как глаза Черного Ханумана расширились в неопишемом ужасе;

он вскинул руки, словно пытаясь защититься, и истошно, тонко, визгливо заверещал, точь-в-точь как заметившая кобру банановая обезьянка...

Статуя Размышляющего Ханумана рухнула на Душителя, словно секира палача на шею осужденного. Вскинутые руки Черной Ипостаси сломались, точно были из сухого бамбука; вся тяжесть падающего изваяния ударила в надтреснутую голову изваяния, именовавшего себя Кивайдином, дробя ее на множество мелких обломков...

Спустя мгновение на полу вместо двух статуй оказалась лишь груда острых каменных осколков, в пыль обратился даже бриллиант Главного Глаза...

Конан перевел дыхание. Отчаянно-рискованный план удался... хотя вряд ли, конечно, ему удалось убить Бога...

От черного овального входа на ведущую вверх спиральную лестницу донеслось долгое тоскливое завывание, закончившееся полным несказанной боли предсмертным стоном — призрачному привратнику изгнание его хозяина тоже пришлось не по вкусу.

Направляясь к выходу, Конан нагнулся, чтобы подобрать изумрудную статуэтку Размышляющего Ханумана. Он обещал отдать ее Скарфену и компании и выполнит данное слово. Киммериец невольно вздохнул, вспомнив сгинувший алмаз со лба большой статуи — достанься он ему, и роскошь до конца жизни была бы обеспечена... Впрочем — сожаление недостойно мужчины; добыча и так достаточно велика.

...Через много лет он откроет старательно запрятанные сокровища — когда ему понадобится армия для похода на Тарантию. Он станет королем; а начало дороги к аквилонскому престолу будет положено именно здесь, на затерянном вендийско-кхитайском пограничье.

...Конан поднимался по лестнице, держа перед собой выломанную из пола бронзовую лампу. Позади оставался виток за витком — и внезапно киммериец остановился, как вкопанный. На ступенях темнело пятно крови, а в середине его лежал полураздавленный, изуродованный трупик суслика. Терша принял здесь свой последний в этом мире бой.

Скулы Конана окаменели. Нагнувшись, он бережно поднял тельце; что бы ни случилось с самим божком,

плоть его должно с почестями предать погребальному костру.

Дальнейший путь вверх оказался спокойным. И лишь выбравшись на поверхность, Конан внезапно услышал странный хруст в своем заплечном мешке. Шурясь от брызнувшего в глаза яркого дневного света, киммериец поспешно распустил завязки — и с изумлением увидел, что в искристой изумрудной пыли ворочался, протирая глаза и отплевываясь, маленький обезьяний детеныш. Обомлевший Конан протянул к нему руку, и тот моментально вскарабкался на подставленную ладонь.

— Спасибо, — тоненьким, писклявым голоском проговорило существо, отряхиваясь. — Наконец-то я вернусь в мой храм! Спасибо тебе, Конан из Киммерии. Справедливость восторжествовала — мы с братом вновь предадимся размышлениям...

— С братом? — только и смог выдавить из себя киммериец.

— Ну да! Нас у отца было двое. Но Черная Ипостась, отвратительный и коварный Душитель, сумел когда-то взять верх. Отец, Отец пал... и храм обратился... ты сам видел, во что. Но теперь все изменится! — Обезьянка ловко спрыгнула с руки Конана и заковыляла к черной дыре входа в подземелье, а спустя мгновение из зарослей серым комком выкатился ее точный близнец; обезьянки последний раз взмахнули лапками, прощаясь, и скрылись во тьме.

Плита со скрежетом встала на место.

...А когда Конан добрался до лагеря, он застал Скарфена и прочих в ужасе глядящими на мелкие изумрудные обломки, оставшиеся от расколотой статуэтки Размышляющего Ханумана...

Галера шла на закат. Громадный двухмачтовый боевой корабль, построенный по чертежам забытого народа погибшей Атлантиды, презрительно резал серые океанские волны вынесенным далеко вперед форштевнем. Дул свежий ветер с востока и команда отдыхала, предоставив свой труд широким парусам судна. Огромные весла были подняты.

На носу могучей биремы стоял немолодой уже человек, высокий, седовласый и седобородый. Все еще мощное тело — широкое в плечах, узкое в талии — было покрыто бесчисленными шрамами. Они отчетливо выделялись на коричневой, выдубленной ветрами и солнцем коже, как белые молнии на темном, грозовом небе. Торс воина был обнажен; на левом боку в простых кожаных ножнах висел широкий меч. Лицо и лоб были иссечены глубокими морщинами. Воин своим видом напоминал беспощадного старого волка северных степей, поседевшего от времени, но еще не утратившего ни силы, ни хитрости. И лишь глаза человека оставались такими же, как и в дни его давно ушедшей юности — прежнего, чистейшего ярко-синего цвета, столь редкого среди обитателей Юга.

Это был Конан, достигший шестидесятилетнего возраста, покоривший все вершины власти; Конан, которого подданные уже давно звали между собой не иначе, как Великим; Конан, бывший король Аквилонии, мечом добывший для себя корону и отстоявший ее в нескольких страшных войнах против объединившихся Черных Магов Старого Света: Конан-варвар из дикой туманной

Киммерии, бывший в своей долгой жизни и рабом и гладиатором; простым наемником и командиром больших дружин; вором и пиратом; искателем приключений и вождем диких племен.

Двадцать долгих лет он правил Аквилонией, превратив ее из ослабленной бесконечными внутренними распрями разоренной страны в могучую и процветающую державу, перед мощью которой склонились почти все правители ближних и дальних земель. Двадцать долгих лет киммериец носил на своих плечах королевский пурпур, а лоб его охватывал золотой ободок короны.

Конан устал. Он понимал, что душа его вряд ли сможет успокоиться и занять достойное место подле сурового Крома, бога-покровителя Киммерии, если он, Конан, умрет в своей постели немощным старцем, в окружении рыдающих женщин и перепуганных слуг, окуриваемый благовониями под нескончаемое бормотание жрецов... И, когда на страну свалилось неожиданное бедствие — Красные Тени, ужасные демоны, служившие Злу, стали похищать людей прямо из Тарантии, король не стал перекладывать борьбу с ними на чужие плечи. В ночном видении Конану явился мудрец и пророк Эпемитреус, открывший королю, где следует искать его врагов — на дальнем Западе, на затерянных островах Закатного Океана, где все еще вились по ветру флаги с начертанными на них эмблемами Черного Кракена — старым гербом владык-чародеев сгинувшей Атлантиды.

Мудрец предрек Конану, что ему уже не суждено будет вновь ступить на землю своего королевства. Корону и скипетр следовало передать сыну Конана, наследному принцу Конну.

Нельзя сказать, что киммериец особенно скорбел по утраченному пурпуру власти. Он вернулся к своей прежней жизни и вышел в море на пиратском корабле с экипажем из отчаянных рубак; вместе с ним шел его давний товарищ, рыжебородый ванир Сигурд.

Конан знал, откуда исходит угроза. Красные Тени насылались жрецами — колдунами Антилии. Это цепь небольших островов в западной части Великого Океана.

Именно там еще обитали остатки выживших во время гибели Атлантиды восемь тысяч лет тому назад. Жрецы эти питались человеческими жертвоприношениями одного из могущественных Богов Мрака; они истребляли людей в таких количествах, что население островов быстро сокращалось.

«Красный Лев», корабль Конана, был пленен оснащенной магическим оружием галерой под знаменем Черного Кракена. Удалось бежать одному киммерийцу; он сумел пробраться в островной город Птауакан. Сразившись с громадными крысами и с драконами, он прорвался на вершину священной пирамиды как раз в тот момент, когда его товарищей должны были принести в жертву. Трагедию предотвратило лишь мужество северянина.

И тогда сами боги вмешались в спор. Холти был низвергнут снизошедшим Митрой; империя колдунов пала. После победы Конан, помня о словах Эпемитреуса, выбрал в гавани города лучший корабль, пополнил экипаж добровольцами из Птауакана и отплыл, держа курс по-прежнему на запад.

Там, на закате, по словам обитателей Антилии, лежал громадный неизведанный континент — Майапан, как они называли его. Жители Антилии частенько совершали набеги на те берега — охотясь за золотом, изумрудами, девственной медью и краснокожими рабами. И неутомонный искатель приключений, Конан из Киммерии, плыл сейчас туда. Он думал о непроходимых таинственных джунглях; о голубых лентах выющихся среди холмов рек; о загадочных городах, где люди поклоняются странным и жестоким божествам... Быть может — думал он — мне суждено создать там вторую империю; быть может — люди там станут поклоняться мне, как богу; во всяком случае, это лучше, чем покорно ожидать конца в золоченой мышеловке Тарантии! Зенобия, королева Конана, давно умерла; сын вырос и более не нуждался в опеке, киммерийцу нечего было делать на востоке.

Его корабль, носивший гордое имя «Крылатый Дракон», дерзко плыл все дальше и дальше к закату.

1. Неведомая земля

— Эй, Сигурд, старый морж, ты что, уснул, что ли? Проклятье, кругом одна вода, можно сдохнуть от скуки, а ты улегся — с кем я перекинусь в кости?

— Клянусь грудями Дэркетто... — недовольно заворчал рыжебородый великан, нехотя открывая глаза. — Конан, отчего бы тебе не последовать моему примеру? Прощлую ночь ты вовсю дул это мерзкое антильское пиво и заставил меня заливаться этим пойлом — а теперь не даешь вздремнуть!

— Ладно, старина, не старайся казаться старше, чем ты есть! — расхохотался Конан, звонко хлопая друга по плечу. — Не пытайся обмануть меня стариковским ворчанием. Вставай и пошли сыграем! Хотя я и капитан, но клянусь Кромом, у меня ни разу не было столь спокойного плавания! Нельзя же все время утюжить этих антильских мальчиков, что увязались с нами — они и так уже вывесили языки на плечо. Пора им маленько отдохнуть.

— Что-то уж больно ты беззаботен, Конан, — покачал головой Сигурд. — Клянусь поясом Иштар, ты словно мальчишка!

— Не вижу в этом ничего плохого! — рассмеялся киммериец. — Во имя Крома, Сигурд, брось брюзжать! Я вижу, тебе не помешала бы хорошая драка!

— Э-э, Конан, не обманывай себя. Мы далеко не дети. Наши души едва не исчезли в утробе Хотли — или как его там! Как ни крути, мы с тобой уже изрядно потрепаны. Не знаю, сколько мы еще сможем махать мечами. Я чувствую, — мало-помалу из голоса Сигурда исчезало веселье, тревога и печаль слышались в нем все явственнее, — я чувствую, Конан, что это наш последний поход.

— Для каждого из нас когда-нибудь да придет пора выступить в последний поход, — нахмуясь, бросил Конан. — Что толку без конца стенать по этому поводу! Ладно, хватит, Сигурд. Если не хочешь перекинуться в кости — возьми деревянный меч и давай посмотрим, крепко ли ты можешь держать его! Бьюсь о заклад, он вылетит у тебя из рук с третьего моего удара!

— Что?! — вскипел Сигурд. — Вылетит?! У меня из рук?! С третьего удара?!

Ванир вскочил на ноги, его рыжая борода с нитями седины гневно встопорщилась, огромные кулачищи сжались.

— Так-то оно лучше, — хладнокровно заметил Конан. — Кровь в тебе, похоже, еще не остыла. А ну-ка, держи!

Деревянный меч, один из тех, с которыми упражнялись антильские новобранцы, полетел прямо в голову Сигурду; киммериец швырнул тяжелую деревяшку со всей силы, однако ванир поймал ее легко, точно играючи.

— Ну, давай посмотрим! — радостно осклабясь, проворчал великан.

Киммериец едва заметно усмехнулся. В следующий миг его длинный меч уже скрестился с оружием Сигурда, и Конану странно было слышать вместо привычного лязга стали треск сгибающегося дерева.

Бывший владыка Аквилонии обрушил на соперника настоящий шквал ударов. Столпившаяся вокруг сражающихся команда одобрительно ревела при каждом удачном движении их капитана — хорошо зная киммерийца, пираты не без оснований полагали, что он легко возьмет верх над любым соперником, даже над столь сильным и бывалым бойцом, как Сигурд.

— Ага, ты уже проиграл! — чуть заметно задыхаясь, торжествующе воскликнул ванир. — Похвалялся выбить у меня эту палку с третьего удара, а не сумел и с десятого!

— Не пыхти, старик! — рассмеялся Конан, чем еще больше взъярил Сигурда.

Мечи сталкивались и скрещивались, треща под тяжестью ударов. Конан проводил выпад за выпадом, однако рыжебородый мореход защищался мастерски. Ни одна из бесчисленных атак киммерийца не достигла цели. Пираты начали недоуменно переглядываться.

Лицо Сигурда покраснело, длинные седые космы развевались, глаза горели яростным бойцовским огнем. Казалось, он сражается насмерть против целого полчища безжалостных врагов. Конан же оставался невозму-

тим; лишь изредка в глубине его глаз вспыхивала насмешливая искорка.

Вскоре Сигурд перешел от обороны к наступлению. Держа меч двумя руками, ложным выпадом он заставил Конана опустить оружие, после чего внезапно рубанул по открывшемуся на миг левому плечу киммерийца. На сей раз деревянный клинок достиг цели.

Пираты разинули рты от изумления. Конан же, напротив, совершенно не казался обескураженным. Вместо того, чтобы разразиться гневным потоком проклятий и с удвоенной яростью броситься на обидчика, киммериец весело рассмеялся, и, отбросив свой собственный меч, дружески облапил ванира.

— Да ты, оказывается, куда крепче, чем я думал, старый морж!.. Клянусь Кромом, знай я, что ты так силен, я говорил бы с тобой поосторожнее, когда мы впервые встретились на Безымянном Острове!

От внимательных глаз не скрылось, что несмотря на пропущенный удар, киммериец совершенно свеж и дыхание его ничуть не сбилось. Сигурд же, напротив, тяжело и часто дышал, лицо побагровело.

— Э... хм... хых... ну, Конан, теперь-то ты не станешь называть меня стариком?

— Скорее я вступлю в перебранку с самим Сэтом, — торжественно пообещал Конан, и ванир довольно ухмыльнулся.

— А теперь можно и сыграть! — во всеуслышание объявил он.

— Вот и славно. Неси сюда кости, Кром! По-моему, я впервые проиграл в подобного рода состязании, так что в этой игре ты должен дать мне фору, Сигурд!

Ванир ухмылялся во весь рот. Больше он уже не вспоминал о старости.

Минула спокойная ночь. Над восточным краем моря разгорелся ясный и чистый рассвет. Когда дневной свет разлился по всему небу и растаяли легкие тучи, впередсмотрящий заметил на далеком горизонте смутные очертания приближающейся земли. Ветер стих. Команда взялась за весла.

Конан и Сигурд стояли на самом носу биремы. Подгоняемый мощными ударами весел, «Крылатый Дракон» ходко шел вперед, вспарывая волны форштев-

нем с бронзовым боевым тараном. С каждым часом полоса неведомой земли приближалась.

— Ясунда! — окликнул Конан темнокожего великана-навигатора, родом из джунглей Куша. — Постарайся найти какую-нибудь бухту. Яков! — этот приказ относился уже к коренастому запорожскому казаку, командиру лучников. — Готовь своих людей. Они прикроют высадку разведчиков.

Яков молча приложил сжатый кулак правой руки к левому плечу в знак повиновения и тотчас отправился распоряжаться; Ясунда же в отличие от него не спешил.

— Мне не нравится этот запах, капитан! — шепотом сообщил он Конану, шумно втягивая воздух широкими ноздрями. — Будь я насажен амазонками на кол, если нас не догоняет буря!

— Какая буря, о чем ты? — нахмурился Конан. — Я ведь тоже не юнга! Никаких примет!

— Верно, верно, Амра, никаких примет, Ясунда скажет капитану то же самое. Верно, капитан, любой навигатор поднял бы Ясунду на смех — но все-таки я скажу — буря приближается.

Киммериец с сомнением покосился на безоблачный горизонт. Бури и в самом деле ничто не предвещало. По океану шла мерная зыбь, ветер был, хотя и слабый; в воздухе не ощущалось мертвящей духоты, как перед сильной грозой. Спокойно реяли чайки, такие же, как и у берегов восточного континента.

— Ты уверен, Ясунда? — понижая голос, вновь спросил киммериец. Кушит был опытным и бывалым навигатором, хаживавшим морским путем и в Вендию, и в Кхитай. Отвергать его опасения было неразумно.

— Уверен, Амра, — ответил мореход, глаза его тревожно блеснули. — Я чувствую запах бури — и в то же время не вижу ни одной из тех примет, что всегда ей предшествуют. Это не простая буря, капитан. Наверное, черный Хотли все же успел послать ее нам вслед; мы не успеем высадиться. Надо уходить в открытое море.

На высоком коричневом лбу Ясунды от волнения выступил пот. Конан тяжело вздохнул. Берег был так близок! Еще несколько гребков — и можно спускаться

шлюпки... Однако — рисковать без нужды тоже не следовало.

— Разворот! — скомандовал Конан. — Кормчие, шевелись!

Приказ капитана был выполнен быстро и четко. Весла правого борта дружно уперлись в воду, табаня; гребцы же слева налегли еще дружнее.

Вспенив вокруг себя воду, «Крылатый Дракон» быстро поворачивал. В этом преимущество гребного судна перед парусником — оно способно развернуться почти что на одном месте. В бою иногда это может спасти жизнь...

Однако нос биремы еще смотрел на север, а ее длинный корпус оказался параллелен берегу, как не- сильный дотоле ветер внезапно взвыл — словно живое существо, которое немилосердно хлестнули кнутом — и всей своей бешеной силой ударил в правый борт корабля.

Конан увидел, что лицо его навигатора посерело; и было отчего! С разных сторон, презрев все законы здравого смысла, по небу мчались иссиня-черные тучи, сливаясь в бешеный узел прямо над мачтами закачавшейся галеры. Вмиг вздыбившиеся волны уже захлестывали палубу; поток воды окатил киммерийца с головы до ног.

— Поворачивай, поворачивай, живее, ленивые дуни, иначе будем кормить рыб! — заревел Конан, хватаясь за штормовые леера. — Нос по волне! Свободные гребцы — к помпам! Шевелись, кто хочет жить!

Однако команда и без этого уже знала, что ей делать. Гребцы левого борта что было сил навалились на весла, чуть не выворачивая плечевые суставы. Помогая им, гребцы борта правого работали веслами в противоположном направлении. Сотрясаясь, галера медленно выворачивала носом к идущей с востока крутой волне.

Казалось, день в один миг сменился черной, безлунной и непроглядной ночью. Солнце совершенно исчезло, поглощенное хищной стаей косматых туч; в вое ветра Конану слышалось злорадное глумление тысяч неясных голосов — словно все его враги, сокрушенные им, павшие от руки киммерийца, собрались сейчас здесь, наконец-то беря реванш за былые поражения.

Рулевым удалось наконец-то поставить галеру носом к волне. Однако на сей раз даже водяные валы нимало не походили на обычные, с которыми приходилось бороться Конану в бытность его капитаном зингарского капера или во времена странствий по южным морям вместе с Белит. На галеру двигались отвесные стены воды, нос «Крылатого Дракона» всякий раз зарывался в наступающую волну и потоки воды врывались на палубу, стремительно стекая вниз, в трюмы. Помпы уже не справлялись. Еще совсем немного времени — и галера пойдет ко дну, просто переполнившись водой...

«Чародейство!» — мелькнуло в голове Конана. Однако сделать он все равно уже ничего не мог — оставалось лишь откачивать воду из трюмов да надеяться на чудо.

Внезапно направление волн резко изменилось. Словно повинувшись неслышимой команде, как хорошо вымуштрованные воины, волны обрушились на левую скулу галеры. Один удар, другой, третий... затрещали доски обшивки. Несмотря на отчаянные усилия гребцов и кормчих, «Крылатого Дракона» быстро разворачивало бортом к волне, что означало бы мгновенную гибель судна.

Конан в ярости оглянулся. Он был мокр с головы до пят, седые волосы слиплись, однако в глазах пылал такой огонь, что испугались бы даже и демоны. Оказавшийся подле него Сигурд с невольным трепетом смотрел на своего капитана. Ванир не боялся ни волн, ни пучины. Однако нечто во взоре киммерийца заставило его почти оледенеть от ужаса. Северянин чуть пригнул голову и глядел исподлобья на что-то прямо по носу корабля, вперяя горящий взор в мглистое сплетение туманных облаков над бушующими волнами...

Однако там, где ванир не видел ничего, кроме мечущихся туч, брызг и пены, сорванных ветром с гребней волн, Конан ясно видел чудовищное, искаженное гневом лицо, наполовину погруженное в океан, так что киммериец мог разглядеть лишь высокий лоб, крючковатый нос и глубоко посаженные уголья глаз под белесыми изломанными бровями.

— Поверни кормой к волне! — пронесся над океаном ужасающий, исполненный нечеловеческой силы

голос. — Поверни, иначе ты и все твои люди отправитесь на потеху демонам Глубин!

Еще миг — и страшный лик исчез. Теперь и Конан тоже видел лишь беспрестанное мелькание пенных струй, да сгустившуюся в провалах между волнами туманную занавесу.

Он повиновался тотчас. Он знал, что видел это на самом деле, что находится в здравом уме и трезвой памяти. Отчего-то океанское божество сочло нужным обратиться именно к нему. Ясное дело, остальные ничего не видели и не слышали. Киммериец отлично понимал, что приказ этот совершенно бессмыслен — до суши оставалось совсем немного. Но, с другой стороны, их легко могли утопить в любой момент — зачем давать шанс на спасение хоть кому-то, заставив корабль врезаться в берег?!

— Поворачиваем! Корму к волне! — взмахнул рукой Конан.

Ясунда уже открыл было рот, чтобы возразить, но в тот же миг сохранившие до сих пор железную хватку пальцы Конана впились ему в предплечье.

— Молчи! Я знаю, что делаю!

«Крылатый Дракон» едва не отправился на дно, когда оказался повернут к волне боком. Целые водопады обрушились на гребцов, в трюмах вода поднялась уже до пояса — однако их все же не перевернуло, и вскоре, завершив опаснейший маневр, они вновь нацелили бронзовый таран биремы на запад.

И волны тотчас изменили свой бег. Теперь из непреодолимых водяных стен они обратились в длинные и отлогие громадные валы, на которые галера взбиралась, точно на горы. Крепкий ветер дул с неослабевающей силой и, хотя все паруса были надежно зарифлены, «Крылатый Дракон» мчался с невероятной скоростью. Вокруг по-прежнему не было видно ни зги.

Точно выпущенная из лука стрела, корабль летел вперед. Гребцы бросили весла — напор встречной воды попросту вырывал их из рук.

Уже все до единого на галере поняли, что здесь обошлось без вмешательства сверхъестественных сил. Многие, побледнев, хватались за обереги и амулеты, поспешно бормоча молитвы и заклинания.

— Амра, нас гонит прямо на берег! — прокричал в самое ухо Конану Ясунда.

— Да, я прикажу всем прыгать, когда будем поблизости от суши — если только там не сплошные скалы! — крикнул в ответ киммериец.

Повинуясь приказам Конана и Сигурда, пираты и антилийцы приготовились покинуть судно. Наспех готовились бревна и доски — чтобы было за что ухватиться, когда придется прыгать за борт; многие привязывали к этим бревнам оружие. Яков, старшина стрелков, старательно заматывал в просмоленную кожу свой драгоценный лук и два туго набитых колчана.

Берег открылся внезапно. Густая пелена хмари перед носом биремы неожиданно рассеялась. В серой мгле команда «Крылатого Дракона» увидела впереди отлогий песчаный берег. За неширокой полосой пляжа стеной высился девственный лес, очень похожий издали на кушитские джунгли. Конан приказал всем собраться на палубе.

Волны в бешеной ярости бросались на низкий берег, подкатываясь почти к самому лесу. Бирема с разгона вылетела на мелководье... однако никто так и не услышал ожидаемого всеми скрежета днища о камни. Стена леса стремительно приближалась, все было готово к авральной высадке, однако что-то заставило Конана в последний момент предостерегающе вскинуть руку.

Корабль несла вперед магия, и притом несла явно не для того, чтобы разбить вдребезги — корпус уже почти весь поднялся над водой, бирема скользила по дну, — а потом вдруг оказалась уже на береговом песке, ни на йоту, однако, не замедлив своего неудержимого движения. В следующий миг корабль с громким треском вломился в сплошную стену прибрежных зарослей.

Конан невольно отшатнулся, когда увидел несущееся прямо на него громадное толстое дерево, нечто вроде баобаба Черных Королевств. Казалось, нос галеры сейчас разлетится вдребезги, однако бронзовый таран с легкостью сокрушил лесного исполина, выдрав его вместе с корнями. Тяжелый ствол тупо ударил о левую скулу корабля, однако укрепленное чарами дерево выдержало.

Моряки вопили от удивления, показывая друг другу пальцами на поваленные, сломанные или вывороченные их судном деревья. «Крылатый Дракон» оставлял за собой в джунглях настоящую просеку. Словно чудовищный плут, он мял, ломал и крушил все на своем пути, оставаясь при этом целехонек.

Мало-помалу команда приходила в себя.

— А что, Горам, — крикнул Яков молчаливому и черноволосому вендийцу, — правда, это ведь лучше, чем ворочать веслом?

Конан стоял на самом носу биремы, не обращая внимания на творящееся вокруг. Ясно было, что боги вновь властно вмешались в его жизненный путь, и притом с силой, еще никогда им невиданной. Что они хотят от него на сей раз? Куда так безумно мчится оказавшаяся во власти непонятных сил бирема? Что он должен сделать сейчас, чтобы спасти тех, кто доверился ему?

Шло время. Корабль продолжал мчаться по твердой земле, точно по морю, оставляя позади густые заболоченные заросли, перемежающиеся небольшими речками и прудами; взбирался на невысокие холмистые гряды, порой врезался форштевнем в отлогие каменистые россыпи на склонах, и по-прежнему ничто не предвещало окончания путешествия. Конан приказал готовить обед, — что еще оставалось делать?

Быстрее самой быстрой колесницы, быстрее стремительно падающего на добычу коршуна, не зная усталости, не нуждаясь во сне, «Крылатый Дракон» мчался все дальше и дальше в глубь неведомой страны. Команде же оставалось лишь глазеть по сторонам.

Иногда бирема проносилась мимо небольших, укрытых в джунглях городков, их смутные обитатели в ужасе разбегались кто куда. А потом вновь на многие мили тянулись девственные джунгли. Порой Конану чудилось, что он замечает среди густой зелени очертания разрушенных временем или неведомыми завоевателями храмов и дворцов — но галера мчалась слишком быстро, чтобы он мог различить детали...

Наступила ночь. Команда спала, несмотря на всю невероятность их положения. Конан, разумеется, оставил вахтенных, однако сделал это скорее по привычке —

бирема не повиновалась рулю и управлять ею было невозможно.

«Нас тащат куда-то для особого дела, — думал киммериец, стоя у перил на баке. — Что ж, посмотрим, зачем мы им понадобились! И, сдается мне — эти силы не из тех, что известны в хайборийских королевствах. Что-то мне не приходилось слышать, чтобы воля Митры, Асуры или Крома смогла заставить корабль идти посуху!»

Наутро ничто не изменилось. Оставляя за собой полосы взрыхленной, почерневшей земли, «Крылатый Дракон» продвигался все дальше и дальше в глубь таинственного континента. Однако, странствие длилось недолго. Солнце едва достигло зенита, как впередсмотрящий заметил прямо по курсу голубизну океанского простора.

Преодолев прибрежные холмы, «Крылатый Дракон» врезался в волны, не снижая безумной скорости. Взметнулись фонтаны пены и брызг.

— Какой-то крошечный материк, — проворчал Сигурд, стоя рядом с киммерийцем на носу биремы.

— Он может быть и громадным, просто нас протаскивали через самое узкое его место, — возразил Конан.

— Интересно, эта прогулка продлится еще долго? — подняв голову к небу, задал риторический вопрос ванир. — Пока пресная вода у нас еще есть... но бочонки вскоре покажут дно. Я распорядился приготовить тенты — вдруг нам повезет и пойдет дождь?

— Если эти боги обладают такой силой, что не поленились тащить нас волоком в такую даль, то, наверное, они уж позаботятся о том, чтобы мы не умерли от жажды!

Предположение Конана оправдалось — под вечер третьего дня пути хлынул настоящий ливень, быстро пополнивший истощившиеся запасы пресной воды...

Люди киммерийца совершенно свыклись с происходящим. Чтобы не давать им размякнуть от безделья, северянин не жалел сил и времени на постоянные занятия — пираты до изнеможения ворочали тяжелыми деревянными мечами и копьями, неутомонный Яков учил новичков из Птауакана правильно держать

лук, а Горам Сингх показывал приемы смертоносной борьбы без оружия, созданной отшельниками Вендии...

Океан вокруг был тих и спокоен. Его поверхности едва-едва колыхались под легким ветерком; галера же неслась вперед, и вокруг ее носа кипел огромный белый бурун.

Ванир Сигурд и думать забыл о старческой немощи. Казалось, победа над Конаном влила в его жилы новую кровь, молодую и горячую; он орудовал учебным оружием на равных с куда более юными спутниками, частенько вызывая новичков на поединок — один против десяти... Конан лишь едва заметно усмехался в седую бороду, следя за выходками старого товарища.

Десять дней после того, как неведомая сила подхватила их у восточных берегов Майапана, с «Крылатого Дракона» вновь заметили землю. И, едва сидевший в бочке на вершине мачты моряк воскликнул: «Суша по носу!», как магический ветер, столько дней толкавший бирему вперед, тотчас же стих.

— Кажется, мы на месте, — бросил Сигурду Конан и, повернувшись к толпившимся на палубе людям, рявкнул во всю мощь своих легких: — Ну, что встали?! Или вы думали, что вас так будут катать всю дорогу? Ну-ка к веслам, лежебоки, не то мой линь прогуляется кое у кого по спинам!

Дважды повторять команду Конану не пришлось. Неспешно, с достоинством, «Крылатый Дракон» двинулся к неведомому берегу.

— Ты можешь определить, где мы, Ясунда? — спросил Конан у чернокожего штурмана.

— Нет, Амра, не могу, — и, стыдясь своего бессилия, гигант низко опустил голову. — Скажу лишь, что мы забрались так далеко на запад, что уже где-то рядом должен находиться край земли...

— Н-да... — проворчал киммериец и прекратил расспросы.

Оказалось, что неведомые силы пригнали корабль Конана к удобной и хорошо защищенной от волн и ветра бухте. Солнце стояло очень высоко, из чего можно было заключить, что они сейчас находятся примерно на широте южных границ Зембабве. К самой воде спускались густые джунгли. Большинство деревьев бы-

ли незнакомы Конану, хотя более опытный в хождении по южным лесам Ясунда узнал многие из них.

В остальном же джунгли казались самым обычным, жарким и влажным тропическим лесом, с обилием всевозможных птиц, с непрерывным шушанием, шелением и стрекотом бесчисленных живых существ на земле, в густом подлеске и на высоких, широко раскинутых ветвях деревьев. Через сплошное переплетение лиан пробиваться можно было лишь с топором.

Берег выглядел безлюдным. Казалось, можно не опасаться нападения. Однако, Конан, несмотря ни на что, организовал высадку по всем правилам военного искусства. Лучники и пращники густо стояли на носовой палубе «Крылатого Дракона», прикрывая медленно приближавшиеся к берегу шлюпки. В самой первой из них, чуть пригибаясь, сидел киммериец, облаченный в полный боевой доспех. Рядом с ним привольно разлегся рыжебородый ванир — он считал все дело совершенно безопасным, а предосторожности Конана — ненужными.

— Птицы предупредили бы нас, если б в чаще кто-нибудь прятался, — возражал он северянину.

Но Конан слишком хорошо знал, насколько коварны могут оказаться колдуны южных земель; что им стоит заставить всю команду галеры слышать успокоительный птичий стрекот вместо шороха вражьи шагов и скрипа натягиваемых луков?!

— Не разрывать строй! — шепотом распорядился Конан, когда их лодка почти вплотную подошла к берегу. — Прикрыться сразу же щитами! Стрелы наложить!

Он знал, что в этот момент на галере Яков отдал своим стрелкам точно такой же приказ.

Киммериец первым прыгнул в теплую воду, погрузившись по пояс. Невольно он сжался и поднял повыше небольшой круглый щит — если бы он командовал засадой там, впереди, в джунглях — то удобнее момента для начала атаки трудно было представить.

— Ну, что я тебе... — начал было Сигурд и осекся — потому что в ~~этом~~ треугольный щит ванира со свистом вонзилась длинная стрела с черно-красным оперением.

Над головами воинов мелькнули посланные в ответ стрелы лучников Якова. Навстречу небольшой кучке

пиратов, сжавшейся у самой кромки приюта, из-под прикрытия сплошной стены джунглей хлынула настоящая лавина странных невысоких созданий, очень похожих на людей, — стройных, коричневокожих, с длинными когтистыми руками. Черепа их были странно вытянуты, но не вверх, а под углом к позвоночнику, чужаки словно уронили головы на плечо. Волос они не имели, по бокам голов торчали длинные заостренные уши, словно у волков или лисиц; переносицы были глубоко утоплены, ноздри вывернуты наружу; в разинутых, разорванных криком ртах Конан успел заметить острые звериные клыки.

Очевидно, перед этой засадой стояла задача не просто отпугнуть пришельцев, а непременно убить как можно больше из них и обязательно захватить кого-нибудь в плен. И потому вместо того, чтобы спокойно расстрелять людей Конана из луков, неведомые вожди в джунглях скомандовали атаку — верно, понимали, что при первой же опасности незваные гости могут отступить и убраться восвояси.

И киммериец едва-едва не отдал подобного приказа. Сперва ему казалось, что ввязываться сейчас в бой будет крайне неразумно. Но решительная атака не оставила ему иного выхода. Хотя стрелы лучников Якова и уложили на песок десяток самых ретивых, остальные коричневокожие с истошными воплями бежали вперед.

— К оружию! — резко крикнул киммериец, обнажая верный клинок.

В первой лодке подобрался бывалый и бесстрашный народ; никто из пиратов не выказал ни страха, ни даже замешательства. Приказы Конана исполнялись точнее, чем его знаменитыми Черными Драконами, отборной аквилонской гвардией. Выстроив полукруг, воины медленно отходили, закрываясь щитами.

Не прошло и нескольких мгновений, как волна нападающих докатилась до них. В руках коричневокожих замелькали короткие копья с черными обсидиановыми наконечниками и длинные дубинки с внезапно выбрасывавшимися из них лезвиями. Кое-кто орудовал шипастыми боевыми цепями. Мелькнуло несколько кистеней.

С первых же секунд стало ясно, что пираты столкнулись с опасным противником. Хотя коричневокожие тела не прикрывали доспехи, верткость и ловкость странных существ служили им неплохой защитой, вдобавок они виртуозно владели своим странным оружием.

Облаченные в кольчуги воины Конана отбивались, как могли. Киммериец оказался в выгнутой полумесяцем к противнику середине строя; вокруг них с Сигурдом завязался отчаянный бой.

Конан с рычанием крутил над головой испытанный широкий меч. Он первым из своих соратников взял жизнь врага. Но едва только коричневатое тело с разрубленной грудью повалилось на песок, обильно орошая его кровью, остальные стали куда осторожнее. Обсидиановые копья несколько раз угодили в щит, и в защищенную сталью грудь киммерийца. Боевые цепи, густо усаженные острыми шипами, так и норовили обвиться вокруг ног или поразить державшую щит руку. Конан не получил пока ни одной царапины. Приходилось в поте лица отражать выпады врагов и в какой-то момент он внезапно с ужасом осознал, что начинает уставать.

Это была та же губительная усталость, что едва не погубила его на палубе «Красного Льва», взятого на абордаж антилийцами. Сердце билось все быстрее и быстрее, дышать стало тяжело, в боку, откуда ни возмись, зашевелилась предательски мерзкая боль.

«Э, да ты старик, Конан!» — беспощадно сказал киммериец самому себе. Гнев и ярость помогли ему продержаться еще какое-то время, и даже сразить еще одного врага. Становилось все хуже и хуже. Рядом с Конаном медленно отступал, отмахиваясь топором, рыжебородый Сигурд.

Как бы ни было трудно воинам Конана, свое дело они сделали. Остальные лодки с пиратами разделились, заходя с двух сторон, как предложил Горам Сингх. В пылу схватки враги не сразу заметили нацелившихся на них с флангов пиратов. Когда Яков и Горам с разных сторон начали атаку, противник дрогнул, обратившись почти сразу в поспешное бегство. Против Конана остался какой-то один потерявший голову безумец, и после недолгой схватки меч киммерийца показал окровавленное острие из спины врага.

Пираты с воплями бросились в погоню. Их смуглые противники улепетывали во все лопатки, словно и думать забыли о сопротивлении. Через несколько минут уже вся бухта была в руках людей с «Крылатого Дракона».

— Ты успел вовремя, Яков, — Конан хлопнул по плечу начальника лучников.

— Ты хорошо учил меня, капитан, — прохрипел в ответ казак.

— Тогда ты сам знаешь, что делать дальше.

— Да, капитан. Немедля выставить посты; послать людей на поиски пресной воды, самых лучших отправить прочесать близлежащие джунгли.

— Верно! А еще... спроси-ка у Ясунды, не видит ли он здесь где-нибудь железного бамбука и, если он найдет — начинай пилить пару стволов.

— Слушаюсь, капитан! — хрипло промолвил Яков и отправился выполнять полученные приказы.

Вскоре «Крылатый Дракон» был подведен к берегу и поставлен на надежные якоря. Киммериец не собирался разбивать лагерь на берегу — защищать корабль было куда легче.

Тем временем Горм Сингх пришел передать капитану итоги боя — одиннадцать мертвых коричневокожих и трое легко раненных пиратов.

— Это было куда легче, чем в Птауакане, — закончил свою короткую речь вендиец.

— А их раненные? — нетерпеливо спросил Конан. — Что, неужели не осталось ни одного?! Не может быть!

— И все же это именно так, капитан. Кое-кого эти твари цвета проклятой глины Нарраха вынесли. Почти всех. А кого не смогли — сами же и прикончили. Я видел собственными глазами.

— Значит, «языка» взять не удалось... Ладно, обойдемся, — буркнул Конан, хотя на самом деле он очень на это рассчитывал. Тяжело иметь дело с противником, о котором не знаешь ничего, даже его названия!

Тем временем сошедший на берег Ясунда и впрямь сумел разыскать среди густого подлеска молодую поросль железного бамбука. Под руководством кушита два десятка молодых антилийских новобранцев взялись за нудное и утомительное дело — пилить неподатливые,

очень прочные пустотелые стволы этого удивительного растения, из которого часть амазонок Крайнего Юга делает церемониальные копья и колы, на кои насаживают пойманных не в брачную пору мужчин...

Шло время. Далеко в джунгли выдвинулись парные секреты самых лучших, самых бывалых и опытных воинов. Час проходил за часом, однако в лесу все оставалось спокойно, коричневокожие не показывались. Ясунда предлагал, пока не поздно, уйти от негостеприимного берега. Конан в ответ лишь покачал головой:

— Боги хотели привести нас именно сюда, и они сделали это. Пока мы не поймем их замысла, уходить нет смысла. Нас либо вернут назад, либо, клянусь Кромом, сотворят кое-что похуже!

Два бамбуковых ствола удалось спилить только к вечеру. Солнце стояло еще достаточно высоко, и Конан решил не откладывать свой замысел на завтра. Глаза немолодого уже киммерийца были по-прежнему зорки. И на этот раз он сам занял место вперёдсмотрящего, только не на корабельной мачте, а на вершине длинного шеста, прикрепленного к верхушке самого высокого из прибрежных деревьев. И годились здесь только стволы железного бамбука, очень прочные, но в то же время и легкие.

Когда киммериец оказался высоко над морем зеленой листвы, у него сперва даже перехватило дыхание от восторга. Перед ним расстилалась прекрасная девственная земля. Неподалеку от берега он заметил блеск водной глади большого озера, на дальнем его берегу теснились какие-то постройки. Конан разглядел высокие, отчего-то сильно наклоненные в разные стороны башни. Это не город. Скорее, загородный дворец какого-то вельможи — вокруг ни полей, ни дорог, ни крестьянских хижин. Только дворец — и ничего больше. Причем на первый взгляд он не казался разрушенным...

За озером вновь тянулись джунгли. Кое-где заметны были извилистые проемы в древесном море — скорее всего, русла небольших рек. Увидеть их воды киммерийцу уже не удалось. А еще дальше к поднебесью вздымались исполинские стены черных гор. И тут бывший владыка Аквилонии понял, почему воля богов

привела «Крылатого Дракона» именно к этой бухте — высокая горная цепь широким полукольцом охватывала покрытое джунглями пространство. Справа же и слева от приютившей галеру гавани горы вновь вплотную подходили к воде. Высадиться там было уже невозможно. Что ж, это раскрывало и секрет засады — коричневокожие держали под постоянным наблюдением единственное место, где мог причалить вражеский корабль...

Конечно, высотой эти кольцевые горы куда как уступали горам Старого Света — те начинались невысокими предгорьями, исполинские конусы самих гор, увенчанные снежными коронами, видны были за многие десятки миль. Здесь же горы скорее напоминали отвесные крепостные стены — не слишком высокие, однако очень круты, местами почти отвесны. Словно рука некоего громадного строителя воздвигла эту преграду, отрезав от остального мира небольшой участок первозданного леса. В нем не могли обитать люди: нигде ни просеки, ни дороги, ни дыма от костров. Может, конечно, эти коричневые создания выют себе гнезда, подобно птицам? И, вдобавок, не знают огня?

Конан острием ножа нацарапал на деревянной дощечке грубый план местности и стал спускаться. Завтра ему и его людям предстоял поход к загадочному дворцу на берегу озера.

2. Храм забытого бога

Уже много лет Конану не снились сны. Раньше он засыпал мгновенно, едва голова его касалась подушки — или же просто голой земли, что бывало куда чаще. Однако в первую же ночь, что «Крылатый Дракон» провел в бухте у неведомых берегов, на киммерийца обрушился целый вал смутных и неясных видений. В молодости Конан с пренебрежением относился к гадалщикам и толкователям снов — слишком уж часто среди них встречались отъявленные плуты и жулики. Но сейчас он невольно пожалел, что не

владеет истинным искусством объяснения ночных божественных откровений...

Сперва он увидел две смутные, туманные фигуры, неизвестно почему, но Конан был убежден, что они поистине громадных размеров. Он не мог различить черты их лиц — но глаза сияли дивным звездным огнем, лучась как тысячи тысяч солнц. Трезвый раскусод киммерийца удивился, как же он не ослеп, глядя на этот всепожирающий пламень.

Фигуры сидели друг против друга, склонившись над странным круглым мерцающим диском. Время от времени призрачная, размытая рука одного из созданий тянулась к жемчужно-серебристому полю, делала над ним некие причудливые пассы и вновь возвращалась на место. Со стороны эта пара более всего напоминала игроков в кости.

Конан как замороженный вглядывался в смутные, постоянно меняющиеся очертания каких-то фигур на жемчужном диске. Ему казалось, что он различает высокие дворцы и шпили, гордые крепости, полноводные реки. Потом картина внезапно изменилась. Он словно бы помчался со всевозрастающей скоростью навстречу жемчужному диску, поразившись про себя еще раз, насколько он громаден. Взгляд киммерийца различал мельтешение то в одной, то в другой части исполинского игрового поля; как окрестил он про себя серебристый диск. Приглядевшись, Конан увидел, как прямо по матовой поверхности движутся люди, величиной не больше муравьев — там шагали армии, скакала конница, ползли обозы...

Время от времени над каким-нибудь отрядом, крепостью или даже отдельной человеческой фигуркой возникало многоцветное переливчатое сияние — «рука» одного из «игроков». И тогда отмеченная вниманием этих сил особа — или войско — начинало или быстрее двигаться, или поворачивало в сторону, а то и вовсе останавливалось. Иногда войны и армии сталкивались, и тогда перед взором Конана разыгрывались целые баталии...

Как он ни старался, так и не смог до конца понять смысл увиденного. Он четко осознал, что спит; что может в любой момент проснуться. И не хотел этого,

потому что за всем происходящим скрывалась какая-то влекущая, притягивающая тайна, отчего сердце шестидесятилетнего искателя приключений начинало биться учащенно, словно у только что ступившего на тропу войны подростка...

А потом он внезапно услышал голос. Спокойный, чуть глуховатый, не лишенный приятности голос, назвавший вслух его имя.

— ...Тогда в дело вступает Конан из Киммерии!

— А что будет, если навстречу ему попадутся... — ответил второй голос, выше и суше, показавшийся киммерийцу полным скрытого недружелюбия. Северянин смог разобрать только первые слова фразы, после «попадутся...» внезапно наступила полная тишина и он открыл глаза. В своем капитанском гамаке, в просторной каюте на корме «Крылатого Дракона». Рядом в таком же точно гамаке сладко похрапывал Сигурд. Рядом с ваниром валялся опустошенный кувшин из-под пива.

Киммериец перевел дыхание и отер невесть отчего проступивший пот со лба.

Остаток ночи миновал спокойно. Враги не показывались. Команда безмятежно проспала до рассвета. Не теряя времени, Конан собрал небольшой отряд из двух десятков отчаянных голов. Вооружившись до зубов, они двинулись в глубь джунглей.

Шли очень осторожно. Киммерийцу были памятливы кровавые схватки с пиктами в непроходимых лесных чащах за Черной Рекой. В зарослях одиночный лучник без особых хлопот положит пять-шесть противников, прежде чем его удастся обнаружить — это в том случае, если он окажется достаточно глуп для того, чтобы долго оставаться на одном месте.

Пока же все предосторожности оказывались излишними — лес как будто вымер. В команде «Крылатого Дракона» было немало кушитов и выходцев из Черных Королевств. Конан доверял их умению не то чтобы увидеть или услышать, а именно учуять человека даже в полном ароматами воздухе южного леса. Чернокожие воины выдвинулись вперед, держа наготове короткие лесные луки. Но до самого озера им не встретилось никого, кроме зверья и птиц.

— Пахнет водой, Амра, — вполголоса промолвил Ясунда. Великана невозможно было заставить остаться на корабле. — Озеро близко.

Еще сотня-другая осторожных шагов, и перед воинами открылась сверкающая голубая чаша, заключенная в зеленую оправу густых зарослей. Лес кончился у самой воды. Крошечные волны слабого прибоя лениво лизнули ноги киммерийца.

— Эй, кому-нибудь приходилось видеть что-либо подобное? — Конан указал на возвышавшийся за озером дворец.

Ответом ему было лишь отрицательное покачивание голов, — чего и следовало ожидать.

Северянин не спешил вести свой отряд к так заинтересовавшим его строениям. Из-под прикрытия густых зарослей он долго и внимательно рассматривал открывшуюся взору картину.

Прямо к воде сбегал широкий спуск. Сперва киммерийцу показалось, что это обычная для дворцов Старого Света парадная лестница — такая же, как и в его столице, Тарантии. Приглядевшись, он понял, что видит перед собой нечто иное — гладкий спуск из шершавого камня, наподобие тех, что устраивались порой на грузовых причалах для подъезда возов. Но зачем такое здесь, на тихом озере?

Все постройки оказались на удивление кособокими и кривыми. Башни клонились каждая в свою сторону, точно пьяные. Между ними громоздилось какое-то хаотичное нагромождение косых стен, кое-где прорезанных треугольными, сужающимися книзу окнами. Высокие, похожие на шатры крыши напоминали храмы Вендии. Но в отличие от них здесь не было видно ни одной скульптуры, хотя пустые, стоймя торчащие камни с плоскими вершинами, очень похожие на памятники, торчали повсюду.

Здание, похоже, все еще находилось в довольно сносном виде — нигде не было заметно обвалившихся кровель или пробившейся между каменных плит травы. Если дворец и покинули, то не слишком давно.

Наконец Конану удалось приметить широкий черный проем в обращенной к лесу стене, который долго оставался скрыт длинными тенями. Не мешкая, ким-

мериец повел отряд в обход озера, не сводя при этом глаз с дворцовых башен.

Кое у кого из пиратов уже заблестели глаза. Покинутые храмы и тому подобные строения частенько таили хорошую добычу. Что же до всяких страшилищ, также любивших обосновываться в подобных местах, то рубаки Конана охотно схватились бы с самим Сетом, прячя он за спиной кошель с полновесным туранским золотом...

— Ни тропинки, ни дороги, Ясунда, — шепнул Конан своему штурману. — Уж на что здорово был упрятан город амазонок, куда меня как-то занесло, а и вокруг него отыскивались стежки!

— По этим лесам, похоже, ходили всякий раз иной дорогой... если вообще ходили, — также шепотом ответил кушит.

Наконец маленький отряд достиг края обширной поляны на берегу озера. Перед пиратами вознеслись серые каменные стены, сложенные из грубых, необработанных блоков, лишь кое-как обтесанных и подогнанных друг к другу. Зиял широкий полукруг входа. Точнее, даже не полукруг, а эллипс — высотой он оказался едва по плечо Конану, зато в ширину имел не меньше четырех шагов.

— Неудобно здесь будет выходить с копьями, — бросил Конан почти в полный голос. Многолетний опыт и чутье варвара не могло подвести: опасности впереди пока не было. — Хищрек и Хосрон, останетесь здесь. В случае чего — орите во всю мочь. Яков! Ты захватил мел?

В прошлом Конану часто случалось попадать в запутанные лабиринты — особенно оказываясь в древних храмах или дворцах — и на сей раз он решил предусмотреть все. Оставляя метки на стенах, они, если понадобятся, легко смогут выбраться обратно. Сигурд, оставшийся командовать «Крылатым Драконом» в отсутствие капитана, должен был отправиться на поиски, если киммериец не вернется к вечеру следующего дня. Знаки, в случае чего, помогут здесь и ваниру.

Оставив караул у входа, Конан с товарищами медленно вступил под низкую арку.

Их взорам открылся обширный полутемный зал. Пол покрывали каменные неотшлифованные плиты. Через странные треугольные окна пробивались косые солнечные лучи — хотя должны бы падать почти отвесно... Это было первое, отчего сразу же насторожился Конан.

Зал пуст — лишь в дальнем конце, в некоем подобии нефа, стоял грубый каменный же алтарь и вокруг него — девять странных, широких каменных чаш. От пола к ним поднимались слегка загнутые желоба, высеченные из цельного камня. Весь алтарь расписан причудливыми письменами — Конан не смог различить ни одного хоть сколько-нибудь знакомого знака или буквы, хотя перебивал, наверное, в храмах всех без исключения богов Старого Света. Здесь были спирали, перечеркнутые чаши и опрокинутые языки пламени. Иной символ еще можно было понять — точнее, понять, что он изображает, а не что значит, стоя на данном месте в окружении других символов.

Подобной же росписью украшены пол и стены. В дальнем конце зала, за алтарем, Конан увидел еще один проем в глухой стене — но столь низкий, что в него пришлось бы вползать на четвереньках...

И второе, что заставило киммерийца крепче стиснуть рукоять меча и прикрикнуть на забывших об осторожности пиратов — в зале совсем не было пыли, словно тут прошла целая армия уборщиков.

Воины рассыпались по залу, наудачу простукивая кое-где пол и стены. Конан, Ясунда, Яков и Горам Сингх направились напрямик к алтарю. За ними последовало еще пять или шесть человек.

— Алтарь как алтарь, у антилийцев, помнится, по-внушительнее был, — ворчливо заметил великан-кушит, однако Конан не отозвался на шутку. Склонившись над камнем, он пристально всматривался в его поверхность, словно отыскивая одному ему заметные следы. Остальные занялись основанием каменного постаментов и чашами, пытаясь отыскать там какой-нибудь тайник.

Больше всего этот зал напоминал, конечно же, храм некоего давно забытого на Западе бога. Все храмы в общем-то схожи между собой в главном, бесконечно

разнясь, конечно, в деталях. И киммериец не сомневался, что они угодили именно в храм — только если правивший здесь бог и был забыт в родных местах команды «Крылатого Дракона», то здесь его, несомненно, хорошо помнили, и не только чисто прибирали храмовый зал, но и приносили своему покровителю обильные и кровавые жертвы, закалывая их на этом алтаре. Правда, после каждого жертвоприношения алтарь тщательно отмывался, но это удавалось сделать не до конца.

Конан с первого взгляда понял, в чем тут дело: все выстраивалось один к одному. Засада в единственной пригодной для стоянки бухте; жертвенный камень в пустом храме...

«До чего же они все любят приносить в жертву чужеземцев! — мелькнуло в голове Конана. — Верно, считают, что кровь странников по вкусу их божкам...»

— Нашел, нашел! — вдруг радостно зашипел Горам Сингх. Вендиец услышал подозрительный звук, простукивая рукоятью кинжала основание алтаря под его задней гранью; камень неожиданно отозвался гулкой пустотой.

— Тащи ломы! — распорядился киммериец. Его сейчас занимали не сокровища — хотя, быть может, впоследствии не помешают и они — а тайны самого этого здания. Точно мальчишка, Конан дрожал от нетерпения — его почти что заворожил уже видевшийся ему подземный ход, уводивший далеко в глубь земли, к сокровенным тайнам одинокого храма...

Это чувство было по меньшей мере странно для прошедшего через самые невероятные приключения киммерийца. Но в тот момент он совсем не думал об этом — принесенные с корабля кирки и ломы вгрызлись в податливый пористый камень, откалывая большие куски.

Все пираты, за исключением двух караульных у входа, столпились вокруг алтаря. Конан тотчас погнал еще двоих встать к низкому лазу. Тут тонкая каменная плита наконец раскололась и у пиратов разом вырвался восхищенный вздох — профессиональные грабители впервые увидели столько золота сразу.

Под алтарем оказалась небольшая каморка, доверху набитая золотыми слитками, самородками и квадратными монетами. Вожденный металл лежал тускло желтеющей грудой и пираты, жадно рвавшиеся к подобному всю жизнь, даже как-то растерялись — когда золота слишком много, оно словно утрачивает часть своей магической власти над умами и душами.

— Клянусь Кромом, это самая крупная добыча в моей жизни! — нарушил ошеломленную тишину киммериец.

— Жаль только, что поблизости нет подходящего кабака с пухлыми шлюшками! — делано вздохнул Горам Сингх и пираты разразились грубым хохотом.

— Вытаскивайте! — распорядился Конан. — Поделитесь на корабле, как и всегда. Надеюсь, эта куча не введет никого из вас в соблазн, иначе, клянусь Кромом, я подвешу кое-кого вверх ногами на самой верхушке мачты! Ты, Горам, получишь две доли, как нашедший — по нашему морскому закону.

Закипела работа. Пираты, похоже, забыли и думать об опасности. Караульные у входа подбадривали их одобрительными криками. Куча золота на расстеленных плащах быстро росла.

Тем временем Конан, словно разочарованный тем, что в тайнике отыскалось одно лишь золото (и в самом деле, куда девать его здесь, на неведомом краю света, где за целый мешок драгоценностей не купишь и простой бутылки доброго аквилонского?!) — вплотную подошел к низкому лазу в стене сразу за алтарем.

Темно, тихо, чисто, ничем не пахнет... Киммериец пригнулся и осторожно заглянул внутрь, затем, крякнув, с некоторым трудом протиснулся в лаз. За стеной оказался второй зал, ничуть не меньше первого; свет едва-едва пробивался сквозь единственное узкое оконце, и внутри царил полумрак. Пол зала наклонно поднимался от той стены, у которой стоял Конан, и был пересечен несколькими причудливо извивающимися желобами, начало которых терялось где-то в темноте. Поддаваясь странному порыву, киммериец нагнулся потрогать поверхность одного из таких желобов, оканчивавшегося как раз у лаза — она была приятно теплой, чуть шероховатой на ощупь. Ладонь Конана чуть сме-

стилась в сторону — камень вокруг желоба оставался холодным.

— Во имя Крома, зачем им понадобилось нагревать эти штуки? — пробормотал киммериец, однако в этот момент его окликнули спутники.

Тайник опустошен. На квадратном каменном дне не осталось ни единой крупинки благородного металла — пираты Барахских островов знали свое дело. После того, как добыча была извлечена, обнаружилось, что в камерке имеется и кое-что еще — а именно низкая полукруглая дверь, не имевшая, однако, видимых снаружи петель, равно как и замочной скважины.

— Быть может, там еще одна сокровищница? — предположил Горам Сингх, его глаза алчно блеснули.

— Надо попытаться открыть! — поддержал его и Ясунда.

— Здесь решаю я, — ледяным голосом произнес киммериец, и его спутники тотчас прикусили языки. — Хорошо. Сделаем так: если нам удастся открыть дверь, то сперва отнесем добычу на галеру и вновь вернемся сюда. Если же нет — то, быть может, тогда я вернусь сюда один... но позже. За дело!

С первого же взгляда киммерийцу стало ясно, что створка этой двери не открывается, поворачиваясь на петлях, но сдвигается в сторону, уходя в скрытую нишу. Ничего сложного, он видал подобное в китайских пагодах. Однако, несмотря на подсунутый рычаг и усилия пиратов, наваливавшихся на него вшестером — больше просто не вмещалось в тесной камерке сокровищницы — несмотря даже на всю мощь Конана, дверь не поддавалась.

— Отойдите-ка! — распорядился киммериец.

Его взгляд медленно скользил по краю наглухо закрытой двери. Быть может, ее открывают нажатием на какой-нибудь неприметный выступ... совсем-совсем крошечный, ничем не отличающийся от остальных... хотя нет, почему же не отличающийся — он-то как раз и должен отличаться!

— А ну-ка, Горам, нажми-ка вот на это!

Палец киммерийца указывал на небольшую шероховатость камня слева от дверной арки. Человеку было неловко дотянуться до нее — однако Конан уже почти

не сомневался, что этот дворец — или храм — строили не люди.

Вендиец послушно надавил большим пальцем на указанное Конаном место. Раздался глухой скрежет, и дверь медленно втянулась в стену.

Пираты за спиной киммерийца торжествующе заорали и заулюлюкали.

— Тише, акулий корм! — рявкнул на них Конан. — Забыли, как дрались на берегу?! А ведь та милая компания наверняка бродит где-нибудь поблизости!

Пираты пристыженно притихли. В самом деле, бывшие рубаки вели себя точно неразумные дети на загородной прогулке...

За дверью открылся узкий ход, вырубленный в сплошной скале — громадное здание как будто не имело фундамента. Конан приказал готовить факелы.

Пираты смотрели на своего седоволосого предводителя со всевозрастающим почтением. Как он сумел безошибочно обнаружить ключ к тщательно замаскированному замку? Конан лишь усмехался себе в бороду, видя восхищенно-почтительные взгляды своих головорезов. Он не собирался так просто раскрывать своих секретов — хотя на самом деле на этот раз ему просто повезло. Сработала простейшая логическая цепочка — то место, на которое часто нажимают, быстро засаливается, начинает хоть немного, но лосниться — а камень здесь был довольно мягкий, и зоркий глаз киммерийца разглядел крохотную потертость подозрительно близко от двери. Очевидно, этим путем ходили довольно часто.

Пираты быстро натащили смолистых веток, годившихся для факелов. Держа один из них над головой, Конан первым вошел в низкую галерею.

Оказалось, что подземный ход круто уводит вниз, идти было трудно, ступени отсутствовали, и, покачивавшись некоторое время, Конан приказал возвращаться.

Конечно, в былые годы он считал бы подобное отступление позорной малодушной трусостью. Но теперь он все чаще и чаще думал не о себе, а о других. Вести за собой в неизвестность целый отряд... оставив лишь двоих караульных там, откуда могла в любой момент

последовать атака... нет, рисковать не стоило, тем более, что и торопиться-то особенно некуда. В распоряжении Конана было сколько угодно времени. Он решил вернуться на галерею.

Дверь запираť не стали. Ясунда намертво заклинил ее, попросту вбил один из имевшихся ломов в щель между створкой и стеной.

Возвращение на «Крылатый Дракон» оказалось поистине триумфальным. Киммериец еще на берегу высоко поднял над головой полные пригоршни тяжелых золотых самородков. Ответом ему был многоголосый восторженный рев. Нечего и говорить, что в следующий поход к серому храму идти хотели все до единого. Пришлось метать жребий. Неудачников Конан подбодрил лишь тем, что обещал — твердо! — равную долю в добыче с остальными.

Оставив на «Крылатом Драконе» лишь немногочисленную охрану, Конан наутро повел весь свой отряд к загадочному дворцу. Коричневокожие обитатели этих мест по-прежнему не показывались, и это мало-помалу начинало тревожить киммерийца. Зачем, спрашивается, было устраивать засаду, нападать на его людей, если после этого разрешать им преспокойно рыться в древнем дворце?

Однако и на сей раз пираты проделали путь от галеры до храма без приключений. В зале с алтарем все оставалось как и вчера. И все так же торчал заклинивавший дверь лом.

Оставив солидную охрану у входа в странный храм-дворец, а также у низкого лаза, Конан повел отряд вниз по подземному ходу. Пламя многочисленных факелов освещало неровные, грубо вырубленные в сплошной скале своды тоннеля. Широкая спираль уводила все глубже и глубже.

Шагая первым, киммериец не думал тогда о посетившем его странном видении, и о загадочных фразах, которыми обменялись в конце сна призрачные игроки. Надо сказать, что Конан уже почти и забыл о привидевшемся, сочтя все это пустой игрой воображения.

Они спускались довольно долго. Затем винтовой коридор внезапно кончился, выведя пиратов в широкую

горизонтальную галерею. Впереди забрезжил слабый свет, и Конан приказал погасить факелы.

Чем дальше продвигались воины «Крылатого Дракона», тем ярче становился свет впереди — и все явственнее доносились какие-то неясные звуки — там не то что-то шлепало, не то стучало, не то шипело... А затем кончилась и галерея.

Конан даже попятился от неожиданности. Он стоял под самым куполом необозримой пещеры, края ее поглощала мгла. Вдоль уходившей в бесконечность стены тянулись длинные вереницы тусклых факелов, а дно покрывала сплошная шевелящаяся масса — коричневые тела их старых и недобрых знакомых, тех же, что нападали в бухте. Взлетали и падали тысячи киров и ломов, дробя неподатливую породу. Не видно было отлынивавших; не видно было надсмотрщиков; все работали с небывалым усердием.

Вдоль средней линии пещеры из конца в конец было проложено нечто вроде дороги, и по ней сплошным потоком ползли громадные белесые черви, толщиной с круп лошади. На спинах у отвратительных тварей были укреплены корзинки, куда сваливалась отбитая порода. Черви текли по пещере, словно удивительная, небывалая река.

Некоторое время Конан с высоты ошеломленно наблюдал за всем происходящим, уже жалея, что потащил с собой столько людей. Здесь нужнее был бы хороший разведчик-одиночка...

Где-то очень далеко раздался приглушенный расстоянием низкий удар колокола, и поток червей тотчас же сместился, а бесчисленные камнетесы принялись за тот чуть выдающийся выступ, который только что служил дорогой.

Перед киммерийцем лежал узкий висячий мост, протянувшийся на другую сторону пещеры. Вдоль стен у самого изгиба сводов шли такие же точно подмостки, уходившие куда-то вдаль. Внизу в добрых пятнадцати саженях дно было скрыто спинами работающих.

— Стойте, где стоите! — шепотом приказал Конан, осторожно ступая на гибкий мосток. Однако он не успел сделать и одного шага, как позади него раздался подозрительный скрежещущий звук. Киммериец стреми-

тельно развернулся, но лишь для того, чтобы увидеть, как перед ним смыкаются толстенные каменные губы. Раздался глухой удар и затем лязг опускающихся в свои гнезда железных засовов. Дорога назад была отрезана.

Несколько мгновений Конан стоял, точно оцепенев, перед наглухо закрывшейся дверью. Потом несколько раз глубоко вздохнул, стараясь успокоиться, и принялся тщательнейшим образом осматривать стену возле дверной арки, в попытках найти открывающий запоры выступ — однако тщетно. Камень здесь был совершенно чист, без малейших следов человеческих рук. Долгие и утомительные поиски закончились ничем.

Другой бы, возможно, и впал после этого в отчаяние, но Конан за свою долгую жизнь попадал в переделки и похуже этой. Не вышло здесь — удастся в ином месте. Придя к такому решению, он оставил бесплодные попытки. Пещера велика, из нее должен убираться вырубленный грунт, в нее надо приводить рабочих, доставлять им еду и все прочее... Выход должен найтись!

Конан думал тогда не о себе, а о команде «Крылатого Дракона», которую он столь опрометчиво повел за собой в неразведанное как следует подземелье. Что будет с его людьми?! Не закрылся ли такими же глыбами выход из тоннеля? Мысль эта терзала и не давала покоя. Он обязан выбраться отсюда — и спасти остальных. Сердцем он уже чувствовал, что с ними тоже приключилась беда.

«Но торопливость, как известно, хороша только при ловле блох. Если пытаться вырваться отсюда с шумом и гамом, то, скорее всего, не выберешься, а просто даром погибнешь», — трезво размышлял Конан, лежа на прогибающихся под тяжестью его тела мостках. Он решил понаблюдать за рабочими. Шло время, и кирки все так же взлетали и падали, все так же текли своей дорогой черви-носильщики — а в пещере ничего не менялось. Один раз Конан увидел, как землекопам привезли еду — по середине пещеры ехал, оседлав белого червя, коричневокожий, бросая из корзин на спине твари какие-то свертки в толпу. К полному удивлению киммерийца никто не дрался за пищу, не

старался выхватить у соседа его долю. Напротив, передние передавали еду задним.

Дальше Конан ждать уже не мог. Становилось ясно, что пещера эта вообще никогда не опустеет — он заметил, что рабочие все-таки сменялись, одни отходили на отдых куда-то на свободное пространство, другие, напротив, вставали на их места. И тогда киммериец решил положиться на удачу.

Он наугад свернул влево — просто для того, чтобы скала мешала бы размахнуться мечом его противнику, повстречай он кого-нибудь на своем пути.

Идти пришлось очень долго. Час проходил за часом, а Конан все шел и шел над шевелящейся массой согнутых спин и методично работающих коричневых рук. Он уже почти не замечал заполнявшего всю пещеру грохота, многократно усиленного эхом. На него же никто не обращал внимания.

Когда киммериец почти потерял надежду на то, что эта проклятая пещера когда-нибудь кончится, из мглы перед ним внезапно вынырнула торцовая стена гигантской таверны. Здесь оказалась и ведущая вниз с мостков лестница. Но Конана больше заинтересовала не приметная дверь в стене, в которую упирался подвесной мост. В отличие от двух других, встретившихся ему в храме, на этой имелись и петли и ручка. Конан осторожно потянул ее на себя — створка бесшумно приоткрылась. Киммериец серой тенью проскользнул внутрь.

Там оказалась крохотная пустая каморка с обычным столом посредине и двумя лавками подле него. На столе нашелся кувшин с каким-то местным кисловатым легким вином и немного сухарей. Конан проглотил все это за один присест. В противоположной от входа стене он увидел еще одну дверь. Она была приоткрыта и оттуда доносились приглушенные голоса. К своему удивлению, киммериец понял, что разбирает, о чем идет разговор — он велся на старом стигийском наречии.

— О почтенный навал, клыкастый буйвол морей, что ты повелишь содеять с сегодняшними пленниками? — медоточиво проговорил первый голос, в котором Конан безошибочно определил старого царедворца.

— Слушай мою волю, почтенный сегал, щетинящийся клыками волк пучины, тебе надлежит подготовить их для великого жертвоприношения. Мы ждали их так долго, этих проклятых пришельцев с проклятого истинными богами Запада! Но теперь их кровь оросит наши жертвенники и наши небожители возрадуются. Новая сила вольется в них, и они подобно великой грозовой туче низринутся на своих врагов, повергая их во прах. И тогда нашей расе будет возвращено ее исконно высокое место — в то время как те, что именуют себя «людьми», вновь станут теми, кем им надлежит пребывать от века — двуногим скотом!

«Крепко сказано, — мелькнуло в голове Конана. — Выходит, я не ошибся. Птауакан повторяется. Но теперь мне придется обойтись без хрустального феникса!»¹

Киммериец не чувствовал страха — одну лишь усталость и сознание того, что ему вновь предстоит тяжелая и кровавая работа — не славный подвиг, не радостная пляска мечей, куда хорошо броситься молодому, горяча кровь ненавистью — но именно работа, опасная, трудная, вдобавок имеющая обыкновение повторяться с завидным постоянством. И в Антилии, и здесь, на краю неведомого континента, хозяева брали в плен его, Конана, команду, пользуясь своим преимуществом родной земли, где так легко поймать новоприбывших в ловушку...

Конан ожидал продолжения разговора, однако вместо этого до его слуха донеслось:

— Слушаю и повинуюсь, о почтенный навал, короной увенчанный рогатый вспарыватель бездн, лобызаю след твой в водных толщах!

Послышались странные шелестящие звуки — как будто громадная змея проползла по мелкому гравию — и все снова стихло. Приготовившийся было к бою киммериец опустил меч.

Его рассудок работал холодно и четко. Он любой ценой должен проникнуть к этому самому «навалу»

¹ В решающий момент битвы с демоном Хотли в Птауакане Конан разбил данный ему Эпемитреусом талисман — хрустального феникса; это помогло призвать на помощь сверхъестественные силы, силы Богов, сокрушивших Хотли.

(Кром знает, что это может значить!) и, если удастся, то затеять переговоры, предложив здешним заправилам сделку — жизни экипажа его галеры за жизнь местного правителя. Другая возможность — пробиться в темницу, где держат его людей (а в то, что они пленены, киммериец не сомневался. Что могло быть проще — закрыть каменные створки в начале и в конце тоннеля, так чтобы весь отряд угодил в одну громадную западню?). Киммериец никогда не считал, что смерть предпочтительнее «позорному плену». Из плена можно бежать, тебя могут спасти, короче — еще можно бороться. Сделавшись трупом, пищей для воронов, пожирателей падали, ты уже бороться никак не сможешь.

Итак, прежде всего теперь следовало добыть «языка». Этого «навала», скорее всего, тщательно охраняют... стоп! В голове киммерийца словно блеснула яркая молния. Как же мог он не понять сразу столь простой вещи! Как могло такое случиться, что королевские покои — а сидевший там, за одной-единственной приоткрытой дверью «навал», был, судя по всему, здесь кем-то вроде правителя — как могло случиться, чтобы королевские покои остались практически без охраны?! Подобных глупостей не позволял себе ни один король хайборийских стран, сколь бы туп он не был. Одно из двух — либо здешние заправители неописуемо беспечны и наивны, что плохо согласуется с их прекрасно разработанным и приведенным в исполнение планом по захвату соратников Конана — либо они каким-то образом узнали, что он на свободе, и им для чего-то понадобилось, чтобы он услышал бы эту беседу. А откуда следует... Но стоп! Там вроде бы снова заговорили!

Из приоткрытой щели вновь донеслось странное шуршание, а затем низкий и хриплый голос, весьма мало похожий на человеческий, выговаривавший слова с какой-то мертвенной стальной интонацией, произнес следующее:

— Пленники доставлены по приказу великого и устрашающего навала, в камеру под жертвенником. Начаты обряды вызывания. Шестьсот шестьдесят шесть заклинателей творят благоприятственные заклятия. Скоро боги смогут обратиться к нам.

— Прекрасно! — пророкотал в ответ голос того, кто именовался «навалем»: — Очищена ли и умащена ли благовониями, угодными богам, дорога нечестивцев к камню заклания? Возжжены ли на нашем пути, пути навала, в достаточном числе ароматические лучины?

— На всем пути от данного покоя величайшего из пленителей моря навала вниз по спиральной, розовой лестнице и прямо по синему коридору все готово для торжественного следования вашей милости к ожидающим заклания.

Подозрения Конана, что он слышит хорошо поставленный для него и только для него спектакль превратились в уверенность. Так подробно расписать дорогу к камере узников для отлично знающего ее правителя мог только полный идиот. Яснее ясного, это делалось для того, чтобы вернее вывести его, Конана, к этому подземелью... хотя нет, если они знают, что он здесь, к чему такие сложности? Или они полагают, что он отправит к праотцам добрых полсотни их воинов и потому тоже хотят заманить его в какой-нибудь каменный мешок, где он бы не смог пошевелить ни рукой, ни ногой?

На всякий случай киммериец подобрался поближе к ведущей в большую пещеру двери — если придется бежать, то уж лучше туда. А из-за противоположных створок неслось:

— Но в полном ли порядке путь от камеры должествующих быть закланными к месту свершения великого обряда? Ответ мне на это, о пожирающий ночную мглу?! (Ну и титулы у них тут! — невольно усмехнулся про себя Конан.)

— Путь в должном порядке, о владыка рогов подводного Зла! До самого морского побережья, где стоит проклятый корабль пришельцев, проложена твоими верными слугами широкая просека. На берег доставлен и Великий Камень нашего народа, камень, помнящий приход и вещие слова истинных богов. Там, над скрытым в пучинах нашим настоящим Храмом, что поднимется в предшествующие жертве часы, мы и совершим наш обряд.

Сердце Конана бешено заколотилось. Они лгут, чтобы заставить его обратиться из их подземелий, а тем временем

преспокойно покончить с пленниками здесь? Но опять-таки, зачем им все это? Что за непонятная игра, помоги мне Кром?! Конан терялся в догадках. Где тут правда и где тут вымысел? Либо все, что он слышит — истина и тогда ему и впрямь следует отправляться на морской берег, чтобы попытаться там вырвать товарищей из лап этих тварей. Либо это вранье, и тогда нужно ворваться внутрь этой комнаты, схватить за глотку достойного «навала» — да отсохнут у него вспарывающие пучину яйца! — и потолковать с ним уже по-настоящему... но только не здесь, конечно.

Голоса вновь утихли. По лбу и щекам Конана обильно струился пот, однако он даже не замечал этого. Как бы то ни было... вот из щели раздалось удаляющееся шушущее, вновь наступила тишина. И тут, прежде, чем киммериец успел ринуться внутрь, дверь внезапно и резко захлопнулась. Щелкнул скрытый внутренний засов. Киммерийцу ничего не оставалось, как выбраться обратно в ту перешу, откуда он и пришел.

На него по-прежнему никто не обращал внимания. Казалось, он может стоять здесь часами, а внизу все так же будет кишеть море согнутых работой коричневых спин, прoderнутое белой чертой ползущих червей-тяжеловозов...

В торцевой стене, у верхнего края которой стоял киммериец, он заметил широкий проем, через который белые черви отгаскивали вырубленную породу. Не оставалось ничего иного, как пытаться выйти отсюда через этот проход... а там видно будет. И Конан, пожившись на Крома да на собственную удачу, начал спускаться. Он не бежал, не делал резких движений — напротив, он шел размеренно и спокойно, словно человек, которому ничто не угрожает и который, вне всякого сомнения, имеет право здесь находиться.

Он миновал один марш длинной лестницы, затем второй, третий, четвертый... Все было спокойно. Коричневые спины работающих сгибались и разгибались, кирки в их руках взлетали и падали. Несколько ближайших к Конану созданий бросили на него пару-тройку безразличных взглядов — и равнодушно отвернулись. Похоже, до него тут никому не было дела. Быть может, это рабы... или какие-то зачарованные... Конан

шагнул в проход, бок о бок со здоровенным вонючим червем. Правивший тварью коричневокожий не удостоил киммерийца даже поворотом головы.

Нескончаемая вереница белесых червей ползла куда-то по низкому и широкому тоннелю. Внешне совершенно спокойный, Конан шагал с краю, не снимая руки с меча, хотя нигде не было видно ни одного воина. Как и в большой пещере, по стенам тянулись длинные ряды факелов, дававших достаточно света. Подземный коридор шел, не разветвляясь, выбора у Конана не было — он шагал и шагал вперед. Оставалось полагаться только на судьбу.

Наконец он добрался до места, где поток червей разворачивался обратно. Корзины с помощью нехитрого приспособления опорожнялись одна за другой в разверстый зев бездонной черной шахты. Затем, налегке, твари отправлялись в обратный путь.

Возле самого провала на деревянной лавке под укрепленным в кольцо факелом сидел невысокий человек, с острой полуседой бородкой. От тех коричневокожих, что напали на отряд Конана в бухте, его отличал лишь возраст — он казался очень и очень старым, наверное, самым старым из всех, кого удалось увидеть здесь киммерийцу.

Человек считал опрокинутые в шахту корзины, перекидывая надетые на поперечные прутья костяшки — одну за другой, одну за другой, десяток, сотня, тысяча... Его мутноватый старческий взгляд скользнул по Конану и старик вернулся к своим счетным кружкам.

От устья шахты брали начало два коридора — один, темный, уходил куда-то вглубь. Другой, напротив, поднимался вверх и в нем на стенах торчали вбитые факелы. Секунду поколебавшись, Конан избрал освещенную дорогу. Старик продолжал безразлично щелкать костяными счетами, однако когда Конан уже заворачивал за поворот, до слуха его едва слышно донеслись слова на старостигийском, произнесенные чуть громче, чем следовало:

— Он прошел шахту.

За ним следили. Следили, но пока не нападали — почему?

Тело, проведенное на земле добрых шесть десятков далеко не спокойных лет, повиновалось Конану уже не столь хорошо, как в молодости. Однако его прыжок сделал бы честь любому хайборийцу в расцвете сил. Сохранившие железную хватку руки киммерийца сжали в захвате тщедушную шею старика и потащили его в верхний коридор. Конан напряг мышцы — и старец без чувств повалился у стены тоннеля.

Быть может, это была ошибка, а может и нет — кто знает? Возможно, ему следовало бы пройти подальше по освещенному коридору в надежде встретить кого-нибудь из коричневокожих. Но времени не было, и Конан рискнул.

Из-за поворота тотчас же раздались тревожные вопли. Погонщики белых червей соскакивали со спин своих тварей, на бегу выхватывая оружие — длинные обсидиановые ножи с клинками почти в три ладони.

Конан легко вскинул бесчувственное тело старика себе на плечи и побежал, на ходу срывая со стен факелы один за другим. Он мчался во весь дух. Его мышцы, не знавшие праздности даже в те дни, когда он сидел на высоком троне Аквилонии, и сейчас еще могли потягаться с мускулами куда более молодых. Конан дышал тяжело, с хрипом выталкивая из себя воздух — однако расстояние между ним и преследователями медленно, но неуклонно сокращалось. Коридор вновь раздвоился и на сей раз — о, чудо! — наверх вела узкая лестница, по которой едва бы смог пройти и один человек. Киммериец сбросил бесчувственное тело старика на ступени и развернулся лицом к нападающим. В перевитой жгутами мышц руке Конана тускло сверкнул верный испытанный меч.

Лестница была настолько узка, что атаковать киммерийца мог только один противник, остальным приходилось ждать своей «очереди». Здесь можно было продержаться довольно долго.

Шестеро или семеро воинов с длинными обсидиановыми кинжалами опрометчиво бросились было к лестнице. Взлетевший меч киммерийца легко отшиб в сторону каменный клинок и глубоко погрузился в грудь самому горячему или же самому смелому из коричневокожих воителей. Брызгая в разные стороны кровью

из глубокой и смертельной раны — ибо Конан, вытаскивая меч, еще и провернул клинок — умирающий воин свалился на каменный пол. Его товарищи поспешно отскочили.

Конан начал медленно подниматься по лестнице. Левой рукой, слегка напрягшись, он подхватил тело старика и тут из медленно надвигавшейся толпы прозвучал, наконец, чей-то голос:

— Оставь его нам. Оставь его нам, чужеземец.

— Нет! — рявкнул в ответ киммериец, с трудом припоминая слова древнего наречия. — Не оставлю, пока не получу ответ — где мои друзья?..

Его тотчас же перебили, сразу множество голосов, так что разобрать слова стало почти невозможно:

— Их ведут к берегу. Их ведут к берегу, к жертвеннику. Будет большая жертва. Громадная, невиданная в веках! Спустятся сами боги. Сами боги придут принять их души. Твои спутники станут счастливейшими из смертных. Нам эта участь закрыта. Нам она закрыта... Закрыта...

— Вы лжете! — во всю мощь своих легких гаркнул Конан. — Где их камера?!

— Мы не лжем. Не лжем, и проводим тебя туда, если ты хочешь. Проводим безоружными.

— Кидайте мне под ноги! — после мгновенного раздумья приказал Конан.

Целый град обсидиановых клинков полетел на камни; кинжалы звонко ударились о ступеньки.

— Показывайте дорогу! — велел Конан. — И горе вам, если вы заведете меня в ловушку — меня могут убить, но вы тогда уж точно поляжете!

— Мы не обманываем, — зашелестело в ответ. — Ты волен идти куда хочешь. Мы не станем мешать тебе. Только отпусти нашего.

— Конечно, моим людям будут вспаривать животы, а вы говорите — иди куда хочешь! — взорвался Конан. — Ведите меня к пленникам, иначе, клянусь Кромом, я перережу глотку сперва этой старой развалине, а потом и всем вам!

— Мы поведем тебя куда ты скажешь, чужеземец, — ответили ему.

— Хорошо! Тогда все вперед, руки за голову, никому не оборачиваться и не пытаться бежать: за каждого удравшего прикончу кого-нибудь из оставшихся! Все ясно? Тогда марш вперед! К камере пленников!

Странная процессия тронулась. Впереди семенили разоруженные коричневокожие, их длинные острые уши потешно шевелились. Руки все они послушно держали за головами — и позади них с мечом наголо грозно шагал Конан, позвякивая кольчугой. Он волочил на себе бесчувственного старикашку.

Киммериец ожидал увидеть нечто вроде грандиозного подземного лабиринта, однако они шли и шли все одним и тем же тоннелем, пока он не вывел их наконец к странному перекрестку, где спускавшаяся сверху розовая спиральная лестница (которая на самом деле лестницей не была, ибо не имела ступенек) сливалась с широким и высоким горизонтальным коридором, стены которого были выложены синим камнем. И тут Конан смог убедиться, что прислужники этого самого «навала» не лгали своему повелителю. Воздух был наполнен странными, диковинными и горьковатыми ароматами, совершенно неизвестными Конану. По стенам догорали тысячи и тысячи крохотных разноцветных лучинок, источавших беловатый ароматный дымок. Тянулись бесконечные гирлянды причудливых морских цветов. Специальные слуги постоянно обрызгивали их водой. Пол сверкал, надраенный до немыслимого блеска.

Остроухие пленники Конана честно выполнили свое слово — никто из них не попытался бежать, оказавшись на развилке. Не задерживаясь, вся процессия проследовала в «синий коридор», провожаемая равнодушными взорами опрыскивавших цветы слуг.

Тоннель привел к огромной круглой камере. Вход в нее перекрывала опускающая решетка. На всем пути сюда Конан не заметил ни единого ответвления — если, конечно, считать, что в стенах подземелья не было ни одной потайной двери. Один из коричневокожих отпер решетку; она легко поднялась.

— Внутри! — хрипло вырвалось у Конана. Его пленники послушно исполнили приказ.

Киммериец шагнул следом, предварительно ударом эфеса согнув болт замка на решетке так, чтобы ее теперь невозможно было бы запереть.

— Пленники были здесь, — сказал ему кто-то из толпы.

Конан и сам видел, что это — правда. Тут и там на каменном полу валялись вещи его людей. Некоторые из них были амулетами, добыть которые можно было лишь и в самом деле пленив команду «Крылатого Дракона». Киммериец бережно подобрал кусочек оправленного в металл почерневшего дерева — его ванир Сигурд взял с собой, навсегда уходя с родного пепелища. Железная цепочка, на которой рыжебородый всегда носил свой оберег, была перекушена, верно, при помощи больших щипцов. Да, пленники не солгали. Его команда была здесь — но тогда где же они сейчас?!

— Куда их перевели?! — забыв об осторожности, взревел Конан, глаза его блеснули столь дикой и первобытной ненавистью, что коричневокожие в испуге отшатнулись.

— На берег моря, — раздалось в ответ. — На берег, к Великому камню. Там их души сольются с истинными богами. Об этом знают все, чужеземец. Ты тоже можешь пойти туда.

Киммериец в бешенстве огляделся по сторонам. Если все его товарищи попали в плен, то почему с ним так бережно обращаются? «Ты тоже можешь пойти туда...» Они что, боятся честной схватки с ним лицом к лицу?

— Ведите меня туда, где сейчас мои люди, — приказал Конан.

— Хорошо, чужеземец, — ответили ему.

Коричневокожие расступились. В противоположной от входа стене киммериец увидел еще одну решетчатую дверь. За ней вдаль уходил еще один коридор.

Старик, которого тащил киммериец, стал мало-помалу приходить в себя. Он приоткрыл глаза и застонал, хватаясь за горло.

— Кому ты передал, что я прошел шахту?! — не давая ему опомниться, прорычал Конан.

В странных желтовато-мутных глазах старика был хорошо знакомый киммерийцу страх. Меч Конана приблизился к груди пленника, и тот поспешно заговорил, трясаясь от ужаса и брызгая слюной из беззубого рта.

— Я передал весть великому сокрушающему рогами тьму... великому навалу нашего народа...

— Зачем он следит за мной? Почему никто не нападает, если твоему навалу становится известен каждый мой шаг?!

По рядам замерших возле открытой двери коричневокожих пробежало легкое движение, — и они вновь замерли, словно бы в испуге ожидая чего-то...

Старик с отчаянием покосился в сторону своих соплеменников; Конану казалось, что того терзают одновременно и страх смерти от нависшего над грудью меча — и страх выдать некую тайну своего рода, после чего, быть может, его предадут лютой смерти.

— Отвечай! — напирал Конан. Краем глаза он постоянно посматривал на своих коричневокожих пленников, потому что сейчас они имели самый удобный момент для нападения. Броситься всем вместе, смять, опрокинуть, вырваться на свободу... Однако обитатели подземелий лишь молча переглядывались, словно бы разом лишившись и сил, и мужества.

Острое лезвие клинка неумолимо приближалось к сердцу старика. Как ни претило киммерийцу подобное занятие, иного выхода у него не оставалось. Либо этот старик заговорит — либо погибнут все доверившиеся ему, Конану, люди «Крылатого Дракона».

Старческое лицо жалко и жалобно сморщилось, из тусклых глаз потекли слезы — однако он продолжал молчать.

— Отчего ты не хочешь пойти с нами, чужеземец? — внезапно раздался голос кого-то из пленников. — Ты жаждешь освободить своих. Мы хотим освободить своего. Дай нам слово, что тыпустишь нашего — и мы проведем тебя к алтарю и, клянемся всеми истинными богами, не станем чинить тебе никаких преград.

— Не станете чинить никаких преград?! — вскинулся Конан, не отводя, однако, меча от груди старика. — То есть ваши навалы или как их там... позволят мне

беспрепятственно увести всех моих людей обратно на корабль?!

— Нет, — раздался ответный вздох. — Они станут препятствовать тебе всеми силами. Но, пока ты не окажешься там, тебе ничто не угрожает. Таков наш закон. Отпусти же нашего!

— Вы все — мои заложники! — проревел Конан, вставая. — Ведите меня к этому алтарю — и, клянусь моим богом, Кроном Жестоким, ни один из вас не уцелеет, если вы заведете меня в ловушку!

— Скорее мы все будем извергнуты из лона истинных богов (Конан не слишком понял смысл этой фразы), чем обманем тебя, чужеземец!

И они двинулись дальше, прежним порядком — впереди молодые пленники, а за ними Конан, рядом с которым ковылял всхлипывающий время от времени старик. Киммериец был постоянно начеку, памятуя весьма удачно закрывшиеся каменные створки в этом храме — однако пока все оставалось спокойно. Тщательно прибранный, разукрашенный разноцветными гирляндами цветов и нарядными причудливыми фонариками, широкий тоннель вел слегка вверх, не раздвигаясь и не сворачивая. Навстречу им не попадалось ни одной живой души.

— Когда начнется жертвоприношение, отвечайте! — потребовал киммериец.

— Оно еще не началось, — ответили ему из толпы. — Шестьсот шестьдесят шесть чародеев творят благоприятственные заклания, а когда они закончат, никто не сможет сказать, даже великий вспарывающий рогами Тьму.

Конану пришлось удовольствоваться этим ответом.

Станный отряд шел и шел вперед, сперва по простым серым плитам, затем — по причудливо чередующимся черным и белым полированным многоугольникам и, наконец, под ногами у Конана оказался настоящий каменный ковер многоцветных виртуозно выполненных мозаик. Здесь к главному тоннелю начали со всех сторон присоединяться боковые, более узкие коридоры: стало ясно, что киммериец оказался в самом сердце грандиозного подземного дворца.

3. Камень судьбы

Коричневокожие пленники, что вели киммерийца по тоннелям и переходам удивительного лабиринта, честно выполнили свое слово. Невиданная роскошь прекрасных покоев осталась позади: золото и горный хрусталь, огромные малахитовые глыбы, уходящие во тьму наверху витые колонны, тяжелые драпировки из мягко искрящихся, ниспадающих подобно водопадам тканей, благовонные курительницы — все подобное Конан видал и в других дворцах гиборийских владык, но только здесь каждый дюйм пола, потолка и стен был законченным произведением искусства громадной ценности и великолепия. В глазах рябило от умело подобранных самоцветов — несмотря на их число, было ясно, что сдвинь или убери хоть один — и разрушится вся великолепная картина. И по-прежнему ни одной лестницы, только пологие, шероховатые на ощупь подъемы или спуски.

А потом вся эта роскошь внезапно кончилась и в глаза Конану ударил яркий дневной свет.

Он стоял на верхнем гребне невесть откуда взявшейся котловины. Местность разительно изменилась за те несколько часов, что он провёл в подземельях коричневокожего народа. Бухта, правда, осталась на месте, и ничего не случилось с «Крылатым Драконом», однако девственные джунгли исчезли, словно их тут никогда и не было. Все склоны котловины покрывала толпа коричневокожих созданий, стоявших тесно друг к другу: неисчислимое море голов смотрело в сторону моря, где возле самой кромки воды высился громадный блистающий Камень.

Он имел высоту не менее трех человеческих ростов, столько же в ширину и не менее десятка в длину. Камень не имел определенного цвета, он полыхал мрачными черно-багровыми сполохами; время от времени на его неровной поверхности беззвучно мелькали ярко-желтые молнии. Сонмище коричневокожих, точно замороженное, следило за игрой световых пятен на необработанных боках Камня. Вершина его, однако, была выровнена, туда вела широкая деревянная лестница, а подле нее, на небольшом песчаном пятчке,

Конан увидел окруженных стражниками пиратов. Все его люди были крепко-накрепко скованы толстыми и короткими цепями, так что едва могли передвигаться; руки каждого были соединены кандалами за спиной.

На вершине самого камня стояло примерно десять или около того коричневокожих, разодетых в невероятно богатые одежды, отливавшие всеми цветами радуги. В руках каждый из них сжимал длинный изогнутый серп.

Камень окружала целая толпа бормочущих, извивающихся, жестикулирующих местных обитателей. Очевидно, это и были те шестьсот шестьдесят шесть колдунов, что творили благоприятственные заклинания; судя по всему, колдовство было в самом разгаре и заканчивать они его пока не собирались.

Приведшие киммерийца пленники молча расступились.

— Мы исполнили обещанное, чужеземец. Отпусти теперь и ты нашего — после чего судьба твоя да решится милосердием истинных богов!

Конан оттолкнул старика и тотчас же выхватил меч из ножен. Самым разумным, конечно, было бы обогнуть сейчас этот грандиозный амфитеатр, зайти в воду и незамеченным подплыть к пленникам, но... его уже заметили. Тысячи тысяч глаз уже обратились на него; однако никто не попытался напасть, напротив, коричневокожие зрители расступались, давая дорогу; спустя считанные секунды перед Конаном открылся достаточно широкий и свободный проход до самого Камня.

«Может, они хотят таким образом заставить меня самого подойти к их жертвеннику? — мелькнуло в голове киммерийца. — Но ведь чтобы сковать меня, им все равно придется сразиться — так не все ли равно, где? Или там за меня примутся их колдуны?!»

Однако выбирать не приходилось. Конан увидел, как первого из его людей потащили по приставленной к алтарю лестнице; пленник едва мог передвигать ноги и четверо стражников почти несли его на руках.

— Кром! — взревел Конан, бросаясь вниз. Ветер упруго ударил в лицо; все вернулось, все стало вновь как в прежние счастливые дни — упоение боем, жажда вражеской крови и всепобеждающая убежденность в

собственной неуязвимости. Киммериец громадными прыжками мчался вниз по крутому склону амфитеатра; никто даже не попытался воспрепятствовать ему.

Коричневые тела по сторонам мелькали, сливаясь в сплошную полосу; там же, у Камня, все оставалось по-прежнему. Никто не обратил внимания на яростный порыв киммерийца — словно все от него только этого и ждали. Точно так же извивались и корчились заклинатели, точно так же неподвижно стояла стража, не сводя бдительных взглядов со скованных пленников; группа коричневокожих на вершине Камня совершала какие-то медленные и плавные пассы руками, даже не повернув голов в сторону несущегося на них подобно дикому вепрю киммерийца.

Зато окруженные и уже почти лишившиеся надежды пираты взорвались хриплыми восторженными голосами. Их капитан, Амра, Лев, истинный вождь, вновь шел к ним на помощь; ряды людей заволновались, самые отважные пытались хотя бы плечами оттолкнуть наставивших на них копыя стражников.

— Я иду! — прогремел над замершим амфитеатром громовой возглас Конана; некогда уже было думать, почему все получилось именно так, а не иначе, и не кроется ли здесь хитроумной ловушки — самого первого из пленников уже растягивали на поверхности камня и жрецы заносили над ним длинные обсидиановые кинжалы. У Конана оставались считанные секунды.

И он успел, пролетев последние футы подобно пущенному из пращи камню. Он подумал, что охрана попытается преградить ему путь; однако стражники расступились перед ним, не выказывая никакого желания ввязываться в драку; и киммериец решил оставить их на потом, главным сейчас было спасти того несчастного, что уже попрощался с жизнью под занесенным над его горлом — но пока не опустившимся! — жертвенным ножом.

Киммериец как вихрь взлетел вверх по лестнице. Казалось, ему вновь двадцать, а не шестьдесят; и он оказался лицом к лицу с теми, кого про себя назвал «верховными жрецами». Они все разом повернулись к нему; и на их странных, не слишком-то похожих на

человеческие физиономиях появились настолько демонические, настолько жуткие усмешки наивысшего торжества, что киммерийца на миг словно бы окатило волной ледяного ужаса — если они так радуются — не попался ли Конан им на крючок?!

Однако в тот же момент он отбросил эти непрошеные мысли. Нужно было сражаться; и меч Конана пропел привычную и злую песнь атаки.

Раскрученное искусенной в битвах рукой тяжелое лезвие с размаху обрушилось на подставленный обсидиановый клинок и разнесло его вдребезги; правда, при этом отклонился и меч. Жреца же едва не опрокинуло и он еле-еле удержался на ногах; однако слева и справа на киммерийца бросились еще двое разодетых противников. Сверкнул в длинном выпаде обсидиан; сталь меча в руке Конана отразила выпад. Вновь брызнули острые обсидиановые осколки — однако киммериец уже вторично не успел нанести последний удар, поскольку пришлось отражать новый выпад. Длинные и смертоносно-острые клинки его врагов не выдерживали столкновений с отлично прокованной сталью; однако в руках жрецов, точно по волшебству, появлялись новые и новые.

Киммерийцу пришлось признать, что его противники сражались очень умело. Они нападали согласованно, никто не мешал соратнику, выпады следовали один за другим и каждый из них был смертельным. Конан, защищаясь, отступал шаг за шагом, рассчитывая оказаться возле края камня и там, уже не имея опасности из-за спины, перейти от обороны к наступлению.

Его план вполне удался. Добравшись невредимым до одного из углов Камня, киммериец почувствовал себя гораздо увереннее. Хотя дыхание уже начинало сбиваться и руки мало-помалу тяжелели, он еще мог сражаться.

И приветствовавшие каждое его движение дружным ревом пираты увидели, как Амра внезапным и ловким финтом заставил жрецов броситься, очертя голову, на казавшийся открытым бок киммерийца; и как мощное тело Льва неожиданно извернулось и тяжелый широкий меч в его руке развалил тело врага надвое, пройдясь от плеча до пояса...

— Первый! — взревел Конан, опьяняясь пролитой кровью. Сейчас, сейчас, вот еще один, глупец, как он замахивается, всем же ясно, куда ты собрался бить, смертник, ну вот, твой кинжал раздроблен, а меч уже легко скользит вдоль бесполезного каменного огрызка, оставшегося в твоей руке, и вонзается, куда и было намечено, в основание шеи...

Когда упало третье тело со снесенной напрочь головой, Конан уже не сомневался в победе. Никто не пытался помочь жрецам; что ж, быть может, это запрещено какими-нибудь местными дурацкими законами, а нам это только на руку!

Против Конана оставалось теперь лишь семеро жрецов, однако теперь они нападали явно осторожнее. Так... следующим вот этого, самого шустрого... ага, ты уже замахиваешься... ну кто же так атакует, самоубийца!!!

Совсем молодой жрец с выкаченными безумными глазами с визгом кинулся на Конана, забыв и думать о защите; клинок киммерийца пронзил смертника насквозь, однако последнее судорожное движение умирающего еще глубже насадило его собственное тело на страшный вертел в руке Конана, а коричневая кисть, сжимавшая длинный жертвенный нож, все же дотянулась до киммерийца. На горле варвара заалела длинная, но неглубокая царапина.

Она ни в малейшей степени не угрожала жизни: Конан получал их без счета и мимоходом даже подивился, стоило ли его врагу так бездарно отдавать жизнь за никчемную отметину — подумаешь, несколько капель крови!..

Несколько этих самых капель крови скатились по мощной груди Конана и, сорвавшись, упали на пылавшую по-прежнему поверхность Камня.

В тот же миг жрецы, как по команде, отскочили от киммерийца, разом упав на колени и молитвенно воздев руки. По Камню же от того места, где его коснулись алые капли, начали стремительно разбегаться ослепительно-белые круги, настолько яркие, что на них невозможно было смотреть; в сознание Конана ворвался торжествующе-исступленный вой многих и многих тысяч голосов, в котором утонули крики пиратов с «Крылатого Дракона». Все бессчетное сонмище коричнево-

кожих остроухих зрителей непонятного и кровавого спектакля выло, вопило и визжало в безумном упоении, словно наконец-то свершилось нечто, ожидаемое столь давно, что об этом уже почти все забыли...

Жрецы хором затянули что-то протяжно-заунывное, раскачиваясь, как в трансе; ничего не понимавший в происходящем киммериец уже шагнул вперед, чтобы разом покончить с этими безумцами — однако мир вокруг него в этот миг начал стремительно меняться. Дневной свет померк; со всех сторон, нарастая, надвигался низкий громовой рык, а затем Конану показалось, что земля под ослепительно-белым Камнем Судеб разверзлась и они все летят вниз, в неведомые бездны; вверх взметнулись серые каменные стены, сложенные из громадных необработанных блоков, очень напоминавшие внутренности того Храма, куда они с командой попали вчера и отыскиали скрытую под алтарем сокровищницу.

А потом внезапно грянул тяжкий, сотрясший все вокруг удар; даже Конан не смог удержаться на ногах, распластавшись на горячей поверхности Камня.

Теперь они вроде бы стояли прочно; однако оказалось, что Конан остался в полном одиночестве — и коленопреклоненные жрецы, и уже приготовленный к закланию пират исчезли. Киммерийца на краткое время окружила непроглядная тьма — а затем ее внезапно прорезали колющие лучи бледно-розового цвета. Конан невольно повернул голову — среди тьмы горела бледная светящаяся розовым арка, из-под которой одна за другой появлялись какие-то призрачные фигуры — люди, великаны, карлики, крылатые львы, чудища с головой орла и туловищем пантеры, с широкими коричневыми крыльями; громадные змеи, свившиеся в клубок, и притом ловко сжимающие петлями своего тела длинные мечи и копья с кроваво-красными пылающими наконечниками... И все они шли мимо полыхающего камня, словно мимо путеводного маяка, делая все, как один, поворот возле него и направляясь куда-то вверх...

Шествие продолжалось довольно долго: не меньше пяти десятков причудливых созданий миновало замершего киммерийца: и было не понять — видит ли он

перед собой созданий из плоти и крови, или же странных духов, а, быть может, все это ему и вовсе снится?! Камень, казалось, плавает в черном океане пустоты; лестница исчезла вместе со жрецами.

Киммериец с яростью ударил себя кулаком по колену. Чародейство! И он снова угодил в хитроумно расставленную ловушку! Проклятье, теперь-то ясно, почему эти коричневые твари беспрепятственно дали ему добраться до зачарованного камня! Ясно, почему никто не смел заступить ему путь, пока он не оказался на месте! *Им нужна была его, Конана, кровь.*

Верно, только она могла разомкнуть некую волшебную цепь, высвободить из заточения давным-давно лежавшие скованными силы... И затем — двинуть их... куда? К какой цели?

Киммериец не мог, разумеется, объяснить, каким был — в деталях — механизм свершившегося волшебства, почему именно его кровь нужна была Камню Судеб — да теперь это, в сущности, было уже совершенно неважно. Он провалился в какие-то неведомые преисподние... и все же надежда еще не покинула его.

Киммерийцы с молоком матери впитывают умение карабкаться по отвесным скалам и спускаться по гладким кручам, где даже изощренный глаз не сможет найти за что уцепиться: за годы эта способность Конана не притупилась. И, хотя пальцы лишились части их былой силы и ловкости, он без особых трудностей спустился по отвесному боку камня... и нога его провалилась в пустоту. Камень словно плавал в воздухе, поддерживаемый невидимыми колдовскими нитями; дороги с зачарованного острова не было.

Конан подобрал валявшийся на поверхности Камня небольшой осколок обсидианового клинка, швырнул его вниз — и так и не дождался звука падения. То ли пропасть внизу и вправду оказалась бездонной, то ли волшебство лишило его слух остроты; но, так или иначе, прыжок наугад в чернильную темноту мог означать быструю смерть.

И все же иного выхода у Конана не оставалось. Либо он прыгнет... либо останется ждать на этом камне — чего?

Киммерийцем овладело отчаяние. Это, как он считал, постыдное и недостойное мужчины чувство накатывало на него лишь считанные разы за всю его долгую жизнь; и никогда еще оно не было столь черным и доводящим до безумия, как в те часы. Из любой земной темницы, даже самой глубокой и тщательно охраняемой, он сумел бы выбраться; но бежать отсюда?!

— Кром, о Кром, помоги мне, — прошептал киммериец, прижимаясь пылающим лбом к холодной поверхности коварного камня. — Кром, могучий Кром, если мой черед настал — не дай мне сгинуть столь бесславной и позорной смертью!

Безумием было ждать ответа, однако киммериец внезапно приподнял голову — ему почудились легкие, негромкие шаги в окружающем мраке.

Бледно-розовые врата тем временем угасли; камень окружала сплошная завеса непроглядной темноты. Конан знал — там нет ничего, кроме Тьмы и Пустоты; однако он не мог ошибиться — кто-то быстро и уверенно шел к камню.

И потому он даже не удивился, когда на краю белоснежной глыбы появилась высокая фигура, облаченная в грубошерстяной плащ — точь-в-точь такой же, что носил в свое время подростком и сам Конан; плащ, который умели ткать только женщины горных киммерийских кланов.

Пришелец был высок, мощен телом, широкоплеч, черноус; из-под высокого шлема на плечи ниспадали прямые, черные волосы, длинные пушистые усы спускались почти до груди; а под самым обрезом стального шишака на замершего Конана смотрели ярко-синие глубоко посаженные глаза. Могучие руки сжимали толстую окованную железом рукоять боевого киммерийского топора, украшенного благородными зазубринами — памятью о бесчисленных и тяжелых схватках; на ногах надеты были простые кожаные сандалии.

— Твой призыв услышан, Конан из Киммерии, — голосом, глубоким и звучным, словно эхо в горном ущелье, пророкотал пришелец. — Твой отец, владыка племен Киммерии, кого ты именуешь Кромом, доволен самым лучшим из своих сыновей. Я послан от него к

тебе. Встань же, тебе не пристало слушать чью бы то ни было речь, валяясь на брюхе!

Конан поднялся, с трудом веря своим глазам и ушам. Перед ним стоял воин, в котором не было ничего потустороннего или призрачного; однако же от него исходила такая сила, что без боя заставила бы согнуться перед ним самых лучших земных воителей. Синие глаза смотрели требовательно и грозно; да, это был сам воинственный дух неукротимой страны, так и не покорившейся никому из многочисленных захватчиков.

— Я слушаю тебя, посланец моего повелителя!

— Ты слишком долго прожил на раболепствующем перед своими богами бессильном юге, — неодобрительно покачал головой пришелец. — Кром не повелитель ни тебе, ни мне. Он наш отец. Мы — его сыновья и наши деяния приносят ему те же радость или горе, что и дела смертных сыновей смертному отцу. Кром прислал меня к тебе с такими словами:

«Славный путь прошел ты, о Конан, и не ведал на нем поражений от вражьего оружия. И досада, и позор, и поношение выпадут мне, если потерпишь ты поражение на сей раз. И потому я, ваш отец, предлагаю тебе такой выбор — или ты останешься здесь, на чародейском камне, напоенном чарами злобных и дживых древних божество, чьи силы неясны и неподвластны мне — либо я дам тебе шанс освободить твоих людей, но взамен этого ты, одержав победу, должен будешь прийти ко мне — навсегда. Ибо давно уже готово у меня почетное, предназначенное тебе место — по правую руку от моего трона, в зале, где собираются славные мужи Киммерии, покрывшие себя славой в разные годы и в разных битвах. Согласен ли ты встретить конец, достойный мужчины?!»

— Таковы были слова нашего Отца, Конан из Киммерии. Теперь решать предстоит тебе, — закончив свою речь, странный пришелец умолк; глубокая и мертвенная тишина затопила темное иномирье. Посланец Крома молча ждал.

— Я не торгуюсь, — хрипло промолвил Конан. — Великий Кром, наш Отец, дал мне счастье умереть так, как и должно мужчине. Я принимаю его второе предложение!

— Я и не ждал другого, — в голосе посланца слышались разом и торжество, и гордость. — Я знал, что ты не бросишь своих людей. Что ж, киммериец, готовься к своему последнему бою!

— Я готов, — спокойно ответил Конан. — Но позволь же и мне спросить: ведомо ли тебе, что произошло здесь? Что вообще произошло с нами, как мы очутились здесь?

— Как вы попали в это недоброе место — мне неведомо, — ответил посланец, совсем по-человечески подкручивая ус. — Знаю лишь, что эти владения очень-очень древнего народа, иной, чем мы, люди, расы. Они поклонялись странным богам... которые ныне дремлют где-то в безвестных провалах пространств и времен. Когда-то здешние хозяева держали в рабстве лемурийцев, потом те восстали и перебили бывших хозяев. Большая часть уцелевших от мести ушла на запад — но некоторые, наиболее приверженные былой вере, остались здесь и блюдут первозданную чистоту расы. Их чародейство пока еще весьма сильно; но для того, чтобы вдохнуть новую силу в своих богов, им нужна горячая кровь жертв, а прежде всего — твоя кровь, о Конан из Киммерии. Ты отмечен особым благорасположением небожителей: если бы не ты, им не удалось бы справиться с ужасным исчадием мрака, вечноголодным Хотли. Только твоя кровь, капнувшая на камень Судеб, могла открыть дорогу в наш мир мрачным богам пленившего твоих людей народа. Ты, наверное, видел розовую арку, пока находился здесь? Это были Врата в их потайное обиталище. Ныне они широко распахнуты: сила Камня Судеб дает им возможность проникнуть в привычные нам с тобой земли. А после того, как вокруг алтаря соберутся все вышедшие из небытия старые боги — вокруг того самого небольшого жертвенника, под которым была запрятана хитроумная приманка — сокровищница и потайной ход-ловушка, боги станут сильны. Именно там — главная святыня этого народа, что происходит от расы более древней, нежели человеческая. Именно там должно совершиться жертвоприношение твоего отряда, Конан из Киммерии, после чего старые боги обретут немалые силы — и даже смогут угрожать тем, кто ныне владеет небесными

чертогами — Асуре, Митре и даже нашему Отцу, великому Крому.

— Но почему же, если моя кровь так важна для них, они не пытались попросту схватить меня и перерезать мне глотку на этом их Камне Судеб?! Они ведь не мешали мне ни в чем!

— Да, и в этом-то и скрыта главная хитрость чародейства Камня Судеб. Только в том случае смог бы он открыть Розовые Врата, если бы на него пролилась кровь Конана из Киммерии, но — взойшедшего на алтарь *добровольно*! Притащи они тебя туда связанным и выпусти после этого хоть всю твою кровь — ничего бы не случилось. Они страшно рисковали, конечно же; но пока что их расчеты оправдываются.

— Так вот оно в чем дело! — хлопнул себя по лбу киммериец. — А я-то ломал голову, отчего это они так передо мной расступаются?! Но все-таки — отчего это так: я — да и взойти добровольно?

— Сии высокие материи мне неведомы, — признался черноусый посланец. — Силы, сотворившие Камень Судеб в невообразимо далеких веках, в затерянных безднах времени, для чего-то поставили такое условие. Впрочем, так ли это важно теперь? То, что свершилось — свершилось; надо смотреть вперед, а не оглядываться назад!

— Ты прав, о посланец Крома, — ответил киммериец. — Я готов последовать за тобой. И если мне суждено пасть — что ж, постараюсь захватить с собой побольше этих коричневых бестий и их бесноватых божков!

Глаза Конана вновь горели былым бойцовским огнем; рука крепко сжимала железную рукоять меча, словно он боялся, что в последнюю минуту оружие откажется повиноваться ему, убоявшись божественной силы его противников...

— Не горячись, — остерегающе вытянул руку посланец Крома. — Бой будет нелегким. Подступы к Храму и алтарю стерегут могущественные силы, получившие свободу благодаря твоей капле крови, пролитой на Камне Судеб. В одиночку тебе с ними не справиться. Твой меч — обычный меч из выкованной человеческими руками стали. Тебе нужны надежные спутники —

так решил Кром, наш Отец. На этот день мне дарована большая власть — и я вызову из-за грани Серых Земель, из страны непобедимой смерти тех, кто сможет помочь тебе — твоих друзей, надежных и бесстрашных воинов. Соединив ваши силы, вы сможете сразиться и с обложенными в плоть, и с бестелесными противниками.

— Ты хочешь... вызвать в наш мир мертвых?! — Конану стало не по себе.

— Конечно. А почему же нет? Все они были благородными воителями; исполнив возложенное на них, они смогут оказаться в более благоприятных областях посмертия...

— А что, бывает разное? — не удержался от вопроса Конан.

— Бывает, — с самым серьезным видом кивнул головой посланец. — Но наша с тобой речь сейчас не об этом. Вспомни, кого бы ты хотел видеть сейчас рядом с собой! Сосредоточься, думай о них — этим ты поможешь мне разорвать тенеты их темниц.

Конан медленно закрыл глаза. Память услужливо воскресила перед его мысленным взором длинную галерею лиц. Здесь были и живые и мертвые. Троцero, Просперo, Паллантид, командир «черных драконов»... чернокожий великан Юма, одноглазый Ордо... отважный Бальтус с верным псом Рубакой... Но остальные... остальные... стоп, они-то почти все наверняка живы!

Только теперь киммериец внезапно понял, что ему некого позвать на помощь. Лишь двое — Троцero и Бальтус. Остальные были либо отборными негодьями, но зато мертвыми, другие — прекрасными и преданными Конану людьми — но живыми.

— Ты готов? — возвысил голос посланник Крома.

«Еще нет!» — хотелось выкрикнуть Конану; однако его губы внезапно отказались повиноваться и с них невесть отчего сорвалось: да.

Посланец молча кивнул и, прежде чем Конан успел остановить его, вскинул правую руку с зажатым в ней топором.

— Великий Кром, бог воинов и мужей, пришло время открыть наши ворота!

С лезвия топора вниз потекли бесчисленные серебристые струйки, тонкие, словно паутина. Их становилось все больше и больше, их концы уже начинали свешиваться с Камня, опускаясь вниз, в бездонный и таинственный провал.

Конану показалось, что посланец Крона выглядит несколько удивленным; похоже было, что он ожидал чего-то совершенно иного. Тем не менее, топор его поднялся вновь; полились ритмические созвучия непонятных заклинаний.

Конан не понимал ни слова в странной речи, однако в сознании независимо от его собственной воли стали возникать причудливые видения: смутные фигуры в роскошных доспехах поднимались с разубранных лож, отбрасывая в сторону окутывавшие их серо-жемчужные покровы. Мускулистые руки тянулись к сложенному возле изголовий узорчатому оружию; надевались высокие, украшенные пышными плюмажами шлемы. Однако лица их оставались скрыты густыми тенями.

Глаза Конана открылись точно сами собой. Видения исчезли без следа; а в окружавшей Камень Судеб тьме вновь возникли ворота, только на сей раз не бледно-розовые, а ярко-алые, словно только что пролитая кровь. Дорожка из багряных плит протянулась прямо от распахнутых среди мрака ворот до края Камня; и по ней одна за другой двигались бледные, закутанные в плащи из серого сумрака тени.

— Что это?! — вдруг услышал киммериец потрясенный шепот посланца.

Невольно Конан поднял голову и вгляделся попристальнее; и тут он увидел, что по призрачной дорожке к нему неспешно шествуют женщины. Его женщины. Каждую из них он знал; с каждой были связаны до сих пор бережущие душу воспоминания. Но, во имя Крома, откуда они взялись здесь?!

Впереди всех грациозным, полным истинно королевского достоинства шагом шла великолепная Белит, Королева Черного Побережья, как ее называли порой среди бархарских пиратов. За ней — полногрудая, рыжеволосая Карела. Рыжий Ястреб кезанкийских степей. Следом — Испарана Замбулийская, гордо несшая потрясающую гриву иссиня-черных волос. Четвертой бы-

ла Раина, Раина Смертоносная, столь же опасная в бою, сколь и неотразимая. И, наконец, шествие замыкала Валерия, погибшая от ядовитой стрелы Тулса Дуума.

— Кром! — прошептал Конан. Никогда, даже в самом страшном сне, не мог он представить себе, что случится, если эти пятеро соберутся вместе! С разных краев хайборийских земель они мелькнули стремительными искрами в жизни Конана — и кто погиб, как Белит, кто исчез; больше он никогда не слышал ничего о них.

Значит, все они мертвы... и, судя по их виду, они погибли молодыми. Белит и Валерия расстались с жизнью на руках у Конана; о судьбе же остальных он не знал.

Фигуры приближались. Женщины шли, словно сомнамбулы, ничего не замечая вокруг себя; тела их были полупрозрачны, однако с каждым шагом эта призрачность становилась все менее и менее заметной; шествующие духи на глазах одевались плотью. Каждая из появившихся одета была по-своему: на Белит лишь узкая набедренная повязка, в руке — длинный изогнутый меч; рыжая Карела, напротив, была облечена в полный доспех — кольчуга, шлем, поручни, поножи и верная кривая сабля, памятная Конану еще по походу к замку Аманара. Испарана, казалось, только что сошла с пиршественного ложа — на ней были роскошные, шитые золотом и жемчугом просторные темно-малиновые одежды; однако руки сжимали верный симитар. Раина, сероглазая, в коричневой простой тунике из тонкой шерсти, на первый взгляд казалась безоружной, но Конан хорошо помнил ее скрытые смертоносные кинжалы.

Последней шла Валерия, и она была попросту нага; в опущенной правой руке висела короткая и шипастая боевая цепь — оружие, которого он раньше у нее никогда не видел.

— Что это, во имя Крома! — с гневным удивлением воскликнул вдруг посланец. Он с недоумением глядел на странную процессию; вид у него был при этом крайне растерянный. — Что случилось, хотел бы я знать?

— Пошло не так, как надо? — осведомился Конан; он уже взирал на процессию с видом приговоренного к смерти фаталиста, смирившегося со своей судьбой. С таким отрядом много не навоюешь.

— Не так, не так, клянусь Рукой Эрлика! — брови посланца гневно сошлись. — Не тех, вовсе не тех вызывали мои заклятия; и совершенно не подобной должна была явиться к тебе помощь! Ты знаешь их, Конан?

— Знаю, — кивнул головой киммериец, скрещивая руки на груди. — Я любил их всех... в разные годы и в разных странах. Они никогда не знали друг о друге. Они никогда не встречались. И я не знаю, что станет с ними теперь, когда они все сойдутся лицом к лицу!

Внешне Конан казался совершенно спокойным, однако из мужчин может сохранить подобное спокойствие, увидав идущей навстречу свою первую любовь, женщину, чьи огненные ласки он не смог забыть до конца своих дней, он, обнимавший после нее десятки и сотни красавиц? Ведь это была Белит! А разве хуже нее Карела, отчаянный Рыжий Ястреб, готовая убить и его и себя, лишь бы он не достался сопернице? Или Испарана? Или Раина? Или Валерия, с которой Конан вдвоем укрывался на скале от своры троллей?

Сердце Конана билось часто и сильно, едва не выпрыгивая из груди; и с невольной горечью он подумал о собственной седине, так не вяжущейся с роскошными кудрями его воскресших былых возлюбленных.

— Но я же звал совсем не их! — продолжал упрямо повторять посланец Крома. — Откуда они здесь взялись? Чье это злое чародейство, помоги мне Кром?!

Белит первой дошла до края Камня Судеб. И, верно, в тот же момент у нее открылись глаза или с них спала некая пелена — она увидела Конана.

— Всемогущие боги, это ты! — прошептала она, глядя на киммерийца в упор постепенно расширяющимися глазами. — Что с нами случилось? Где мы?..

— Клянусь грудями Дэркетто! — слышался возглас Карелы, прежде чем Конан успел ответить Белит, — Конан!

Белит обернулась стремительно, точно пантера, слышавшая шорох оленя в чаще.

— А это что еще такое? — прошипела она и голос ее не предвещал Рыжему Ястребу ничего хорошего. — Что это тебе от него потребовалось?!

Карела тотчас же показала когти.

— Ах ты, драная помоечная кошка, не вздумай тянуть к нему свои грязные лапы! — взвизгнула она, без долгих колебаний хватаясь за меч. — Защищайся, не то я сейчас малость подпорчу твое драгоценное личико!

Белит не успела ответить; Испарана, Раина и Валерия тоже оказались на Камне; раздался целый хор охов, ахов, вздохов и восклицаний.

— Конан! Конан! Конан! — несло на разные лады со всех сторон. Казалось, что посланца Крома вообще никто не заметил.

— Тихо все! — внезапно взревел тот, высоко вскидывая свой боевой топор. — Во имя могучего Крома, посланного меня сюда — что все это значит?! Вы, вышедшие из Серых Стран Смерти — как смогли вы оказаться здесь?! Мои заклятия призывали совсем не вас — и, вдобавок, не облеченных в тела!

— Тебе что, не нравится та плоть, в которую я, как ты выразился, облечена? — гордо подбоченясь, с презрением бросила посланцу бога Белит.

Сейчас она и вправду была чудо как хороша. Каждый изгиб ее молодого тела дышал силой и неистовой чувственностью. Кончики высоко поднятых упругих грудей были направлены на посланца, словно острия копий; крутое бедро соблазнительно выгнуто, полные губы полуоткрыты и чуть высунутый язычок медленно прохаживается то вправо, то влево, лишний раз облизывая ослепительно белые зеркальца безупречных зубов. Она вроде бы позабыла даже о ссоре с Карелой.

И тут оказалось, что и посланцы богов, давно ушедшие из мира смертных в высокие подзвездные чертоги, несмотря ни на что, сохраняют память о своем земном бытии. Бледные щеки посланца залила густая краска, словно был он робким пятнадцатилетним юношей, впервые оказавшимся у постели многоопытной куртизанки...

Остальные женщины на мгновение затихли, напряженно наблюдая за этим словесным поединком.

— Никто и не говорит, что тело твое плохо, о добыча Серой страны, — жестче, чем следовало бы, отрезал посланец, словно устыдившись своего смущения и теперь пытаясь скрыть его за показной грубостью. — Суть в том, что вы не сможете помочь киммерийцу Конану в день его последнего боя так, как смогли бы те, кого я вызывал вместо вас!

— Это кто ж такие? — насмешливо поинтересовалась Испарана.

— Его друзья, — ответил посланец. — Его друзья, ныне волею могучего Крома ставшие духами и могущие теперь сразиться не только с противниками из плоти и крови, но и с бестелесными!

— Мы справимся не хуже! — вспыхнула Карела.

— Что нам теперь какие-то демоны! — вторила ей Валерия.

— Мы мертвы — так чего нам бояться? — подала голос и молчавшая Раина.

— Я могу сражаться куда лучше каких-то там духов! — гордо бросила Испарана. — И, хотя этот обманщик и похотливый воришка не заслуживает моей благосклонности...

— Как ты, тварь, назвала его?! — разом вскричали все остальные женщины, явно намереваясь вцепиться Испаране в волосы.

— Как же мне называть его? Он был моим любовником!

— Но и моим! И моим тоже! — раздалось со всех сторон.

После этого речи вернувшихся из небытия подруг Конана стали окончательно неразборчивы для мужского уха. Все потонуло в негодующих воплях, взвизгиваниях и взаимных оскорблениях. Выглядело это так, словно все они уже не один год знали друг друга и киммериец изменял каждой из них с другими, причем на глазах у остальных. Они оказались подозрительно хорошо осведомлены обо всех обстоятельствах знакомства Конана с каждой из них; однако каждая полагала, что при всем при этом киммериец близок был только с ней одной...

— Да тихо вы, наконец! — прикрикнул Конан на свой необыкновенный отряд. — Неужто вы не понимаете, что случилось?! Вы же вышли из врат самой Смерти! Разве не ясна вам воля Богов? Мы должны сразиться с тварями из неведомых преисподних, помоги нам в этом Кром! Тогда мои люди останутся целы и смогут ушлыть — я правильно понял твои условия? — повернулся к посланцу Конан.

— Воистину правильно, — ответил тот с легким поклоном. — Все доверившиеся тебе будут спасены и — наш Отец поклялся в этом! — смогут отыскать дорогу домой. Что же до вас, — обратился он к чуть присмирившим женщинам, — то, верно, я могу предложить вам то же, что и тем духам, что должны были явиться на мой зов — возвращение обратно на землю. Возвращение не бесплотными тенями, но живыми, воскресшими, облеченными в плоть! Думаю, вы не станете отказываться?!

— Нет! — единодушно воскликнули воительницы. Это «нет» звучало более чем убедительно.

— Тогда — следуйте за мной! Нам предстоит нелегкое дело; я смогу помочь вам, но лишь советом. Таковы ограничения, наложенные на меня нашим Отцом.

— Хороший совет в нужный момент — тоже немало, — проворчала Испарана.

— Ладно, идем, — командовала Белит, и остальные тотчас же оцетинились.

— Что это ты здесь распоряжаешься?! Здесь тебе не твоя пиратская лохань! Если ты навела чары на Конана и ухитрилась переспать с ним, это еще не значит... — раздалось со всех сторон.

Белит зашипела, словно рассерженная кошка; ее острые коготки уже потянулись к щеке Испараны; лишь звонкий удар боевого топора о камень остановил ссору. Удар этот прогремел, словно могучий боевой колокол; камень отозвался долгим и переливчатым звуком, тьму на миг озарила серебристая вспышка.

— Если будете браниться — отправитесь обратно в Серые Области, и второго шанса выбраться оттуда у вас уже не будет! — прогремел посланец. — Вы сможете

победить, только действуя заодно, как пальцы одной руки! Понятно?!

Воительницы обменялись разъяренными взорами, однако спорить с посланцем Крома не стали — все же чуть-чуть присмирели.

— Ты поведешь нас? — Конан поудобнее перехватил меч.

— Да. Почти до самой двери Жертвенного Чертога. Дальше мне дороги нет, вам придется пробиваться самим. Ну, все, больше времени на разговоры у нас не осталось. Идем!

Посланец Крома уверенно и бестрепетно шагнул с края Камня Судеб прямо в непроглядную черноту; под его ногами тотчас же вспыхнуло нечто вроде серебристой дорожки, плавно перешедшей в ведущую наверх лестницу.

— Тебе идти впереди, — посторонился посланец, пропуская киммерийца.

За место поближе к спине Конана среди воительниц сразу же разгорелся спор; рукопашную удалось остановить только в самый последний момент.

Ступени, ступени, ступени... Десятки, сотни, тысячи. Подъем казался бесконечным; когда-то железные мышцы ног киммерийца начали сдавать.

А потом впереди как-то неожиданно вдруг забрезжил слабый свет; и Конан услышал голос посланца:

— Мы в подземельях храма. Впереди уже повсюду на постах слуги изгнанных богов; готовьтесь к бою!

Киммериец обвел взором свой небольшой отряд. Белит пренебрежительно улыбалась, поигрывая своим длинным изогнутым мечом; Карела, похоже, даже не думала о предстоящей схватке — она лишь метала на предводительницу корсаров испепеляющие взоры да тискала эфес своего клинка. Раина и Испарана, как самые опытные, были серьезны; Валерия же, похоже, до сих пор не верила в то, что все это происходит на самом деле.

— Где они стоят? Какое там оружие? Как они сражаются? — быстро и отрывисто по давней королевской привычке спросил киммериец; он вновь чувствовал себя в роскошном шатре повелителя Аквилонии, расставляющим полки для завтрашнего жаркого боя; и, хотя все

его воинство состояло лишь из пяти женщин, это ничего не меняло.

— Первыми вам встретятся не самые сильные, — прозвучал ответ. — Хотя вид у них и грозный, и мечи растут прямо из плоти — они так же не любят стали ваших клинков, — он сделал кивок в сторону спутниц Конана, — как и смертные противники. А вот твой клинок, брат Конан, тут вряд ли поможет. Тебе придется голыми руками выломать один из вражеских мечей из кости какого-нибудь демона, прежде чем ты сможешь на равных биться с ними.

Киммериец со злостью сплюнул.

— Хочешь, возьми мой меч, — тотчас же подскочила Карела.

— Да нужен ему твой ржавый огрызок! — тотчас же вскинулась Белит.

— Хватит! — рявкнул киммериец. — Не буду я ни у кого ничего брать. Ничего, как-нибудь да выломаем. Они в чешуе, эти демоны, или как?

— Нет, без нее, — ответил посланец Крома. — Шкура у них не слишком жесткая, но вот силища... — он сокрушенно покачал головой. — Дело опасное, но иного выхода нет.

— Раз нет, значит, идем дальше, — пожал плечами Конан.

И они пошли. Прямо по серебристой лестнице, к светлому размытому пятну впереди; они шли, и Конан всем своим существом ощущал, как скапливается там, наверху, куда им предстояло пробиться силой, густая, подсердечная ненависть: неведомые враги явно чуяли их приближение.

— Приготовьтесь! — шепнул им посланец Крома, когда маленький отряд оказался подле самого размытого пятна света. Оно было очень странным, это пятно: посреди океана вечной тьмы дрожал и колебался, словно под неощутимым для смертных ветерком, тонкий светло-охристый лист — словно опавший с громадной липы, сотканный из сотен и сотен тысяч стеклянных, наполненных светом нитей. Причудливое, удивительное зрелище; но разглядывать его было некогда. Осторожно приблизившись, киммериец сжался в комок, поднял меч перед собой для защиты и, выставив плечо, словно

намереваясь вышибить незримую преграду, бросился вперед.

Яркий слепящий свет хлынул со всех сторон, настолько яркий и настолько слепящий, что казался обжигающим. Несколько мгновений Конан ничего не видел вокруг себя и лишь по внезапно накотившейся откуда-то справа волне нестерпимой вони смог определить, откуда последует первая атака.

Глаза киммерийца еще не успели привыкнуть к непереносимому свету, а руки уже действовали: клинок описал защитный полукруг. Что-то со звоном столкнулось с мечом Конана и, судя по всему, было отброшено в сторону.

Только теперь он смог разжать плотно сомкнувшиеся веки.

Это походило скорее на колоссальный, оторванный от остальной плоти мира объем пространства: та же пещера, только вместо каменных сводов — куда более могучие и непреодолимые преграды. Там, наверху, клубились розовато-жемчужные облака; яркий же свет исходил из ослепительно-белых раскаленных шаров, свободно паривших тут и там. Под ногами, однако, оказались самые обычные каменные плиты — точь-в-точь такие же, как и в том храме забытого бога, где стоял небольшой каменный алтарь со следами жертвоприношений на гладкой поверхности...

Теперь Конан видел своего врага. Существо состояло, казалось, из одной только пары длиннейших многосуставчатых рук: на них вместо пальцев росли блестящие и длинные прямые клинки. Тело же являло собой комок зеленоватого мяса с тремя выкаченными красноватыми глазами на макушке; ростом это создание приходилось Конану лишь по пояс, зато руки поднимались над головой киммерийца на добрые три фута. Ног твари Конан разглядеть не смог.

На мгновение ему пришло в голову, что здешние окрестности что-то уж слишком сильно похожи на памятную игровую доску Богов, явленную ему в странном видении; однако в тот же момент противник Конана начал атаку и киммериец позабыл обо всем, кроме свиста и блеска клинков.

Непросто было отразить стремительный веер начищенной стали; меч Конана весь покрылся глубокими зазубринами, принимая на себя страшные удары, но все-таки выдержал. Улучив мгновение, киммериец ответил одним стремительным выпадом, лезвие его клинка распороло зеленую плоть чуть выше мечепальцевой кисти — однако противник даже не дернулся. На месте раны вспенилась дурно пахнущая алая пена... и спустя мгновение там виднелся лишь небольшой темно-зеленый рубец. Как и говорил посланник Крома, выкованная человеческими руками сталь была бессильна против пришедшего из неведомых глубин демона.

И все же он, демон, потерял несколько секунд, пока затягивал свою рану. В эти секунды его натиск все же несколько ослабел, чем и не преминул воспользоваться Конан.

Отбросив меч, киммериец с ревом бросился вперед, проскользнул под рухнувшими сверху растопыренными железными пальцами твари и, что есть мочи ударив ногой по левой лапе чудовища, обеими руками вцепился в кисть правой, что было сил выворачивая и выламывая сустав. Конан страшно рисковал; его защищали хорошие доспехи, но чудовище было наделено поистине страшной силой — его удар, даже не пробив кольчугу, наверняка переломал бы киммерийцу кости.

Однако удара не последовало. Растопыренные пальцы-клинки лишь косо скользнули по кольчатой рубаше Конана; красноватые глаза страшилища вылезли из орбит от боли — а спустя миг, поддаваясь сверхчеловеческому усилию Конана, сустав в твари стал медленно выворачиваться.

Натянулась и лопнула зеленоватая рыхлая кожа, не выдержав напряжения; что-то затрещало, жутковато захрустело, начали рваться мышечные волокна — а затем с коротким мокрым звуком, словно что-то влажное и мягкое со всего размаха швырнули о стенку, один из пальцев-мечей чудовища вырвался из сустава.

И в тот же миг тварь нанесла ответный удар — как будто терзавшая и парализовавшая ее боль тотчас исчезла. Она ударила изо всех сил целой, здоровой пятерней, всеми нацеленными в спину киммерийца мечами, и все, что мог сделать Конан, это лишь чуть

сдвинуться в сторону, уповая на помощь Крома да на свою удачу...

Но жестокий бог жесткой Киммерии редко снисходил до помощи кому-либо из своих сыновей; скорее киммерийцу просто повезло. Клинки демона заскрежатали, разрезая кольца железной рубашки, однако на теле киммерийца остались, по счастью, лишь не слишком глубокие порезы. Сила этого удара швырнула Конана на каменный пол и он едва успел, перекатившись через плечо, избежать еще одного удара, обрушившегося сверху.

Киммериец забыл обо всем, он не видел ворвавшихся следом за ним в зал его воительниц, не видел начавшейся жаркой схватки — он смотрел только на своего врага. Он должен был убить тварь своими собственными руками! Он не имел права ни на чью помощь, он, убивавший в своей жизни и людей, и демонов, и даже кое-кого из Богов...

Пусть бешено бьется сердце, с явной натугой гоня кровь по жилам; пусть не хватает воздуха, а грудь словно бы стягивают железные обручи удушья; пусть взоры затянуты багровым — но руки еще могут держать странный клинок, у которого вместо эфеса обломанная кость, окровавленная, с обрывками мяса и сухожилий — и значит, мы будем драться.

Коротко свистнув, серый меч наискось полоснул по незащищенной плоти чудовища; пузырясь и пенясь, на свободу с шипением вырвалась странная темно-зеленая кровь. Демон неожиданно тонко взвизгнул от боли, однако и не подумал отступить; искалеченная лапа чудовища бессильно повисла, но другой он орудовал вовсю, и Конану даже пришлось отступить на несколько шагов, кое-как отбиваясь неудобным, лишенным и намека на баланс мечом с осклизлой костью вместо рукояти.

И все же демон мало-помалу начинал слабеть. Он еще напирал, еще шел вперед — но оставляемая им полоса зеленой слизи становилась все шире. Киммериец отошел еще чуть назад и тут уже встал крепко.

Пять клинков плели ослепительную паутину у самого лица Конана. Требовалось все умение киммерийца, весь его звериный инстинкт боя и вся ненависть,

чтобы выдержать эту атаку. Сталь звенела о сталь; на клинках одна за другой появлялись зазубрины. Наконец Конану удалось быстрым ударом отвести в сторону железную пятерню врага — и его собственный меч напрочь отсек искалеченную лапу; а затем киммериец, упав на одно колено, в длинном выпаде выбросил вперед правую руку, и темно-серое лезвие снесло макушку твари вместе с ее тремя глазами.

Испуская пузырящиеся струи зеленоватой крови, страшилище распростерлось на камнях; бессильные клинки-когти звучно ударились об пол.

Однако у Конана не было времени гордиться этой победой или хотя бы просто рассмотреть как следует свой необычный трофей. Вокруг кипел бой и киммериец мог бы поклясться, что это был один из самых невероятных боев, в котором ему довелось сражаться.

Слева и справа от него Белит, Карела, Ралина и Испарана звучно рубились с точно такими же демонами, как и только что сраженный Конаном. Валерия уже прикончила своего и теперь хладнокровно вытирала клинок, по самую рукоять покрытый отвратительной зеленой слизью.

— Пошли, поможем, — выдохнул Конан, обращаясь к ней.

— Этим шлюхам? — Валерия презрительно наморщила лоб. — Вот уж нет...

— Ну что за неразумная женщина! — гневно воскликнул державшийся в самом тылу посланец Крома. — Разве я не говорил тебе — мы победим, только если...

— Вот и иди помогай, что за моей-то спиной отсиживаешься, сказочками красивыми прикрываешься, кот усатый? — невозмутимо отпаривовала пиратка.

Конан, конечно, не оставил бы это так просто, но тут клинок одного из демонов задел плечо Карелы и та застонала, пошатнувшись и зажимая покрывшееся кровью плечо. Киммериец рванулся на выручку бездумно, не рассуждая — и только потом сообразил, что неведомые Боги и впрямь облекли его бывших подруг самой настоящей плотью...

Железные пальцы противника Карелы со всего размаха врезались в каменную плиту, высекая снопы искр. Рыжий Ястреб успела перекатиться через здоро-

вое плечо; а в следующий миг удар Конана перерубил одну из лап чудовища; корчась и подергиваясь, отсеченный обрубок задержался на полу, точно раздавленный скорпион.

А спустя еще мгновение что-то внезапно лязгнуло уже над самым ухом киммерийца, слева от него; это меч Валерии отразил быструю атаку другого демона, отбросившего на несколько футов от себя Белит...

Тем временем Ражина тоже покончила со своим противником — и, вместо того, чтобы помочь Испаране или Белит, тотчас же кинулась прикрывать Конана справа, так что киммериец теперь оказался окружен со всех сторон надежной стражей: каждая из его подруг, похоже, решила во что бы то ни стало держаться поближе к предмету своих воздыханий, цинично предоставив менее удачливым спутницам самим разбираться с врагом.

— Проклятье, вы будете сражаться или нет?! — загремел киммериец. — Раина, возьми этого! Валерия — левого! Надо покончить с ними, иначе мы опоздаем, проклятье на ваши головы!

Это возымело действие. Вдвоем Валерия и Белит довольно быстро разделались со своим демоном, попросту поотрубав ему лапы и потом хладнокровно добив; Испарана и Раина напали на противостоявшего им с двух сторон, и два кинжала бывшей телохранительницы волшебницы Иллианы вонзились в глаза чудовищу, после чего то в корчах забилося на полу и тотчас было приколото хладнокровной замбулией...

Бой был выигран. Четыре демона полегло; два бежали, и жемчужно-розовый туман быстро поглотил их.

Женщины сбились в кучу вокруг киммерийца. Все тяжело дышали, почти у каждой появились мелкие, неглубокие порезы и царапины; более серьезно ранена была Карела, однако, зажимая рану ладонью, она категорически отказалась остаться в задних рядах. Помог и посланец Крома. Со словами: «Ну, это-то мне не запрещено!», он проделал несколько пассов ладонями, поколдовал над окровавленным плечом — и Рыжий Ястреб вновь смогла двигать рукой. Хотя резаная рана имела весьма и весьма зловещий вид, Кареле она больше не мешала. Правда, посланец после этого стал

как будто бы чуть бледнее и вроде бы даже прозрачнее, но Конан в тот момент не придавал этому значения.

Маленький отряд вновь двинулся куда-то в неизвестность сквозь странный розовый туман; посланец Крома указывал направление. Конан же, когда схлынула горячка боя, все больше и больше убеждался в том, что это место как две капли воды смахивает на то, что он видел в видении, где забавлялись непонятной игрой странные, Нездеишние Боги...

— Первый барьер мы одолели, — сообщил их провожатый. — Теперь — лестница наверх, точнее — пандус. Дальше уже сложнее...

— А почему пандус, а не ступени? — перебил его Конан.

— Да потому что змеям так удобнее ползать, — с некоторым удивлением ответил посланец. — Разве ты не знаешь? Тут ведь правят змеи...

— Это что еще такое? — изумился Конан. — Люди-змеи? Так ведь мы вроде бы покончили с ними с Замке Черепа...

— С теми, кто ушел из родных мест, спасаясь от мести короля Кулла, положившего начало освобождению людского рода от тирании этих тварей — да. А это те, кто никогда никуда не уходил. Тонули и воздвигались континенты, сменяли друг друга дочеловеческие расы, а они ухитрялись выживать, правда, с годами все больше и больше утрачивая сходство с людьми... Впрочем, обо всем этом мы поговорим позже, а сейчас внимание — вон, впереди — вход на пандус!

— А что там? — осведомилась Испарана.

— Там? Твари несколько посильнее и похитрее тех, с которыми вы справились. Уже не демоны, но еще и не сами Забытые Боги. Их ближайшие подручные. Если слошим их — то окажемся у алтаря. Перевидаемся с самими Богами...

— Ты-то сзади останешься, а «перевидываться»-то нам придется! — буркнула Карела. — И чем они сражаются?

— Да обычно они молнии предпочитают, — в тон ей ответил посланец. — Зазеваешься — спялят со всеми потрохами.

— Ну а хоть на что они похожи? — не унималась Рыжий Ястреб.

— Боги имеют тот вид, какой им благоугодно будет принять, — с некоторой торжественностью объявил посланец Крома. — Я не знаю заранее, в каком они являются обличи.

— Очень мило! — фыркнула Карела.

Она явно собиралась отпустить какую-то колкость, но тут они добрались до входа на пандус, и Конан поднял руку, призывая к молчанию.

Маленький отряд остановился. Перед ним раскрылась высокая арка входа; широкий проход залит был приятным молочно-белым светом. Где-то под потолком неспешно перетекали, свиваясь и вновь развиваясь, смутные зеленые нити причудливых, неведом кем отбрасываемых теней. Путь был открыт; но киммериец отчего-то медлил, не спеша двигаться дальше. Обострившиеся чувства, древние и тайные таланты его племени, подсказывали, что впереди затаился невидимый пока враг, который, однако, уже давно сумел учуять их самих и теперь предвкушал сытную трапезу.

А потом Конану на миг показалось, что в волнах легкого, почти прозрачного тумана он видит громадное игровое поле богов и чью-то исполинскую руку, неспешно перемещающую с места на место темные, неразличимые в деталях фигурки... но видение это длилось секунду, не более. Киммериец встряхнул головой, отгоняя нахлынувшее оцепенение — и шагнул вперед, знаком приказав остальным стоять, где стояли.

— Я выманю его на себя, — бросил киммериец, не оборачиваясь. Белит и Карела дернулись было последовать за ним, и воительниц заставили остаться на месте лишь жесткие пальцы посланца Крома, ухватившие их за локти.

Конан медленно крался вдоль плавно уходящего вверх тоннеля. Гладкий пол постепенно повышался; стены по-прежнему скрывал туман, это все меньше и меньше нравилось киммерийцу. Стены как будто бы расходились все дальше, широкий проход превращался в бесконечный зал — а опасность, сперва таившаяся где-то впереди, теперь ощущалась вроде бы по правую руку; мышцы Конана непроизвольно напряглись, гото-

вые в любой момент сорвать тело с места одним решительным броском — и это спасло ему жизнь.

Зверь прыгнул внезапно. Призрачную завесу тумана разорвало мощное львиное тело с гордой орлиной головой и широкими, лоснящимися крыльями. Грифон пронесся над головой киммерийца и мягко опустился на все четыре лапы у него за спиной. Киммериец уже замахнулся было своим необычным мечом, выломанным из лапы поверженного демона, но тут золотистый зверь обратился к нему на чистом хайборийском языке; в алых глазах плясали бесчисленные, крохотные оранжевые искорки.

— Прими мой совет, брат, — поворачивай обратно. Не связывайся с этой безумной игрой; если хочешь, попытаемся вырваться из нее вместе. Я ведь тоже пленник, как и ты. Спорить с Богами бессмысленно; но, чем дольше ты выполняешь их волю, тем труднее отвергнуть их следующее приказание. Я пытаюсь.

Грифон чуть склонил на бок гордую голову, пристально глядя на киммерийца не по-звериному разумными глазами.

— О какой игре ты говоришь? — вырвалось у Конана.

— Как? Ты, Смертный, участвуешь в великой Игре и даже не подозреваешь о ее существовании? — искренне удивился грифон. — Впрочем, что я, ведь вы, Люди, все поголовно такие. Увы, у нас нет времени, а то я мог бы многое порассказать тебе. Лучше бы тебе поверить мне на слово. Итак?

— Там, на жертвеннике — мои люди, — ткнул пальцем вперед Конан. — Я не оставляю их.

— Это западня, — быстро ответил грифон. — Когда ты шел сюда — разве ты не ощущал опасности? Ты решил, что угроза исходит от меня; но это не так. Твои люди — это просто приманка, на которую пытаются поймать тебя, именно тебя и никого другого. Высоким Богам прекрасно известно о твоих приключениях, в том числе и о последнем, на островах, называемых тобою Антилией. Они не стали утруждать себя новыми выдумками, попросту взяли тот же самый случай... — внезапно он осекся. — Все, время вышло! Решай, ты со мной, или?..

— Я иду за своими, — медленно ответил киммериец, чувствуя, что это говорящее, точно ритор, чудовищное в чем-то право. — Но, быть может, ты присоединишься ко мне?

— Я? — удивился грифон. — К тебе?

Судя по всему, эта несложная мысль не приходила ему в голову; однако обдумать ее как следует он уже не успел. Жемчужный туман, доселе мирно стлавшийся по стенам, внезапно ринулся на грифона со всех сторон. Мгновенно свившиеся серые пушистые веревки оплели огромные крылья; тугие петли стянули мощные лапы со смертоносными когтями. Из горла существа вырвался сдавленный, предсмертный хрип; и прежде, чем Конан подоспел ему на помощь, бьющийся в путах грифон оказался поглощен разошедшимися на миг и вновь сомкнувшимися над ним каменными плитами. Спустя мгновение уже ничто не напоминало о разыгравшейся только что сцене.

Конан невольно потянулся утереть пот со лба — и очнулся лишь когда ладонь вместо разгоряченной кожи коснулась тепловатой стали высокого шлема.

Опасности он больше не чувствовал. То, что таилось у него на пути, скрылось куда-то, верно, спугнутое грифоном; не было смысла торчать и топтаться на одном месте, и Конан скомандовал своему отряду двигаться дальше.

— Что здесь было? Кто с тобой говорил? — разом накинудись на него все пятеро воительниц, перебивая и отталкивая одна другую.

— Встретил одного старого приятеля, — отвечал на все расспросы Конан; и не открыл правды даже посланцу Крома.

Наклонный ход закончился. Пол вновь стал ровным; маленькая кучка людей, двое мужчин и пятеро женщин, стояли спина к спине среди необозримых равнин, залитых однообразным жемчужно-серым туманом. Киммериец косился на мглу с некоторым подозрением — потому что знал, на что она способна, если только получает соответствующий приказ. Однако пока все оставалось спокойно.

Посланец Крома уверенно повел их куда-то вперед; под ногами по-прежнему лежал шероховатый камень. Судя по всему, они и впрямь брели сейчас какими-то здешними путями, волшебным образом оказавшись в подземельях старого храма дочеловеческой расы. Игра была в самом разгаре.

Посланец Крома вел отряд, в то время как Конан, понадеявшись на многолетний опыт, чуть расслабился, доверяясь чутью и напряженно обдумывая происшествие с грифоном. Если за ним следят все время — то почему они дали зверю вообще заговорить с киммерийцем и, как ни крути, все же сказать достаточно много?

А что, если этот грифон сам был подослан и все, развернувшееся на глазах у киммерийца — не более чем искусное лицедейство?..

— Мы пришли, — вдруг шепнул Конану посланец Крома, и киммериец тотчас же поудобнее перехватил импровизированный меч.

Неведомые поля кончались. Впереди из жемчужного сверкания, из колышавшихся волн серебристой мглы, перевитой пурпурными нитями, проступили контуры самой обыкновенной каменной стены, сложенной из темных, почти черных базальтовых плит. Прямо перед Конаном зиял провал распахнутых настежь ворот.

Оттуда, из темного нутра, на Конана пахнуло чьим-то тяжелым, жарким и смрадным дыханием. Там копилась беспощадная, нечеловеческая ненависть, для описания которой в хайборийском языке не находилось слов; там предвкушали ужасное пиршество; оттуда доносились отчаянные крики.

Кричал человек, и кричал он от жуткой, непереносимой боли, настолько сильной, что она сломила даже знаменитые пиратские стойкость, гордость и признание к палачам.

«Это же пытаются моих! — полыхнуло в сознании киммерийца. — Моих людей, а я толкусь здесь, как последний баран!»

И, точно пущенный из пращи камень, Конан ринулся вперед, с яростным боевым кличем Киммерии на устах.

Черные ворота оказались входом в еще один наклонный тоннель, широкий и короткий. Конан преодолел его в два прыжка; за ним следовали Белит, Испарана и остальные. Посланец Крома вновь, как и в первый раз, замыкал процессию.

Тоннель вывел их в знакомый уже алтарный покой храма. Отсюда отряд Конана пустился в роковой путь по подземному ходу-ловушке; и вновь у жертвенника киммериец увидел десятка полтора коричневокожих жрецов в роскошных и сумрачных одеяниях цвета запекшейся крови. Связанные, возле жертвенника стояли пираты; и первого из них уже растянули на гладком камне алтаря.

Однако знакомой оказалась лишь малая часть открывшегося перед Конаном и его спутниками зрелища. Дальняя стена здания исчезла; там разверзся грандиозный провал, заполненный хорошо уже знакомой жемчужной дымкой, где плавали смутные, уродливые тени — из числа тех, что шли мимо киммерийца торжественным маршем, пока он грыз костяшки кулаков в бессильной ярости, плененный на Камне Судеб.

И на сей раз к обреченной жертве на камне алтаря тянулись не какие-то там жалкие ножики из вулканического стрелка — время от времени твари в бездне раскрывали пасти, вываливая длиннющие, бесконечные языки; их оранжевые кончики то и дело касались тела несчастного, заставляя того корчиться и рвать горло жуткими криками. Все немалое пространство между алтарем и бездной было заполнено толпой коричневокожих, а под потолком храма вились, словно чудовищные летучие вампиры, другие создания, родные братья расположившихся в пропасти любителей чело-вечины.

Только теперь Конан осознал, что в храме играет музыка — низкая, басовитая, полная рычащих, угрожающих созвучий, от которой начинало ломить в висках. Музыкантов нигде не было и Конан уже потом сообразил, что роль оркестра исполняли тяжело взмахивавшие огромными крыльями создания, кружившие над жертвенником, похожие одновременно на змею и

на летучую мышь, с разноцветными полусферическими глазами: в лапах они сжимали причудливые деревянные инструменты, в которые без устали дули.

На сей раз никто не собирался покорно расступаться перед киммерийцем. Проход перегораживала тройная шеренга закованной в медные латы пехоты; грозно сверкали три ряда выставленных пик.

— Погляди, что вы можете, мразь! — взревел Конан, обрушивая вырванный из сустава демона клинок на подставленный край щита, одновременно уклоняясь от копья, направленного ему в живот.

Неудобный, неухватистый и несбалансированный меч тем не менее рассек щит почти до середины и выдернулся на удивление легко. Второй удар киммерийца, страшный прямой выпад, надвое расколол щит, пронзил медную кирасу и вышел из спины незадачливого панцирника. Пики его соседей пронзили воздух там, где только что стоял Конан, а за это мгновение его клинок успел снести голову еще одному копейщику.

В стене щитов образовалась брешь. Первой в нее ворвалась Раина; за ней последовала Белит, и спустя несколько мгновений разгорелся жаркий бой.

Однако тут же и оказалось, что оружие коричневокожих пикинеров никуда не годится в сравнении с клинками Конана и его спутниц. Доспехи лопались, панцири пробивались, шлемы разрубались пополам; не прошло и трех десятков секунд, как пал последний противник, и шестеро бойцов, с головы до ног в брызгах чужой крови, устремились дальше.

— С дороги! — выкрикнул Конан на старостигийском, рассчитывая, что безоружная толпа тут же расступится перед обнаженной сталью; вдобавок пример с копейщиками должен был показать коричневокожим, чего стоят их жизни...

Однако вместо бегства ряды полуобнаженных тел сомкнулись еще плотнее. Сотни глаз смотрели в упор на киммерийца; сотни жизней предлагались ему — он чувствовал, что может истреблять коричневокожих сколько ему заблагорассудится; равнодушным Богам бездны все равно, сколько погибнет этих жалких созданий. Отчего-то им нужна была кровь именно спутников Конана... а, быть может, и его самого.

У киммерийца не осталось выбора. Он с разгону врезался в плотную толпу коричневокожих; взлетел и опустился смертоносный клинок. Первое обезглавленное тело повалилось под ноги Конану; за ним спешили его спутницы, подобные в тот миг кровожадным богиням смерти, войны и всеобщей гибели. Страшный клин все глубже и глубже погружался в коричневое море; казалось, стоявшие тесной толпой люди лишились рассудка, они не пытались защищаться, стараясь схватить и обезоружить киммерийца голыми руками. Он не хотел убивать невинных; но иного выхода не оставалось. Никто не пытался дать ему дорогу; напротив, уже рассеченные, истекающие кровью тела падали так, чтобы хоть как-то, но помешать ему сделать следующий шаг...

А потом внезапно прозвучал приказ. Приказ, изреченный нечеловеческими устами, устами кого-то из забытых божеств, долго дожидавшихся во тьме своего часа — и, наконец, вернувшихся, благодаря зачарованной крови Конана.

Весь огромный зал храма наполнился низким, передаваемо грозным ревом, в котором киммериец инстинктивно ощущал какие-то невообразимо древние слова, исполненные воспрянувшей, обновленной силы. Коричневокожие, сбивая с ног и давя друг друга, точно стадо баранов, отхлынули в стороны, освобождая киммерийцу проход к алтарю. И тотчас же из бездны в бой пошли настоящие орды.

Шли уродливые демоны, словно нарочно вылепленные, как злая карикатура на человека. Шли, смешно переваливаясь на коротких лапах, клыкастые драконы. Шла прочая нечисть, большей частью из числа тех, что промаршировали мимо Конана, пока он сидел на камне судеб. Двинулись и твари, что ловко метали языки в прикованную к алтарю жертву. А за ними из мерцающей бездны неспешно поднимались настоящие хозяева этого причудливого зверинца. Бесформенные, пока бестелесные, они еще не имели четких очертаний — плыли, подобные облакам сероватого дыма, но Конан чувствовал, что в этих облаках заключена сейчас громадная мощь — и что не пройдет и нескольких мгновений, как она обернется против него. Огненный

дождь можно было бы считать большой удачей — в том смысле, что если бы дело обошлось только им.

Все было понятно без слов. Конан и его спутницы бросились к скованным пленникам; и шестидесятилетний киммериец бежал в те мгновения так, как не бегал даже в молодости. Орава демонов катилась ему навстречу, однако киммериец успел к алтарю чуть раньше.

— Конан! — прохрипел Сигурд, стоявший возле самого камня. Рыжая шевелюра ванира превратилась в белоснежно-седую.

Взмах серого клинка — и цепи, сковавшие Сигурда, со звоном лопнули. Следующего из команды «Крылатого Дракона» освободила Белит; слыша за спиной звон разбиваемых кандалов, Конан повернулся навстречу поспевшим демонам.

Это были самые настоящие демоны, здоровенные, красновато-черные твари, совершенно нагие и не вооруженные ничем, кроме своих громадных, бугрящихся чудовищными мускулами рук. Когда-то, в молодости, Конану уже пришлось иметь дело с подобным молодцом, по имени Дивул; и киммериец должен был признаться, что справиться с гостем из преисподних тогда оказалось очень нелегко...

Взмах серого меча — снизу вверх — и сталь глубоко погружается в живот самого шустрого из наступавших. Зловонная пасть распахивается в истошном реве, но тут сбоку прыгает Раина, и два ее кинжала, точно большие ножницы, начисто сносят уродливую башку. Тело валится, едва не придавив Конана, и быстро растекается шипящей пепельно-серой лужей.

Тем временем Карела, Испарана и Валерия уже добивали жрецов, что толпились подле алтаря. Подробности этой схватки Конан не видел; лишь слуха его достигали азартные взвизги Рыжего Ястреба, означающие, что очередной выпад достиг цели и кривой меч прошел насквозь через тело; глуховатые выдохи-вскрики Испараны; яростное шипение Валерии.

Белит продолжала рубить цепи; на подмогу Конану с Раиной пришли остальные, однако демоны теснили их в глухой угол зала, откуда не было выхода.

Ванир Сигурд подхватил длинный обрядовый нож, выпавший из руки мертвого жреца, и тоже вступил в

бой. Освобождаясь один за другим, пираты очертя голову бросались в пекло яростной схватки; их боевым кличем вновь, как и в былые годы, стало имя грозного предводителя:

— Амра! Амра! Бей, бей, побеждай!

Однако Конан не дал себе опьяниться затягивающим азартом. Его голова оставалась холодной и он понимал, что против неубывающей орды великанов из преисподней им долго не выстоять. Нужно было что-то неожиданное... что-то необычайное, невероятное — такое, что солоно пришлось бы и тем туманным тварям, что продолжали медленно вытягиваться из провала... Он должен был придумать это.

Удар, другой, третий, раскаленная лапа демона мазнула по кольчуге и соскользнула; тварь с размаху врезалась в жертвенный камень и, пронзенная, стекла вниз раскаленной лужицей...

— Прорываемся! — заорал над самым ухом Конана посланец Крома. — Я открываю проход!

Прежде, чем Конан успел сообразить что-либо, раздался глухой грохот, стену за спиной у пиратов пересекло несколько трещин, и каменные блоки начали валиться.

— Уходите! — рявкнул Конан своим. — Мы прикроем вас!

Теперь рядом с ним сражались уже не только Белит, Испарана и прочие, но также и Сигурд, Ясунда и Яков, и Горам Сингх... Несколько человек из команды «Крылатого Дракона» уже погибло, однако остальные, защищаемые медленно пятившимися Конаном и его спутниками, начали выбираться через пролом.

И тогда боги явили, наконец, свой гнев.

Мрачная монотонная музыка, не прекращавшаяся все это время, внезапно оборвалась одним режущим слух, нестерпимо высоким аккордом; из смутных туманных форм, паривших над провалом, прынула пылающая белым огнем ветвящаяся молния; она была нацелена прямо в Конана — и настигла его.

Казалось, воздух вокруг него превратился в сплошное море огня; Конан ослеп, оглох, страшный жар опалял кожу... А затем среди слепящего света, возникнув прямо из его волн, появилась высокая, стройная

фигура воина с ярко-огненными волосами и бородой, — почти как у Сигурда — державшая в руке громадную секиру, показавшуюся сперва киммерийцу очень неудобной — лезвие было длиной почти с рукоять.

— Пришел твой час, Конан, — услышал он позади себя негромкий и печальный голос посланца Крома. — Я выведу твоих. Встретимся в покоях нашего с тобой Отца!

Киммериец не успел ответить. Мягким, неслышимым шагом воин с секирой шагнул вперед, как-то сразу очутившись возле бывшего владыки Аквилонии...

Окружавший Конана мир исчез. Их оставалось лишь двое, посреди ослепительного сверкания — и старый киммериец понял, что это сверкание будет последним, что ему суждено увидеть в жизни.

Секира с шипением рассекла воздух — и навстречу ей взметнулся меч Конана. Клинки столкнулись и отскочили; киммериец с трудом удержался на ногах. Его противник обладал поистине сверхчеловеческой силой; перед ней ничего не стоила вся немалая мощь Конана.

На лице рыжего воина проступила слабая улыбка. Не торопясь, он вновь поднял секиру... и в этот миг Конан сам ринулся в атаку. Как бы там ни было, он не собирался покорно подставлять шею под топор!

Меч из кости демона проскрежетал вдоль подставленной рукояти секиры и задел обнаженное, не прикрытое никакими доспехами правое плечо секироносца. Показалась кровь, по виду обычная человеческая кровь — однако стоило ее каплям сорваться и коснуться пола, как каменные плиты вздрогнули, раздался глухой грохот и прежде, чем убийственное оружие прислужника забытых богов опустилось, пол под ногами Конана разверзся и он полетел вниз, в жадную черную пустоту.

И, уже падая, он краем глаза успел заметить, что храмовый зал вновь стал самым обычным залом, таким же, каким его увидели в первый раз товарищи Конана, едва ступив под его своды. Но теперь потолочные балки стремительно разламывались, потолок проседал, контрфорсы стен рушились. И последнее, что запомнилось Конану — вид медленно устремляющейся вслед за ним лавины обломков камня, кирпича, стропил и балок.

А потом был жестокий, сотрясший все тело удар — и пустота забытья.

Он пришел в себя от боли. Она была настолько сильна, что терзания привели его в чувство; он открыл глаза. Кругом — лишь непроглядная тьма.

Конан попытался пошевелить рукой, ногой — тело как будто бы еще слушалось. Он лежал на куче битого камня; справа и слева громоздились рухнувшие балки. Одна, особенно толстая, придавливала Конана к обломкам; киммерийца отделили от смерти считанные дюймы. Он не мог подняться даже на четвереньки, не говоря уж о том, чтобы встать; он попробовал ползти — получилось. За его головой как будто бы имелось свободное пространство — и Конан бездумно пополз туда. Пополз, пока его еще не охватило обессиливающее отчаяние, от осознания того, что он завален и вряд ли уже сможет выбраться отсюда...

Его вытянутые над головой руки не нащупали преград. Кое-как, точно полураздавленная ящерица, Конан пополз вперед. Каждое движение давалось с величайшим трудом и отзывалось резкой болью во всем теле; мышцы едва-едва повиновались. В один миг он стал чувствовать себя так, как и должны были чувствовать все шестидесятилетние обитатели хайборийских земель, отягченные бесчисленными болезнями и недугами. Дыхание сбилось, сердце колотилось с ощутимыми перебоями, руки и ноги двигались еле-еле... Конан полз бездумно, потрясение оказалось слишком велико: он просто знал, что надо ползти, знал, как знает тяжело раненный зверь.

Он двигался в полной темноте. Узкий и извилистый проход вел куда-то вниз; казалось чудом, что рухнувшие сверху стропила, балки и плиты все же оставили заживо погребенному слабую надежду на спасение. Сперва ход, которым пополз Конан, был просто случайно образовавшимися в завале пустотами, не заполненными битым камнем; но затем спуск окончился и киммериец сполз на животе в низкую подземную галерею, облицованную тесаными плитами. Это обнадеживало — он оказался в одном из переходов подземного дворца коричневокожих, правда; и здесь Конан мог идти, лишь согнувшись в три погибели. И все же это была надежда.

Один конец галереи был завален; киммериец проник в нее через пролом в потолке. Выбора не оставалось, он просто шел, куда его вела судьба. Рука по-прежнему крепко сжимала меч из плоти демона...

Только теперь начали возвращаться и прочие мысли: что же стало с его командой... с женщинами... неужели все погибли вновь, неужели его бывшим подругам пришлось пройти через кошмар повторной гибели? Нет, нет, этого не может быть, ведь посланец Крома обещал... и стена уже была проломлена...

Киммериец старался идти быстрее, однако приходилось все время ощупывать пол перед собой — он опасался щелей и провалов. Дважды это выручало его — пальцы проваливались в пустоту и он кое-как переползал через расщелины, по-счастью, они оказывались не слишком широки...

Он обязан был выйти. Сколь бы ни оказался сложен подземный лабиринт коричневокожих, он, конечно же, имел выходы на поверхность; оставалось только разыскать их.

Внезапно стены узкой галереи, которые Конан то и дело задевал боками, резко разошлись в стороны. Гулкое эхо отразилось от высокого потолка; Конан очутился в просторном подземном покое. Чуть поколебавшись, он решил двинуться вправо, касаясь рукой стены. Это единственный способ выбраться из лабиринта, если, конечно, не ходить в нем по кругу. Острием меча киммериец кое-как процарапал неглубокий желобок возле самого угла — чтобы опознать это место, если он сделает круг. Затем выпрямился в полный рост — и начал обход.

Идти оказалось легко — пол и стены были гладкими, не попадалось ни трещин, ни проломов. Конан шел и считал шаги. Их он успел сделать ровно пять десятков, прежде чем уперся в преградившую ему путь стену. Киммериец свернул влево, по-прежнему касаясь рукой камня. Еще пятьдесят шагов. И вновь угол. Теперь он уже шел обратно, судя по всему — к той стене, где находилось устье галереи.

Пятьдесят шагов. Угол.

Конан стиснул зубы, сорвал шлем — глаза заливал едкий холодный пот ужаса. Три стены из четырех

остались позади — а он так и не нашел выхода. Неужели он заперт под землей и ему уготована теперь медленная и позорная смерть от жажды?!

Погоди, одернул он себя. Шансы еще есть. Быть может, проход отыщется рядом с входом в эту мышеловку...

Теперь Конан шел, точно по раскаленному металлу. Каждый шаг означал потерю еще одного шанса; рука впиалась в камень стены, готовая ломать и крошить его, пусть даже ногтями; как жаждал он, чтобы его кисть вдруг провалилась бы в спасительную пустоту!

Он отсчитал двенадцать шагов, когда его рука провалилась-таки в желанный проем.

Из горла Конана вырвался хриплый стон. Неужто?! Нет, нет, надо проверить... И, упав на колени, он осторожно пополз вперед, ощущая каждый дюйм каменных плит пола, пуще смерти страшась нащарить сейчас сделанную им засечку возле угла того коридора, которым он пришел сюда...

Нет... Нет... и тут нет... вот уже и угол галереи... неужели это — выход?! Стоп! А это?! Что это, здесь, под пальцами?... Зарубка? Желоб? Да, его желоб!

С уст Конана сорвалось страшное богохульство. Подземная камера оказалась ловушкой. Из нее не было выхода. Он был заперт, погребен под немерянными толщами земли и камня; все было потеряно.

Киммериец стиснул зубы так, что они захрустели. Нет, он не сдастся так просто! Быть может, какие-нибудь отверстия отыщутся под потолком; быть может, есть продухи в стенах... Он обязан обшарить здесь каждый дюйм камня, каждую плиту — прежде чем бросится на собственный меч.

Конан работал, как одержимый. Подбрасывая камни, он определил высоту потолка — три его роста; это немного, и он сумеет подняться, было бы куда! А потом начал долгий обход — шаг, в стену швыряется камешек, стук удара, стук падения, шаг в сторону, новый бросок, новый удар, чуть выше или чуть ниже первого... И затем все повторяется снова.

Прошло довольно-таки много времени, и Конан вновь очутился возле входа в подземный зал-ловушку. Все его усилия были тщетны. Выхода не отыскалось.

Киммериец сидел, привалившись спиной к стене. В мыслях царила зияющая давящая тишина. Выхода не было. Не было, не было, не было...

Его окружало мертвое безмолвие. Безмолвие склепа; он был уже все равно что мертв. Он был мертв, и не вывел своих в безопасное место; не выполнил условий Крома. Что станет теперь с теми, кто шел в бой по первому слову Конана?

Волна накатившегося непереносимого стыда заставила киммерийца взвыть, подобно волку. Все, с этим нужно было кончать!

Однако он еще не успел сбросить шлем, как выяснилось, что долгое пивыряние камней в стены разбудило и кое-кого еще из здешних обитателей. Во тьме галереи появились бесчисленные парные огоньки приближавшихся глаз.

Крысы. Пещерные крысы. Здоровенные твари, размером с добрую кошку; их челюсти настолько сильны, что разом прокусывают человеческую руку до кости. В Птауакане Конану уже пришлось иметь дело с подобными же тварями — только там было куда бежать, а потом очень кстати подвернулся подземный поток...

Здесь бежать было некуда. Ну что ж, он постарается захватить с собой побольше этих тварей; видно, Богам очень нравится именно этот спектакль, раз они решили вновь поглазеть на него — и это после столь короткого перерыва!

Киммериец вскочил на ноги. Здесь, в узкой галерее, он продержится дольше. Не было света, придется рубить на звук — да еще на блеск глаз. У птауаканских тварей глаза, насколько он помнил, не светились...

Бесчисленные лапы чуть слышно шелестели, ступая по камню. Вот твари оказались в пределах досягаемости — и клинок Конана взял с них первую дань.

Это и впрямь оказалось почти как в антильских подземельях. Некоторое время Конан всюду рубил направо и налево, хорошие доспехи защищали от укусов — однако силы таили очень быстро. «Ну что ж, — пришло холодное и твердое решение, — когда я почувствую, что приходит конец... думаю, я сумею попасть этим железом куда следует».

И он рубил. Рубил, чувствуя, как с каждым взмахом тяжелеют руки и немеют плечи, как непереносимой тяжестью наливается кольчуга, как давит на голову шлем... Твари бросались на него с редкостным упорством, словно их вела чья-то злая воля. Они не обращали никакого внимания на разрубленные ушки своих собратьев — их целью был только Конан.

И вот когда силы почти уже покинули киммерийца, и клинок уже выскальзывал из его потной ладони — тогда крысы внезапно, как по команде, отступили. Отступили, но не исчезли — красные глаза мрачно поглядывали на киммерийца из глубины галереи, точно ждали момента для следующей атаки.

— Они крепко потрепали тебя, Конан, — с легкой насмешкой произнес чей-то голос позади киммерийца. Старый воин обернулся — и в тот же момент подземелье осветилось. Мягкий лиловатый свет залил все вокруг; а из сгущения этого света в самом центре зала вышла невысокая, кривоватая фигура горбуна, облаченного в ярко-алый камзол; на поясе его болтался короткий меч в простых черных ножнах. Лицо горбуна не отличалось красотой; глаза смотрели с нескрываемым ехидством, длинный тонкогубый рот кривился в усмешке.

— Приветствую могучего Конана, владыку Аквилонии! — карлик поклонился с преувеличенной почтительностью. — Не желаешь ли поговорить?

— Кто ты? — только и спросил Конан. Ясно было, что его посетил не простой смертный.

— Кто я? — Имя мое тебе знать вовсе не обязательно, да... Тэ-экс, могу сообщить тебе — если, конечно, для тебя это важно, — что жительство своим имею я дворец в небесных пределах, среди звездных сфер, где строен хор светил... ну и так далее, как там положено у ваших поэтов. Одного очень способного ты, помнится, прикончил — он еще участвовал в каком-то дурацком заговоре, против тебя, когда вы схватились с Тот-Амоном... А жаль! — горбун вздохнул. — Очень талантливый был парень. Ну да его уж теперь не воротишь. Так о чем бишь это я? Ах, обо мне. Так вот, прислали меня сюда те, кто... гм... может выгнать тебя из этого премилого и уютного садка с крысками, Конан. Как их

зовут, где они обитают — поверь, для тебя это совершенно несущественно. У пославших меня есть намерение поручить тебе одну работенку. Как, возьмешься?

— Работенку? — прохрипел Конан. Ему начало казаться, что он сходит с ума. — Работенку? Где? Какую?

— Все узнаешь, все, — успокаивающе вытянул руки горбун. — Всему свое время. Я пришел предложить тебе сделку, не знаю, понравится ли она тебе... но иного шанса выбраться отсюда у тебя уже не будет. Как ты понимаешь, мне вообще наплевать на всякие там глупые условия, что поставил тебе этот напыщенный гордец Кром. Ему, видите ли, понадобилась твоя жизнь! — горбун возмущенно фыркнул. — Но у меня есть средства, чтобы помешать этому. Так вот, либо ты соглашаешься на мое предложение — либо, отказавшись от него, ты остаешься здесь. И тогда эти милые тварюшки очень скоро будут иметь удовольствие пообедать тобой, а вдобавок погибнут все твои люди. Вызванные же к жизни Белит и прочие... — тут он гнусно захихикал, — будут отправлены удовлетворять грубую похоть грязных демонов в одну из отдаленнейших преисподних, о которой хайборийские боги даже не подозревают. Мне стоило некоторого труда видоизменить простенькие чары этого слуги Крома, чтобы сюда явились твои бывшие подружки. Согласись, от этого вся история стала куда более забавной! О, да ты уже в бешенстве! — внезапно перебил сам себя горбун. — Твои кулаки сжаты, твои глаза налиты кровью, тобой овладевает жажда убийства... Очень хорошо. Я бы даже сказал — просто превосходно. То, что и требуется. Увы, я разочарую тебя, мой смертный друг, — меня тебе не сразить, несмотря даже на клинок из плоти демона, что лежит сейчас в твоей руке, так что умерь на краткое время свой гнев, киммериец. Потом тебе представится еще не одна возможность выместить свою злость на ком-либо. А сейчас я бы посоветовал тебе дослушать меня. Так вот, я вкратце обрисовал тебе одну возможность; но существует также и другая. Ты, конечно, силен, очень силен, очень крепок и очень вынослив для своих лет; и все же старость непобедима. Еще немного — и ее холодная костлявая рука сдавит твоё горло, ты лишишься еще содержащейся в мускулах мощи, обратившись в

жалкую развалину. Даже сейчас ты уже начал ощущать приближение конца. Если ты примешь мое предложение, подобные вопросы не станут волновать тебя: я предлагаю тебе не только свободу, киммериец. Я предлагаю тебе вторую молодость. Да, да, ты не ослышался, я предлагаю тебе прожить жизнь еще раз, сила и мощь двадцатипятилетнего Конана вновь вернутся к тебе, но при этом ты сохранишь всю память себя нынешнего. Подумай, чего ты тогда сможешь добиться! Мировое господство Аквилонии — это самое меньшее, на что ты сможешь рассчитывать. Все пираты с «Крылатого Дракона» будут спасены, а женщины, которых ты любил, вновь станут твоими. Я выведу их из Серых Земель через Врата Смерти. Подумай, Конан!

— Что ж тут думать... — вырвалось у киммерийца. — Но что ж это за работенка, за которую мне предлагают столь высокую плату?

— Для тебя она более чем привычна, — усмехнулся горбун. — Нужно прикончить одного некроманта. — Он порылся за пазухой и извлек оттуда внушительного вида пергамент. — Здесь все изложено. Воля моих хозяев отправит тебя с твоими подружками и с этим глупым гордецом, посланцем Крома — к дальним подступам владений этого чародея. Ты проберешься в замок и убьешь его. В сокровищнице замка ты отыщешь несколько магических безделушек — Чашу Баала, в частности. Еще там где-то должны обретаться Пояс Бафомета, Боевой Ошейник Тифона и... — горбун задумался, словно учитель, подбирающий сложное задание лучшему ученику, — ну и, скажем, Перо Гаруды. Принеси эти четыре предмета мне — то есть вытащи из замка — и первая часть твоей службы будет исполнена.

— А что, последует и вторая? — не удержался Конан.

— Ай-яй-яй, как нехорошо торговаться со своим спасителем, — покачал головой горбун. — Да, Конан, — последует и вторая. Но я поклонюсь тебе нерушимой клятвой Богов — именем нашего Творца, — что второе дело станет и впрямь последним.

Горбун внезапно выпрямился, точно струна, и словно бы стал даже выше ростом, уродливый горб исчез без следа, сквозь коричневый камзол на миг блеснули

ослепительно-огненные одежды; правая рука вытянулась вверх в повелительном жесте — и потолок подземелья внезапно исчез. Конан увидел завораживающую глубину звездной бездны, в причудливом танце дрожали и кружились бесчисленные огоньки светил...

— Ты видел мою клятву, — торжественно провозгласил горбун. — Если я нарушу свое слово, огненные жернова, движимые именем Творца, обратят меня в ничто.

— А почему я знаю, что это именно так? — подозрительно спросил Конан.

— Тебе придется поверить мне, — ответил горбун. — Иных доказательств я тебе предоставить не могу. Однако мы ведем сейчас пустой разговор. Ответь сперва, согласен ли ты на мое предложение?

— Ясное дело, согласен, — буркнул в ответ киммериец. — Давай, выводите меня отсюда. Там дальше видно будет. И не забудь о своих обещаниях — на счет моих людей!

— Не беспокойся, — заверил его горбун. — Значит, ты согласился... Очень хорошо. Я, разумеется, не стану требовать с тебя каких-нибудь идиотских росписей кровью или тому подобной глупости. Достаточно твоего слова. Оно уже на Весах Творца.

— Да что это еще за Весы Творца?! — не выдержал киммериец. — И вообще, что за боги прислали тебя? Кому ты служишь? Митре? Асуре? Иштар? Или какому-нибудь Хануману?

Горбун рассмеялся.

— Нет, любезный мой Конан, боюсь разочаровать тебя, но все эти божки для меня ничего не значат. Существуют куда более могущественные Иерархии Сил, в которых названные тобой божества — не более чем мелкие прислужники на самых нижних ступенях Великой Пирамиды... Быть может, впоследствии мне будет позволено открыть тебе больше, а пока удовлетвори моим ответом.

— Тогда что же мы мешкаем?

— Ни в малейшей степени! — запротестовал собеседник Конана. — Должен заметить, ты неплохо держишься. Многие и многие из твоей расы, услышав подобное, впадали в безумство...

— Последние дни вокруг меня творилось одно сплошное безумство, — проворчал Конан. — Что ж удивляться еще одному... Скажи, не ты ли это притащил сюда мой корабль?

— Не я, но по моему приказу, — кивнул головой горбун. — Но хватит вопросов, Конан. Держи крепче твой меч. Мы отправляемся. Не забудь попрощаться с крысками...

И в тот же миг тело киммерийца сжало тугое объятие незримого вихря. Стены подземелья стремительно таяли, обращаясь в ничто; перед взором Конана раскрывались земные бездны, он видел всю запутанную паутину подземных лабиринтов коричневокожего народа, видел громадную пещеру, где тысячи и тысячи рудокопов были по-прежнему заняты своей непонятной работой; вновь, откуда ни возмись, появилась громадная пропасть, где все еще клубились смутные тени забытых богов этого странного народа. Невольно Конан попытался заглянуть за край пропасти и, заглянув, понял, для чего коричневокожим понадобился в таких количествах вырубаемый в пещере камень — из разверстого зева шахты сплошной поток породы сыпался прямо в грандиозный, горящий странным синеватым пламенем костер; насколько мог судить Конан, костер этот тянулся на добрую милю. Над полыхающей бездонной пастью открывалась не одна, а добрый десяток шахт...

А потом все это поплыло куда-то вниз, одновременно заволакиваясь серой тоскливой мглой. Киммериец не мог понять, что происходит — они с горбуном никуда не летели, они даже не двигались с места, горбун вообще стоял рядом, глядя куда-то в сторону с крайне брюзгливым и равнодушным видом — а мир вокруг них стремительно менялся.

Вот взвихрилась зеленая круговерть джунглей и Конан увидел отряд своих пиратов. Когда-то рыжебородый, а теперь седой как лунь Сигурд вел их к кораблю. Пираты отступали в полном порядке, сохраняя даже подобие строя.

— Ты сможешь проститься с ними — когда «Крылатый Дракон» отчалит.

Казалось, Конан и горбун парят над зарослями — хотя на самом деле под ногами киммерийца был все тот же камень подземелья. Они никуда не торопились. Горбун дал Конану досмотреть все до конца. Сигруд благополучно довел отряд до галеры; пираты поднялись на борт.

— Я доставлю их назад, на Барахские острова, тем же способом, что и притащил вас сюда, — заверил горбун.

Якоря были подняты, гребцы расселись по местам; огромные весла опустились в воду. И тотчас же Конан заметил, как за кормой уже развернувшейся носом на восток биремы стали сгущаться облака сероватой мглы.

— Если хочешь, ты можешь сказать им несколько слов, — заметил горбун. — Заверь их в том, что они доберутся до места целыми и невредимыми. Клянусь тебе в этом именем Нездешних богов!

— Эй, парни, слушайте меня! — крикнул Конан, обращаясь к своей команде.

Слова его произвели небывалый эффект. Пираты, люди далеко не робкого десятка, позеленели от страха; антильские новобранцы и вовсе чуть не липлились чувств. Невесть откуда на короткой носовой палубе корабля появился их без вести пропавший капитан, появился ниоткуда, точно дух или призрак!

И один лишь Сигурд бестрепетно шагнул вперед.

— Конан, ты ли это, во имя когтей Шайтана и глотки Одина! Как...

— Слушай меня, старый морж, и не перебивай. Я уже не вернусь. Вас доставят обратно на восток, до самых островов. Я пришел сказать вам последнее прощай. Береги людей, они славные рубаки. Надеюсь, ты будешь им хорошим капитаном. Прощайте все!

— Прощай, Амра! — отозвался хор голосов, и видение тотчас померкло.

— А теперь нам и вправду пора спешить, — с некоторой озабоченностью сказал горбун. — Первая часть обещанного мной выполнена, что же до второй... скажи мне, как ты себя чувствуешь, Конан?

Киммериец помедлил, прислушиваясь к своим ощущениям. С ним и впрямь творилось что-то странное; по телу пробегали теплые волны, поуменившиеся с

годами мускулы вновь вздувались, образовавшая кое-где складки кожа вновь натягивалась; Конан ошупал свое лицо и убедился, что глубокие морщины, избороздившие лоб и щеки, исчезают бесследно; суставы вновь обретали былую кошачью гибкость.

Горбун откровенно наблюдал за ним.

— Смотри-ка, даже седина пропадает! — заметил он не без самодовольства, как гордый своей работой мастер. — Тебе вновь двадцать пять, Конан! Я не стал убирать только шрамы. — По-моему, они тебе к лицу.

Киммериец глубоко вздохнул и расправил плечи. Ощущение было таким, словно он сбросил давно давивший на него тяжелый груз, который он таскал на себе столь долго, что свыкся с ним, как будто даже перестал замечать — и лишь избавившись, понял наконец, насколько велика была эта привычная тяжесть...

— Я держу данное слово... — заметил горбун.

— Я тоже исполню свое, — ответил Конан, с наслаждением потягиваясь. — И что же, мне теперь... можно начать жизнь заново?

— Ты получил вторую молодость как аванс, — ответил горбун. — Но, если ты справишься с поручением, аванс станет твоей собственностью. А уж начинать ли тебе жизнь заново... или, скажем, вернуться в Аквилонию... будет видно.

— Что мне делать в Аквилонии, я же передал престол сыну? — удивился Конан. Горбун в ответ лишь с загадочным видом пожал плечами.

— Дай мне руку, — обратился он к киммерийцу.

Конан протянул горбуну ладонь; так, держась за руки, точно дети, они сделали три шага вперед... и тут мир, наконец, перестал безумствовать и принял нормальные очертания.

Они стояли на узкой, полузаросшей проселочной дороге. С обеих сторон ее окружали непроходимые джунгли; исполины древесного царства смыкали кроны над их головами; ничего особенного, обычные джунгли — быть может, в Кхитае, а, может, в Вендии или в Черных Королевствах Юга...

— Мы с тобой стоим на дороге к замку некроманта, — деловито заговорил горбун. — Отсюда до него три дня пути. Иди туда, — он указал рукой на восток,

где над горизонтом медленно поднимался алый солнечный диск. — К полудню доберешься до поляны с источником. Там тебя буду ждать... Белит и остальные. Возьми этот пергамент, — горбун протянул Конану свернутый в трубку свиток. — Все, что тебе нужно знать, — в нем. Когда задание будет выполнено, я сам тебя найду. Прощай! — горбун повернулся спиной к киммерийцу, ловко перепрыгнул через глубокую и широкую канаву и тотчас исчез в зарослях.

Делать было нечего, и Конан двинулся в указанном направлении. Дорога оказалась сухой, идти было одно удовольствие, тело наполняли вновь обретенные силы... и киммериец на краткий миг перестал заглядывать в будущее, предоставив, как встарь, Судьбе решать за него. Он не чувствовал ни голода, ни жажды. Даже данный горбуном свиток не слишком заинтересовал его. Так замечательно было просто идти рассветным лесом, слушая его вечную песнь Пробуждения, дышать полной грудью, разрази Кром, попросту жить!

Широким волчьим шагом Конан добрался до поляны с источником задолго до полудня. Там еще никого не было, но его это не слишком встревожило — появятся в полдень, горбун же говорил... Конан отчего-то не испытывал сейчас никакого желания гадать, кем мог быть этот горбун, кто послал его, что за великие Иерархии, о которых он толковал... Все разъяснится само собой когда-нибудь, ну а не разъяснится — горевать не станем.

У родника, в тени отыскался удобный плоский камень, на коем Конан и устроился. Теперь можно было взглянуть и на пергамент.

Желтоватый свиток сам собой развернулся у него в руках. Сухим, деловитым языком в нем было сказано буквально следующее:

«Ворота. Створки из каменного дуба, усиленные семью запирающими заклинаниями. Таран не поможет. Охрана: четверо демонов в облики четырехруких гигантов. Рост: десять футов пять дюймов. Оружие: копия десятилоктевые, заговоренные — возвращаются в руку бросившего. Прорыв через ворота не рекомендуется. Стены: высота сорок пять футов. Камень старый, выщербленный. Подъем возможен. Охрана верхних пара-

петов — парные караулы, совершающие обходы вдоль всего периметра. Эти караулы: ученики некроманта низшей степени посвящения. Люди. Оружие: заклятья. Не допускать долгого боя! Иначе зачаруют».

Далее в пергаменте следовал подробный план замка, с указанием всех внутренних постов, всех потайных переходов, в том числе и особо секретного коридора, ведущего из личных покоев некроманта.

— Да с таким чертежом здесь бы управился самый последний из последних аренджунских воров! — не удержавшись, вслух подумал Конан. — И зачем им понадобился именно я?

Прежде чем он успел найти ответ на этот риторический вопрос, кусты слева от родника затрещали, их ветви раздвинулись, и взору Конана предстал отряд его подруг в полном составе; посланец Крома вновь замыкал шествие.

Шедшая впереди Белит первой заметила Конана — и замерла с открытым от удивления ртом. Из-за ее плеча показалось лицо Карелы; Рыжий Ястреб опомнилась быстрее соперницы.

— Конан! Мой Конан! — взвизгнула она, с разбегу бросаясь к нему на шею. — Ты молод! Ты молод! Клянусь грудями Дэркего, ты никогда еще так потрясающе не выглядел!

— По какому это праву ты объявляешь его своим, рыжая шлюха! — раздался звенящий от ярости голос Белит. Сверкнула обнаженная сталь.

Конан успел выбить оружие из рук предводительницы пиратов лишь в самый последний момент; однако на Карелу уже готовы были броситься разом и Раина, и Валерия, и Испарана.

— Ну-ка, девочки, давайте договоримся, — загремел Конан, и вернувшаяся мощь его голоса заставила затрепетать даже неустрашимую Белит. — Я сейчас ничей, понятно? Если хотите, установите очередность, бросьте жребий, в конце концов... Мне надо столько вам рассказать, а вы вместо того, чтобы слушать, затеваете глупые бабьи споры!..

Воительницы несколько присмирели, лишь Карела с Белит по-прежнему обменивались яростными взглядами.

— Что с тобой случилось, Конан? — шагнул вперед посланец Крома. — Чье чародейство вернуло тебе силу и облик молодости? Мне такое не под силу. Как тебе удалось уцелеть?.. Ты ведь...

— Ну да, я должен был погибнуть, — перебил посланца Конан. — Пасть от честного меча и вступить под кровлю чертогов нашего Отца... Да, так все и случилось бы, но... — и он, как мог, поведал спутникам обо всем, что с ним приключилось. Посланец Крома слушал его, выпучив глаза и яростно теребя многострадальный ус. Он то и дело порывался что-то возразить — и всякий раз Конан повелительным жестом заставлял его умолкнуть.

Когда Конан закончил, на время воцарилось мертвенное молчание. Посланец Крома опустил голову, словно в тягостном раздумьи.

— Так что выбора у нас, в общем-то, нет, — закончил Конан. — Либо мы пройдем эту дорогу до конца, либо... но об этом не хочется и думать.

— Ради того, чтобы вырваться из Серых Земель, можно перебить всех до единого некромантов на свете, — кровожадно бросила Белит.

— Если есть план, то дело вряд ли окажется сложным, — заметила Валерия.

— Если есть возможность получить столь подробный чертеж замка, нет нужды искать на стороне того, кто расправится с обитателями этой крепости, — рассудительно молвила Раина. — Здесь что-то не то. Слишком уж просто, если план верный: ну а если он неправилен...

— Сидя здесь, мы все равно ничего не выясним, — сказала Испарана. — Нужно отправляться к замку.

— А, по-моему, ничего этого делать как раз и не стоит, — вдруг вмешался посланец Крома. — Мы столкнулись с силами, о которых даже я, живший подле могучего Бога Киммерии, не знаю ровным счетом ничего. Мой повелитель должен узнать обо всем этом; думаю, нам следует подождать его высокого решения.

— А каким же образом мы узнаем об этом высоком решении? — с неприкрытой усмешкой произнесла Белит.

— Я немедленно отправлюсь в Чертоги Крома, — очень серьезно ответил посланец. — И, как только Он изречет свое Слово, я вернусь...

— Ну, это у тебя вряд ли получится, — насмешливо произнес знакомый голос горбуна. Все разом повернулись к нему.

— Видишь ли, в мои планы совершенно не входит ставить в известность твоего Крома, — задумчиво сказал он, срывая какую-то травинку и завязывая узелком ее стебель. — Тебе лучше отправиться вместе с Конаном. Может, сподобишься хоть чем-то помочь... — ловкие пальцы затянули первый узел и взялись за второй.

Посланец Крома оказался не робкого десятка.

— Да кто ты такой, сожри тебя Сет?! — загремел он, вскидывая свою устрашающую секиру. — Откуда ты такой взялся? Отвечай, не то...

— Стоял бы ты спокойно, — лениво процедил горбун сквозь зубы, взмахивая при этом травинкой с завязанными узлами. — Отрезаю пути твои, отрезаю воздушные тропы, отрезаю дороги небес... ну и все прочее, чего там полагается, — неожиданно закончил он начатую торжественным распеваем фразу.

Посланец Крома дернулся было, словно собираясь сорваться с места, но тотчас же и замер; руки его с отчаянной быстротой совершали какие-то пассы, но все было напрасно. Горбун наблюдал за попытками посланца с нескрываемой усмешкой.

Лицо слуги Крома побагровело, глаза расширились; губы все время шептали что-то... однако он не мог сдвинуться с места.

— Достаточно, я полагаю? — лениво спросил горбун. — Ты пойдешь туда, куда я укажу. Когда я сочту нужным, тебе, быть может, и разрешат вернуться обратно в чертоги твоего Крома. А пока — слушай, что тебе говорят, и не пытайся придумать на ходу что-то свое! Эта игра не для подобных тебе.

Весь в поту, посланец Крома прекратил бесплодные попытки; его мощная рука лишь бесцельно тискала топориче. Сделать он ничего не мог, несмотря на все свое могущество.

— А теперь идите! — приказал горбун. — Вас ждет теплая встреча в замке. Смотрите, не подведите меня —

это ведь именно я уговорил моих хозяев выгнать вас всех из Серых Земель! Тебя, конечно, это не касается, — тотчас же, однако, поправился он, кивая в сторону посланца. — Идите, и без глупостей! Помните, я с вас не спускаю глаз.

С этими словами горбун попросту исчез, растворившись в воздухе, даже не дав себе труда отойти в джунгли, как было в прошлый раз.

— Ну и что ты теперь скажешь? — Конан тяжело взглянул на посланца Крома. Тот лишь витиевато выругался, словно был не высоким приближенным могучего Бога Киммерии, а подгулявшим портовым грузчиком.

— Он и впрямь отрезал мне все пути, — с неожиданной болью в голосе признался он. — Меня словно разом все силы покинули... Я ничего не мог сделать, даже пальцем пошевелить...

— Да, жуткий этот горбун... — потянула Белит; лицо предводительницы пиратов казалось необычайно серьезным. — С такими не шутят.

Остальные воительницы дружно закивали головами, хотя слова Белит были произнесены лишь для того, чтобы сказать хоть что-нибудь; однако сейчас подругам Конана было просто страшно и они, забыв на время о своей тяжести, неосознанно тянулись друг к другу в поисках поддержки. Единство, пусть кажущееся, помогало.

Дорога оказалась не из трудных. Неширокий, но сухой и ровный проселок пролегал, точно ущелье, между высоких зеленых стен тропического леса.

— Здесь не обошлось без магии, — мрачно пророчил посланец Крома.

— Это еще почему? — удивилась Белит.

— В джунглях любая тропа зарастает за неделю, — пояснил за посланца Конан. — А тут нет никаких признаков того, что ее расчищают; да и грунт совсем другой, чем в южных лесах! Он скорее смахивает на аквилонский...

— Верно, — кивнул посланец. — Эту дорогу поддерживает волшебство... я ощущаю его присутствие... Мы направляемся к какому-то средоточию древних сил...

Что-то мне все это не слишком нравится, — неожиданно закончил он.

— Не нравится то дело, которое нам навязали, не нравится та сила, против которой нас бросили, или то и другое вместе? — осведомился Конан.

— И то, и другое, — ответил посланец. — Боюсь, нам предстоит встреча с не совсем обычным некромантом...

Шло время. Изредка переговариваясь, они шагали и шагали по удивительно приятной дороге, под неумолчный птичий щебет, провожаемые взорами бесчисленных ярких цветов...

— Что-то все это не слишком похоже на владения чародея, занимающегося столь неаппетитным волшебством, как некромантия, — покачал головой Конан.

Остальные даже не успели ответить ему. Дорога сделала внезапный и крутой поворот, выведя их на открытое место.

Валерия восхищенно вздохнула, Испарана сильно прищурилась, Карела прикусила губу, а Белит только сплонула. Перед ними открылся изумительный вид: долина тихой неширокой речки, к руслу широкими террасами спускались сады; утопая в зелени, среди разноцветных, цветущих кустов стоял небольшой кокетливый замок розового мрамора. Он и впрямь был замком — имел ворота, башни, два бастиона, донжоны, контрфорсы у стен; но все это казалось не более чем детской игрушкой.

Дорога пересекала небольшую поляну и спускалась к реке, через которую был переброшен изящный арочный мост; за мостом проселок превращался в аккуратную садовую дорожку и вел напрямик к парадным воротам игрушечного замка. Стены его были совсем не высоки; из-за них виднелись кроны деревьев.

Все место казалось наполненным каким-то удивительным, радостным покоем, или, быть может, ожиданием чего-то чудесного, что вот-вот может появиться. Было в этом нечто от детских видений и снов, что приходят после рассказанной взрослыми сказки о добрых волшебниках...

— Кто бы тут ни жил, вкус у него неплохой, — процедила сквозь зубы Испарана. — Я, признаться, ожидала увидеть нечто черное, страшное и мерзкое...

— Нечего торчать здесь у всех на виду! — прикрикнул Конан на свой отряд, чуть ли не силой заталкивая воительниц под прикрытие лесных зарослей. В нем тоже зародилось сомнение — туда ли они попали? В пергаменте ничего не говорилось о реке. Киммерийцу вовсе не улыбалось преодолевать ее вброд, тем более, что в крепостных рвах маги частенько селили различных милых созданий, никогда не упускавших случая полакомиться человечиною. Поразмыслив, Конан принял самое простое решение.

— Ждем до вечера, — объявил он. — Стемнеет — пойдем напрямик, через мост. Я уже не мальчик — ползать по всяким лужам...

Его слова были встречены без возражений. Посланец же Крома, похоже, глубоко погрузился в свои размышления, ничуть не оспаривая право Конана распоряжаться и отдавать приказы.

Они устроились шагах в десяти от края леса. Конан установил череду дежурств, но и его подруги и он сам напрасно напрягали глаза — ни на стенах, ни подле замка, ни над ним не появилось ни одного живого существа.

Свечерело. Умолкли голоса дневных птиц; речную долину затопил синеватый сумрак. И лишь тогда Конану и его спутницам, затаившимся в непроглядной тени под корнями какого-то лесного исполина, удалось заметить свет, мерцавший в узкой бойнице привратной башни. Кто-то живой там все же был — если, конечно, этот свет не был простой уловкой для отпугивания трусливых воришек, тех, что дерзают забираться только в пустые дома...

— За мной! — одними губами приказал Конан и они, все семеро, быстро и бесшумно двинулись вперед. Спустились по склону долины, оставили позади деревянный мост и начали подниматься к воротам. Карела уже разматывала веревку с железным якорем — забросить за стену.

— Проклятье, клянусь Кромом, мне совершенно не хочется убивать хозяина этого славного местечка, — неожиданно для самого себя пробормотал Конан себе под нос. Он не раз бывал в логовищах колдунов и черных магов; там даже воздух, казалось, был пропитан злом. А здесь же... Среди роскошных, нарядных цветов тщательно ухоженного сада, среди серебристых листьев с густо-зеленым отливом, в голову отчего-то лезли совсем неподходящие и совершенно невоинственные мысли — о том, что неплохо бы и в самом деле повидать Аквилонию... посидеть за чашей вина в добропорядочном тарантийском кабачке... может быть, даже сплясать. «Кром, наверное, пришел бы в ярость, узнай он, что я могу так думать», — устыдился было киммериец; однако ему потребовалось собрать в кулак всю свою волю, чтобы противостоять умиротворяющей магии этого места.

Им никто не препятствовал. Под прикрытием кустов они двинулись в обход замка, к тому месту, где от кольца внешних стен шла крытая галерея к внутренним постройкам.

— Что ты чувствуешь сейчас? — шепотом осведомился Конан у посланца Крома.

— Ничего, — с оттенком неуверенности в голосе отозвался тот. — Магия была в той дороге, что привела нас сюда — но здесь я не ощущаю ничего.

— А ты не мог бы заглянуть внутрь? Твои чары не способны на это?

— Увы, нет, — вздохнул посланец. — Этот горбун отрезал мне не только небесные пути и воздушные тропы. Он отрезал еще и целую область очень полезных заклинаний, так что я сейчас в лучшем случае могу пригодиться тебе как боец.

— Это уже немало, — желая подбодрить павшего духом, сказал Конан. — Впрочем, мы пришли, если только я правильно разобрал этот чертеж. Карела!

Рыжего Ястреба не требовалось просить дважды. Свистнул брошенный якорь, железные крючья звонко ударились о камень, а в следующее мгновение Конан уже лез вверх. Он намеревался честно исполнить порученное.

5. Розовый дворец

Согласно плану горбуна, парাপет должна была патрулировать стража — однако Конан не услышал их шагов, даже прижавшись ухом к теплому камню. Никто им не препятствовал; на стену один за другим влезли все пятеро воительниц и посланец Крома — а вокруг по-прежнему царило полное безмолвие.

Двор небольшой крепости был залит мягким розоватым светом: на стенах горели многочисленные фонари, освещены были и многие окна в большом, трехэтажном доме, что стоял посреди крепостного двора, окруженный благоухающими зарослями.

— Ни собак, ни сторожей, ни этих самых черных магов... — прошептал посланцу Крома Конан. — Что-то здесь не так. Чует мое сердце, нас заманивают в ловушку!

— Отступать все равно уже поздно, — озираясь по сторонам, ответил тот, поудобнее перехватывая увесистый топор. — Нам вроде бы в эту галерею?

Украшенная тонкой резьбой с инкрустациями дверь из черного дерева тотчас же распахнулась от легкого касания руки. Их взорам открылась длинная галерея, освещенная гирляндами розоватых фонариков; в нишах застыли бронзовые статуи, между ними располагались резные каменные скамьи. Путь был открыт, но Конан не торопился — подобные чересчур легко открывавшиеся двери могли таить за порогом замаскированное смертоубийственное устройство: стоило сделать шаг внутрь и незадачливый вор получал арбалетную стрелу в упор, либо ему на голову рушилась тяжелая решетка с заостренными наконечниками, либо поворачивалась плита пола под ногами...

Киммериец осторожно протянул вперед свой меч. Ничего. Пошарил им вдоль порога, за ним, пытаясь отыскать потайную пружину... И вновь ничего не случилось.

Это было более чем подозрительно. Конану не раз приходилось бывать в подземных храмах, в тщательно охраняемых тюрьмах или сокровищницах, где частень-

ко встречались подобные устройства; однако на сей раз, похоже, путь и впрямь был открыт.

Он медленно и осторожно шагнул через порог. Обутая в сандалию нога коснулась пола сперва одними кончиками пальцев; Конан весь превратился в слух — иногда можно услышать подозрительный скрип или шорох...

Однако все его предосторожности оказались излишними. Дверь в галерею действительно оказалась самой обыкновенной незапертой дверью, без всяких хитростей или ловушек. Вскоре весь отряд киммерийца, уже готовый к бою, крался вслед за ним мимо застывших по сторонам прекрасных изваяний — бывший король Аквилонии поневоле научился разбираться в скульптуре, и он готов бы поклясться, что подобного совершенства ему видеть еще не доводилось. Стройные молодые воины с открытыми и неустрашимыми взорами; прекрасные девушки; умудренные годами старцы — все они провожали киммерийца невидящими взорами, и он внезапно ощутил, что щеки его начинают заливать краска стыда. За что он взялся? Он, слышавший добрым и справедливым королем, которого подданные еще при жизни прозвали «великим»?

Галерея кончилась еще одной парой створок, распахнувшихся так же легко, как и входные.

Киммериец и его спутники оказались в просторном помещении, с расписным потолком и громадными, распахнутыми навстречу ночи окнами. Казалось, они очутились в саду — повсюду прямо из пола росли невысокие кусты самых разнообразных форм, названий которых Конан не знал. По проложенному искусственному желобу журчал ручеек; где-то в ветвях негромко насвистывали невидимые птицы.

— Все точно, — шепнул Конан. — Зимний сад. В углу должна быть еще одна дверь. Там вроде бы обозначен пост, так что приготовились! За ним уже покой самого некроманта!

Когда от часовых тебя отделяет одна лишь двустворчатая дверь, причем стражники не подозревают о твоём приближении, самое лучшее — это брать их на испуг. Входить должно с самым что ни на есть естественным и непринужденным видом, словно ты имеешь полное

право тут находиться и чрезвычайно оскорбишься их намерениями тебя куда-то не пропустить.

Конан со спутниками так и поступили. Двустворчатая дверь приоткрылась, и киммериец с деланно-равнодушным видом шагнул вперед, держа меч в опущенной правой руке. Сейчас раздастся грозный рык стражника... а там посмотрим.

Бывшего короля Аквилонии встретила мертвая тишина. Он очутился в небольшом коридорчике; посредине на полу стояла ваза изумительной работы из чуть светящегося бледно-алого камня, и кроме этой вазы в помещении больше ничего и никого не было.

— План замка что, неверен? — сквозь зубы осведомилась Белит.

— Выбора у нас все равно нет, — утрюмо проворчал киммериец. — До окончательной проверки осталось совсем немного. Эта дверь, — он махнул рукой, — должна быть последней. Откроем и посмотрим, что за ней.

Дверь подалась так же легко, как и остальные. Из щели потянуло теплом, незнакомыми манящими ароматами каких-то экзотических женских благовоний... В следующую секунду Конан и остальные ворвались внутрь.

Это и впрямь оказался покой некроманта. Его самый сокровенный покой, его спальня. И сам некромант тоже был там и, вместо того, чтобы, напрягая все силы своей магии, противостоять дерзкому вторжению, он самым невероятнейшим образом спал, ломая в сознании Конана все представления о тех, кто занимается этой профессией.

Посреди покоя был устроен небольшой мраморный бассейн, заполненный странной посверкивающей зеленоватой жидкостью, явно не водой, хотя и прозрачной. А в самом этом бассейне, точно на пуховой перине, мирно и безмятежно спала самая прекрасная девушка из всех, что когда-либо доводилось видеть Конану.

Обнаженное жемчужно-розоватое тело покоилось чуть ниже поверхности, оставляя на воздухе только лицо. Веки с длинными пушистыми ресницами были смежены; грудь мерно и медленно вздымалась. А от

одного взгляда на линии безупречно вылепленных грудей и бедер у Конана тогчас застучало в висках.

Однако при всем при том девушка эта казалась напрочь лишенной всякой чувственности, о которой прямо-там кричали фигуры пяти воительниц. Она казалась невинной, как весеннее утро; и казалось, что скорбь или боль еще ни разу не касались этого лица своими безжалостными когтями...

Несколько мгновений все молча смотрели. Затем пятеро женщин, как по команде, перевели взгляды на Конана... и тогчас же, словно разом поняв все, творившееся в тот миг у него на душе, дружно и молча ринулись вперед, к бассейну, на берегу заноса клинки.

— Стойте! — заорал Конан нечеловеческим голосом, но его лишившихся рассудка от ревности подруг не остановила бы и сотня тяжеловооруженных панцирников.

В бассейне что-то слабо плеснуло. Девушка приподнялась, держась одной рукой за бортик, глядя по сторонам широко раскрытыми недоумевающими глазами. Ей оставалось жить не более секунды, и Конан уже ничем не мог помочь ей — пять сверкающих клинков ударили разом, но в последний миг девушка успела нырнуть. На поверхности остались лишь роскошные светлые волосы, не пожелавшие следовать за хозяйкой...

Мечи воительниц с размаху врезались в воду — и отскочили со звоном, словно жидкость эта обладала прочностью самых лучших доспехов. Белит с перекошенным от ярости лицом ринулась в бассейн сама — но лишь болезненно охнула, ударившись о невидимую преграду. Казалось, бассейн затянуло невидимым слоем прочного льда.

Железо мечей еще несколько раз ударило в незримый барьер, прежде чем Конану и посланцу Крома удалось оттащить разъяренных, как фурии, воительниц от бассейна.

— Ты сошел с ума! — срываясь на визг, закричала Испарана. — Из-за этой твари с белесыми волосишками ты погубишь и себя и нас! Почему ты предупредил ее? Зачем, зачем ты это сделал!?! — она отбросила меч, голос пресекся яростным рыданием,

более похожим на вой смертельно раненной или лишившейся щенят волчицы.

— Ты взялся убить некроманта и залогом стали не только твоя жизнь, но все наши, — мрачно взглянула Валерия. — А теперь все погибло... Ты и впрямь стал стариком, Конан — лишаешься рассудка при виде нетронутых девочек! Вот подожди, доберись до нее теперь!

Не отвечая, Конан склонился над бассейном... и невольно вздрогнул, потому что бассейн был пуст.

— Для чего вы ворвались ко мне в столь неподходящий час? — вдруг прозвучал нежный переливчатый голос, чистый, точно журчание горного родника. Все невольно подняли глаза — отгораживавшие угол покоя жемчужно-алые драпировки раздвинулись и оттуда появилась исчезнувшая из бассейна светловолосая девушка, уже облаченная в подобие розовой хламиды. Безоружная, она медленно приближалась. Казалось, что она идет, не касаясь пола — на ее одеянии не колыхнулась ни одна складка. Большие миндалевидные глаза такого же, как и у Конана, ярко-синего цвета, скользили по утрюмым лицам воительниц и остолбеневшим — Конана и слуги Крома.

Не дойдя нескольких шагов до живописно замершей группы, девушка остановилась.

— Для чего вы пришли ночью и пытались поразить меня своим оружием? — в ее голосе не слышалось ни злости, ни даже раздражения. — Наверное, вы что-то не так поняли. Разве я сделала что-нибудь плохое кому-то из вас?

Прежде, чем Конан успел остановить ее, Карела прыгнула вперед бешеной пантерой. Кривая сабля вспорола воздух серебристой молнией; удар был нацелен прямо в грудь хозяйки розового дворца.

Клинок со звоном отлетел от незримой преграды. Рыжий Ястреб звучно выругалась.

— Сестра, твое оружие не может причинить мне вреда, разве ты не знаешь об этом? — удивленно обратилась к ней девушка. — Почему ты стараешься убить меня — даже зная, что это невозможно?

— Ты хочешь знать?! Ты хочешь знать?! — Карела затряслась в припадке ярости. — Так вот, знай, красотка,

нам щедро заплатили за твою жизнь — мы должны были отнять у тебя твою, чтобы нам вернули наши!

Несколько мгновений девушка пристально вглядывалась в лицо Карелы, чуть прищурясь, словно перед ней оказалась книга с очень мелкими буквами; а потом вдруг понимающе кивнула головой.

— Да, вас вытащили из Серых Земель... тебя, тебя, и тебя тоже... всех вас, сестры... А вы, братья? Позвольте мне взглянуть на вас...

— Нечего тебе на них бесстыжие свои зенки палить! — взвизгнула Карела, и девушка в розовой накидке вновь обернулась к ней.

— Почему? — последовал недоуменный вопрос.

— Будто не понимаешь! — фыркнула Рыжий Ястреб...

— Не понимаю, — улыбнулась хозяйка. — Надеюсь, ты объяснишь мне этот обычай... чуть позже, когда несколько успокоишься. А теперь я все же взгляну!

Киммериец смущенно кашлянул. Ему, прошедшему все, горевшему, тонувшему, сражавшемуся в бесчисленных битвах, любившему самых прекрасных женщин Старого Света, сделалось отчего-то очень неловко под пристальным взором этих ясных синих глаз. И это невинное, очаровательное существо он собирался убить бесчестным ударом! Да, в его жизни случалось всякое, в свое время он служил и наемником, он врвался в числе первых в обреченные города и потом его там еще долго помнили, но все же...

— Ты живой! — объявила девушка. — Ты живой, но чары изменили твое тело... Мне кажется, я узнаю их... А ты, брат, — она перевела взор на посланца Крома, — ты ведь тоже не из мира живых... но и не из Серых Земель... а, ясно, ты, наверное, из свиты кого-то из правящих народами младших богов... Кром Киммерийский, я не ошиблась?

— Нет, — только и смог выдавить из себя посланец.

— Тогда кто же послал вас сюда?.. Впрочем, я уже догадываюсь. Горбун, не так ли? — лицо девушки потемнело, в громадных глазах появилась тень пережитой когда-то боли. — Он зачаровал вас, он пообещал вам спасение и жизни в обмен на мою смерть, он ведь прекрасно знал, что я не могу пасть от руки Бессмертного... И вы явились сюда! — теперь в голосе хозяйки

звучала неприкрытая горечь. — Еще несколько душ встали в темный строй... — девушка отвернулась от них и, казалось, разговаривала сейчас сама с собой.

— Но кто же ты, хозяйка? — наконец смог выдать из себя Конан.

— Кто я? — девушка чуть улыбнулась. — Вряд ли тебе будет дано понять это, смертный Конан из Киммерии. Скажу лишь, что в свое время я ответила «нет» тому, кто послал тебя сюда... а горбун не умеет прощать обиды. И для того, чтобы отомстить, он и нанял вас... хотя, точнее будет сказать, принудил... Он рассчитал все — только тот меч, что ты держишь в руке, киммериец, смог бы причинить мне вред, меч из ядовитой кости мерзкого порождения темных мировых бездн... — она содрогнулась. — Тогда я оказалась бы в полной власти этого горбуна...

— Но все-таки, кто ты? — Конан вновь повторил свой вопрос.

— Да, прости меня, я отвлеклась, — девушка одарила Конана мягкой извинительной улыбкой, вызвавшей яростное шипение всех пяти воительниц. — У меня много имен. Но в той части твоего мира, где меня знали и где мы находимся сейчас, я известна была под прозвищем Гуаньлинь.

Имя это, судя по всему, ничего не говорило ни Кареле, ни Белит, ни даже Раине, хотя та и прослужила много лет в свите могущественной волшебницы. Посланец же Крома заметно вздрогнул, и лицо его залилось густой краской стыда.

Конану же понадобилось некоторое время, чтобы припомнить — где-то в Кхитае кое-кто действительно поклонялся прекрасной и девственной богине счастья, добра, милосердия и достоинства; однако в ту пору киммерийца куда больше занимали могучие кровожадные Боги тьмы: с ними он сражался насмерть, и ему не оставалось места для милосердия.

— Но что же тогда нам делать, богиня!? — почти простонал посланец Крома, подаваясь вперед. — Ты видишь, ты чувствуешь, ты прозреваешь — мы в полной власти этого горбатого демона, я лишен былой силы, мне даже не воззвать к моему господину! Помогите нам, снимите это ужасное заклятие!

Лицо Гуаньлинь посерьезнело.

— Эти чары я снять не могу, — она покачала головой, и глаза наполнились состраданием. — Ты не знаешь имени горбуна, не знаешь, кто он такой; лучше тебе и дальше пребывать в неведении, потому что с ним не справиться ни мне, ни тебе, ни твоему Крому.

— Что же нам тогда делать? — вырвалось у Белит.

— Дай мне поразмыслить, сестра, — отозвалась Гуаньлинь. — Быть может, мне придется воззвать к высшим Силам великих Иерархий... Но расскажите же мне сперва, как случилось, что вы все оказались в его власти?..

Рассказ Конана длился довольно долго. Пока он говорил, Гуаньлинь сделала несколько незаметных пассов рукой и никто и глазом не успел моргнуть, как все очутились сидящими в прохладных удобных креслах, возле каждого появился столик с фруктами, бокалами и кувшинами — вся посуда из чистого горного хрусталя.

Когда киммериец дошел в своем повествовании до явившего ему двух Божественных игроков видения, Гуаньлинь заметно вздрогнула и прекрасные глаза ее заволокли страхом, и страх этот уже не покидал их все то время, пока длился рассказ Конана.

— ...И вот мы здесь, — закончил киммериец.

Гуаньлинь медленно поднялась, зябко поведя плечами, словно на нее налетел порыв внезапного холодного ветра.

— Скажу сразу — дело куда хуже, чем мне показалось сперва, — сосредоточенно произнесла она, не поднимая глаз. — Я было решила, что все случившееся — дело рук горбуна... имени которого лучше пока не называть. Но, судя по твоему видению, Конан, в дело втянуты и высшие Иерархии, о природе которых сама я знаю очень и очень немного. Горбун давно был как-то связан с ними... А я не придавала тому значения. Быть может, я встала поперек горла только ему одному... а, быть может, и кому-то из его могущественных покровителей... Пока я могу только гадать. Чтобы ответить наверняка, придется... — она внезапно осеклась. — Но об этом вам лучше не знать, смертные. И тебе тоже, — изящная рука указала на посланца Крома.

— Все эти рассуждения не стоят и ломаного гроша! — ощерилась Белит. — Ответь лучше, красотка, что нам делать, когда горбун притянет нас к ответу и потребует назад выданный аванс?

— Я не богиня войны, — покачала головой Гуаньлинь. — Со мной горбуну не справиться, но вот как же мне защищать вас...

— Твой меч, Конан! — внезапно зашипела Испарана. — Если у тебя не хватает духа, дай мне его — я покончу с этим сама.

Киммериец бросил на замбулийку короткий взгляд и лишь крепче стиснул кость эфеса. Лицо Испараны исказилось, она пригнулась в кресле, словно собираясь прыгнуть на Конана.

— Во всяком случае пока вы останетесь здесь, — наконец решила Гуаньлинь. — В моем дворце горбуну до вас не дотянуться... ну а я пока вопрошу Иерархии. Располагайтесь, слуги мои укажут вам ваши комнаты...

— Ну вот это уж вряд ли... — глумливо протянул знакомый Конану голос горбуна и спустя мгновение нескладная фигура в коричневом одеянии и с мечом у пояса спокойно выступила из-за спины Гуаньлинь.

— Ай-яй-яй, Конан, — с насмешкой покачал головой горбун. — Так-то ты платишь за твое спасение! Ты разочаровал меня, очень разочаровал...

— Ты обманул меня! — прохрипел в ответ киммериец. — Здесь нет никакого некроманта! Здесь женщина, а я не убиваю женщин, да еще спящих!

— У тебя короткая память, киммериец, — по-прежнему не обращая ни малейшего внимания на сжавшуюся и со страхом глядящую на него Гуаньлинь, продолжал горбун. — Разве я хоть раз сказал тебе «мужчина»? Некромант может оказаться любого пола; и разве ты предупредил меня, что принял на себя такой обет? — Горбун откровенно потешался. — Но, увы, ты разочаровал не только меня. Ты разочаровал моих покровителей, о существовании коих столь блистательно догадалась проницательная Гуаньлинь, — последовал не то шуточный, не то почтительный поклон в сторону напрягшейся, точно струна, богини.

— Как ты попал сюда, презренный, разве я не закрыла тебе дорогу? — бросила та.

— На один-единственный вечер, моя дорогая, на один-единственный вечер те, в чьей власти погасить и твое и мое сознание, точно огонек свечи, дали мне силы войти, — с неожиданной серьезностью, отбросив ерничанье, ответил горбун. — Так что тебе нечего опасаться... пока нечего.

— И чего же ты хочешь, ты, страшщийся даже назвать нам свое подлинное имя? — презрительно бросил горбуну посланец Крома.

— Я? Да сущего пустяка: объявить вам волю Вышних Сил.

— Ну так что же ты тянешь? — бросила Белит.

— Ни в коем случае. Слушай и внимай, смертный Конан: Высокие Боги дают тебе еще один шанс. Но, поскольку ты оказался куда более слабым, чем мы полагали, второе задание будет совсем другим. Слушайте же, вы, вызванные мной из Врат Смерти воительницы; ты, слуга низшего Бога, и ты, смертный Конан, отодвинутый моей силой от последнего рубежа, слушайте и внимайте — Конан вновь должен стать королем Аквилонии. Он должен свергнуть своего собственного сына, что занимает сейчас престол. Если вы потерпите неудачу и на этот раз, никакие силы уже не спасут вас от ужасов самых кошмарных Преисподних, которые человеческий ум бессилен даже представить себе. Я сказал, а вы услышали!

Несколько мгновений Конан сидел, точно пораженный громом. Смысл услышанного с трудом пробивался к его сознанию; но, когда киммериец в полной мере осознал сказанное, тело его все решило само.

Оно, тело, мягким прыжком взвилось в воздух; сжимавшая меч из кости демона рука описала широкий полукруг, серое лезвие с шипением рассекло воздух. Безупречный удар был нацелен в шею горбуна, однако тот сделал лишь полшага навстречу Конану, нарочито-небрежно вскинул руку, перехватив в воздухе кисть киммерийца, и... горбун одним движением заломил Конану руку, причем проделал это с такой ловкостью и быстротой, что бывший владыка Аквилонии даже не успел ничего понять. Резко вспыхнувшая боль заставила его разжать пальцы и выпустить оружие; сильный

толчок в грудь отбросил согнувшегося киммерийца назад, к тому месту, где он стоял.

— Ай, ай, Конан! — с ехидным упреком покачал головой горбун. — А я-то думал, что ты куда ловчее. Неужели я зря старался, возвращая тебе силы и молодость? Ты, похоже, так и остался глубоким стариком. Воистину, негоже вливать молодое вино в старые мехи!

Боль наконец отступила, рассудок Конана прояснился. Киммериец поднял глаза на подбоченившегося перед ним горбуна, несколько мгновений молча смотрел на кривую усмешку посланца неведомых богов... а потом опустил взгляд и прохрипел:

— Этого ты от меня все равно не добьешься! Гроти чем хочешь...

— Гм! Опрометчивое решение, оч-чень опрометчивое... — протянул горбун. — Но, быть может, твои очаровательные спутницы придерживаются иного мнения? Быть может, им удастся уговорить тебя не делать глупостей? А? Что вы скажете? — горбун повернулся к воительницам. — Я ведь не шучу. Хотите взглянуть на уготовленную вам Преисподнюю? Туда как раз должны были сбросить одну... одну грешницу, что весьма сильно прогневала Богов... Зрелище, обещаю, будет весьма впечатляющее. Ну как, будем смотреть?

— Остановись, Зертрикс, — глухо промолвила Гуаньлинь. — Остановись, проклятый, если в черной душе твоей есть хотя бы одна капля добра и света, заклиная тебя, молю именем творца — остановись!

— Не могу, — вдруг тихо и серьезно ответил горбун Зертрикс. — Не могу, моя повелительница. Силы повластвовавших меня несоизмеримы ни с твоими, ни с моими. А я пока еще не желаю отправляться в ссылку! — Он прищурился и, переведя взгляд на воительниц, продолжал прежним глумливым тоном: — Попробую все же еще раз уговорить тебя, Конан, прежде чем надолго испортить настроение твоим подружкам. Ну рассуди сам — что может помешать моим хозяевам осуществить их капризы? Ничто. И только от тебя зависит, какая участь постигнет принца... точнее, пока еще короля Конана. На тебя наложено будет тогда одно ограничение — ты не сможешь открыть ему истинный смысл происходящего. Иначе — та же кара, что и в

случае невыполнения. И как бы ни сверкал ты на меня глазами, мой милый, это все равно ничего не изменит. Покорись! Ведь другой, которого вместо тебя пошлют на это, не остановится перед медленным сдиранием кожи с твоего сына — и это только для начала...

В висках киммерийца тяжелыми толчками билась густая кровь. Бешенство гнало ее по жилам, бешенство требовало немедленного действия — все равно, какого и с каким исходом.

Но все же не зря он был Конаном, шестидесятилетним Конаном, по чистой случайности оказавшемся в молодом и полном сил теле. Этот уже весьма и весьма немолодой боец отлично понимал, что бесполезно бросаться на неуязвимого противника; не лучше ли попробовать хитрость?

Конан бросил быстрый взгляд на своих спутниц. Белит перехватила его первой:

— Соглашайся! — воскликнула она, подавшись вперед и прижимая руки к груди неосознанным жестом умоляющей женщины; это, наверное, поразило Конана сильнее всего. Неукротимая предводительница пиратов, капитан «Тигрицы» никогда и ни о чем не просила, тем более — не умоляла.

— Соглашайся, Конан!

— Разумные слова, весьма разумные, — одобрительно кивнул Зертрикс. — Но все же я решил показать вам кое-что, а то вы слишком долго колебались...

— Нет! — вскинулась Гуаньлинь.

— Да! — передразнил ее горбун. — Сегодня мой день, богиня, и не тебе вставать у меня на дороге. Но ты, если не хочешь, то не смотри, — и он прищелкнул пальцами.

Прямо перед замершими Конаном и его отрядом за клубился кроваво-черный, с рыжими огненными прожилками туман. Струи его свивались и сплетались, точно громадные удавы; затем в самом сердце этого дикого танца огненно-дымных змей возник небольшой просвет; оттуда хлынул мертвенный желтый свет. Просвет быстро расширялся, и взорам зрителей предстала ясная картина...

Над выжженной, иссушенной невидимым светилom равнины клубились коричневые смерчи. Медленно пол-

зли громадные удушливые облака — Горбун явил Конану лишь видение, однако постарался на славу, и в самом деле перенесся внутрь Розового дворца непереносимое зловоние этих туч. Нигде не было видно никаких следов растительности.

Однако жуткая пустыня кишмя кишела жизнью. Всюду — на вершинах песчаных раскаленных барханов, в ложбинах между песчаными волнами, в тяжелом воздухе — всюду летали, ползали, катались, шагали, тащились, ковыляли, прыгали самые причудливые и неописуемые создания из темных ночных кошмаров. Человеческая фантазия не смогла бы создать подобных монстров; сплошное уродство и гротеск.

Шла непрестанная кровавая охота. Все сражались со всеми и все пожирало всех. Зубы, пилы, клешни, когти и тому подобные смертоносные орудия, которыми в изобилии были оснащены обитатели этого странного места, не знали ни минуты покоя. Тут и там на голой земле валялись дочи́ста обглоданные костяки.

Среди диких творений разгулявшейся фантазии неведомых Богов медленно бродили высокие фигуры, смахивавшие на огромных обезьян. Длинные руки свисали до земли: под гладкой черной кожей перекачивались бугры мускулов, жутковато, багрово просвечивавших через покровы — казалось, там текут струи расплавленного металла. В глубоких глазницах, точно уголья, горели дикие, лишенные даже зачатков разума глаза. Твари эти казались здешними хозяевами — никто не осмеливался заступить им дорогу.

А потом жуткое безмолвие, нарушаемое только хрустом непрестанно жующих челюстей, внезапно нарушил истошный, отчаянный женский визг. Видение тотчас же изменилось — пробивая ядовитые желтые тучи, вниз к земле камнем летела белая фигурка обнаженной молодой женщины.

Она была хороша собой — успел понять Конан; успел понять только это, потому что в следующее мгновение несчастная рухнула прямо на песчаный откос пологого длинного бархана.

Она упала удачно — во всяком случае, осталась жива. Судя по всему, она не слишком понимала, что

с ней произошло, и попыталась подняться на ноги; видно было, что раскаленный песок обжигает ей пятки.

А потом... Того, что случилось потом с ней, Конан не пожелал бы и злейшему своему врагу. Разбежавшись было твари, напуганные шумом падения, оправившись от неожиданности, и со всех сторон двинулись к ней. Она истошно вскрикнула, метнулась в одну сторону, в другую... Кольцо жутких тварей быстро сжималось. С побелевшим лицом и расширенными от ужаса глазами женщина шагнула назад раз, другой... а потом нечисть, как по команде, бросилась на нее со всех сторон.

Крик несчастной, казалось, будет вечно звучать в ушах Конана. А самым же страшным было то, что жертва продолжала жить, несмотря на страшные рваные раны и неустанную работу челюстей и клешней. Песок покрылся кровью, внутренности вывалились, а она все жила, не теряя сознания...

А потом к месту кровавого пиршества подоспели черно-багровые демоны, те, что походили на гигантских обезьян, и началось самое ужасное. Демоны отогнали хищную свору и «сложили» несчастную «по кусочкам» обратно — чтобы немедленно приступить к удовлетворению своей похоти.

И тогда Гуаньлинь вскочила на ноги. Кроткие глаза ее превратились в два пылающих яростью костра; все тело трепетало в неистовом порыве, казалось — она сейчас вопьется в горло Зертриксу зубами. Горбун даже невольно отшатнулся, несмотря на всю свою самоуверенность.

— Я приказываю — освободись, душа! — громко и властно произнесла Гуаньлинь, простирая руки в повелительном жесте. Взор ее пылающих глаз был направлен на терзаемую демонами несчастную, и черно-багровые фигуры на миг отскочили от жалкого подобия человеческого тела, которое все еще служило им игрушкой; отскочили, но лишь на секунду, сила доброй богини была явно недостаточна для того, чтобы защитить жертву; пользуясь нерешительностью демонов, на тело бросились пожиратели и спустя мгновение на песке остались лишь дочи́ста обглоданные кости да пятно крови...

— Она умерла. Это все, чем я могла помочь... — выдохнула Гуаньлинь, обессиленно опускаясь на пол. Глаза ее заволоклись мглой.

Воцарилось мертвое молчание. Конан бережно подхватил на руки невесомое тело Гуаньлинь и осторожно дал ему соскользнуть в бассейн. Это подействовало: глаза хозяйки Розового Дворца вновь приоткрылись.

— Ну, теперь вы все видели, так сказать, своими глазами, — горбун потер руки, точно приказчик после удачной сделки. — Я думаю, это несколько поколеблет решимость вашего предводителя. А, Конан? Ты еще не отказался от глупого упрямства?

Киммериец стиснул зубы. Пока этот горбун был ему не по силам; но что-то подсказывало киммерийцу, что их встреча — не последняя; и откуда-то пришла твердая, будто камень, уверенность, что они еще посчитаются и что тем или иным способом он, Конан, найдет возможность покончить с Зерттриксом.

— Конан, умоляю тебя, — глухо промолвила Раина. — Нам не найти спасения даже за гранью смерти! А твой отказ все равно не спасет принца...

— Весьма разумно! — одобрил горбун. — Вижу, число здравомыслящих растет не по дням, а по часам.

— Хорошо, — глухо раздался голос Конана. Все вздрогнули — впечатление было такое, что заговорил мертвец.

— Ты согласен? — тотчас же подскочил к нему горбун.

— Согласен, — прежним голосом проговорил киммериец.

— А, я вижу, что мелкая надежда у тебя все же осталась... — внезапно прищурившись, заметил Зерттрикс. — Такая маленькая, наивная и неуклюжая надежда — сейчас я соглашусь, а потом, как знать, вдруг да и смогу обмануть этих извергов? Не отпирайся, я читаю твои мысли, для меня они все равно что открытая книга — так, по-моему, принято говорить у вас, людей? Что ж, не буду лишать тебя этой надежды. В противном случае игра потеряет всю свою привлекательность. Ну, хорошо. Тогда не будем терять времени. Понял ли ты задание, Конан? Ты должен свергнуть своего сына — не устранить, попросив на полчаса

уступить тебе трон, а именно свергнуть! И, напоминая лишний раз, ты не вправе ничего ему рассказывать. Твои очаровательные спутницы, и ты, слуга Крома, вы поможете ему. А с тобой, Гуаньлинь, я прощаюсь, — горбун с усмешкой поклонился. — Мы расстаемся, но помни, что если я выполню волю пославших меня Высоких богов, моей наградой станешь ты! Я уже испросил это.

Гуаньлинь смертельно побледнела, словно простая смертная.

— Давай, обращай к своим защитникам, — вдруг с непонятной и злой горячностью бросил горбун, разом утративший все свое спокойствие. — Вооружайся, возводи барьеры, призови всю свою магию — тебе уже ничто не поможет. Лучше приведи в порядок праздничный гардероб, — закончил он уже обычным своим ерническим голосом, видимо овладев собой.

— Я не стану отвечать тебе, дитя мрака, — медленно произнесла Гуаньлинь, — скажу лишь, что сделаю все — не для того, чтобы спасти себя от постылого брака, но ради жизней тех, кого ты обманом и принуждением толкаешь на страшный путь злодейства. Ты понял меня, Зерттрикс?

— Я понял тебя, Гуаньлинь, — зло прищурившись, ответил горбун. — Я понял тебя очень хорошо. Будь уверена, я во всех подробностях изложу твои слова Высоким Богам, посмотрим, что они скажут!

— Их капризам когда-нибудь должен быть положен конец! — вспыхнула богиня. — Сила не может быть безответственной!

— Ну, это уж не нам решать, — с шутовским смирением пожал плечами горбун. — А теперь, извини, нам пора. Иди за мной, Конан.

Зерттрикс повернулся и, не оборачиваясь, двинулся к дверям. Киммериец и его спутницы последовали за ним.

За несколько шагов до порога горбун небрежно взмахнул рукой, словно отгоняя надоедливую муху; взмахнул — и в проеме развернулся дрожащий, переливающийся мглистый занавес.

— Вам сюда, — церемонно поклонился Зерттрикс. — Вы окажетесь на границе Аквилонии. Как вы затем

будете действовать — ваше дело. Но помните! Над каждым из вас довлеет судьба. И, поверьте, участь вашу стану решать не я.

Конан молча шагнул к радужному занавесу, однако Зертрикс внезапно удержал его.

— Чуть не забыл! — губы горбуна вновь искривились в усмешке. — Я бы хотел показать тебе и еще кое-что.

— Я не нуждаюсь в твоих обманных миражах, — прорычал киммериец, и уже было отодвинул Зертрикса в сторону плечом, как тот схватил Конана за локоть.

— Нет, я не собирался пугать тебя. Однако не слишком ли быстро ты, киммериец, забыл о тех, кому удалось победить тебя там, в джунглях, возле каменного алтаря забытых богов, о тех, из чьего подземелья некто иной, как я, имел честь вытащить тебя, о непобедимый герой Аквилонии? Так вот, я недооценил тех тварей из бездны. Каким-то образом они ухитрились выследить тебя. Точнее, не они сами, но их сподвижники, та премилая коричневокожая компания, что сумела захватить в плен твоих людей. Ты, оказывается, действительно нужен им, киммериец! Не знаю уж зачем... — тут же поспешил добавить Зертрикс, однако глаза его как-то по-особенному вильнули в сторону и Конан понял, что его враг сейчас лжет.

Горбун знал, зачем Конан мог понадобиться коричневокожим, как знал и то, что со стороны хозяев заброшенного храма это желание отнюдь не было пустым капризом или нелепым суеверием... Где-то глубоко-глубоко в самой природе — или в самой судьбе Конана — скрывалось нечто, за чем столь упорно охотились коричневокожие. Теперь найти это в себе самом предстояло киммерийцу.

— Так что ты хочешь сказать? — Конан бросил на горбуна презрительный взгляд.

— Только чтобы ты был бы осторожен, — язвительно улыбнулся тот. — Высоким Богам ведь будет все равно, по какой причине ты не выполнил их задание.

— А ты можешь показать мне тех, кто вышел на охоту?

— Нет ничего проще, — расшаркнулся горбун. — Смотри!

Ловкие гибкие пальцы щелкнули еще раз перед самым лицом Конана. Очевидно, горбун Зертрикс, кем бы ни был он в действительности, и впрямь мог заткнуть за пояс любого мага и чародея хайбрийских стран. Он не нуждался ни в каких колдовских аксессуарах, вроде руки задушенного матерью младенца или кисточки из волос девственницы, убитой собственным отцом, и обесчещенной им же уже после смерти. Один щелчок пальцами — и на поверхности радужного занавеса появилось новое изображение.

...Низкое небо яростно плевалось короткими алыми молниями. Черные деревья, искривленные, изломанные, стояли в гниющей воде мелких болот. То тут, то там на поверхность неподвижной воды поднимался блеклый, тускло светящийся пузырь, дававший немного света. Между уродливых стволов была проложена тропа из ошкуренных бревен. По узкому осклизкому настилу, обвязавшись длинной веревкой, шла цепочка воинов. Приглядевшись, Конан без труда узнал в них своих коричневокожих приятелей. Они несли на себе полное вооружение, однако в тот момент киммерийцу не было дела до того, каким именно способом эти вдохновенные господа вознамерились лишить его жизни. Замерев от ужаса и отвращения, он смотрел на предводителя странной цепочки — белесое полупрозрачное существо, точно сотканное из плотных туманных струй. Больше всего оно напоминало улитку с содранным панцирем и длинной, выдающейся вперед крокодильей пастью. На длинных мясистых отростках зыркали по сторонам два каких-то подгнивших, источающих гной глаза.

— Они идут сейчас закрытой для смертных дорогой через один из принадлежащих Демонам миров преисподней, — вполголоса пояснил Зертрикс. — Мне стоило некоторого труда разыскать их и показать тебе. Они настолько одержимы мыслью найти тебя, что отдали свои души на съедение демонам — как плату за проход по этой бездне. Их боги смогли проведать, кто и как увел бесценного пленника из заваленной подземной тюрьмы. Их боги сумели установить, что я намереваюсь отправить вас обратно в хайборийские земли... надеюсь только, они не знают, зачем мне это потребовалось.

Так что будь бдителем, Конан из Киммерии! Эти одержимые могут оказаться страшными противниками.

— Спасибо за предупреждение, — насмешливо бросил Конан и, оттолкнув-таки горбуна с дороги, решительно шагнул за переливающимся занавес. И последнее, что он успел услышать, прежде чем страшная сила рванула его куда-то в бездонную и беззвучную пустоту, были слова Гуаньлинь:

— Я постараюсь помочь! Верь мне, Конан!

А потом все чувства разом оставили его.

6. Аквилонский рубеж

На стыке границ между Зингарой, Аргосом и Пуантеном, самой южной из аквилонских провинций, где подле северной оконечности Рабийских Гор быстрая Алимана сливается с могучим Хоротом, издревле жил мирный, совсем не воинственный народ. Три больших государства как-то на удивление безболезненно поделили этот клочок земли. По Хороту шел основной поток грузов для не имевшей выхода к морю Аквилонии, и обитатели этих мест не бедствовали. Они никогда не затевали ссор с воинственными пуантенцами — те как-то не обращали внимания на эту мелюзгу, занятые пограничными спорами с коренной Аквилонией, а потом правителям Тарантии удалось направить эту воинственность на извечного противника Аквилонии — соседнюю Немедию...

По ухоженному, не в пример иным местам, проселку быстрым шагом двигался странный отряд. Впереди шагал могучий воин в полном вооружении со странным мечом — эфес его являл собой грубую, необработанную и неудобную для руки кость, как будто бы только что выломанную из чудовищного сустава.

Конан вел своих спутников к обитаемым местам. Когда удушающие объятия магии Зерттрикса наконец выпустили его, киммериец увидел, что стоит на длинном и низком мысу у слияния двух рек. Место он узнал сразу — устье Алиманы, возле самой пуантенской границы.

— Однако странно, — сказал сам себе Конан. — Раньше по Хороту баржи и плоты шли сплошным потоком — по крайней мере, пока я был королем и держал зингарцев с аргосцами в узде... Неужто Конн... — брови киммерийца сдвинулись.

— Что ты намерен делать дальше, Конан? — посланец Крома тронул бывшего короля Аквилонии за плечо. — Эти места мне незнакомы, вдобавок... как это сказать... я уже давно служу нашему Отцу и... несколько отвык передвигаться подобным образом...

Конан замедлил шаг. Прислушивавшиеся к их разговору воительницы подошли поближе.

— Я чувствую, что надо мной будто бы топор палача подвесили, — хмуро проговорил киммериец. — Слово кто-то постоянно глядит мне в спину и только и ждет, чтобы я сделал нечто, нарушающее договор...

— Да, да! — воскликнула Белит. — Со мной то же самое!

Остальные спутницы киммерийца дружно поддержали ее, даже Карела.

— Давно ль ты отвечаешь невпопад, сын Киммерии? — несколько обиделся посланец Крома. — Я задал тебе вопрос.

— А какой сейчас может найтись ответ? — огрызнулся Конан. — Кроме как идти к Тарантии, я ничего не могу придумать. Нам запретили говорить о чем-либо Конну; но со жрецами Митры или, скажем, Асуры-то я могу поговорить?

Посланец Крома с сомнением покачал головой.

— Вряд ли тебе помогут самые низшие из слуг этих божеств, — заметил он. — Но, за неимением лучшего... Где тогда нам отыскать ближайший храм?

— В Пуантене, где же еще, — буркнул Конан. — Я вас туда и веду.

Однако далеко в тот день им уйти не удалось. Широкий наезженный проселок вывел их к покрытой садами широкой долине; по левую руку остался берег Алиманы, а впереди замаячила небольшая и очень уютная на вид деревушка с аккуратными глинобитными домиками под желтыми тростниковыми кровлями.

— А не думаешь ли ты, Конан, что тебе не следовало бы ходить туда? — внезапно заговорила рассудительная

Раина. — Ты ведь сейчас — точь-в-точь старый король Конан Великий; ты не думаешь, что народ тотчас же разбежится от ужаса, узрев тебя во плоти? Не лучше ли тебе дожидаться, пока мы сходим на разведку и вернемся?

В словах Раины был здравый смысл, и Конан уже хотел было согласиться; но тут в деревню влетел всадник на взмыленном коне; в руках он держал высоко поднятое острием вверх красное копьё с подвязанным к нему багрово-алым флажком.

— Это что еще такое? — вытаращил глаза Конан. — Аргосский знак войны!

Они всемером стояли на южном гребне долины. И, словно в гигантском театре, они увидели, как мирная деревенька мгновенно преобразилась, словно ее обитатели только и ждали этого знака. Из домишек выскакивали их обитатели, что-то неистово вопя и размахивая самодельным оружием, в основном — вилами и топорами, только пересаженными на более длинные рукоятки. Никто не остался в стороне: даже древние старики и старухи тянули высохшие руки, сжимавшие серпы и кухонные ножи.

Орущая и воющая толпа окружила вестника, осадившего коня на небольшой деревенской площади. Всадник в запыленном, заляпанном грязью сером плаще приподнялся в стременах и зычно выкрикнул, потрясая красным копьём:

— Время сбора! Время сбора! Вставайте все под знамена короля Ариосто! Поход на Тарантию! Время сбора! Время платить долги!

Толпа встретила эти слова дружным и неистовым ревом, словно тут собрались кровожадные пираты Бараха, а не мирные аргосские крестьяне. Закачался целый лес самодельных пик, кто-то, истощенно вопя, размахивал пылающим факелом, не заботясь о том, что летящие в разные стороны огненные брызги могут попасть на сухие тростниковые крыши; кто-то пустился в дикий, иступленный пляс, кто-то повалил визжащую женщину прямо в дорожную пыль, лихорадочно задирая ей полотняную юбку... Никто ни на кого не обращал внимания, казалось, в одночасье спали все запреты, исчезли обычаи, правила, заповеди; мирные землепашцы превратились в озверевшее стадо демонов.

— Что с ними могло случиться? — услышал Конан потрясенное бормотание Карелы, однако он и сам был удивлен никак не меньше своей спутницы.

Тем временем толпа поселян, похватав заплечные мешки, гурьбой повалила по ведущей на север дороге вслед за всадником с красным копьём. В деревне остались лишь несколько уж самых древних старух да несколько малолетних детей при них. Все остальные обитатели ушли; и мужчины и женщины, и было брошено все имущество; скот, птица: никто не остался следить за ними.

Пыль, взбитая десятками и сотнями ног, еще не успела осесть, когда Конан заметил на опустевшей площади привязанного к дереву человека в золотистом одеянии жреца Митры.

— За мной! — коротко скомандовал киммериец. Через несколько минут его отряд уже бежал по деревенской улице, распутивая беспечных кур и поднимая нежившихся в грязных лужах свиней.

Деревня казалась вымершей; немногочисленные оставшиеся ее обитатели не показывались.

Привязанный к дереву жрец был без сознания. Его одеяние было разодрано, лицо украсили многочисленные кровоподтеки. Несчастного привязали как раз напротив небольшого храма Митры, совсем недавно — прибранного и аккуратного, украшенного немудреными цветочными гирляндами, что плели в дар Солнечному Богу местные девушки, а ныне — разгромленного и разграбленного. Двери были сорваны, окна — выбиты, алтарь и небольшая статуя Митры свергнуты с пьесталента; из зияющего дверного проема остро разило нечистотами.

Раина сунула Конану в руку кожаную флягу с водой; киммериец поднес горлышко к запекшимся губам жреца. После нескольких попыток им удалось напоить его и привести в чувство; однако прошло еще немало времени, пока жрец смог говорить.

Его глаза изумленно расширились при виде склонившегося над ним сурового лица Конана.

— Мой повелитель... — прохрипел несчастный, делая попытку соскользнуть на пол и поклониться. Конан силой удержал его.

— Почему ты называешь меня повелителем? Разве это земли Аквилонии и разве я — ее король?

— Конечно, господин. Это южный рубеж Пуантена. А не узнать тебя я не мог — я учился в Тарантии... Я видел тебя... пока ты еще не передал престол твоему сыну, принцу Конну... Ты вернулся, государь! — глаза жреца лихорадочно блеснули. — Ты вернулся, и теперь все пойдет по-иному...

И вот что рассказал им Эрмитреус, молодой жрец Митры, с отличием прошедший обучение у самых знаменитых богословских учителей Тарантии, однако избравший нелегкий путь жреца в небольшой южной деревеньке, чтобы иметь возможность помогать тем, кто действительно нуждается в его помощи и утешении.

Долгое время местные жители были действительно кротким и миролюбивым народом; однако некоторое время назад — примерно с месяц — их словно бы подменили. Все внезапно заговорили о каких-то понесенных от Аквилонии «обидях». Понятно, что никто не мог привести никаких доказательств; впрочем, в них и не нуждались. Главным было — проклясть Аквилонию и тарантийских правителей.

Волна безумств стремительно охватывала аквилонское пограничье. На западе, в Зангаре, вдруг ни с того ни с сего припомнили недоброй памятью герцога Гваралидского, Панто, что попытался как-то раз напасть на Аквилонию; авантюрист, ни во что не ставивший жизни простых зингарцев, обманувший их лживыми посулами и трусливо сбежавший при виде грозного воинства Аквилонии, бросив на произвол судьбы свою армию, вдруг стал почитаться чуть ли не святым. Народ Зингары внезапно преисполнился жадой мщения. До Эрмитреуса дошли слухи, что рати собираются и там. Восточнее, в Аргосе, творилось то же самое.

Старые недруги, Офир и Коф, вновь подняли головы. В Офире поминали «доброго» короля Амальруса, в Кофе — Страбонуса. Достопамятная Шамарская битва дорого стоила этим двум королевствам; однако там все как по волшебству забыли, что причиной ее стало коварство этих двух королей, ложью и обманом заманившими Конана в ловушку...

— Вести поступают ко мне из многих мест, — хрипел жрец. — Их приносит голубиная почта, но последнюю неделю новостей почти не было. Многие храмы Митры подвергаются разорению и осквернению, служителей Солнечного Света предают мучительным казням... Если бы не ты, господин, мне бы тоже не удалось дожить до сегодняшнего вечера. Но теперь ты вернулся и все будет хорошо.

Конан отвернулся, не в силах видеть горящего безумной надеждой взора. Как сказать этому несчастному, что он-то послан сюда с совершенно иной целью!

Речь жреца тем временем становилась все более и более бессвязной. Похоже, у него начинался бред. Конан поспешил осмотреть тело, однако не нашел ни одной раны, что могла бы угрожать жизни. И тем не менее Эрмитреус умирал.

Агония молодого жреца была недолгой. Не прошло и четверти часа, как глаза его навсегда закрылись.

— Здесь не обошлось без магии, — угрюмо бросил Конану посланец Крома, помогая киммерийцу копать могилу.

— Да, и я сам об этом подумал, — проворчал в ответ тот. — Чья-то воля заразила безумством жителей окрестных земель; бедняги! Их же всех гонят, считай, на убой — разве такие землепашцы выстоят хоть минуту против моих Черных Драконов?!

— Не торопись сбрасывать их со счетов, Конан, — покачал головой сподвижник Крома. — Если в дело вмешалось волшебство, то можно ждать всего. Например, у всех твоих воинов вдруг завянут в ножнах мечи...

— Хотел бы я знать, что творится сейчас в Немедии и пиктских Пущах, — проронил задумчиво Конан. — Готов прозакладывать руку, они поднялись тоже. Те, наверно, — он ткнул пальцем в небо — не играют по мелкому. Сдается мне, Аквилония уже в кольце. Я бы, по крайней мере, на их месте поступил бы так.

— Не вижу, какое значение это имеет для нас, — неожиданно вмешалась в разговор Испарана. — Что нам было приказано? Сместить с трона твоего сына, Конан. Так зачем мы теряем здесь время? Надо дви-

гаться к Тарантии. Там будет видно — быть может, удастся сохранить жизнь Конну.

— Разумно, — сквозь зубы бросила Карела. — Может, все же прислушаешься к нашим словам, Конан? Сила соломой ломит. Бороться с богами бессмысленно, тем более со столь могущественными.

Киммериец скрипнул зубами, однако ответить по существу ему было нечего. Не теряя больше времени, маленький отряд двинулся на север, вслед за ушедшим крестьянским воинством.

Час проходил за часом, дорога постепенно расширялась. Вокруг расстилалась богатая страна. Апельсиновые и пальмовые рощи, широкие луга — так что же заставило ее обитателей бросить все нажитое, похватать первое попавшееся под руку оружие, которое, собственно, с большой натяжкой могло называться таковым, и последовать за исконными врагами этих краев?

Отряд Конана миновал несколько опустевших деревень. Однако выяснилось, что к армии аргосцев присоединились не только поселяне. Ушли и владельцы пограничных замков, ушли сами и увели с собой всю многочисленную челядь и рыцарей. У киммерийца невольно стиснулись кулаки. Пуантенцы! Самые верные, самые надежные, не раз выручавшие его в трудные дни друзья — и вот идут вместе с обезумевшими толпами врагов Аквилонии...

Они остановились на ночлег в одной из оставленных крепостей. Просторные залы выглядели словно после поспешного бегства — похоже было, что здешние обитатели бросили все нажитое, захватив только оружие. Дверь небольшой сокровищницы даже не была заперта. В конюшнях стояли лошади и дальше отряд двигался уже верхом.

На следующий день они увидели впереди дым многочисленных пожаров. Шла уже настоящая война. Очевидно, магия неведомых Чародеев-Богов далее не распространялась.

— Надо обогнать эти орды, — сумрачно бросил спутникам Конан. Киммериец чувствовал себя совершенно омерзительно — потому что даже отдаленно не представлял себе, что делать дальше. «Пробираться в

Тарантию!» Слишком расплывчато для бывшего короля, привыкшего повелевать многотысячными армиями...

Около полудня им попался еще один брошенный замок.

— Остановимся здесь, — внезапно обратилась к киммерийцу Белит. — Не забывай, мы теперь не призраки, и нам не под силу мотаться весь день в седлах, точно диким амазонкам!

Конану показалось, что глаза предводительницы пиратов смотрят через чур уж хитро; остановка здесь была совершенно бессмысленной и киммериец, конечно же, воспротивился.

И тут впервые все пятеро воительниц дружно накинулись на него, впервые вечно ссорящиеся соперницы оказались заодно, и даже Карела на время прекратила свою вечную пикировку с Белит.

— Некогда нам! — выйдя из себя, заорал Конан. — Вы что, не видите, что творится?!

Его спутницы переглянулись.

— Нам от тебя кое-что нужно, Конан, — наконец выдавила из себя Раина.

— Это что ж такое? — хмыкнул киммериец.

И после этого ему простыми словами и распространенными простонародными жестами было объяснено, чего, в сущности, от него ждут. Совсем несложного. Куда более естественного, чем драки с колдунами, поединки с чудовищами и тому подобные бессмысленные дела, на которые недалекие мишжины почему-то тратят большую часть своей жизни...

— Мы ведь теперь люди, — закончила Испарана. — И ничто людское нам не чуждо, Конан. Мы долго спорили и решили, чтобы никому не было обидно — ты должен побыть со всеми. Очередность решит жребий.

Признаться, Конан не ожидал подобного. Да, он любил утехы плоти, сам по молодости предавался им, бывало, в совершенно неподходящем месте или в неподходящее время... Но сейчас... и, главное — с НИМИ... кто еще несколько дней назад были покойниками... кого подняла из безмолвия и праха могил жуткая воля Неведомых... Было в этом что-то извращенное,

чего всегда сторонилась буйная, но предпочитающая естественные удовольствия натура Конана.

— Ну уж нет, — он покачал головой. — Не до того сейчас, красавицы.

— Да чтоб сожрали тебя твои Неведомые Боги! — топнула ногой Белит. — Ты не понимаешь, что нам нужно забыться? Хоть на миг перестать думать о том, что будет с нами, если мы не выполним то, что нам велели?! Когда мы плавали на «Тигрице», Конан, тебя не приходилось просить и одного раза! Может, ты совсем растерял пыл с годами?!

Снести подобное было выше сил киммерийца.

— Ах, так?! — зарычал он, подбочиваясь. — Ну, это мы еще посмотрим!..

Воительницы обменялись между собой торжествующими взглядами. Отчего-то в этот момент они перестали ссориться.

Кавалькада свернула с широкой дороги на ведущий к брошенному замку проселок. Еще пять минут скачки — и копыта зацокали по плитам мощенного камнем двора. Дверь в главную башню была распахнута настежь.

Раскрасневшаяся, с шалыми глазами Белит молнией слетела с седла.

— Помните, что я — первая! — выкрикнула она товаркам и бегом бросилась вверх по ступеням сложенного из гранитных глыб крыльца. Киммериец последовал за ней, посланец Крома отстал, он держался нарочито-равнодушно — и потому, наверное, первым заметил опасность.

Прямо над головой неистойой Белит, словно чудовищный цветок, распустилась тонкая черная сеть, сотканная из почти невидимых нитей. Предводительница Алого Братства не успела и глазом моргнуть, как оказалась спеленута по рукам и ногам. Вербки накрепко притянули к телу ее правую руку; левая успела выхватить небольшой кинжал, но лезвие бессильно скользило по тонкой паутине сетей: очевидно, эту снасть защищало какое-то чародейство!

И отовсюду — из-за надворных построек, из отвальных люков подвалов, из темного нутра опустевших

монюшен на отряд Конана со всех сторон ринулись коричневокожие воины. И на миг киммерийцу почудилось, что за каждым врагом тянется быстро исчезающий бледно-огненный след...

— К мечу! — заорал Конан, забыв, что он не во главе эскадрона Черных Драконов. Сам он успел соскочить с коня и отпрыгнуть к стене до того, как волна врагов докатилась до него.

Ворота замка-ловушки со скрипом захлопнулись. Отряд оказался в западне. Боги забытого всеми странного народа с крайних восточных окраин великого континента оказались способны подстроить мелкую пакость своим удачливым соперникам и, если и не расстроить их планы, то, по крайней мере, проследить пути их слуг.

Отряд Конана оказался захвачен врасплох. В прекрасных головках воительниц роились весьма далекие от бранных дел мысли; накотившийся коричневый вал смял их и разбросал в разные стороны. Киммериец видел, что у Валерии вырвали из руки ее боевую цепь; Карела получила тяжелый удар по шлему и с трудом удержалась на ногах. И только Райна с Испараной встретили нападение так, словно ожидали его все это время.

Не подвел и посланец Крома. Воин лихо присвистнул, вскинул увесистую секиру — и на камнях расprostерлось первое тело, аккуратно разрубленное надвое — от плеча до промежности.

Отчего-то коричневокожие воины не пускали в ход колющее и рубящее оружие. Очевидно, они получили приказ любой ценой взять Конана и его спутников живыми. Поэтому в основном они пользовались увесистыми дубинками без шипов, пригодными скорее для того, чтобы оглушать, а не убивать.

Белит билась в сети, точно бешеная пантера. Казалось, она лишилась рассудка от ярости. Гибкое тело то выгибалось тугой дугой, то вдруг с неистойой силой распрямлялось: кинжал в левой руке по-прежнему пытался перерезать стягивающие ее путы.

— Держись, мы идем! — взревел Конан, видя, что шестеро коричневокожих вознамерились утащить пер-

вую пленницу в глубь замка. Вдвоем с посланцем Крома они рванулись вперед и некогда было уже спрашивать, почему слуга Владыки Киммерийцев решил наконец обогреть свою секиру в крови...

Дорогу им преградил плотный строй. Кто-то из коричневокожих уже размахивал арканом, кто-то готовился метнуть боло, кто-то разворачивал сети; большинство подняло свои дубины.

Два бойца ворвались в толпу врагов словно два медведя в стаю охотничьих псов. Конан утробно рычал от ярости; прежний, молодой боевой азарт опьянил его, превратив в презирающего смерть берсерка. Меч из кости демона как никогда удобно лежал в руке.

Первый же взмах серого клинка рассек надвое уже лежащую на Конана сечь. Второй легко, словно невесомый прут, отбросил подставленную было дубину и отделил голову незадачливого противника от коричневого туловища. Фонтан крови брызнул в лицо Конану, и запах этой крови только удесятирил его ярость.

Только теперь Конан понял, какой сказочный дар вручили ему равнодушные Боги; тело повиновалось, как в лучшие дни молодости, а к мощи юных мышц прибавился накопленный опыт. Сейчас киммериец мог смело выйти один против нескольких десятков.

Конан перешагнул через поверженного, уже намечая себе нового противника, когда отстававший на два шага посланец Крома внезапно глухо вскрикнул.

Это был крик смертельно раненного, крик пораженного насмерть; невольно киммериец обернулся и волосы у него на голове тотчас же встали дыбом.

Отрубленная голова медленно катилась обратно, к бездыханному туловищу, жутко оскалась и дико вращала глазами. Кожа на щеках, лбу, подбородке, лопалась и отваливалась большими лоскутами, из-под которых проглядывало нечто иссиня-черное, кипящее, маслянисто поблескивавшее. Глаза стремительно багровели и начинали светиться, превращаясь в жуткие буркалы голодного демона.

Через несколько очень долгих секунд с хлюпающим звуком — точно сплюнула громадная пасть — из черной плоти вылетел ненужный белый череп.

Сражение остановилось само собой. Противники с равным ужасом глядели на совершающееся превращение; тем временем голова докатилась, наконец, до среза шеи, прижалась к зияющей ране... и по руке, груди и спине поверженного зазмеились длинные черные трещины, как будто раскалывалась глыба скального монолита.

Черное, словно ночь, существо приподнялось, оставив на земле дочиства обглоданный скелет. Оно не имело ни рук, ни ног — столб черной плоти, полужидкой, кипящей, с лопающимися на поверхности мириадами зловонных пузырьков. Два красных глаза занимали половину того, что только что было человеческим лицом. Эти глаза были лишены зрачков; не походили они и на тлеющие угли — это было самое настоящее багровое пламя, жадное, живое, жгучее; в самой его середине время от времени проскальзывали ослепительно-белые яростные искры.

На месте зарубленного Конаном противника стоял голодный демон из бог весть какой Преисподней. Смерть одержимого открыла его хозяину дорогу в мир, населенный лакомыми живыми кусками мяса.

Взор пылающих глаз вперился в киммерийца, и Конан почувствовал, как по спине начинает струиться ледяной пот. Похоже, что этой твари было явно не все равно, кого пожирать, она знала своих врагов.

Мгновение... еще одно... и еще... Страшную тишину разорвал дикий вопль Испараны, перешедший в истошный визг. От ужаса тряслись и коричневокожие воины — они поняли, что ждет их после кончины.

Ноги Конана, казалось, приросли к земле. Он не раз насмерть схватывался с обитателями темных бездн — чего стоил один достопамятный Дивул! — однако те демоны походили либо на уродливое подобие человека, либо на уж ни с чем не сравнимое чудовище и с ними, как казалось теперь Конану, было легче. Сейчас же, под мертвым взглядом пылающих глазниц, Конан понял, что стоящая перед ним тварь не просто абсолютно чужда ему (с Дивулом можно было хотя бы обмениваться отборной бранью и стороны прекрасно понимали друг друга) — но и способна сделать с ним, с его душой

нечто такое, перед чем бледнели все ужасы черных колдунов и некромантов. Глазами черного демона на киммерийца смотрело самое слепое, равнодушное, алчное Ничто, умеющее обратить в игрушку любой предмет, любое существо, и подробности подобных игр заставляли содрогаться даже бессмертных Богов.

Черный демон двинулся. Двинулся и в тот же миг от его бока отделилась тонкая и длинная конечность — словно кто-то провел в воздухе черту гигантским пером, с которого слишком быстро стекают чернила. Неимоверно удлинившаяся длань загребла добрый десяток коричневокожих воинов — и с неодолимой силой швырнула их вперед, прямо на клинки Конана и посланца Крома.

Если бы в тот миг коричневокожие повернули бы оружие против черной твари из адских провалов, Конан не раздумывая присоединился бы к ним. Он даже опустил вниз острие клинка и вскинул левую руку, в знак того, что хотел бы говорить — но коричневокожими, похоже, окончательно овладело безумие. На губах разорванных криками ртов выступила пена; лица были искажены так, что утратили последние остатки сходства с человеческими. В их руках замелькали арканы, сети, дубины; и, чтобы уцелеть, киммерийцу вновь пришлось драться.

— Остановитесь, может, вместе мы убьем демона! — крикнул Конан, уворачиваясь от молодецкого удара булавой. Он не хотел больше ничьих смертей — потому что каждый убитый им враг, как он догадывался, будет означать появление в этом мире еще одной кошмарной твари, с которыми неизвестно как бороться... Тем временем обратился в демона и убитый посланцем Крома коричневокожий воин. Не обращая никакого внимания на спутниц Конана, две черных бестии, предусмотрительно держась поодаль, принялись гнать все новые и човые жертвы к киммерийцу.

Длинная тонкая длань демона загребла и тех коричневокожих, что тащили прочь связанную Белит; пиратка упала на ступени. Тем временем первой от оцепенения оправилась Карела; Рыжий Ястреб одним прыж-

ком оказалась подле одной из черных тварей, привычно размахнулась саблей...

Кривой клинок застрял в башке демона; острие высунулось как раз между жутких глаз. Демон лишь слегка повел головой — и Карела с коротким воплем отлетела на несколько шагов в сторону, выпустив из пальцев рукоять. Сабля ее так и осталась торчать в черной пузырящейся плоти — и не похоже было, что она хоть чем-то мешает демону.

Вокруг Конана и посланца Крома кипел настоящий шторм. Коричневокожие в буквальном смысле градом сыпались на них: лапы демонов загребали людей, точно пуки соломы, и с силой швыряли их прямо к отчаянно рубящимся бойцам. Киммериец, как мог, избегал смертельных ударов, стараясь, по крайней мере, оглушить или обезоружить. Но появившиеся вместо дубин мечи и копья обезумевших врагов мелькали все ближе и ближе, иные отражала уже только кольчуга и, когда киммериец получил очень чувствительный удар в спину, ему пришлось разрубить противника.

Появился третий демон; и тут началось самое страшное.

На гладких черных мордах демонов, где не было ничего, кроме ужасных глаз, внезапно прорезались щели багровых пастей. Складки черной плоти разошлись; из провалов ртов вырвалось дымное пламя. Воздух сотряс торжествующий рев, и земля под ногами Конана внезапно вспучилась. Плиты, которыми был вымощен двор, отвалились в стороны; комья полетели далеко окрест. Из появившейся дыры стремительно вырвалось темно-серое облако, моментально принявшее вид огненного крылатого дракона. Раскрылась пылающая огнем пасть; по двору понеслись струи бледного пламени.

Коричневокожие воины бросились врассыпную — очевидно, они понимали, в чем дело, и страх перед происходящим пересилил даже наложенные на них заклятия. Однако было уже слишком поздно. Конану приходилось видеть немало смертей, но даже его потрясли десятки мечущихся живых факелов, объятых странным, бездымным магическим пламенем. Оно догнала пожирало человеческую плоть, обнажавшиеся кос-

таки еще несколько мгновений бежали, движимые неведомой силой, а затем падали. Вокруг белых скелетов на мгновение вскипала густая черная жижа — а затем сослужившие свою службу человеческие останки отбрасывались, и во дворе крепости один за другим появлялись все новые и новые демоны.

Пока черные чудовища как будто бы не обращали особого внимания на Конана и его отряд; этот шанс нельзя было упустить.

— К воротам, все, быстро! — заорал киммериец, взмахивая мечом.

Воительницы одна за другой вскакивали обратно в седла; Конан же и посланец Крома рванулись к бюттейсе на ступенях связанной Белит. Демоны суетились уже меньше, движения их постепенно приобретали осмысленность; мешкать было нельзя.

Конан одним ударом рассек стягивавшие Белит путы и рывком поднял ее на ноги.

— Беги! — прохрипел он прямо ей в лицо. — Лови коня и к воротам!

Предводительница пиратов сорвалась с места, словно выпущенная арбалетная стрела. Белит промчалась сквозь смыкающиеся ряды черных демонов, туда, где ее ждали остальные спутницы. И — удивительное дело! — поводья в руку ей сунула не кто иная, как Карела...

Раина и Испарана тем временем уже возились с запорами ворот.

По шеренгам безликих чудовищ прошло короткое движение. Они сдвинулись; демоны становились плечо к плечу — и все вместе, словно вымуштрованные придворные гвардейцы, дружно качнулись вперед. Крыльцо, на котором замерли Конан и посланец Крома, оказалось в полюльце. Выхода не было. Нужно было пробиваться с боем.

Киммериец бросил быстрый взгляд на своего невольного товарища. Лицо посланца исказила странная гримаса, словно он до боли в ушах пытался разобрать приходящие откуда-то из дальней дали слова. Отсутствующий взор посланца замер, глаза смотрели в одну точку; казалось, он напрочь забыл и о демонах, и о самом Конане.

— Вперед! Да вперед же! — киммериец грубо рванул его за плечо.

— погоди! — посланец вырвался. — С меня спадают путы... я чувствую силу... Сейчас, сейчас, еще немного... — он лихорадочно совершал руками какие-то мелкие пассы, словно кружевница, плетущая сложный узор.

Демоны, словно черные волны Мертвого Моря, окружили крыльцо. До слуха Конана донесся отчаянный крик Карелы; кажется, она звала его...

Первый из черных демонов начал неспешно подниматься по ступеням. Медлить дальше было нельзя. Ноги Конана сами пружинисто разогнулись, и он всей тяжестью своих двухсот фунтов обрушился сверху на чересчур смелого гостя из бездны, обеими руками опустив тому на голову серый меч из кости демона.

Несмотря на всю громадную силу киммерийца и несмотря на его прыжок, клинок погрузился в плоть твари лишь на две ладони, рассек надвое один из полыхавших багровым глаз и остановился где-то около длинного беззубого рта.

Раздалось оглушительное шипение. Клинок задымился; сталь мгновенно раскалилась добела, кости рукояти начали обугливаться; демон же с немилосердно терзавшим уши диким визгом отпрянул в сторону и рухнул на ступени, растекаясь иссиня-черной маслянистой лужей. Разрубленный глаз превратился в красное пятно гнилостной слизи; второй же, целый, подхватила протянутая длань ближайшего демона и спустя секунду схвативший уже пристроил этот глаз у себя посреди лба.

Конан не понял, зачем демону это понадобилось; но с разных сторон к нему уже тянулись обманчиво тонкие черные лапы чудовищ и его все еще шипящий, раскаленный меч принялся отсекал их одно за другим.

Взмах... другой... третий... казалось, киммериец рубит какой-то причудливый черный хворост; отрубленные конечности демонов извивались и корчились, словно раненые змеи, у ног Конана. Он был очень быстр, меч его рубил направо и налево — и тем не менее уже становилось ясно, что Конан неминуемо проиграет. Демонов, казалось, нимало не беспокоила потеря одной

или даже двух конечностей: вместо отсеченных тотчас же появлялись новые. Но, с другой стороны, твари эти не превращались и в сухопутных спрутов — рук, или лап, или клешней у каждого оставалось только по две.

Бестии не приближались. Паутина черных рук старалась оплести Конана; тот без устали отмахивался мечом, но это все лишь оттягивало неизбежную развязку. В те секунды у него просто не оставалось мгновения подумать, почему же твари не пытаются напасть на посланца Крома?!

Вскоре стало понятно, для чего демону понадобился третий глаз. Он тотчас сделался чем-то вроде командира: казалось, этот добавочный глаз непонятным образом придал ему некую власть над остальными. Трехглазый мотал головой из стороны в сторону, словно осматривал все вокруг, и постоянно рычал что-то точь-в-точь, как старый десятник, гоняющий на плацу новобранцев...

— Конан! — загремел за спиной киммерийца голос посланца Крома. — Оставь!.. Прорываемся!.. — казалось, слуга Бога Киммерии обрел утерянные силы; из-за спины Конана ощутимо потянуло холодом.

Что там сотворил посланец Крома, киммериец не знал, однако лапы черных демонов тотчас отдернулись; твари понялись, расступаясь и откатываясь в стороны. Открылся проход к воротам, уже распахнутым стараниями воительниц.

Конан и слуга Крома опрометью бросились в освободившийся коридор. Мелькнула череда черных морд с горящими глазами, которые сейчас казались озадаченными и чуть ли не растерянными; однако за спинами воинов строй демонов вновь смыкался.

Пригибаясь к гривам коней, люди галопом вылетели из жуткой крепости. Створки захлопнулись с резким лязгом; над стенами тотчас же взметнулись клубы ярко-алого дыма и раздалось многоголосое низкое рычание, исполненное такой ненависти и злобы, что даже Конану стоило труда подавить приступ страха. Над каменными зубцами поднялся длинный черный отросток, на конце которого факелом горел кроваво-красный

глаз демона. Глаз этот пристально следил за поспешно удалявшейся к северу кавалькадой...

Вырвавшись из ловушки, отряд гнал коней так быстро, как только мог. Ветер свистел в ушах, они мчались, не разбирая дороги, стремясь уйти подальше от зловещего замка, превратившегося в гнездо обитателей неведомых Преисподних. Наконец Конан осадил скакуна.

Запаленные долгой скачкой кони остановились на гребне очередной долины, из которых, собственно, и слагалась земля Пуантена. Здесь уже всю погуляла война. Взорам Конана и его спутников предстала догла спаленная деревня — лишь кое-где торчали печные трубы. В придорожной пыли лежали тела, победители отчего-то не позарились на отменные доспехи погибших; судя по всему, павшие были воинами кого-то из пуантенских рыцарей, до конца защищавших селение. Нападшим, кем бы они ни были, удача далась недешево — пятеро мертвых панцирников лежали в окружении по меньшей мере человек сорока.

— Скорее, там могут быть живые! — сорвался с места Конан, словно забыв, что он больше не король Аквилонии.

Однако они нашли лишь мертвых. Пуантенцы, верно, погибли, задавленные числом — их сбили с ног и долго резали ножами через щели лат, резали уже мертвых — воины лежали в лужах крови.

Конан нагнулся над погибшими, несколько мгновений вглядывался в мертвые лица... а потом, когда он разогнулся, лицо его казалось страшнее, чем у самого кошмарного демона. Его люди, подданные ЕГО королевства погибли — и он, пусть и отказавшийся от трона, должен был отомстить. Должен — и точка. Эту заповедь киммериец никогда не подвергал сомнению.

Валявшиеся вокруг панцирников их мертвые враги были самыми обыкновенными бездеспешными крестьянами, быть может, теми самыми, чей уход вслед за Вестником войны видели Конан и его спутники. Оружием им служили лишь топоры, вилы, самодельные копья да грубые хозяйственные ножи; однако несмотря на это, никто не позарился на добротное

оружие убитых. Покрытые кровью мечи панцирников валялись здесь же.

В деревне не осталось ни одного живого существа, со звериной жестокостью были перебиты даже кошки и собаки, зарезаны удоистые коровы, даже телята не угнаны, не съедены, — а — потехи ради, что ли? — расстреляны из луков.

— Тем, кто пришел сюда, добыча была не нужна, — заключил посланец Крома.

У Конана не было времени хоронить погибших. Оставался лишь погребальный костер, предписанный законом его далекой северной родины, однако огонь пощадил лишь небольшую рощицу над деревенским кладбищем. Они направились туда.

Кладбище было самым обычным для подобной пуантенской деревушки. Один Кром ведает, каким богам, кроме Митры, поклонялись здесь, но в южных провинциях Аквилонии укоренился обычай хоронить покойников, зарывая их в землю и ставя над могилой небольшой камень с именем.

— Смотрите! — внезапно замерла на месте Раина, невольно хватаясь за свои кинжалы.

— Всемогущая Дэркетто! — прошептала Карела. Лицо Рыжего Ястреба посерело.

Все могилы были раскопаны. Могильные камни валялись в беспорядке. Горки свежей земли говорили о том, что случилось это не более двух-трех часов назад. Видны были полусгнившие остатки гробов.

И все же выдавший виды отряд Конана поразило не это. Сами по себе оскверненные могилы мало что могли изменить после всего увиденного в деревне, после десятков изуродованных тел людей, умерших в жутких мучениях, под страшными пытками. И Карела испугалась не самого вида разверстых могильных ям — но того, как они были разрыты.

Ямы являли собой узкие щели в земле. Зеленый дерн не был заброшен залегающим ниже грунтом, как неминуемо случилось бы, если бы могилу откапывали несколько человек с поверхности при помощи обычных лопат. Нет, травяной покров вспучился и лопнул, словно неведомая сила давила на него изнутри; свежая

земля лишь кое-где присыпала приподнятые края верхних пластов.

— Их... их что... — начала было Испарана.

— Да, — одними губами ответил посланец Крома. — Эти могилы вскрыты не грабителями. Мертвые поднялись сами, повинувшись чьему-то зову: они разрыли землю над собой, и... и вышли, — последние слова его были едва слышны.

— Кром! — вырвалось у Конана. — Кто же мог это сделать?! Ты понимаешь хоть что-нибудь?!

— Хотя что-нибудь понимаю, — эхом откликнулся посланец. — Ни одному из богов нашего мира подобное не под силу. Я бы знал. Это проделали те самые силы, что ведут сейчас игру с нами, Конан. Равновесие в мире пошатнулось, — он с болезненной гримасой потер рукой грудь там, где сердце. — Я сбросил кое-какие из наложенных на меня Зерттриксом цепей — иначе мы бы уже достались тем черным тварям в замке. Увы, все, что я мог — это отбросить их на несколько мгновений... Но сейчас я ощущаю неистовый шторм, что поднимается вокруг Аквилонии. Тот несчастный молодой жрец Митры сказал нам сущую правду, однако дело обстоит куда хуже. Наш с тобой Отец, великий Кром, пытается дозваться до меня сейчас... я чувствую его зов, но не могу разобрать слов. Как бы то ни было, война идет уже на всех рубежах, Конан. Я знаю, что поднялись пикты и немедийцы. Я знаю, что выступили в поход офиры и жители Кофа. Про зингарцев и аргосцев тебе известно и так. Аквилония в кольце врагов, и невозможно сказать, с какой стороны ей сейчас грозит наибольшая опасность.

У киммерийца вырвался сдавленный яростный рык. Его громадные кулачищи сжались, он вскинул руки, потрясая ими и грозя равнодушному блистающему небу. На шее вздулись синие жилы, и Конан заорал, выкрикивая ужасные угрозы прямо в голубую бездонность.

— Приди в себя, друг! — посланец Крома схватил киммерийца за руку. — У нас осталась только одна надежда — это ты. Если ты не расстроишь замыслы

тех, кто управляет сейчас этим вторжением, ты обречешь не только себя, не только своего сына и Аквилонию — ты обречешь весь населенный Людьми и привычный нам, Богам, мир. Он будет поглощен неистребимым пламенем, и что станет потом — не ведомо даже небожителям.

Воительницы слушали посланца, раскрыв рты.

— Но откуда же мне знать, что делать?! — взорвался Конан. — Как я могу сражаться с мертвыми? Один такой уже как-то попадался. Если бы не зачарованный клинок того, кто вызвал моего мертвого воина из гробницы, мне было бы несдобровать. Ответь мне, ты знаешь, что делать?

— Сейчас нам остается только одно — как и решили, пробиваться к Тарантии. И желательно успеть туда прежде наших врагов.

— Это я и так знаю, — не слишком любезно буркнул Конан, — ладно, делать нечего. Едем! Схоронить погибших, верно, уже не успеем.

Наскоро запасшись провиантом, они погнали коней дальше. Отряд торопился на север, к затянутому дымами пожаров горизонту.

Они мчались весь остаток дня и всю ночь. Позади осталось еще несколько мертвых селений. Отвратительный запах тления сопровождал их теперь неотступно. Ни одна деревня не сдалась без боя — и ни в одной не осталось никого живого. Наутро Конан и его спутники настигли вторгшуюся армаду.

На берегу быстрой речушки стоял небольшой пуантенский городок, уже не селение, но и впрямь город, обнесенный даже каменной стеной с башнями. Его предместья сгорели дотла и осаждавшие как раз упрямо штурмовали невысокие бастионы.

Штурм не был подготовлен. Атакующие лишь наскоро наделали кое-каких лестниц да смастерили нехитрый таран из толстого древесного ствола. Тем не менее при их численности городок не мог устоять, несмотря даже на никудышний осадный припас вторгшихся. Костяком этой армии и впрямь были аргосцы: однако кроме них, там было еще полно кое-как вооруженного люда, начиная от землепашцев и кончая не-

весть как очутившимися здесь мессантийскими мореходами.

Лагерь осаждавших никто не охранял. Несколько часовых стояли лишь у шатра с королевским штандартом Ариосто, однако рядом же болтались еще несколько флажков, языком геральдики объяснявших, что самого короля здесь нет и его именем тут распоряжается аргосский барон Имярек.

Первого стражника сняла Раина, попросту метнув один из своих кинжалов ему в горло шагов с пятнадцати. Второй не успел даже вскинуть меч, как на затылок ему опустился пудовый кулак разъяренного киммерийца и воин упал, оглушенный.

— Ну и удар! — с одобрением заметил посланец Крома. — Ты, Конан, выбиваешь из них дух даже без дубины — пусть даже надет шлем. Я вот, тоже, бываю...

Конан не дал ему углубиться в воспоминания. Карела плеснула лишившемуся чувств человеку в лицо водой и тот застонал, приходя в сознание.

Однако рассказать он смог немного. Аргоссец казался одурманенным, его речи отличались бессвязностью и единственное, что смогли уяснить себе Конан и его спутники — вся вторгшаяся армия сильнее смерти ненавидит Аквилонию и каждый будет сражаться до конца, чтобы стереть, наконец, это гнездовье демонов с лица земли. Каждому погибшему на священной войне было обещано вечное блаженство в посмертии.

Допрос был прерван донесшимися от стены криками.

— Они пустили в ход таран, — сообщила Карела. — Ворота, боюсь, долго не продержатся.

Конан вскочил на ноги. Кровь клокотала в жилах, он не мог больше оставаться на месте, он обязан был действовать!

— Надо атаковать! — бросил он, поднимаясь. Ответом ему послужил хор возмущенных голосов — его спутницы, все как одна, выказывали деятельное нежелание рисковать головами в неизбежной схватке у ворот.

— Да что мы сможем сделать там всемером?! — громче других вскричала Белит, прожигая киммерийца яростным взглядом.

— Очень многое, — неожиданно поддержал Конана посланец Крома. — Не забывайте, я теперь вновь кое-что могу; и, думаю, врагам нашим этот небольшой сюрприз не слишком понравится.

Воительницы подчинились, хоть и без особого желания.

Не таясь, маленький отряд прошел через пустой лагерь. К тому времени бой у стен уже разгорелся вовсю, однако трудно было представить себе более бездарно организованный штурм. Кучки людей беспорядочно пытались приставить лестницы и вскарабкаться на стены; никто даже и не вспомнил о такой известной любому сотнику вещи, как прикрытие штурмовых отрядов лучниками и арбалетчиками. Конан видел, как осажденным одну за другой удалось переломить или опрокинуть семь или восемь лестниц. На киммерийца и его спутников никто не обращал внимания, хотя любой здравомыслящий командир обязан был бы встревожиться, увидав подобную компанию прогуливавшейся в своем тылу.

— Атакуем! — взревел Конан, бросаясь вперед с высоко поднятым мечом. Всемером они дружно ринулись вниз по склону невысокого, пологого холма. — Клинки наголо!

До ворот оставалось не более одного полета стрелы. Вокруг толпилось с полтысячи осаждающих, большей частью — в серых крестьянских рубахах; лишь изредка мелькал начищенный доспех аргосского панцирника. Десятков пять крестьян посильнее и покряжистее раскачивали здоровенное бревно, равномерно ударяя им в трещащие ворота. С надвратных башен летели стрелы и камни, кто-то пытался лить кипяток — однако делалось это как-то вяло и без особого успеха. Конан мельком подумал, что на стенах стоят лишь дети да женщины, в то время как все мужчины, должно быть, ушли на сборный пункт пуантенской армии, чтобы встать под знамена с золотым стремительным леопардом...

Киммериец ждал, что на них тотчас же кинутся — однако вместо этого ряды атакующих расступились перед его неистовым натиском. Никто не преградил

дорогу, никто даже не послал стрелу в их сторону; на лицах осаждающих, как мельком заметил киммериец, вспыхнула жестокая решимость, хищная радость, как будто перед их взорами появилось нечто, давно и безнадежно ожидаемое. Кто-то радостно вскрикнул, кто-то вскинул вверх копьё; державшие таран тоже обернулись и разразились ликующими воплями. Командовавший ими аргосский сотник взмахнул рукой, таран с небывалой силой грянул в ворота, и одна из створок, не выдержав, распахнулась.

Прежде, чем Конан успел добежать до рядов осаждавших, напавшая на городок армия с ликующими воплями хлынула к воротам. Первые десятки ворвались внутрь.

«Что происходит?! — мелькнуло в голове Конана. — Я сплю, сошел с ума или это все опять козни Неведомых?!»

«Ну конечно же, последнее!» — внезапно услышал он издевательский голос Зертрика...

Пространство перед отрядом Конана мгновенно очистилось. Никто по-прежнему не пытался преградить ему дорогу, даже когда он подбежал к самим воротам. Сотня-другая врагов уже успела ворваться внутрь, остальные же, стараясь держаться подальше от Конана, дружно полезли на стены. Откуда-то появились и лучники, взявшие на прицел бойницы между зубцами.

Конан и его спутники ворвались в ворота. Неширокая улочка, начинавшаяся от них, была пуста; в пыли лежало несколько тел защитников города. Как и предполагал Конан, это были совсем зеленые мальчишки лет пятнадцати да совсем уж древние старики. Из-за ставень ближайших домишек на Конана глядели расширенные от ужаса глаза.

Киммериец в недоумении остановился на привратной площади. Сражаться тут было уже не с кем, враги как сквозь землю провалились. Никто не пытался ворваться внутрь через разломанные ворота и из-за спины Конана.

Вопли и лязг оружия доносились и справа и слева, однако прежде, чем киммериец успел предпринять хоть что-нибудь, его слуха достиг торжествующий, победный

рев — враги перебрались через гребень стены и хлынули в город.

У Конана вырвалось страшное проклятие. Увлекая за собой воительниц и посланца Крома, он наугад бросился в боковой проулок. Прямо на него вывернулся какой-то человек с мечом, увидел Конана, дико заорал, не целясь замахнулся нелепым топором... Киммериец хотел лишь отвести удар и обезоружить крестьянина, однако сталь его клинка легко разрубила топорщице и меч напрочь снес несчастному голову с плеч. Невозможно было даже понять, принадлежал ли он к нападавшим или к обороняющимся — и те и другие одеты были одинаково, опознать Конан мог только аргоссец.

— Я сожалею, — вырвалось у Конана.

Откуда-то сверху свистнули стрелы. За каждой тянулся серый хвост дыма: ими собирались поджигать дома. Стены и крыши строений вокруг киммерийца и его отряда запылали, словно политые маслом. Из горящих зданий с воплем выскочила женщина, тащившая двух орущих младенцев; она исчезла в лабиринте между лачугами, и тут на пути у Конана впервые появились аргосские латники.

Посланец Крома вскинул руку, и шлем на голове переднего воина превратился в расплавленный металл; аргоссец завопил от нечеловеческой боли и, корчась, повалился на землю; его товарищи тотчас же бросились наутек.

— Надо уходить, Конан! — вцепилась ему в руку Белит. — Иначе сгорим тут живьем!

Она была права. Огонь распространялся со сверхъестественной скоростью. Оставался только один путь отступления — назад, к воротам.

Они благополучно выбрались из города: вне его стен не было видно ни одного воина. Похоже, все они оказались внутри, где сейчас огонь пожирал все и вся, не отличая защитников от осаждающих.

— Проклятие, я должен быть там! — нечеловеческим голосом взревел Конан.

К стене в разных местах было приставлено множество лестниц; ослепленный боевым безумием, Конан уже рванулся вперед, не думая даже, следуют ли

за ним его спутники — и тут внезапно услышал холодный, но в то же время и какой-то хихикающий голос горбуна:

«А тебе туда хода нет, хода нет, хода нет...»

И киммериец внезапно остановился, словно с разгону налетев на стену. Ноги просто отказывались нести его дальше.

«Тебе нельзя только туда, — продолжал тем временем неслышимый для остальных Зертрикс. — Я могу остановить тебя лишь трижды — и вот я уже один раз сделал это. Осталось еще два. Таково условие Высоких Богов, которое приказано было мне довести до тебя. Отчего-то желают они, чтобы это было бы тебе ведомо. Уезжай отсюда, Конан. Здесь ты уже никому не можешь и ничего не изменишь. Туда, где сейчас еще идет бой, я тебя не пропущу. Помни о каре за невыполнение главной воли пославших тебя Сил!»

Охваченный черной яростью и безысходным отчаянием, не допускаявший ранее, чтобы окружающие догадывались о его чувствах, киммериец упал на землю, впившись зубами в ее равнодушную неподатливую плоть.

7. Конн, сын Конана

Тарантия наполнилась самыми безумными слухами. Казалось, что весь мир сошел с ума. Вести с рубежей день ото дня становились все тревожнее: отовсюду приходили известия о все новых и новых вторгнувшихся армах. Гонцы летели со срочными эстафетами, и читавший их документы молодой король становился чернее тучи.

На западе пикты перешли через Громовую реку и осадили Велитреум. Другая их орда валила напрямик через Боссонские топи на Галпаран. Несмотря на отчаянное сопротивление боссонцев, враг с каждым днем продвигался все дальше и дальше.

На юго-западе зингарские легионы шли вверх по течению Ширки. Левое их крыло нацеливалось на Танасул, центр же и правое наступали напрямик на

Аквилонскую столицу. На юге аргоссы вместе с частью примкнувших к ним зингарцев перешли Алиману и вторглись в Пуантен. Войска королей Офира и Кофа наступали на Шамар; в тыл обороняющим этот город аквилонцам нацелились армии Немедии. И лишь на севере и северо-востоке все пока оставалось спокойно.

Последний день принес новые беды. Стигийский флот покинул Кеми и взял курс на Мессантию. Аквилонские разведчики добыли эти сведения ценой собственных жизней; однако и это было еще не все. Многочисленные шемитские отряды перешли аргосскую границу, боясь опоздать к дележу богатой аквилонской добычи, и аргоссы спокойно пропустили через свои рубежи исконных врагов этого приморского королевства. Старые недруги объединились, чтобы нести смерть в аквилонские пределы.

В королевском дворце, что стоял в самом сердце Тарантии, царил гнетущая тишина. И хотя по-прежнему гордо и бесстрастно несли свою стражу прославленные Черные Драконы, личная гвардия Конана, а теперь принадлежавшая его сыну; по-прежнему сплошной вереницей к дворцу неслись пропыленные усталые гонцы на загнанных лошадях, и один за другим на рубежи уходили свежие полки, горожане чувствовали, что дела государства очень и очень плохи.

Молодой король Конн с небольшим кругом приближенных расположился во внутреннем дворе, где на втором этаже был разбит роскошный тропический парк. На громадном круглом столе была расстелена карта королевства; вколотые в нее флажки обозначали расположение аквилонских войск и армий неприятеля.

Вокруг стола тесно стояли аквилонские полководцы — частью соратники Конана, частью новые, молодые военачальники, выросшие вместе с Конном и уже успевшие доказать свою храбрость.

Здесь были храбрый Просперо, главнокомандующий аквилонской армией в тех случаях, когда отсутствовал Король; весь седой, покрытый честными боевыми шрамами Паллантид, командир Черных Драконов; недавно виконт, а ныне граф Пуантенский Гонзальвио, достойный сын самого старого и верного товарища Конана,

пуантенского властителя Троцера. В неброской темной одежде скромно стоял чуть поодаль белобородый и мудрый Дексиеус, Верховный Жрец Солнечного Митры.

Однако бросалось в глаза и отсутствие многих неизменных членов Коронного Совета. На восточных рубежах сдерживал натиск немедийцев граф Коутенский, Монагро; барон Джилизейм Имирусский сражался на западе против пиктов... И от каждого из них вести шли одна чернее другой.

Гонзальвио, как самый молодой, воткнул в новые точки на карте черные флажки, обозначавшие расположение вражеских отрядов. Шамар был уже почти окружен; армии пиктов стояли на пороге Велитреума.

— Конн, все, кого мы смогли собрать, сосредоточились под Тарантией, — нарушил тишину Просперо. Здесь собрались только свои, и пышные титулы были отброшены за ненадобностью. — Нам нужно решить, где будет нанесен наш первый контрудар.

— Я хотел бы, чтобы сначала высказались все, — молодой король обвел тяжелым взглядом собравшихся. Просперо и Паллантид, переглянувшись, незаметно кивнули друг другу — Конн хорошо усвоил уроки своего отца. Прежде чем решать, он советовался со знающими и опытными, а не пытался доказать всем, что в государстве законом является лишь его королевское желание, зачастую неразумное. — Начинай, Гонзальвио!

Товарищ Конна по детским играм, смелый, горячий молодой граф, как ни странно, был прирожденным полководцем.

— Нет смысла разбрасывать наши полки, — начал он. — По-моему, наибольшая угроза для нас — это армии Кофа и Офира под Шамаром. Этот город — ключ к Тарантии; если он падет, откроется прямая дорога на столицу не только для королей Ианты и Хоршемиша, но и для идущих следом шемитов со стигийцами. Пикты, насколько я понимаю, увязли в Боссонских Топях; Велитриум и Галпаран задержат их орду на некоторое время — пикты терпеть не могут оставлять в тылу невзятые крепости. С зингарцами мы справимся, даже если они дойдут до Танасула; аргоссы еще не скоро пробьются через Пуантен. Так что я

повернул бы к Шамару, — закончил он и поклонился собравшимся.

— Хорошо сказано, — кивнул Просперо. — Признаюсь, что и сам не сказал бы лучше. Все верно, ни пикты, ни зингарцы сейчас нам непосредственно не грозят. Но вот если Пуантен не удержится... — старый полководец успокаивающе вскинул руку, вовремя заметив краску гнева на щеках Гонзальвио. — Я не хотел задеть тебя, граф, я просто рассуждаю. Так вот, если Пуантен падет, аргоссам откроется прямой путь к Тарантии и в тыл нашим полкам, обороняющим Шамар. Все будет зависеть от положения на юге. Если враг прорвется, наш первый удар, по моему разумению, следует будет направить туда.

Гонзальвио, стыдясь своей вспышки, поспешно закрывал головой.

Все остальные согласились со сказанным: нечего было и думать об одновременной жесткой обороне на всех направлениях. Боссонцам и отрядам, сдерживавшим зингарцев в нижнем течении Ширки, было решено послать приказ медленно отступать, сохраняя силы, людей и уничтожая все, что можно, дабы оно не попало в руки неприятеля. Остальные полки готовились к выступлению на Шамар; следовало покончить с офирами и кофитянами до подхода немедийцев и шемитов.

Совет продолжался еще некоторое время; уточняли диспозиции, назначали места сбора и решали еще тысячи подобных же вопросов. Конн старался обязательно выслушать всех; но все же окончательное решение он всегда принимал сам. Только в такие мгновения он и мог забыть, заставить себя не видеть тени наползающей на страну страшной опасности; в окружении верных соратников легче было противостоять ужасному призраку, кошмарному видению, что неотступно преследовало молодого короля — во снах ему являлась удивительная картина, он видел вновь своего отца, странно помолодевшего и выглядящего ненамного старше самого Конна. Молодой король видел отца — но не как знак надежды и ободрения, напротив — во снах Конан, избоченясь, ехал во главе несметных вра-

жеских легионов, предавал огню и мечу земли Аквилонии...

— ...Итак, решено, — спокойно, но жестко говорил Конн собравшимся приближенным. — Сегодня ночью мы выступаем на Шамар. Достославный Просперо, я прошу у тебя остаться в столице моим наместником. Никто не справится с этим лучше тебя.

— Но, мой король!.. — попытался возмутиться старый вояка.

— Я понимаю, — голос Конна стал куда мягче. — Но ведь исход всей войны зависит от того, как будут обстоять дела в Тарантии. Если в столице поднимется смута... подобная той, что в дни вторжения Ксальтотуна... Повторяю, никто, кроме тебя, не сможет справиться с содержанием в порядке всех дел королевства. А своими мудрыми советами на поле брани мне поможет бесстрашный Палантид.

Капитан Черных Драконов низко поклонился молодому королю, не скрывая своего удовлетворения.

Были назначены командиры арьергарда, главных сил и авангарда. Несмотря на потери, Конн имел в своем распоряжении внушительную семидесятитысячную армию — народ с рубежей бежал в глубь страны и становился в ряды королевского войска. Прибыли со своими дружинами многие бароны — многие, однако далеко не все. Кто-то понадеялся на крепость стен родового замка, кто-то еще шел к столице, а кому-то пришлось вступить в изматывающие и неравные бои, что было сил сдерживая продвижение врагов к столице. Нашлись, разумеется, и такие, кто трусил и перешел на сторону вторгшихся...

Бесконечная колонна войск потекла на юго-восток. Конн не торопился. Ему надлежало следовать с главными силами; уловив минуту, молодой король уединился в своих личных покоях — в последний раз собраться с мыслями перед первым в его жизни настоящим большим походом.

Просторная комната, где он стоял, была обставлена очень просто, если не сказать бедно. Конн не жаловал роскошь. В углу, под грудой медвежьих и волчьих шкур — широкое жесткое ложе; по стенам развешаны

мечи, копья, кинжалы, в другом углу находилась койка, где Конн читал. Подобно своему отцу, он оказался способным к языкам и легко осваивал новые наречия.

В дверь осторожно постучали. Конн нахмурился — он совсем недавно приказал начальнику стражи не пускать к нему никого — даже Анстрианию, любимую наложницу.

Стук повторился. Теперь он уже был чуть настойчивее, словно стучавший имел право и веские основания беспокоить короля, отнимая у него последние минуты отдыха перед выступлением.

Конн досадливо хлопнул ладонью по столу и встал, чтобы отпереть засов.

— Дексиеус! — Конн не скрывал удивления. Поспешно отступив на шаг, он учтиво пригласил почтенного старца войти.

— Прости меня, сын мой, что я побеспокоил тебя, — мягко произнес жрец. В больших, умных глазах старика застыла непроходящая боль. — Прости, но дело не терпит отлагательств. Я пришел сюда потому, что не хотел говорить при всех — к чему пугать людей лишний раз! Но ты должен узнать обо всем, ты — король и сын великого короля... Скажи, тебе не показалось очень странным начало этой войны? — внезапно прозвучал заданный в упор вопрос.

— Станным? — Конн приложил палец ко лбу. — Конечно. Чтобы все наши соседи в один миг стали злейшими врагами — такое случается нечасто. Но что делать, очевидно, кто-то оказался куда хитрее наших шпионов и сумел организовать этот грандиозный поход!

— Да, — кивнул жрец. — И мне кажется, что этот «кто-то» не человек и, во всяком случае, не правитель одной из сопредельных стран.

Конн невольно вздрогнул. Где-то глубоко-глубоко в сознании еще коренился древний, унаследованный от диких предков-варваров страх перед сверхъестественным. От богов сын Конана предпочитал держаться подальше — одного видения Сета в мрачной зембабвейской столице ему хватило на всю жизнь.

— Дексиеус, неужто против нас вновь выступил сам Сет? — мрачно вымолвил молодой король. Никого страшнее он и представить себе не мог. — И что мы можем сделать? Что говорят тебе твои солнечные боги? Если все так, то нам неплохо было бы заручиться и их покровительством в дополнение к нашим мечам!

— Посылаемые Митрой видения смутны и неясны, — с досадой произнес жрец. — Я не могу сказать этого никому, кроме тебя, властитель Аквилонии — но тебе поведать просто обязан. Я бы сказал — что тот, кому я служу, сейчас явно... — голос Дексиеуса упал до еле слышного шепота, — явно растерян.

— Как такое может быть? — опешил Конн. — Светлый Митра — растерян?!

— Это слово жжет мою душу хуже раскаленного металла, — тяжелые веки жреца опустились, скрывая наполнившую зоры муку. — Однако это — чистая правда. Светлый Митра счел нужным донести свою растерянность до нас, ничтожных, — и это значит, что дело тут не в кознях Сета.

Конн досадливо поморщился.

— Так что же ты можешь посоветовать мне, о высокоученый Дексиеус? — в голосе Конна сквозило раздражение. Он не понимал, зачем верховный жрец говорил ему все это. Митра растерян! Что с того? Броситься на меч, подобно проигравшемуся сыну изнеженного аристократа? Кулаки короля сжались. Да затрясись от ужаса хоть все боги хайборийских земель, как это скажется на его войне? Враг оставался врагом, и никакого иного пути остановить вторжение, кроме как разгромить вторгшихся, Конн по-прежнему не видел.

— Я бы посоветовал тебе выступить навстречу не самой сильной армии врага... а навстречу самой... странной, что ли, — промолвил слуга Митры. Проницательные глаза в упор смотрели на короля.

— Странной? — удивился Конн. — Что ты хочешь этим сказать?

— Светлые Боги хайборийцев в растерянности. Это значит, что произошло нечто совершенно неожиданное, непредсказуемое и не подчиняющееся обычным зако-

нам. Вторгшиеся в пределы Аквилонии армии — это зло обычное, как бороться с ним, известно. Если бы дело было только в этом, вряд ли мне стали бы ниспосылаться подобные видения. Нет, мой король, Боги предупреждают нас — в этом вторжении есть еще какая-то тайна — и нам нужно разгадать ее.

Конн уже открыл рот, чтобы ответить, но тут за дверью его покоя вновь раздался шум. Басовитые голоса стражников внезапно перекрыл высокий и негодующий девичий крик: «Я должна его увидеть! Во что бы то ни стало!»

Конн невольно покраснел. Неужто какая-то из его многочисленных возлюбленных решила устроить трогательную сцену прощания? Король украдкой бросил взгляд на Дексиеуса, однако деликатный жрец, конечно же, сделал вид, что ничего не слышит.

Дважды звякнул звонок над дверью — это значило, что начальник караула счел необходимым потревожить своего короля. На подобное он решился бы лишь в случае появления врагов под стенами самой Тарангии.

Конн досадливо дернул щекой. Капитан Черных Драконов знал свое дело и никогда бы не пропустил какую-нибудь зареванную девчонку.

— Что там, Аристобул?

Дверь распахнулась и в ее проеме показалась законная в металл спина стражника. Он совершил немислимый пируэт вокруг собственной оси, ухитрившись при этом с достоинством отсалютовать своему повелителю мечом.

Отпихнув чинного Аристобула, в покой ворвалась растрепанная черноволосая девушка, почти девочка, с еще детскими ямочками на щеках и ребячьей округлостью щек. Ее грубый плащ был весь заляпан дорожной грязью, лицо исцарапано; глаза блестели, как у безумной. В руке она сжимала скомканный свиток.

— Моему королю! — что есть мочи выкрикнула она, бросаясь вперед и протягивая пергамент.

Аристобул и второй гвардеец молниеносно выхватили мечи, преграждая ей путь — уж слишком резким показалось им ее движение, а свиток вполне мог служить лишь прикрытием для кинжала или стилета.

— Остановитесь! — поднял руку Конн. — Что ты хотела сказать мне, девочка? Почему ты решил пропустить ее, Аристобул?

— Прошу прощения моего повелителя, — прохрипел капитан стражи, — но она говорила такое... я не мог пренебречь ее словами. Ну же, пуантенка, повтори королю то, что начала рассказывать мне!

— Ты из Пуантена? — голос Конна отвердел. Дексиеус незаметно подошел к нему и остановился за правым плечом короля, пристально глядя на странную гостью.

— Истинно так, мой повелитель, — девушка сделала неуклюжую попытку поклониться. — Я из Пуантена и прихожусь троюродной племянницей нашему молодому графу, Гонзальвио. Меня звать Орстерой, с позволения Вашего Величества; я дочь барона Трастуса, владельца замка Траст, что в двух днях пути от аргосской границы... Мой отец повергает к твоим стопам, повелитель, это письмо.

Девушка упала на одно колено, склонив голову, и протянула Конну пергаментный свиток.

— Встань, — нахмурился король. — Почему твой отец не послал обычного гонца? Не слишком-то осмотрительно отправлять тебя одну через всю страну в такое время!

— Мой отец мертв, — ровным голосом отвечала Орстера, глядя в одну точку сухими глазами, — его последней волей было, чтобы я передала тебе, о Король, это послание.

На скулах Конна вспухли желваки. Он резким движением сломал печать и развернул свиток.

«Мой повелитель! Я, Трастус, барон, владелец замка Траст, пишу тебе, чтобы известить об ужасном. Пуантенские ополчения разбиты. Аргосцы взяли все пограничные крепости. Полагаю, через день-два они вырвутся к Хороту. Но даже не это главное. Мы сдерживали врага, медленно отступая, однако у него появился новый страшный предводитель. Обликом он — да простит мне король эти слова! — обликом он неотличим от твоего отца, Конана Великого, когда тому было примерно столько же лет, сколько сейчас моему повели-

телю. Мы небезуспешно обороняли Гарас, и тут во главе штурмующих появился этот призрак. Называю его так, хотя он, увы, не бесплотный дух. Нет, это человек из плоти и крови, и неотличимый, как я уже писал, от твоего отца, повелитель. Он возглавил атаку; его вид придал штурмующим храбрости и уверенности, и они смогли сломать ворота. И Призрак ворвался в город, однако, открыв путь своим войскам, он пошел дальше. Доканчиваю это письмо и отправляю его с дочерью моей, Орстерой; молю моего повелителя не оставить ее, потому что мы с моей дружиной готовимся дать последний бой и хоть как-то задержать аргоссцев. Прощай, мой повелитель. Трастус, барон».

Почерк был неровным, буквы налезали одна на другую, во многих местах Конну приходилось наполовину угадывать содержание — видно было, что барон писал это в страшной спешке.

— Так, — голос Конна был полон сдерживаемой ярости. — Что же случилось потом?

— Аргоссцы набросились на нас, как бешеные, — безразлично уставясь в пол, ответила девушка. — Мы убивали их десятками, но они как будто бы решили, что у каждого впереди еще десять жизней. Отец... — губы девушки предательски задрожали, однако она овладела собой. — Отец только и успел, что забросить меня в седло... А спустя миг его нашла стрела. — Орстера прижала к груди судорожно сжатые кулачки. Воцарилось угнетенное молчание.

Конн обернулся к Дексиеусу. Взор жреца, казалось, говорил: «Вот то, о чем я тебя предупреждал!»

— Аристобул, позаботься об Орстере, — мягко касаясь рукой плеча застывшей, будто в трансе, девушки, тихо произнес Конн. — Устрой ее как можно лучше. И передай канцлеру, чтобы подготовил бы мой указ — Орстера отныне — полноправная баронесса Трастская, и... графиня Хестельская. И вызови ко мне Паллантида и Просперо. Почтенный Дексиеус, прошу тебя еще чуть-чуть задержаться.

Верховный жрец с достоинством склонил величественную седовласую голову.

— Мой повелитель, ты награждаешь меня, черную вестницу? — удивленно взглянула на короля Орстера.

— Быть может, графиня, — намеренно подчеркивая ее новый титул, ответил Конн, — что эти вести, принесенные тобой, изменят весь ход войны. А теперь расскажи мне поподробнее, как обстоят дела на юге?..

Рассказ Орстеры трудно было назвать обнадеживающим. Почти весь Пуантен уже попал в руки врага. Орстера говорила о громадных толпах плохо вооруженных крестьян, которые внезапно все разом бросили дома и хозяйства, влившись в ряды аргосских и зингарских отрядов. Конн и верховный жрец вновь переглянулись.

Вскоре подросли Паллантид и Просперо. Орстеру уже увел ворчливо-ласковый Аристобул; король вкратце рассказал о случившемся.

— Я думаю, направление главного удара придется изменить, — говорил Конн. — Шамар может продержаться, но, я чувствую — и почтенный высокоученый Дексиеус согласен в этом со мной — что корень этой войны — не на юге. Тот, кто появился там в... в облике моего отца, — с усилием выговорил он, — это может быть один из главарей всего вторжения. Пока жив двойник — нам придется воевать не просто со вражескими армиями или обезумевшими землепашцами, но с магическими силами. Придется доказать, что мой отец не зря спасал меня из лап Тот-Амона и что я тоже могу сражаться с черными колдунами!..

Паллантид и Просперо подавленно молчали. Что могли посоветовать молодому королю эти бывалые военачальники, если разразившаяся война властно опрокинула все устоявшиеся каноны? Даже в дни войны с Ксальтотуном против Аквилонии не объединялось столько врагов; и уж никогда не пытались лезть на рожон миролюбивые крестьяне приграничных областей.

Они уже почти договорились о том, что армия выступает не к Шамару, а на юг, к гибнущему Пуантену, когда примчался еще один гонец. И опять принесенные им вести оказались настолько важны, что Аристобулу пришлось вновь потревожить своего короля.

Измученный, обессиливший гонец ввалился в покой. Левое его плечо было окровавлено, половина лица являла собой сплошной кровоподтек — прорываясь сквозь вражеские ряды, он получил страшный удар дубиной по шлему, но, преодолевая боль, сумел убить противника, взобраться в седло и доскакать до столицы.

— Мой повелитель, — прохрипел он, обессиленно падая на одно колено не столько от избытка придворной утонченности, сколько от усталости, — Шамар окружен. Немедийцы ударили нам в спину. Монагро отступил, закрывая дорогу к Тарантии, но гарнизон Шамара долго не протянет. А с юга прут все новые и новые шемиты...

Конн скрипнул зубами. Бросить важнейшую восточную крепость на произвол судьбы и пожертвовать армией графа Монагро он не мог.

Гонца унесли — отпаивать горячим вином и приводить в чувство; молодой король обвел тяжелым взором лица своих соратников.

— Армии придется идти к Шамару, — решил нарушить затянувшееся молчание Просперо. — Страшно даже подумать, что случится, если немедийцы, кофитяне, офирцы и шемиты, объединившись, прорвутся далеко за Тайбор.

— Но Пуантен тоже уже в руках аргосцев, — мрачно бросил Паллантид.

— Не вижу иного выхода, кроме как разделиться, — кусая губы, вымолвил Конн. — Просперо, тебе придется вести армию к Шамару. Гонзальвио всем хорош, но... слишком уж горяч. Его могут заманить в ловушку.

— Повинуюсь, и повинуюсь с радостью, — поклонился старый полководец, не скрывая довольной улыбки. — Я докажу, что мне еще рано на покой!

— А ты, Паллантид, возьми всех Черных Драконов, — распорядился Конн. — Мы с тобой отправляемся на юг.

— Это слишком опасно, мой повелитель, — попытался возразить командир гвардейцев. — Отправь меня одного! Тебе лучше остаться в Тарантии.

Конн лишь сверкнул ярко-синими, как у отца, глазами.

— Мы выступаем с тобой на юг, и выступаем немедленно, — отчеканил он.

— Повинуюсь, мой король, — вздохнул предводитель Черных Драконов.

— Дексиеус, тебе придется принять на себя власть в Тарантии, — повернулся к Верховному Жрецу Конн. — Кроме тебя, почтенный, мне не на кого оставить город. Я понимаю, что мирские заботы далеки от тебя, о высокоученый, но... Я не могу приказывать, но я прошу, даже... даже умоляю, — последние слова дались Конну не слишком легко.

— Не трудись, сын мой, — словно защищаясь, жрец вскинул обе ладони. — Я принимаю на себя эту службу.

Главные силы аквилонской армии под командованием Просперо двинулись к Шамару. Король же Конн во главе тысячи своих Черных Драконов направился на юг, к охваченному пожаром войны Пуантену.

Люди стояли вдоль обочин, махая руками вслед своему королю и его отборной дружине. Здесь, в самом сердце Аквилонии, по-прежнему верили в удачу Конна — быть может, потому, что не знали всей правды о творящемся на рубежах...

Отряд оставил позади пригороды Тарантии и переправился на правый берег широкого Хорога. Отсюда брала начало широкая наезженная дорога на юг, к Пуантену.

* * *

Из покинутой безымянной крепости, откуда едва вырвались Конан и его спутницы, медленно изливался черный поток безликих, бесформенных фигур с жутко горящими красными глазами; они следовали за предводителем — тем самым, что сумел пристроить у себя на лбу третий глаз. Они шли сплошным строем, чуть быстрее обычного человеческого шага. Любой, даже самый злобный и закореневший в грехе колдун поспешил бы в ужасе отречься от службы силам Преисподних при виде этих кошмарных тварей.

Казалось, вокруг черных безногих фигур темнел даже воздух; жухла и никла трава, в слепом ужасе бежали прочь звери. Орда двигалась по ясному и четкому следу

добычи; каждый из демонов знал ее в лицо. Конан из Киммерии! Его должны были любой ценой доставить они к алтарям давно забытых безымянных богов не человеческого народа; а зачем, почему, отчего, — этого никто из них не знал, да и знать не хотел. Трехглавый предводитель позволит им утолить жуткий, бесконечный голод лакомой человеческой плотью лишь после того, как Конан будет доставлен к жертвенникам.

Четкий след вел на север. Черная стая оставляла позади милю за милей. Демонов не заботило, увидит ли их кто-нибудь или нет. Какой смертный мог устоять перед воинством Ада, какой, кроме одного лишь Конана?

В свой черед орда миновала выжженный, полный мертвых тел пуантенский городок Гарас; здесь трехглазый предводитель задержался. Ясно видимый след внезапно замутился, как будто кто-то старался сбить демонов с толку, пытаясь бороться с ними посредством магии...

* * *

— Конан! Конан, вставай, здесь ты уже ничему не сможешь.

Сильный, напористый голос Белит настойчиво пробивался к сознанию Конана. Киммериец медленно приходил в себя. Тело еще сотрясли судороги от охватившего все его существо страшного приступа черной ярости, когда человек способен, не разбирая, убивать всех вокруг.

— Конан, нам пора. Они ушли далеко вперед, — это уже был голос посланца Крома. Чьи-то сильные руки помогли киммерийцу подняться. Раина с тревогой заглянула в глаза Конану — и невольно отшатнулась: взор киммерийца казался неотличимым от кроваво-красного взгляда черного демона. Там была такая же, если не большая, ненависть и жажда убивать.

Карела протянула полную воды флягу, Конан припал к ее горлышку и стал жадно пить, проливая серебряные струйки на грудь. Холодная, родниковая вода помогла ему окончательно прийти в себя.

— Нам надо спешить, Конан, — посланец Крома крепко стиснул предплечье киммерийца. — Орда движется вперед поразительно быстро. В городе уже не осталось никого живого, а вдобавок я чувствую, что те милейшие черные твари, от которых мы еле-еле отбились, преследуют нас по пятам. Я попытаюсь сбить их со следа, но удастся ли это мне? — Он пожал плечами.

Чародейство посланца Крома не отличалось загадочностью. Несколько сложных пассов руками, несколько неразборчиво прошептанных заклинаний, — и отряд двинулся дальше.

Впрочем, «двинулся», — это, пожалуй, чересчур мягкое слово. Конан гнал коня что было мочи; они рассчитывали настигнуть войско аргосцев самое позднее к вечеру, однако дневной свет погас, над холмами поднялась луна, кони едва не падали от усталости — а киммериец по-прежнему не видел ни малейших признаков вторгшегося войска.

— Сквозь землю они провалились, что ли? — недоуменно пробормотал он себе под нос. Вокруг кавалькады уже вздымались кручи последнего хребта Пуантенских гор, последнего хребта перед спуском на огромную Аквилонскую равнину. Отряд миновал еще несколько дотла сожженных деревень — однако ни единого врага они по-прежнему не видели.

Киммериец осадил запаленного коня. Рядом остановился посланец Крома.

— Мне кажется, нам удалось оторваться от этих черных бестий, — негромко промолвил он. — Но, Конан, ты не забыл про раскопанные могилы на кладбище? Этих мы догоняем, я чувствую.

— Ну так что ж с того? — проворчал Конан. — Догоним, так будем рубить. Что тут думать-то?

— Чем можно убить уже мертвого? — встречным вопросом ответил посланец Крома. — Здесь может помочь только магия. Я догадываюсь, что вся эта орда из могил, что сейчас тащится впереди нас, идет не просто к Тарантии. Они словно охотятся за кем-то...

Сотни Черных Драконов скакали в строгом порядке, держа строй и равнение. На концах пик трепетали маленькие флажки; иссиня-черная броня цвета воронова крыла поблескивала на солнце. Отряд приближался к Пуантенским горам; уже отсюда Конн и Паллантид видели поднимавшиеся высоко в небо султаны дыма. Впереди бушевали пожары; король невольно стиснул зубы — Пуантен славился своими богатствами, своими садами и фруктами — а сейчас там всюду гулял огонь. Конн охотно отдал бы приказ перейти в галоп; однако следовало сберечь силы коней.

Солнце уже клонилось к вечеру, когда на дороге стали попадаться первые кучки беженцев. Их было мало, одни лишь дети да старики; все мужчины и добрая половина женщин оставались, чтобы противостоять вторжению.

— Король! Наш король идет! — раздались приветственные крики с обочин и Конн вскинул руку в латной перчатке, приветствуя пуантенцев.

На дорогу перед жеребцом молодого короля вышел могучего телосложения старик, его спина по-прежнему оставалась прямой, хотя волосы стали белее горного снега. Вокруг него толпилась стайка ребятишек мал мала меньше. Старик почтительно, но в то же время и с достоинством поклонился своему правителю.

Конн спрыгнул с седла.

— Ты хотел сказать мне что-то, старче?

— Хотел, мой король, — голосом глубоким и мощным, точно рокот прибоя, ответил старик. — Я хотел сказать тебе — поворачивай назад. Твои храбрецы с радостью умрут на поле брани, но все это будет напрасно.

Лицо старика рассекали несколько глубоких шрамов от ударов мечами; его трудно было заподозрить в трусости.

— На нас идут мертвяки, — бесстрастно продолжал он; при этих словах сбившиеся вокруг него в кучу ребятишки, как по команде, захныкали и заверещали от страха.

— Какие такие мертвяки? — опешил Конн.

— Такие! — сверкнул глазами его собеседник. — Разрыли могилы и вылезли, я видел это собственными глазами! Нашу деревню они обратили в руины за несколько минут. Я один спасся. Я да еще эти детишки — а те, кто пытались биться, погибли все до единого. Ни топоры, ни колья этих тварей не брали.

Старик спокойно и бестрепетно стоял под горящим взглядом короля; похоже было, что бояться ему и впрямь было нечего.

— У меня там остались трое сыновей и две дочери, — спокойно сказал он. — И я говорю тебе, король, — возвращайся. Мечами ты тут ничего не сделаешь. Нужна помощь Богов. Я иду к святилищу Митры. Если он не поможет нам — тогда и впрямь все пропало.

Конн дернул щекой.

— Спасибо тебе, — одним движением он вновь оказался в седле. — И все же я попытаюсь. Прощай! И знай, что твой король не бежал без боя еще ни перед какой опасностью. Береги детей!

Старик покачал головой, однако ничего не ответил и лишь молча склонил величественную голову.

— Что он такое болтал про мертвяков? — обратился к Конну Паллантид, когда они миновали поворот дороги и старик со своими подопечными скрылся из виду.

— Что-то не похоже, чтобы он болтал бы все это со страху, — задумчиво ответил Конн. — Боюсь, тот неведомый чародей, навстречу которому мы едем, сумел вызвать себе подмогу из могил. Отец как-то рассказывал... ему приходилось иметь дело с подобными тварями. Лучше всего в таких случаях помогает оружие, сработанное тем же некромантом, что вызвал мертвых к жизни... — Конн с досадой покачал головой.

Весть эта не осталась тайной для гвардейцев короля; но к чести их нужно сказать, что ни один не дрогнул. Не слышно было встревоженного шепота; лица прославленных воинов остались спокойны.

Наступил вечер, и квартиреры уже подыскивали место для временного лагеря; войско длинной колонной втягивалось в неширокий проход между двумя круто-

бокими холмами; разумеется, на их вершины заранее выдвинулись боковые дозоры. Отряд благополучно миновал узкость, и передовые сотни вышли на широкий тракт между сплошными апельсиновыми садами, когда откуда-то спереди из сгущающихся предвечерних сумерек с резким, далеко слышимым свистом вынеслась сигнальная стрела. Передовые разведчики заметили опасность.

Толстая стрела с тупым наконечником и врезанной в древко свистулькой упала наземь невдалеке от Конна. В следующий миг Паллантид одним движением выхватил меч, подавая сигнал.

И тотчас же, словно в ответ на посланную тревожную стрелу, впереди в долине вспыхнул багровый свет. Он разлился далеко окрест; больше всего это напоминало внезапно засветившийся кровавым светом стелющийся туман.

— Вперед! — Конн привстал в стременах. Здесь, среди фруктовых садов, сотни Черных Драконов были точно в западне — встретить врага могли лишь несколько передовых десятков.

Могучие кони грудью ломали ветви, войско стремительно разворачивалось в линию вправо и влево от дороги. Конн с Паллантидом поскакали вперед.

В воздухе над их головами вновь пропела заунывно-тревожную песнь вторая сигнальная стрела; а еще несколько мгновений спустя до них донесся низкий, непередаваемо-грозный рык, словно там, впереди, неведь откуда появился громадный зверь — саблезубый тигр или пещерный медведь. Конн захрапели и уперлись, отказываясь идти дальше; Конн соскочил с седла, и, следуя примеру короля, следом спешилась и его окрана.

Повсюду по линии войска коневоды вели в тыл насмерть перепуганных лошадей. Черные Драконы, одинаково хорошо умевшие сражаться и в пешем, и в конном строю, плотнее сбивали ряды, готовили луки и дротики.

Впереди, на нешироком пространстве длиной примерно в два полета стрелы над землей плавали светящиеся лохмотья алого тумана; вся земля казалась за-

литой кровью. С противоположного края долины, от смутно темневших в полумраке очертаний каких-то строений навстречу войску Конна неспешно спускалась черная цепь странных, пошатывающихся фигур; все они, как одна, брели вперед с широко расставленными в стороны руками, словно ловили нечто невидимое. И от одного из вида Конна по коже продрал мороз, несмотря на всю его храбрость. Как-то сразу, мгновенно, он понял, что перед ним — те самые восставшие из могил, о которых говорил старик.

Знаменосец вонзил в землю древко гордого аквилонского штандарта; Паллантид уже отдавал распоряжения. Лучники первых рядов опустили на одно колено, натягивая тетивы луков и вытаскивая из колчанов первые стрелы. Щитonosцы приготовились закрыть себя и товарищей, копейщики опустили древка. Во второй линии мечники обнажили клинки.

Неровная линия черных фигур приближалась. В жутковатом алом свете стали видны их истлевшие одежды, среди обрывков гниющей плоти поблескивали обнаженные кости. Они шли не прячась, выпрямившись во весь рост. Черные Драконы ждали, укрывшись за последними рядами апельсиновых деревьев.

Конн смотрел на это невероятное, невозможное шествие и чувствовал, как волосы на затылке под шлемом невольно начинают шевелиться.

Ждать аквилонцам пришлось недолго. Цепь мертвецов оказалась в пределах досягаемости лучников и Конн резко взмахнул рукой. Сигнальщики тотчас же повторили его движение.

Рой длинных серых стрел ушел густо, стояло безветрие, цели двигались медленно; и Черные Драконы еще раз доказали, что даром едят свой хлеб. В мгновение ока двигавшиеся навстречу аквилонским цепям фигуры оказались утыканы торчащими древками, напоминая каких-то чудовищных дикобразов.

«Вряд ли это поможет», — мелькнуло в голове Конна.

Однако одна или две фигуры упали; остальные продолжали как ни в чем не бывало идти вперед.

«Ого, что это, их можно убить вторично?!» — молодого короля окатила волна мгновенной жаркой радости.

— Бейте, друзья, бейте, и не бойтесь! — что было сил вскричал Конн, поворачиваясь к войску. — С нами благие боги! Митра благословляет ваши стрелы!

Ответом ему стало слитное гудение десятков и сотен тетив. Стрелки уверенно, не мигая, брали прицел, стараясь попасть врагу в грудь или голову. Никто не поддавался панике, никто не дал страху овладеть собой — хотя, разумеется, по спине каждого воина тек обильный ледяной пот ужаса. Однако быть храбрым вовсе не значит «не испытывать страха», а — «не поддаваться ему»...

Конн прищурился, изо всех сил пытаясь разглядеть, куда же надо попасть, чтобы черная фигура повалилась в траву. Меткие стрелы аквилонцев делали свое дело, упало еще два мертвеца; однако становилось ясно, что лучники врага не остановят и, конечно, не смогут перебить. Следовало ждать рукопашной. Чуть поредевшая цепь мертвых медленно поднималась по склону, шаг за шагом приближаясь к аквилонским позициям. Щитоносцы и копейщики теснее сдвинули ряды; лучники чуть отступили, чтобы стрелять поверх голов товарищей. Тут зоркий глаз молодого короля заметил какое-то странное шевеление в траве позади черной цепи мертвых. Конн вгляделся пристальнее — и до крови закусил губу от досады — там, опираясь на руки, упрямо ползли вперед те фигуры, что минутой раньше упали под стрелами Черных Драконов. Очевидно, случайное попадание перебило бестиям нижние конечности, они не могли больше идти — и теперь ползли, подтягиваясь на руках. Быть может, Конну помог бы огонь; но обычная стрела, обмотанная горячей паклей, вряд ли заставит воспламениться полустгнивший мокрый труп; разве что заманить их всех на погребальный костер?..

— Паллантид! Немедля пошли две... нет, три сотни резерва валить деревья и готовить растопку!.. — И Конн в нескольких словах объяснил старому полководцу свой план.

Через несколько мгновений стволы деревьев затрещали под ударами топоров. Воины работали, как безумные, воздвигая громадные кучи мелко нарубленного

хвороста, покрывая им землю; а из обоза уже тащили высокогорлые глиняные корчаги с маслом.

— Аккуратно отступить — и аккуратно поджечь, — как заведенный, твердил про себя Конн. Он уже понимал, что если придуманный им план даст осечку, от его отборной тысячи гвардейцев ничего не останется — мертвеца можно изрубить на куски, а он все равно будет тянуться обрубками рук к твоему горлу...

Тяжелые стрелы по-прежнему густо летели навстречу черной цепи. Однако мертвецы, заслышав стук топоров, внезапно приостановились, словно в раздумьи; Конн в отчаянии стиснул кулаки. Неужто эти твари что-то почуяли?!

Наверное, так оно и было, потому что мертвецы внезапно вновь двинулись вперед, только теперь куда быстрее, и, в такт их движению, то разгорался, то почти угасал багряный свет в долине. Становилось ясно, что соорудить ловушку до схватки воины Конна уже не успеют.

— К мечу! — пронесся над полем голос молодого короля, и бывалые ветераны гвардии невольно вздрогнули — казалось, что к ним вновь вернулся тот, кто создал Воинство Черных Драконов — великий король Конан.

Мертвецы взбирались по пологому склону, не уступая в быстроте идущей рысью лошади. Еще несколько темных фигур рухнули, пораженные стрелами в крестец, однако остальные достигли линии аквилонских щитов.

Конн стоял в первом ряду. Он видел горящие красным глаза оживших трупов. Эти глаза очень походили на буркалы черных демонов, с которыми пришлось схватиться его отцу.

Безобразные, полуразложившиеся, полуистлевшие тела, слезная лохмотьями плоть, оголившиеся кости... Длинные когтистые руки тянулись и тянулись вперед, не пытаясь защищаться или отражать удары. Мертвые знали только один прием — вцепиться в горло и душиить, ломая позвонки; однако поднявший их из могил вложил им в руки поистине нечеловеческую силу. Конн видел, как стоявший рядом с ним копейщик

точным движением пронзил насквозь навалившегося на него мертвеца, пика пробила тому грудь, наконечник вышел из спины — а мертвый, как ни в чем не бывало, спокойно протянул неимоверно, неестественно длинную руку и, сминая сталь доспехов, словно бумагу, сжал воину шею; из-под шлема обильно хлынула кровь, и гвардеец Конна распростерся на земле. В следующую секунду молодой король с яростным воплем напроць отсек обе руки зловещей мумии; но и отрубленные, кисти продолжали жить. Одна из них, перебирая по земле оголенными костями фаланг, ловко доползла до ноги Конна и вцепилась ему в сапог. Боль была такая, что сын Конана едва устоял; второй удар клинка превратил костяной обрубок в мелкое крошево, но и раздробленные, останки руки продолжали шевелиться, пытаясь ползти, вцепляться, душить...

По всему протяжению аквилонской цепи разгорелась яростная схватка. Черные Драконы были умелыми и бывальными воинами, их невозможно было испугать даже восставшими из гробов, и они стояли насмерть. Они быстро поняли, что не следует отрубать трупам руки или головы; гораздо разумнее подсесть им ноги, чтобы те не могли ходить, и медленно, по кусочкам втапывать мертвецов во прах, не столько рубя и пронзая, сколько дробя и плюща.

Тишина вечерней долины сменилась яростными звуками битвы. Хриплые боевые кличи аквилонцев смешивались с пронзительно-скрипучими воплями, время от времени исторгавшимися из груди мертвых. С каждым мгновением мертвецы дрались все ожесточеннее и умелее, каждый вбитый в землю и искрошенный на куски труп стоял аквилонцам нескольких бойцов — от голых рук мертвецов доспехи почти не защищали.

Всего против Черных Драконов оказалось сотни три с половиной оживших трупов, однако каждый мертвец сражался за десятерых. И самым сильным натиск воинства, вышедшего из могил, был в центре аквилонских позиций, где высилось знамя с золотым львом и где стоял король Конн.

Отборные телохранители медленно пятились, теряя и теряя товарищей. В цепи возник разрыв; высоченный мертвец оттолкнул плечом воина и шагнул к Конну, вытягивая вперед руки; пальцы тянулись к горлу молодого короля, в пустых глазницах трупа мерцал багровый огонь.

Непереносимое отвращение, а вовсе не страх, придало сыну Конана поистине силу полубога. Свистнул меч; клинок рассек мертвую плоть, верхняя половина туловища грянулась наземь, ноги же с крестцом остались стоять. Однако мумия, казалось, не обратила на это никакого внимания; мертвец подтянулся на руках и ловко зацепил крючковатыми пальцами ногу Конна. Молодой король не удержал равновесия и оступился; впишущуюся в него мертвую руку отсек Паллантид, но и на него уже надвигался смердящий мертвец...

И тут Конн понял. Это он, именно он, а вовсе не его воинство нужен мертвецам. Битва продолжалась, Черные Драконы мало-помалу отступали, и становилось ясно, что ходячие трупы нацелили свой удар именно на молодого короля Аквилонии. Центр королевской гвардии держался очень упорно, крылья же постепенно отходили; сражавшиеся вокруг Конна оказались в полукольце. Несмотря на то, что немало ходячих мертвецов было иссечено на мелкие части, и втоптало в землю тяжелыми, окованными сталью сапогами Черных Драконов, воины Конна тоже понесли очень тяжелые потери. Надо было дать гвардии время... хоть несколько минут... а потом заготовленный погребальный костер довершит дело.

— У нас все готово! — выкрикнул один из воинов, внезапно появившись из сумерек за спиной Конна.

— Паллантид! Командуй отход! — распорядился Конн, и в этот миг мертвецы прорвали, наконец, цепь аквилонских воинов в центре. С десятков трупов со всех сторон надвинулись на Конна; за спиной короля встал на дыбы и забился его жеребец; двое конюших с трудом удерживали его, повисая на поводьях.

Меч Конна подрубил ноги ближайшему мертвецу, однако его уже окружали.

— Король! Уходи! — закричал Паллантид, отчаянно размахивая клинком.

Жеребец Конна наконец встал на дыбы и вырвался. Животное прыгнуло на надвигающихся мертвецов; в тот миг, когда конь проносился мимо Конна, руки короля вцепились в роскошную гриву своего любимца и спустя миг сын Конана оказался в седле. Храпя, жеребец вновь поднялся, одним ударом копыта размозжив череп ближайшему труп; в цепи мертвецов на секунду возник разрыв, и Конн бросил своего скакуна туда.

— Паллантид, я их отвлеку!.. — крикнул он и погнал жеребца широким кругом по полю. Десятка два мертвецов и впрямь побежали за ним, нелепо растопыривая руки; к ним стали присоединяться новые, натиск на центр аквилонцев значительно ослаб.

Зная со львом медленно отступало. Выполняя приказ, Черные Драконы подались назад, заманивая мертвецов на гибельный костер. Конн знал, что факельщики уже разожгли огонь и стоят наготове подле кип пропитанной маслом пакли, которая всегда имелась в обозе запасливого Паллантида. Мертвецы как будто бы клюнули на этот обман: их черная цепь поползла вперед, преследуя отступающих.

Свора десятка в три гналась за Конном. Конечно, можно было бы оставить их сейчас, бросив впоследствии на эту жалкую кучку всю мощь гвардии; но Конн не хотел терять более ни одного своего воина. Нет, он, сын короля, прозванного в народе Великим, обязан сам привести этих мертвяков на костер!

Конн в тот миг гнал коня по самому дну долины; вокруг, точно разлитая в воздухе светящаяся кровь, колыхался колдовской туман. Свора преследовала его по пятам; у мертвецов невесть откуда взялась небывалая прыть.

И, уже поворачивая скакуна, Конн вдруг увидел прямо перед собой странную фигуру: подбоченясь, там стоял горбун, положив обе руки на эфес меча. Взгляд его пылал тем же красным огнем, что и глазницы мертвецов; не приходилось сомневаться, что именно он — поводырть этого страшного стада Смерти.

Конн уже не успевал ни выхватить меч, ни повернуть коня, и тогда его рука сорвала висевший слева у седла короткий дротик; прежде, чем горбун успел хотя бы шевельнуться, толстое древко пробило его насквозь.

Раздался ужасный визгливый вопль, от которого у Конна заложило уши и он на время попросту оглох. Корчась, горбатая фигура опрокинулась на спину, ухватившись обеими руками за торчащий из груди дротик. Дальнейшего Конн не видел; конь его пронесся мимо.

Король погнал скакуна обратно к линии апельсиновых рощ. Мертвяки мчались за ним уже по-собачьи, на четвереньках; и двигались с невообразимой быстротой. Конн никак не ожидал от них подобной прыти.

Конь промчался над местом схватки; впереди замаячили пошатывающиеся спины мертвецов. И тут возле самого бока Конна блеснула обнаженная рука скелета — один из мертвяков, растеряв, верно, в дороге все остатки плоти, очутился совсем рядом. Король оглянулся — свора окружила его и уже готовилась вцепиться в ноги коню.

При виде мертвых впереди жеребец бешено заржал, но, видно, того, что гналось за ним по пятам, он страшился еще больше. Вздвигнувшись, конь прорвался через строй уже вступивших на покрытую хворостом землю мертвецов; свора не отставала.

— Зажигай! — что было сил вскричал Конн, пригибаясь к шее коня, и увидел стремительно рванувшиеся по земле огненные ручейки. Пламя взметнулось за спиной Конна гудящей яростной завесой; сквозь треск и гул прорвался многоголосый вой, полный такой ненависти и в то же время тоски и ужаса, что содрогнулись все слышавшие. Охваченные огнем ходячие трупы пытались вырваться из огненных тенет, однако готовые к этому Черные Драконы шестью и тупыми концами копий отбрасывали их обратно.

Конн уже хотел осадить скакуна, когда вдруг из крутящегося пламени выскочили две каких-то твари, обугленные, изглоданные огнем, — это было все, что осталось от преследовавшей молодого короля своры. Теперь они уже ничем не напоминали людей, пусть

даже и мертвых. Во многих местах плоть мертвецов слизнуло огнем, кости покрылись копотью; однако прыти у них не убавилось. Жеребец Конна окончательно вышел из повиновения наезднику и помчался вперед, не разбирая дороги, с такой скоростью, что пытаться спрыгнуть с седла было бы чистейшим самоубийством. Твари с красноватыми глазами деловито завернули обезумевшего коня и погнали его на юг.

Вслед королю неслись отчаянные крики его гвардейцев. Часть из них тоже вскочила в седла, но жеребец Конна несся с такой быстротой, точно в него вселился демон. Обычные кони не могли с ним тягаться но, тем не менее, Паллангид спешно повел гвардию следом, оставив небольшой отряд, чтобы подобрать раненых и убитых. Среди гвардейцев насчитывалось немало искусных следопытов, про которых говорили, что они способны выследить даже малиновку, пронесшуюся над полем летней ночью — а жеребец Конна оставлял в земле глубокие взрытые отпечатки копыт.

Ночь быстро сгушалась. Гвардия непреклонно шла вперед, освещая путь факелами. Она шла по следу своего короля.

8. Пуантенская ночь

-Сдается мне, кто-то здорово подстегнул наших красноглазых приятелей-демонов, — озабоченно бросил посланец Крома, окончив прислушиваться.

Небольшой отряд Конана остановился для краткого отдыха в покинутом обитателями селении. Здесь они уже не увидели растерзанных трупов — похоже было, что люди успели бежать до того, как сюда докатилась волна безжалостных убийц. Дома стояли нетронутыми.

Пуантен остался позади. Перед Конаном лежал последний перевал. Широкая дорога проходила сквозь седловину между двумя пологими горными отрогами и устремлялась дальше на север — к Тарантии. Киммериец и его спутники шли через провинцию двое суток, хотя для конного в иное время им потребова-

лось бы на это не более одного дня. Путь преграждали то большие пожары, то неведь откуда взявшиеся стаи волков и одичавших псов нападали на кавалькаду с таким ожесточением, что Конану приходилось отступать. Волки, не обращая внимания на зарубленных собратьев, нападали со всех сторон, и киммерийцу с огромным трудом удавалось пробиться сквозь их ряды.

И все же отряд Конана сумел прорваться к границе Пуантена. Все это время он чувствовал, что погоня не отстает и не теряет след. Черные Демоны оказались первоклассными ищейками. Чем дальше, тем быстрее они двигались; киммериец своим глубинным, звериным чутьем улавливал неутолимый голод, терзавший адских созданий. Расстояние между отрядом Конана и преследователями неуклонно сокращалось.

Воительницы совсем было приуныли — вышедшие из Серых Земель, они тоже обрели удивительную способность ощущать присутствие служителей и обитателей Преисподних. Все понимали, что открытого боя им не выдержать; отряд шел почти наугад; спасения от Неведомых не было, а если Конан и сумеет уйти от погони, месть недовольных Богов все равно настигнет их, если они не выполнят волю Великих.

— Ну, подстегнул, и что с того? — проворчал киммериец в ответ на сказанные посланцем Крома слова. — Кони быстрее все равно не пойдут.

— Рано или поздно они настигнут нас, — негромко молвил посланец. — Если мы не придумаем, как с ними справиться...

— Ну, понятное дело, я не знал, что нам будет плохо, если мы ничего не придумаем, — ухмыльнулся Конан. — Знаешь, мой отец в таких случаях говорил — не можешь сказать ничего умного — лучше молчи.

— Мне так легче думается, — насупился посланец.

Конан пожал плечами и отвернулся. Одного демона ему все же удалось сразить; не миновать того же и иным тварям, если дело дойдет до последней схватки. А там — будь что будет. Побывав за свою долгую жизнь в самых невероятных передрыгах, киммериец привык доверять судьбе. Из любого, внешне даже самого без-

выходного положения может найтись неожиданный выход — нужно лишь не поддаваться отчаянию и искать, до чего не смогли додуматься твои враги.

— Ладно, тронулись, — Конан коснулся плеча посланца Крома. — А то эти бестии и в самом деле нас нагонят.

— Двинемся, но не раньше, чем я вновь попытаюсь запутать наш след, — вздохнул слуга Крома. — Заклятье Зерттрикса слабеет, вскоре я уже смогу достичь чертогов нашего Отца... А пока — помоги мне!

Повинуясь командам посланца, Конану долго пришлось расхаживать взад и вперед, совершая бессмысленные движения руками и время от времени выкрикивая то «аой», то «эвое»...

Когда они тронулись в путь, посланца Крома пошатывало от усталости и он едва держался в седле.

Был вечер, далеко у гористого горизонта медленно угасало алое закатное пламя. В лица бил свежий ветер — и его порыв внезапно донес запах гари вместе с жутким, замогильным воплем сотен и сотен голосов. В следующий миг перед отрядом Конана открылась неширокая долина с пологими склонами, залитая странным кровавым светящимся туманом. На той стороне долины полыхал грандиозный пожар — из крутящихся огненных вихрей и рвался тот леденящий душу предсмертный вой, что они услышали чуть раньше.

И тут до слуха Конана вновь донесся голос Зерттрикса.

— Тебе туда нельзя, киммериец. Я останавливаю тебя вторично.

Конь Конана заржал и попятился. Сам киммериец досадливо сплюнул.

— А куда же мне тогда деваться? — Он постарался вложить в вопрос как можно больше издевки.

— Для нашего дела будет лучше, если ты немного посидишь на одном месте, — отозвался Зерттрикс.

От внимания Конана не ускользнуло, что горбун говорит как-то сдавленно: голос его стал низким и хриплым.

Отряд вновь остановился.

— Если черные демоны доберутся до меня, пока мы здесь прохлаждаемся, боюсь, твои хозяева вряд ли будут очень обрадованы, — наудачу бросил Конан. Ответа не последовало.

Тьма сгущалась. Пожар на противоположном краю долины медленно угасал, словно какая-то сила сдерживала огонь, не давая ему распространяться дальше. В воздухе пахло горелым и еще чем-то неуловимым, но донелась отвратительным — киммериец готов был поклясться, что так могут пахнуть полуразложившиеся трупы, когда их наконец бросят на погребальный костер...

Медленно тянулось нескончаемое время. Конан сгрыз до мяса ногти на обеих руках, не находя себе покоя. Его маленький отряд окружила завеса глухого недоброго молчания; ни один звук из внешнего мира не пробивался к ним. Переставшие ссориться девушки жались друг к другу и старались держаться поближе к Конану, хотя, наверное, и понимали, что случись чего — и смертный вряд ли сможет помочь им, вырванным капризом Богов из жутких пределов Смерти...

И потому войско Черных Драконов прошло мимо, так и не узнав в ту ночь, кто сидел на расстоянии двух полетов стрелы от той дороги, которой ехали их сотни.

Несколько часов спустя, уже глухой ночью, посланец Крома забеспокоился. Он стоял, обернувшись лицом к югу, и шумно втягивал в себя ноздрями воздух, точно охотничий пес.

— Они потеряли наш след, — не веря сам себе, медленно произнес он, имея в виду черных демонов. — Они свернули куда-то в сторону... Я не понимаю — это не мой чары, нет! Их сбilo что-то другое!

— Может, этот мерзкий горбун? — предположила Белит.

Посланец Крома пожал плечами:

— Как бы то ни было, на наших плечах больше никто не висит.

— Мне это не нравится! — с глухим раздражением внезапно бросил Конан.

Он и в самом деле не мог понять, что с ним творится. Точивший душу червь тревоги превратился

во всепожирающего змея. Кто-то очень, очень близкий, кто-то, ради которого Конан не колеблясь пожертвовал бы жизнью, оказался в страшной опасности... Конн!!!

Из груди Конана вырвался почти что звериный рык, полный такой страшной угрозы, что кони испуганно прянули. Конечно! Как он мог усомниться! Ясно, как день, что мальчишка не усидел за крепкими стенами Тарантии и сам бросился навстречу врагу... Но, во имя Крома, где войска, где, проклятья на их головы, прохлаждается вся королевская гвардия?!

Белит осторожно взяла взбешенного киммерийца за руку. С ее стороны это было настоящим подвигом, потому что разъяренный Конан был куда опаснее самого кровожадного зверя.

— Там мой сын, — прохрипел в ответ на невысказанный вопрос в ее глазах Конан. — Это он увел за собой орду демонов!

— Он прав, — медленно кивнул головой посланец Крома, после того, как взоры всех воительниц обратились к нему. — Я терялся в догадках, как эти бестии могли потерять наш след... Теперь-то понятно. Мои заклятья... да еще то, что твой сын, Конан, похож на отца как одна капля воды на другую...

— Так это что же будет, если он попадется в лапы демонам? — почти взвизгнула Испарана. — Сочтут ли Неведомые, что наш долг выполнен?!

— Вот уж не знаю, — покачал головой посланец Крома. — Насколько я понял, здесь важна буква соглашения. А там главное было — свергнуть Конна с престола. Значит, если злая судьба приведет твоего сына, Конан, в плен к этим тварям... боюсь, нам придется сперва добиться его освобождения, а уж потом свергать!

— Твои слова мудры, — раздался вдруг хорошо знакомый голос и из зарослей к ним шагнул Зерттрикс. Горбун шагал как-то неуверенно, прижимая левую руку к груди, и в словах его уже не слышалось обычной насмешки. — Твои слова мудры, слуга Крома. Да, в сделке с Великими Иерархиями важен каждый штрих на том незримом пергаменте, что запечатлел ваше соглашение... Постой, Конан! Не надо бросаться на

меня, я ни в малейшей степени не причастен к судьбе твоего сына. Все получилось случайно. Преследующие вас черные демоны вызваны к жизни не мной, но теми, кто сильнее, кто стоит выше в бесконечном ряду Иерархий... И вы правы в том, что вам придется сперва освободить твоего сына, киммериец. Что будет дальше — решать уже не мне. — Горбун как-то криво и не слишком уверенно ухмыльнулся, повернулся к ним уродливой спиной и заковылял прочь. Спустя несколько мгновений мрак поглотил его.

— Что-то мне не нравится, что Зерттрикс говорил о Конне так, будто твой сын уже попал в плен, — заметил посланец Крома. — Так просто он демонам вряд ли дастся!

Конан промолчал. Бездействие жгло и мучило его хуже самой страшной пытки; оставаться на месте он больше не мог, и отряд двинулся в ночь.

* * *

Взбесившийся жеребец, не разбирая дороги, мчал Конна куда-то во мрак. Несмотря на всю свою силу, сыну Конана не удавалось остановить обезумевшего коня. Жеребец грудью ломал оказывавшиеся на пути преграды, напролом пробивался через густые заросли, его хлестали ветви, однако он словно бы не чувствовал боли. Две твари, в которых превратились избегшие огня мертвецы, по-прежнему преследовали Конна по пятам; можно было только гадать, чья воля вдохнула силы в этих жутких созданий. Конн догадывался, что его скакуна гонит сейчас вперед отнюдь не простой страх; животное мчалось быстрее ветра, встречный поток воздуха в буквальном смысле не давал сыну Конана открыть глаза; невозможно было смотреть вперед, даже очень сильно прищурившись.

Судя по звездам, жеребец мчался куда-то на юго-восток. Конн молил всех хайборийских богов и сурового Крома даровать ему на пути речку — в воду молодой король сумел бы прыгнуть. Однако, оборачиваясь, Конн видел постепенно приближающиеся две пары алых нечеловеческих глаз — и тогда вновь начинал просить своего скакуна наддать еще чуть-чуть. Нет,

прыгать так просто было нельзя — мертвецов двое... а доспехи не спасут от их хватки.

Бешеная скачка окончилась внезапно. Одна из преследовавших Конна тварей внезапно распласталась над землей в неправдоподобно длинном прыжке, одним движением оказавшись на крупе несущегося коня. На мгновение Конн увидел жуткий оскал черепа, ряды длинных острых зубов, ничем не напоминавших человеческие, кривые когти на пальцах, впившиеся в бок жеребцу — и в следующий миг конь со всего размаха грянулся озимь. Кладнувшие зубы мертвеца перекусили ему спинной позвоночник.

Тело Конна, словно выпущенный из пращи камень, врезалось в густое сплетение каких-то ветвей. Кусты замедлили падение, и очень кстати подвернулся сметанный стог сена. Не успел сын Конана выпутаться из душистого вороха, как обе твари набросились на него.

В крошечной тьме, под скудными лучами слабого лунного света смертельные враги сошлись в рукопашную. Конн почти не видел своих противников, однако унаследованные от отца ловкость и звериное чутье на опасность помогли ему — меч снес верхнюю половину черепа прыгнувшей на него бестии вместе с челюстью. Но уже один раз умершее существо не могло быть убито так просто. Извернувшись, оно вновь метнулось к Конну, а красные глаза, медленно угасая, все еще смотрели на молодого короля из упавшей на землю части черепа...

Как бы ни был ловок и быстр Конн, его противники не уступали ему. Зубы одной из тварей впились в голень Конна; король почувствовал, как подается сталь доспехов и, хотя его второй удар отсек голову, челюсти мертвеца не разжались.

Противники сплелись в жуткий клубок. Клинок Конна крошил тела навалившихся на него оживших мертвецов; сталь безжалостно кромсала их, кулаки Конна в латных перчатках дробили и ломали кости — и все же они не отставали. Вдвоем им удалось повалить Конна на землю; молодой король задыхался от отвращения, сила его ударов удесятерилась. Его руки разорвали тело оказавшегося сверху мертвеца, и дергающиеся полови-

ны отлетели далеко в сторону; но тут руки — клешни второго сошлись на горле Конна и, хотя клинок отсек обе кисти — оторвать их сил у Конна уже не хватило. Железо доспехов сминалось, впиваясь в шею, он уже не мог дышать...

И тут безжалостная хватка мертвых пальцев внезапно ослабла. Какая-то сила внезапно отбросила жуткие клешни в стороны; хрипя, Конн схватился за измятое горло, забыв о том, что на нем надеты доспехи.

Истощенный предсмертный визг на миг прорезал тишину и тотчас прервался. Конан смог, наконец, оглядеться. Его окружал мрак; и мрак этот жадно глядел на него десятками пар красных глаз.

В первый момент Конну подумалось, что его настиг еще один отряд поднятых из могил; однако он в тот же миг понял, что это не так. Из темноты вынеслись несколько тонких черных струй иссиня-непроглядного мрака; отчаянный удар мечом надрубил одно из страшных щупалец, однако остальные вырвали из рук Конна оружие, а спустя еще мгновение он был уже туго спеленут, связан по рукам и ногам так, что не мог пошевелить и пальцем. Неведомая сила подняла его над землей — и потащила куда-то. Вокруг что-то шестелело, шуршало, щелкало, как будто рядом шествовало целое войско громадных скорпионов. С постоянным, жутким торжеством пилились на Конна округлые красные глаза.

Молодой король сжал зубы, чтобы не застонать от жгучего, всеохватывающего отчаяния. Пойман! Позорно пойман! Попался в силки, словно глупая куропатка! Что теперь будет с войском, с Тарантией, с Аквилонией?!

Он догадывался, что его пленили не люди и даже не напоминающие их создания. Однако разглядеть во тьме он все равно ничего не мог и с чисто киммерийским фатализмом заставил себя не думать об этом — по крайней мере до тех пор, пока не рассветет и он не сможет как следует рассмотреть своих похитителей. Ясно было, что они прикончили обоих преследовавших Конна тварей — причем с необычайной легкостью.

Ускользнуть от подобных стражей будет не простым делом; сначала следовало присмотреться.

И Конн усилием воли заставил себя смежить веки, заставил не думать о случившемся; чтобы бежать, ему понадобятся силы, а лучше всего их восстановит самый обыкновенный сон. И молодой король приказал себе уснуть.

* * *

Паллантид был весьма удивлен, когда ему доложили, что впереди гвардии объявился еще один отряд, судя по всему, тоже идущий по следу жеребца Конна. Семь неведомых всадников возникли словно из ниоткуда; и спешили они ничуть не меньше, чем Черные Драканы.

* * *

Конан, посланец Крома и пятеро воительниц гнали своих коней со всей мыслимой быстротой. Посланец уверял, что ему удалось прибавить скакунам сил, и это походило на правду — лошади неслись и неслись вперед, не обнаруживая ни малейших признаков усталости. Конан не мог объяснить, какие силы овладели им в те часы, но ему казалось, что он видит на земле пылающие рыжим огнем отпечатки копыт: он знал, что здесь промчался его сын, и в свою очередь понукал жеребца.

А потом яростное свечение следов, которое не видел никто, кроме Конана, внезапно приугасло, словно присыпанное пеплом; тонкое обоняние Конана почувствовало знакомый тошнотворно-гнилостный запах. Черные Демоны перешли им дорогу. Адские твари и в самом деле потеряли след его, Конана; взамен этого они натолкнулись на его сына.

Хотя отряд киммерийца скакал глухой ночью без всяких дорог, ехать было не слишком тяжело — жеребец Конна, словно одержимый, оставлял за собой настоящую просеку. Ему все было нипочем — сады и кустарники, заборы и плетни. Через мелкие ручьи он перемахивал, речки покрупнее преодолевал вброд... даже и без кажущихся огненными отпечатков Конану не

составило бы труда выследить схваченного магическими силами коня.

— Мы нагоняем их! — приблизившись к Конану, крикнула ему почти в самое ухо Карела. — Я чую запах демонов!

Однако это оказалось не так. Цепь огненных отпечатков внезапно прервалась, и киммериец смутно разглядел чернеющую поперек тропы неясную массу. Он слышал густой запах крови; и, в свете торопливо разожженного Валерией факела, их взорам предстало место последней схватки.

Издыхая, на пропитанной кровью земле лежал жеребец с перекушенным хребтом; чуть дальше все вокруг было изрыто, словно тут шла яростная борьба. Белели какие-то раздробленные, искрошенные почти в труху человеческие кости, разбросанные довольно далеко друг от друга, как будто кто-то кромсал на части скелеты мертвых и разбрасывал останки в разные стороны. Конан нашел два черепа, точнее, то, что от них осталось, однако не похоже было, что эти костяки раздроблены человеческой рукой. На костях черепа Конан увидел отчетливый черный налет, характерный запах которого тут же выдал орду красноглазых демонов.

— За Конном гнались не только наши черные приятели, — подытожил посланец Крома. — Тут остатки двух тварей — они были сотворены магией из мертвых людских останков...

— А черные схватили Конна, — глухо произнес Конан. Его громадные мышцы перекачивались под гладкой кожей, кулаки размером с детскую голову судорожно сжимались и разжимались, глаза сверкали; он топтался на месте, словно готовясь броситься всем телом на невидимую для прочих преграду.

— Да, схватили, — подтвердила Карела.

— С чего это ты вдруг заделалась такой искушенной в делах демонов? — не преминула ядовито поинтересоваться Белит.

— Не знаю... чую просто, и все тут, — с неожиданной бесхитростностью ответила Карела, не поддаваясь искушению затеять очередную склоку со своей противницей. — Мне кажется, что-то подобное мы с Конаном

уже встречали... в замке Аманара. Там в подземельях... там вроде тоже чувствовался такой же запах...

Белит хмыкнула, однако ничего не сказала.

— Конан, демоны никуда не ушли отсюда, — посланец Крома кончил ползать по земле и поднялся. — Я догадываюсь, что они открыли себе дорогу в один из Серых Миров. Они ушли отсюда путем Преисподних, Конан. Если мы не настигнем их там, то через несколько часов они уже окажутся на другом конце нашего мира. Тогда конец всей надежде.

Даже в слабом, неярком свете факела было видно, как побледнели подруги Конана при упоминании Серых Стран.

— Ты можешь провести меня следом за ними? — взревел киммериец.

— Могу, — кивнул головой посланец. — Эти дороги смертельно опасны, но иного выхода у нас нет. Заклятие Зерттрикса уже почти не действует; я могу сломать на время окружающие нас барьеры.

— Так хватит тогда болтать и берись за дело! — не сдержался Конан.

Посланец Крома едва заметно усмехнулся и отошел чуть в сторону. Его руки раскинулись в стороны, ладони были направлены вперед, словно он держал на весу длинную прозрачную рыбину. Между ладонями проскочила синяя молния, а затем Конан увидел прямо перед собой медленно расширяющееся пятно серого света.

— Туда, — мотнул головой посланец Крома.

Конан схватил коня за повод и потащил упирающуюся лошадь к трепещущему пятну. Он догадывался, что его ждет не самая легкая из дорог, и на ней встретится немало любителей закусить его собственной плотью; и он понимал страх девушек, совсем недавно чудом вернувшихся из цепких объятий Смерти, единственной полноправной владычицы Серых Земель.

Переход оказался прост, быстр и не сопровождался никакими магическими эффектами. Не полыхали молнии, не гремел гром — на несколько мгновений Конана окутала вязкая липкая тишина, поглотившая даже шум крови в его ушах, а затем тишина сменилась неистовым

ревом бушующего над странной серой землей ветра. Его порывы ударили в спины отряду, говорить стало невозможно. Вокруг расстилась унылая, чуть всхолмленная местность; киммерийцу показалось, что окрестные бугры постоянно меняют свои очертания. Прямо из-под ног киммерийца в серую даль убегала вымощенная белым камнем дорога. Кто проложил ее, куда она ведет — не знал даже посланец Крома; однако белый камень, словно оскорбленный ступавшими по нему нечестивыми лапами черных демонов, мстительно выдал Конану их следы. Отряд прошел здесь, и прошел совсем недавно. На белых плитах остался характерный черный налет, еще не успевший до конца засохнуть и превратиться в невесомую пыль.

На небе творилось нечто невообразимое. Тучи мчались одновременно во всех направлениях; они были багрово-красными, а в разрывах между ними проглядывала ядовитая желтизна. Иногда среди мечущихся облачных гигантов в стремительном полете мелькала какая-то крылатая фигура; разглядеть хотя бы одну из них в подробностях Конан не смог, однако его подруги, как одна, вдруг утратили все свое мужество и с визгом бросились прятаться одна за другую, точно маленькие дети, вдруг увидавшие нечто очень и очень страшное.

— Слуги... слуги старухи!.. — только и смогла пролепетать Белит.

Прежде, чем Конан сумел добиться более внятного ответа, одна из крылатых фигур внезапно резко изменила направление полета и, сложив крылья, точно коршун, ринулась с высоты на их маленький отряд. Киммериец увидел, как возле самой земли громадные серые крылья вновь развернулись и спустя мгновение тварь уже стояла на задних лапах, загораживая им путь. Облик бестии вполне соответствовал мрачному званию слуги самой Смерти. Уродливое тело, состоявшее, как показалось киммерийцу, из одних костей и в беспорядке протянутых туда-сюда сухожилий, венчала крошечная голова, сильно смахивавшая на увеличенную мышиную мордочку. Из-под плаща оперенных серых крыльев торчали две тонкие ручки с непомерно длин-

ными кривыми пальцами. Лапы напоминали птичьи; сзади волочился голый крысиный хвост.

— Мясо! — тонким голоском пропищало существо, совершенно игнорируя Конана и посланца Крома; оно глядело только на попятившихся от страха девушек. — Сбежавшее мясо! Я нашел, я и съем! Ух, как обрадуется Старая!

— И кого это ты тут вознамерился съесть? — двинулся вперед посланец Крома, однако киммериец опередил его. Вне себя от того, что на пути появилась еще одна преграда, Конан, как встарь, сперва взмахнул мечом, а уж потом подумал, нельзя ли было обойтись как-нибудь иначе...

Клинок из плоти демона вошел точно между глаз крылатой твари, рассек надвое уродливый череп, грудину и остановился только где-то возле паха. Разрубленное надвое существо еще несколько мгновений стояло, продолжая что-то болтать про мясо, а потом из раны повалил густой серый дым и демон опрокинулся навзничь, корчась и извиваясь. Из рассеченного рта вырывались жуткие звуки; это было какое-то проклятье, и Конан разобрал в нем свое имя. Невольно он нагнулся ближе к поверженному; и, приподнявшись на локте, тварь вдруг отчетливо выговорила, глядя прямо в лицо киммерийцу: «Быть тебе заключенным в Карусели Богов!» И, едва эти слова отзвучали, тварь задержалась, вновь рухнула набок, серый дым превратился в тягучую серую же жидкость — и остекленевшие глаза мертвого демона уставились в безумевшее небо.

«Как может умереть слуга самой Смерти?» — мелькнуло в голове Конана, за миг до того, как в его руку впились цепкие пальцы Белит.

— Ты зарубил слугу Старухи, — трясаясь от ужаса, выдавила неустрашимая прежде предводительница пиратов. — Дух его, конечно, все равно не убить; ты уничтожил то подобие тела, в котором они существуют здесь...

— Старуха не скоро создаст ему новое, — заметил посланец Крома, — но теперь берегись, киммериец! Старуха этого не простит, — закончил он мрачно.

— Кром! Что за старуха?! Почему никто ничего не объясняет мне?!

— Старуха — это Смерть, — пояснил посланец Крома. — Точнее, некто, кто властвует в пределах, куда попадают души умерших. А тварь, которую ты лишил телесного облика — ее прислужник. Дело в том, что Серые Земли — это десятки и сотни Преисподних, где обитают множество демонов; демоны эти, насколько я знаю, не слишком-то ладят между собой. Время от времени у них, как и у людей, случаются войны. Тогда стены Преисподних содрогаются... и в такие моменты у душ, что томятся во владениях Старухи, появляется пусть и крошечный, но все же шанс вырваться отсюда... А Старуха — великая скряга; наверное, поэтому при сотворении мира ее и посадили здесь, стеречь Залы Мертвых... так вот, для нее пропажа хоть одной души — острый нож в сердце. Твои подруги были вырваны из-под власти могучими заклинаниями надмировых Сил; Старуха раздосадована этим до чрезвычайности. И уж конечно, она не упустит случая возратить сейчас свою пропажу! А «мясо» демон кричал оттого, что вы, красавицы, теперь ведь во плоти — человечина для него первейшее лакомство...

Конан слушал посланца, не отводя взора от распростертого на каменных плитах демона. Густая серая кровь обитателя преисподних постепенно застывала; широко открытые мышинные глаза-бусины в упор смотрели на киммерийца. Конан наклонился взглянуть на него еще раз; острие его меча качнулось над застывающей лужей серой крови. Ко всеобщему удивлению, в тот же миг на лезвии заплесали голубые и синие огоньки: точно капли воды, они стекали по клинку, падая. Кровь убитого демона тоже засветилась изнутри серебристо-жемчужным светом, между оружием и поверхностью лужи протянулось подобие светящейся голубоватым дуги. И, повинувшись неосознанному порыву, Конан плашмя опустил свой меч в лужу вытекшей из крылатого демона крови. Все остальные умолкли, с изумлением глядя на него.

Лужа мгновенно сделалась прозрачной. А затем раздался короткий шипящий звук, словно кто-то быстро-

быстро втягивал ртом воду — и просветлевшая кровь исчезла. Конан готов был поклясться, что всю ее выпил его диковинный меч. Клинок вновь осветился изнутри призрачно-голубоватым светом — и все угасло. Однако теперь Конан чувствовал новые, странные силы, что обосновались в неказистом на вид сером клинке.

— Вот это да, — протянул посланец Крома, широко открытыми глазами следивший за происходившим. — Твой меч встретил родственника! Но как ты догадался?..

— Не знаю, — пожал плечами киммериец. — Просто само как-то пришло в голову — после того, как между мечом и кровью этого малого побежали какие-то искры...

— Хорошо бы это помогло против самой Старухи, — дрожа, прошептала Карела.

— Нам нельзя терять времени, — посланец Крома вскочил в седло. — Надо торопиться, если не хотим потерять ту черную орду!

По ясно видимому, четкому следу оравы демонов следовать было легко. Никуда не сворачивая, схватившие Конна твари шли по белой дороге.

Вокруг стремительно, как во сне, менялись странные, причудливые пейзажи. Только что вокруг расстилалась безжизненная холмистая пустыня — и вот надвинулись лесные стены. Затем деревья тоже исчезли, и дорога повела кавалькаду самым краем бездонной пропасти...

— Вокруг нас целые орды всяческих тварей, — вполголоса произнесла Белит, озираясь и держа наготове клинок.

Киммериец тоже ощущал постоянное, пристальное, жадное внимание голодных глаз; их обладатели пока оставались невидимы, однако Конан понимал, что терпение у прожорливых обитателей здешних мест истощится очень и очень быстро.

Но до времени все оставалось спокойно. Над головами плясали обезумевшие облака, время от времени среди них проносились крылатые создания Старухи; Конан заметил, что над их отрядом мало-помалу скапливается все больше и больше этих тварей. Вскоре в небе уже кружился целый десяток бестий.

— Надо спешить, — в голос посланца Крома слышалась тревога. — Если они набросятся все разом, нам несдобровать!

— Верховым от крылатых все равно не уйти, — пожал плечами киммериец.

— Дело не в этом! Схватки так и так не минуешь — но надо во что бы то ни стало освободить прежде Конна! Если мы завяжем в мясорубке со здешними обитателями, твой сын наверняка погибнет, Конан!

Длинная ветвистая молния лопнула в небе, угодив в вершину придорожного холма. Из того места, куда она ударила, повалили густые клубы иссиня-черного непроглядного дыма; они не поднимались вверх, а, напротив, опускались вниз, к подножию, мало-помалу складываясь в уродливое, пугающее лицо, отдаленно напоминающее старушечье. Над впалыми щеками выдавались вперед резко очерченные скулы; под глазами набрякли рыхлые морщинистые мешки, плотно сжатые губы прикрывали беззубый рот... Лицо старухи было все серо-черного цвета, и лишь глаза ярко светились — в них билось алое пламя, как и у многих других обитателей бездн...

— Хозяйка! — взвизгнула Белит, чуть не свалившись с седла.

Чудовищная голова медленно поворачивалась, следуя взглядом за кавалькадой. Вреда от нее пока никакого не было и Конан решил, несмотря ни на что, продолжать путь. Черный след на белом камне приковывал к себе все его внимание; даже крылатого слугу Старухи он убил только потому, что тот грозил помешать его погоне...

Кони бесились и вставали на дыбы от страха. С трудом успокоив перепуганных животных, они погна-ли их дальше; и отряд еще не успел потерять из виду чудовищную старушечью голову, как Конан заметил далеко впереди на белой ленте дороги размытое черное пятнышко. Отряд демонов был впереди; Конан нагонял его.

Белая дорога рванулась под копыта брошенных в галоп коней. Сотканная из дыма голова даже дернулась, стараясь ни на миг не выпустить из вида отряд Конана;

в лица ударил упругий ветер. Расстояние быстро сокращалось.

Киммериец не замечал, что его скакун вырвался далеко вперед, оставив позади остальных; он видел лишь грязное пятно на дороге, отвратительное, мерзкое пятно, где сейчас под ярмом вели его сына. И киммериец зарычал от ненависти, зарычал, сам не слыша собственного голоса; его рука высоко вскинула меч. Он летел за ордой, точно воплощение карающей божьей десницы.

Нельзя сказать, что демоны полностью проигнорировали его приближение. Они не могли спастись бегством; не могли, наверное, и использовать в этих местах свою магию, — иначе, думал Конан, они не преминули бы сделать это. Похитителям оставалось только одно — сражаться. Пугающая быстрота, с которой они мчались по следу Конана, куда-то безвозвратно исчезла.

Темное пятно остановилось. Конан приближался, и вот пятно уже распалось на отдельные черные силуэты, вставшие тесным полукругом. А в самой середине их строя Конан увидел оплетенную чем-то вроде черной паутины неподвижную человеческую фигуру, и сердце киммерийца забилось самое меньшее вдвое быстрее. Пока Конн рос, Конан старался не выказывать любовь к сыну, дабы не избаловать и не изнежить мальчишку; но теперь он готов был отдать по капле всю свою кровь, чтобы выручить Конна.

— Конан! Конан, погоди! — донесся сзади отчаянный крик Белит.

Но киммериец уже не мог остановиться. Он гнал коня прямо на застывший строй демонов. Он знал, что сейчас ему навстречу устремятся неимоверно длинные лапы-щупальцы, стремясь оплести ноги коня и сбросить на землю всадника...

Когда жеребца отделяло от неподвижной черной линии красноглазых тварей не более десятка футов, демоны сделали то, что и ожидал от них киммериец. Воздух словно прошили десятки черных молний. Они оказались тупы и несообразительны, эти демоны, не-

ведомые Боги наделили их громадными силами, забыв, однако, снабдить хитростью...

За миг до того, как прочные путы уже готовы были оплести его, Конан на всем скаку прыгнул с седла в сторону. Подобное он решался проделывать лишь в пору самой отчаянной, ранней молодости, когда сама смерть кажется уделом лишь жалких неудачников, а отнюдь не всех рожденных женщинами...

Лошадь Конана забилась в сплетении схвативших ее лап; земля всей тяжестью ударила по выставленным рукам киммерийца, могучие мышцы с трудом помогли ему перекатиться через голову и, когда он вскочил на ноги, меч его уже был занесен над головой...

Одним отчаянным прыжком Конан преодолел отделявшее его от строя демонов расстояние. Серый клинок взмыл и опустился; впитавшее кровь крылатого создания лезвие рассекло тугую неподатливую массу демона, словно мягкую, полную теплой крови человеческую плоть. Тело демона распалось надвое и прежде, чем кто-то из его собратьев успел подхватить упавшие наземь алые кругляши глаз, Конан раздавил их, ударом сапога обратив в небольшую лужицу красноватой слизи...

И тут оказалось, что трехглазый предводитель орды был вовсе не столь уж глуп, как сперва показалось Конану. Демоны с похвальной быстротой перестроились. Конан оказался посреди черного кольца. Лапы-щупальцы демонов взлетели высоко вверх, образовав там нечто вроде сплошной сети. Замысел их был несложен — сейчас киммериец вынужден будет поднять вверх свой меч — и тогда-то его подсекут за ноги.

Черная сеть рванулась вниз, однако киммериец отчего-то не стал пытаться разрезать ее; вместо того, чтобы поднять меч над головой, он вновь прыгнул — прямо на трехглазого предводителя.

И то ли демона выручил тот самый пресловутый третий глаз, то ли Конана подвела ослепляющая порой в бою первобытная ярость — но серый меч прошел в одном пальце рядом с головой черной твари; в следующий миг мягкие, но неимоверно сильные пальцы вцепились в лодыжки киммерийца. Второй удар его

меча развалил трехглазого надвое, но остальные демоны навалились со всех сторон. Сильный рывок — и киммериец, не удержавшись, растянулся на камнях белой дороги.

Кто знает, чем закончилась бы эта схватка, если бы не посланец Крома и подруги Конана. Слуга отца Киммерии выкрикнул какую-то фразу на непонятном языке — и движения демонов несколько замедлились, а в следующую секунду пятеро воительниц на всем скаку врезались в ряды черных тварей. Выпад Карелы — и оба рассеченных глаза преградившего ей путь демона потекли вниз красной слизью по лишенному черт лицу. Кривая сабля Испараны мелькнула серебристым языком пламени — и, хотя клинок завяз в плоти демона, это дало Конану возможность подняться. А когда киммериец вновь оказался на ногах и серый меч грозно засиял в вздетой руке, демоны дрогнули.

Кто знает, что ожидает их за гранью бытия в Преисподних, но смерти они тоже боятся. Конан знал, что обитатели Преисподних порой предпочитают честному бою позорное бегство; однако эти, черные, оказались другой породы. Несмотря на конец предводителя, несмотря на магию посланца Крома, они продолжали драться. Меч киммерийца кромсал их и вдоль, и поперек, у демонов не было никакой защиты, они гибли один за другим — но ни один не показал врагу спины.

Дикая схватка продолжалась недолго. Вскоре руки Конана уже схватили за плечи лежавшего на камнях Конна.

* * *

Молодой король Аквилонии пробудился от того, что кто-то что есть мочи затряс его; открыв глаза, Конн увидел нависшее над ним... свое собственное лицо. Нет! Глаза, редкостные ярко-синие глаза — его собственные были все-таки чуть бледнее. Отец! Его глаза! Да, его... и лицо... наверное, таким оно было, когда отцу сравнялось столько же лет, сколько сейчас Конну...

— Что же ты не встаешь, сын мой? — услышал он голос, развеявший последние его сомнения. Конн знал,

что это — не морок, не насланное злой силой наваждение — перед ним его отец.

— Отец!.. — вырвалось у Конна и он тотчас же устыдился своего вскрика — Конан не поощрял бурных проявлений чувств. Смеясь над ними, он считал подобные излияния свойственным одним лишь неженкам, которые боятся спать одни в темной комнате.

Сильные руки странно помолодевшего Конана рывком подняли Конна на ноги.

— Объясню все потом. Можешь сидеть в седле? — отрывисто бросил киммериец сыну и, получив утвердительный кивок, потащил Конна к предусмотрительно захваченному с собой запасному коню.

Конн с изумлением таращился на окружавшую их местность и на странный эскорт отца — пятеро разнообразно одетых и вооруженных воительниц да странный длинноусый воин с простым боевым топором в правой руке. Женщины рассматривали Конна откровенными, оценивающими взорами; а одна из них, с выбивающимися из-под шлема ярко-рыжими волосами даже провела по губам кончиком розового язычка...

— Это он, Конан? — осведомился длинноусый воин. — Приветствую тебя, Конн, приветствую и надеюсь, что ты не разучился держать меч. Нам предстоит веселое возвращение!

— Это еще почему? — осведомилась одна из воительниц, с роскошными иссиня-черными волосами.

— Ты забыла о Старухе, Белит? — спокойно ответил ей длинноусый. — Посмотри, она сама решила пожаловать к нам в гости!

Конн повернулся вместе с остальными и услышал, как у отца вырвалось глухое проклятье.

Воздух внезапно наполнился хлопаньем бесчисленных широких крыл. Из-за беспорядочно мечущихся облаков вниз посыпались бесчисленные крылатые создания — точ-в-точь такие же, как и недавно убитое Конаном. А по белой дороге к ним приближалась, неспешно ковыляя по гладким, тщательно пригнанным друг к другу плитам, опираясь на длинную клюку,

невысокая и нескладная фигура, закутанная в серые лохмотья...

При виде этой фигуры воительницы разразились дружными воплями, не слишком достойно пытаясь укрыться за спинами Конана, Конна и длинноусого. Местность за спиной Старухи тотчас же поглощал клубящийся туман. Конн почувствовал дуновение мертвящего, ледяного ветра; повеяло могильным холодом. К ним приближалась тупая и злобная, враждебная всему живому Сила, и молодой король, оставшийся без меча, лихорадочно озирался по сторонам в поисках подходящего оружия; заметив его взгляды, длинноусый протянул ему извлеченный из-за пазухи тяжелый охотничий нож, почти кинжал, толщиной у обуха в добрых полпальца...

— Вряд ли это поможет, но все равно, держи!

Фигура тем временем подошла почти вплотную. Раз взглянув на нее вблизи, Конн уже не мог отвести взгляда. Старуха оказалась настолько идеально уродлива, что это уродство завораживало и притягивало взгляд лучше самой совершенной, самой отточенной красоты. Нет, взорам Конна предстал не шагающий труп, не оживший скелет — перед ним стояла, тяжело опершись на кривую клюку, самая обыкновенная старуха, со свисавшей складками морщинистой, дряблой кожей, впалыми щеками и беззубым ртом, выбивающимися из-под бесформенного капюшона седыми растрепанными космами... Бескровные губы постоянно шевелились, точно их обладательница что-то пожевывала. Двумя кроваво-красными огнями горели на этом изглоданном временем лице два удивительно живых, хитрых и злобных глаза.

— Ну, — протянула Старуха, медленно обводя взглядом отряд Конана, — кто это осмеливается бесчинствовать в моих владениях? Кто это осмеливается таскаться с покищенными у меня куклами? — пылающие глаза уперлись в длинноусого. — А я узнаю тебя, отродье Старого Крома, гончий пес, которого Кром украл у меня! И тебя я узнаю тоже, нареченный Конаном, ты славно потрудился, пополняя ряды моих подданных! — Старуха мерзко захихикала.

— Что тебе нужно, хозяйка? — спокойно осведомился длинноусый, которого Старуха назвала гончим псом Крома. — Ты решила преградить нам путь? Но разве ты не видишь, что больше не властна над нами, — он указал на пятерых сбившихся в тесную кучку воительниц. — Разве ты не видишь, что волей Великих Иерархий им возвращена плотская жизнь? И разве ты не видишь, что мы с Конаном вовсе не умирали и, значит, не можем быть подвластны твоей магии? Неужели ты хочешь сражаться, хозяйка? Тебе мало одного погибшего слуги?

Глаза Старухи сузились. Конну показалось, что между тяжелых морщинистых век бьется неистово-гневное пламя. Тонкие губы сжались в нитку, рука с клюкой повелительно поднялась...

— Сынки! Взять их! — прокаркала она, обращаясь к бесчисленным скопицам крылатых демонов.

— Это вряд ли удастся тебе, Старуха! — внезапно прозвенел чей-то голос, чистый и высокий, точно звук весеннего ручейка.

Под сгустившимися черными облаками, среди серых безжизненных холмов прямо на дороге распускался удивительный огненный цветок. Его лепестки властно раздвинули белые дорожные плиты; громадный бутон стремительно рос, выбрасывая в стороны все новые и новые, тут же укореняющиеся отростки. Зеленая обложка бутона дрожала, сверху пробивались алые лепестки...

Старуха осеклась, ее поднятая рука так и не успела упасть, чтобы тем самым дать своим слугам сигнал к атаке. Замерев, она, точно замороженная, следила за распускающимся на глазах огромным цветком...

Это оказалась роза. Исполинская, огненно-красная роза, и вокруг нее волнами расходился нежный, льющийся подобно теплой волне, чудесный аромат; громадный бутон начал стремительно распускаться, лепестки розы один за другим разворачивались — чтобы тотчас опасть. Спустя еще несколько мгновений из занавеса опадающих лепестков, в каждый из которых можно было завернуться, как в плащ, появилась не кто иная, как Гуаньлинь собственной персоной.

— Что ты делаешь здесь, проклятая, в моих владениях? — Старуха зашипела, точно рассерженная кошка. И тут же, словно спохватившись, она перешла на какой-то странный, торжественно-громовой язык.

Конан никогда не слышал ничего подобного. Похоже, не понимал речь Старухи и посланец Крома.

Гуаньлинь ответила на том же самом возвышенном наречии, ее прекрасное лицо оставалось спокойно, в то время как Старуху всю перекосило от ярости. Не понятный никому, кроме двух собеседниц, разговор продолжался еще некоторое время; а потом Старуха вдруг заворчала, словно готовая броситься на добычу дикая собака — и резко взмахнула-таки давно уже поднятой рукой.

Земля под ногами киммерийца затряслась, холмы исчезли, на их месте стали стремительно растекаться огненные озера. Жидкая, пылающая кровь Земли устремилась со всех сторон на отряд Конана, а сверху на них ринулись легионы крылатых демонов Смерти.

Спокойствие изменило даже обычно невозмутимому посланцу Крома; перехватив поудобнее боевой топор, он бросился к неподвижно застывшей Старухе, однако Гуаньлинь успела удержать его.

— Нет! — прокричала она, и голос ее едва можно было расслышать в нарастающем со всех сторон подземном реве. — Еще не время! Сражайтесь!

Никто не понял, для чего она это сделала — однако все повиновались беспрекословно. Армада хлопающих крыльями крысоголовых демонов встретила на своем пути заслон из поднятых клинков; Райна первой метнула один из своих кинжалов, и серая тварь, судорожно дергая крыльями, покатилась по камням, ломая кости. Из середины лба ее торчала рукоять глубоко вонзившегося клинка.

Конн отчаянно подпрыгнул вверх, вцепился в лапу снижающегося демона и прежде, чем тот успел дотянуться до него когтями, несколько раз ударил ножом в самое сердце. Боевой топор посланца Крома снес голову еще одной твари; не знали отдыха и клинки остальных воительниц, однако очень скоро выяснилось, что способностью отнимать жизнь у серых демонов обладал только меч Конана. Остальные твари, даже

получив страшные раны, продолжали бросаться на окруженную со всех сторон кучку дерзких возмутителей спокойствия. Невидимая за их бесконечными шеренгами своих слуг Старуха продолжала что-то торжественно вопить.

— Гуаньлинь! — не оборачиваясь, крикнул Конан. — Если ты пришла, чтобы поперекаться с этой старой каргой, то, клянусь Кромом, ты выбрала не самый подходящий момент!

Хотя киммериец и его спутники уже окружили себя целым валом из трепещущих тел серых демонов, натиск бестий не слабел; ничего не страшась, твари лезли прямо на острия клинков, стараясь избежать лишь меча Конана. А вдобавок к демонам, все ближе и ближе подступали волны пылающей лавы, жар становился нестерпимым. Ряды атакующих демонов прошла голубая молния; она не причинила им вреда, зато выжгла на добрый фут в глубину камень подле киммерийца.

Гуаньлинь стояла, скрестив на груди идеально очерченные маленькие руки и смежив веки. Она стояла, словно вокруг и не шел смертельный бой, не сверкала сталь и не наползали валы огня. Она как будто ждала чего-то, что повернуло бы ход событий в совершенно иную сторону...

И дождалась.

— Превеликий престол! — Где-то совсем рядом раздался яростный вопль, перекрывший даже боевой клич Конана. Одна из плит возле самых ног киммерийца отвалилась в сторону, и в проеме подземного хода появилось перекошенное бешенством лицо горбуна Зертрикаса.

— Ты! — заорал он, поворачиваясь к совершенно спокойно взглянувшей на него Гуаньлинь. — Ты специально подстроила все это, чтобы я примчался выручать вас из лап Старухи!

— Разумеется, — невозмутимо кивнула Гуаньлинь. — И ты вытащишь нас отсюда, иначе, клянусь породившей меня, я отдам себя этому пламени!

Зертрикс пошатнулся, его полубезумные глаза чуть не выплезли на лоб.

— Ты не сделаешь этого, — прохрипел он, не сводя с Гуаньлинь оторопевшего взгляда. — Не сделаешь... не сделаешь... Разве ты не можешь справиться сама? Ведь Старуха — твоя мать!

— Именно поэтому у нее есть очень много причин желать, чтобы я очутилась в этом костре, — Гуаньлинь кивнула на приближающиеся языки раскаленной добела лавы. — Но оставим это! Ни доблестные воители из рода Смертных, ни посланец сурового Крома, ни даже я, дитя Великих Сил, не в состоянии развязать сомкнувшееся вокруг нас огненное кольцо. Если ты можешь, сделай это.

— Почему это я должен? — облизывая губы, нервно переспросил Зертрикс. — Ты что, хочешь предложить мне сделку?.. — На лице горбуна появилась кривая усмешка, в глазах мелькнул огонек злого торжества. — Ну, это еще можно было бы обсудить...

Все это время Конан вполуха прислушивался к их странному разговору, не переставая отражать постоянные наскоки демонов и по мере сил помогая остальным.

Лава, судя по всему, обжигала и демонов; правда, Конан не понимал, зачем было бросать против его отряда этих бестий, если, по замыслу Старухи, один только огненный вал способен был обратить в пепел киммерийца со всеми его спутниками. Однако, так или иначе, бой не затихал.

— Нет, — спокойно покачала головой Гуаньлинь. — Я не заключаю сделок. Ты просто исполнишь то, что я тебе говорю.

— Но, моя милая...

— Я тебе не милая, — последовал спокойный ответ. — Я увела бы этих смелых людей через небо, если б не демоны... так что веди через землю, Зертрикс.

Горбун затрясся, словно в падучей; казалось, его глаза испускают огонь. Все его тело пришло в движение, нос съехал куда-то набок, щеки то отвисали, то вновь натягивались, руки изламывало так, что, казалось, сейчас лопнут суставы...

— У тебя осталось очень мало времени, Зертрикс, — с царственной надменностью проговорила Гуаньлинь.

У горбуна вырвался пронзительный, рвущий слух вопль. В этом крике смешалось все, и тоска, и ненависть, и сломленная гордыня... Он обхватил голову руками и, судорожно дернувшись, исчез в раскрывшемся проходе. Конан и остальные не успели пошевелить и пальцем, как земля ушла у них из-под ног и со всех сторон навалилась всепоглощающая, непроглядная чернота безбрежного мрака.

Вслед им летел разъяренный, полный неистовой злобы гнусавый вопль Старухи.

9. Шамарская битва

Когда коловращение миров утихло и тьма отступила, оказалось, что отряд в полном составе стоит на вполне обычной сельской дороге, петляющей между знакомых рядов апельсиновых деревьев. Они вернулись в Пуантен; над истерзанной землей постепенно разгоралось новое утро. Удивительная ночь кончилась.

— Здесь нам придется расстаться, Конан-киммериец, — чуть печально проговорила Гуаньлинь, касаясь его локтя кончиками пальцев. Все пятеро воительниц, словно и не она только что спасла их всех, ревниво воззрились на нее. — Мне пора возвращаться. Моя мать не забудет о случившемся, о том, что я увела у нее из-под носа пятерых украденных дев... Она хитра и мстительна, мне надлежит подготовиться к отпору. Я возвращаюсь в Розовый Дворец.

— Но почему ты помогла нам? — вдруг спросил посланец Крома.

— Разве ты забыл? Я поклялась сделать все, чтобы уберечь вас от гибельного пути, на который толкает этот горбун!

— Но что даст тебе эта клятва? — продолжал недоумевать посланец Крома. Конан не понимал, какая муха укусила его спутника и зачем ему потребовалось задавать эти нелепые вопросы.

— Если бы ты отказалась от нас, Зертрикс, быть может, оставил бы тебя в покое, — пристально глядя

на Гуаньлинь, произнес посланец. — Ты — я провижу — накрепко связала свою судьбу с нашей. Победим мы или падем — это самым прямым образом скажется и на тебе. Не лучше ли отступить?..

— Хватит! — оборвал посланца киммериец. — Что ты от нее хочешь?.. Она действительно спасла нас!..

— Да, и отныне скована с нами одной цепью, — необычайно серьезно ответил посланец Крома. — Ты не знаешь, кто она такая, Конан. Ты не понимаешь, что не только наши с тобой жизни, но и жизни всех аквилонцев вместе с твоим сыном не искупят ее гибели...

Гуаньлинь сердито сдвинула брови.

— Не следует тебе об этом задумываться! — упрекнула она посланца. — Мое решение — это мое решение, и не станем больше говорить об этом!

Посланец Крома лишь опустил голову.

— Вам тоже пора, — продолжила Гуаньлинь. — У вас впереди война. Ее нужно выиграть, иначе пропадет все уже сделанное. Прощайте!..

И она исчезла — только крошечный розовый увядший бутон упал под ноги киммерийцу.

— В дорогу! — Конан прыгнул в седло. — К Тангрии!

— Разреши мне сказать, отец, — вдруг, как-то странно кривя губы, вмешался почтительно молчавший до этого Конн. — Это — очень странная война. Все приграничье, крестьяне, соседние страны идут на Аквилонию. Здесь замешана магия — чья-то сильная магия... Вот те, которые захватили меня, странное место, где я очнулся... Ты — молодой, а как это могло случиться, без помощи магии? Кроме того, ты докладывал, что войска захватчиков ведет человек, разительно похожий на тебя, молодого...

— Конн? — рык Конана оборвал речь его сына. — Молодым меня сделала и впрямь магия, но нет такого колдовства, чтобы оно изгадило мою душу, чтобы я повел войска на своих, пусть бывших подданных. Что же до остального — оно и для меня ясно не до конца. Ты понял?!

— Да, отец! — с облегчением выдохнул Конн и продолжал: — Войска идут по направлению к Шамару — может, нам отправиться туда? Только надо постараться отыскать Черных Драконов... они должны быть где-то неподалеку, в Пуантене.

— Надо разжечь сигнальный костер, — распорядился Конан. — За дело, сын, пока расскажешь мне о ваших делах...

Конн кратко и точно поведал отцу обо всем, что случилось в Аквилонии после отречения отца от престола. Молодой король закончил рассказом о войне, о предпринятых по его приказам перемещениях войск, назначениях и тому подобном.

— Ты действовал как надо, хотя ты — король и тебе не пристало ждать одобрения от кого бы то ни было, пусть даже родного отца, — проворчал Конан, когда сын умолк.

Сигнальный костер быстро разгорался; в огонь бросили охапку гнилушек; оторвался и улетел вверх косматый клуб дыма. Не давая костру задохнуться, Конан сорвал плащ, которым накрыл огонь, и вверх устремился второй клуб, затем третий, четвертый, пятый...

— Если только Паллантид не ослеп окончательно, он должен это заметить, — заключил Конан, отходя от угасающего костра. — Теперь немного подождем...

Отряд расположился на отдых, радуясь блаженному безделью. Посланец Крома растянулся прямо на голой земле и тотчас уснул, словно какой-нибудь простой ратник, а не слуга могучего Отца Киммерии. Пятеро воительниц уселись тесным кружком и начали о чем-то шептаться, время от времени бросая взгляды то на Конана, то на его сына.

Конн сидел рядом с отцом. Он до сих пор не оправился от удивления — Конан вернулся, живой, сильный, помолодевший, он казался всегда восхищавшемуся им юноше живым Богом, вновь сошедшим с небес на землю. Сильный, властный, прошедший через страшные опасности и невероятные приключения — вот кто должен был бы принять скипетр Аквилонии в этот страшный момент.

Конан негромко рассказывал заворуженно слушающему его сыну о приключившемся с ним, благоразумно опуская, естественно, все, что касалось его сделки с Зерттриксом.

— Здорово, отец! — глаза Конна сияли. Нет, конечно же, не должен он занимать королевский престол в то время, когда вернулся король истинный, да еще вдобавок отмеченный особой благодатью Богов, возвративших ему и силы, и молодость!

— Что же ты теперь станешь делать? — спросил отца Конн. — Возглавишь шамарскую армию? И вообще, надо ведь объявить всем о твоём возвращении! Я буду молить тебя, отец, принять корону и скипетр, принадлежащие тебе по праву — как могу я, твой сын, занимать трон, когда ты вернулся?!

— И это говоришь ты?! Как ты можешь отказываться от трона, который я завещал тебе?! — ошарашенный Конан пытался напускным гневом скрыть растерянность и выиграть время. Ничего подобного он не ожидал.

Конн с жаром принялся доказывать отцу, что не может править, если вернулся законный король.

— Но я же отрекся в твою пользу, отрекся по всей форме, как велели эти крючкотворцы-жрецы, — Конан стукнул себя кулаком по колену. — Этого уже не перепешить! Ты — король; однако я начинаю сомневаться в тебе, раз ты с такой готовностью отказываешься от престола! Неужто я ошибся? — киммериец старался изобразить гнев, однако это ему плохо удавалось. Конну тоже показалось, что отец, конечно же, хотел бы вернуться к управлению Аквилонией, но жалеет его, своего сына и, значит, ему, Конну, следует действовать не убеждением, а хитростью...

— Разумеется, ты прав, отец, — Конн опустил глаза. — Прости меня, я так обрадовался... Давай оставим этот разговор; правда, одно нам нужно решить все равно — куда ты решишь отправиться теперь?

Киммериец ответил не сразу. Некоторое время он сидел, низко опустив голову. Он не мог ничего сказать Конну — и в то же самое время чувствовал постоянное, пристальнейшее внимание десятков, сотен незримых,

но всевидящих глаз. Откуда-то сверху, из высоких подзвездных чертогов, Нездешние Боги пристально наблюдали за ним. Конан чувствовал, как ему только что не кричат в ухо: «Ну что же ты медлишь!? Ведь он в твоих руках! Исполни то, что тебе было приказано, — и все! Аквилония станет твоей, останутся живы твои подруги... А дети у тебе еще будут — столько, сколько пожелаешь. Ну же! Не заставляй нас разочаровываться в тебе!»

Они и в самом деле видели все, его нынешние хозяева. Они даже не считали нужным таиться. Им было просто любопытно. Наверное, они развлекались подобным образом — и на миг эти их развлечения заставили киммерийца вспомнить свою юность и гладиаторские казармы в Халогее... Ну что же, верно, пришло время вспомнить старые времена и заставить новых хозяев понять, что никому, даже Богам, еще не удавалось подчинить себе Конана из Киммерии! Будь что будет, его первейший долг — спасти Аквилонию.

— Как только встретимся с Паллантидом — выступаем к Шамару, — бросил Конан и, подавая пример остальным, растянулся на земле у костра, рядом с безмятежно похрапывавшим посланцем Крома. Однако он еще не успел даже смежить веки, как рядом с ним присела на корточки Белит. Предводительница пиратов была настроена очень решительно.

— Почему ты медлишь?! — услышал Конан ее яро-стный шепот. — Ты забыл, чем может обернуться для нас твое своеволие?!

— Ты хочешь сказать, что я должен убить своего собственного сына? — Конан говорил тихо, но таким голосом, что ванир Сигурд, услышав его, только бы присвистнул и велел бы похоронной команде копать еще одну могилу, потому что если старый приятель Конан начинал говорить подобным голосом... это значило, считай, еще один свеженький труп.

— Тогда ты убьешь всех нас. — Белит с трудом заставляла себя говорить спокойным шепотом, так что со стороны казалось, что они обсуждают самое большее час предстоящего свидания...

— Белит, — прежним голосом произнес Конан. — Мы или победим все вместе — вместе с Конном, я имею в виду, — либо все погибнем. Как мне вбить это в твою прелестную головку?..

— И как ты намереваешься победить? — голос Белит дрожал от ярости. — Надеешься на эту потаскушку из Розового Дворца?!

Конан не сдержался. Железные пальцы впились в запястье прекрасной пиратки и сдавили с такой силой, что она закусилась губу, чтобы не вскрикнуть от боли.

— Ты забыла, как я убивал твоих людей за один косой взгляд на нас? — в самое ухо Белит прорычал Конан. — Если надо будет, я собственными зубами перегрызу глотку этим Неведомым!

— Отпусти меня, мне больно, — вдруг очень покорно сказала Белит. Ее веки вздрогнули, по щеке покатилась слеза. Невольно киммериец разжал пальцы.

— Ты скормишь всех нас демонам, — уже не пытаясь убедить, а просто сообщая, произнесла прекрасная пиратка, поднялась и медленно отошла в сторону, к напряженно ожидавшим ее возвращения остальным воительницам.

Так их и нашел Паллантид.

Старый вояка не сразу поверил своим глазам, примчавшись на взмыленной лошади, едва получив от передовых дозоров совершенно невероятную весть. Перед ним стоял Его король, Конан Великий — только помолодевший на добрых три с лишним десятка лет... Паллантид несколько очень долгих мгновений вглядывался в самые глаза Конана, а потом вдруг как-то судорожно дернул щекой, его глаза вспыхнули радостью, и он, забыв об этикете, сгреб киммерийца в объятия...

Однако, когда подошел весь отряд Паллантида, Черные Драконы ограничились лишь строгим, положенным по уставу салютом, и Конан был благодарен им за это — королем здесь был Конн, и каково бы ему пришлось, разразись его гвардейцы радостными приветственными кликами?

— Не время для долгих разговоров, — крикнул Конан, обращаясь к молчаливому строю закованных в черную броню воинов. — Я вернулся, но ваш — и

мой — король — это Конн; не сомневаюсь, что вы помните это. Мы идем к Шамару! И я, как простой ратник, буду сражаться в одних рядах с вами!

Ответом ему было дружное одобрительное ворчание.

— Веди войско, сын мой, — Конан коснулся пальцами плеча сына. — Король здесь — ты. Повелевай!

Конн внезапно улыбнулся какой-то странно-веселой, даже ехидной улыбкой; лет пятнадцать назад при виде этого Конан готов был бы поклясться, что сын затеял очередную каверзу.

Десять сотен Черных Драконов, понесших потери в схватке с ожившими мертвецами, но не утративших боевого духа, двинулись вслед за Конном на северо-восток, к переправе через Хорот. Нужно было спешить — Гонзальвио и Просперо вот-вот должны были подойти к стенам осажденной крепости.

По дороге Конн и Конан, как ни в чем не бывало, обсуждали ход войны.

— Я уже говорил тебе, ты все сделал правильно, — чуть ворчливо заметил Конан в ответ на вопросительный взгляд сына. — Ты прав. Шамар — самое слабое место в защитном поясе аквилонских крепостей. Под его стенами решится много... если не все. Однако бросаться сразу же освобождать город от осады не следует. Пусть их соберется побольше... — прибавил он с мрачной ухмылкой, имея в виду врагов.

— Но почему, отец? — удивился Конн. — Не ты ли учил меня, что врага следует бить по частям?

— Да, если это обычный враг. Но очевидно, что на сей раз мы имеем дело с вторжением, организованным и управляемым иными, нечеловеческими силами. Никому и никогда не удалось бы сколотить такой союз, его создатель воистину должен был быть более, чем человеком. Заметь, у вторгшейся армады нет общего командования. Да шемиты со стигийцами тотчас бы перегрызли друг другу глотки, не сдерживай их что-то! И еще одно. Армии наших врагов действуют так, словно кто-то передвигает их, как фигурки на игральной доске. Ясно, как день, что все эти короли, бароны и правители — не более, чем марионетки, подвешенные на ниточках... и кто-то очень искусно дергает за эти ни-

точки. И потому чем больше вражеских разноплеменных отрядов соберется в одном месте, тем труднее станет незримому поводырю управлять ими, тем больше надежды на то, что ниточки все-таки запутаются... и в этом заключается самая главная наша надежда...

Киммериец закончил непривычно длинную и отстраненную для себя речь — даже будучи королем, он старался изъясняться коротко и ясно, считая пустые разговоры уделом изнеженных придворных, лишенных иных занятий.

Конн же слушал отца, затаив дыхание. Да, его не зря называли Конаном Великим еще при жизни. Не зря он так гордился отцом. Решение, к которому он, Конн, пришел — единственно правильное. Он не имеет права не сделать это. Ради блага доверенной ему Аквилонии... Позади, в рядах Черных Драконов — Конн твердо знал это — не утихая, перелетали между рядами тревожно-изумленные шепотки: «Великий Король вернулся... ему возвращена молодость... как случилось такое чудо? Наверное, особое благоволение Богов на нем, на нашем истинном короле, иного и быть не может...» Черные Драконы совершенно правы, думал Конн. Воистину, отец не простой Смертный. Быть может, его отцом или матерью был кто-то из истинных Богов этого мира, иначе как смог бы Конан прожить столь яркую, полную приключений и побед жизнь?

Мало-помалу над головами воинов разгоралось утро. Они уже почти покинули Пуантен и приближались к Хороту; там, впереди, горизонт пока еще оставался не запятнанным отвратительными дымами пожаров; враги уперлись лбом в Шамарскую твердыню, не раз и не два уже выручавшую Аквилонию в минувшие годы. По дороге Конн отправил нескольких гонцов с приказами задержать продвигавшихся в глубь страны аргосцев. Удобнее всего это было сделать на равнине, где могла по-настоящему развернуться прославленная аквилонская конница, и потому Конн разрешил оставлять все еще удерживаемые крепости. Безумие аргосцев могло быть излечено лишь обильным кровопусканием.

Отряд вступил в нетронутые войной области. И тут случилось то, чего ждал Конн и что весьма досаждало Конану — народ очень быстро прознал о возвращении Короля; целые толпы сбегались к ним, покидая надежные убежища в холмах и лесах. Многие присоединялись к воинству, хотя годных для боя мужчин осталось очень мало — почти все ушли в Тарантию, вступать в армию Конна... И даже Конан не мог уговорить остаться тех, кто на сей раз двинулся за ним. Неприятель мог бы надменно посмеяться над этим войском, где половину составляли безусые подростки, а вторую — седые старики да самые отважные из женщин; но глаза новых ратников Конана горели таким огнем и они смотрели на вновь обретенного Великого Короля с таким обожанием и верой, что было ясно — по приказу его, Конана, они пойдут в огонь и в воду и только смерть сможет остановить их.

Белит, Испарана и остальные воительницы ехали молча и обособленно, время от времени бросая на Конана странно-испуганные взгляды. Он понимал, что его бывшие подруги ожидают ежеминутного неотвратимого возмездия; они наверняка чувствовали сейчас то же самое, что и Конан — постоянное, всевозрастающее давление, становящееся почти невыносимым: «Ну что же ты медлишь?! Вот он, тот, за чьей головой мы послали тебя! Докажи, что мы не напрасно остановили на тебе свой выбор!» Потивостоять этому непрестанному нашептыванию становилось все тяжелее и тяжелее.

А Конн, казалось, ничего не замечал — во все глаза, с восторгом глядел на Конана негодный неслух, словно нарочно стараясь, чтобы на пути киммерийца оказалось бы как можно больше поселян, вопящих что-то восторженное и бухающих в пыль на колени перед отрядом; мальчишка ничего не знал о том, что творилось с Конаном — и, сподоби Кром, чтобы он никогда и не узнал в дальнейшем. Глубоко в душе киммерийца, в душе далеко не молодого, шестидесятилетнего Конана, прихотью капризных Богов оказавшегося в молодом и сильном теле, постепенно закипала ненависть — не та быстрая, пьянящая ненависть молодости, когда легко убить человека за одно неосторожное слово, но истин-

ная, подсердечная ненависть, что не сопровождается воздетыми кулаками и громогласными воплями вперемежку с клятвами на клинках. Однако именно эта ненависть способна вести человека до самых дальних земных пределов в погоне за ускользающим врагом... С этого момента Конан уже не сомневался, что настанет день и он найдет способ сломать запоры небесных врат — чтобы отомстить Неведомым за все, за каждую каплю крови каждого погибшего в этой войне, неважно, аквилонца или, к примеру, аргосса. Конан не держал на них зла. Теперь, после рассказа сына, после всего увиденного в Пуантене не приходилось сомневаться, что каприз Неведомых превратил тысячи и тысячи людей в злобных безумцев, одержимых одной только мыслью — убивать.

«Надо подсказать Конну, чтобы брали больше пленных; не нужно бойни», — вдруг всплыла совершенно неожиданная для него, прежнего Конана, мысль.

Поглощенный собственными мыслями киммериец совершенно не обратил внимания на то, что Конн украдкой отдает какие-то приказы. Несколько его гонцов отделились от отряда и понеслись куда-то, немилосердно нахлестывая коней...

Два последующих дня пути прошли без происшествий. К оставшимся после схватки с ожившими мертвецами девяти сотням Черных Драконов присоединилось почти три тысячи ополченцев-ратников из поселян, не слишком хорошо вооруженных — зато решительности у них было хоть отбавляй. И в одном дне пути от Шамара Конн и Конан нагоняли уже изготовившуюся к бою армию Гонзальвио и Просперо.

— Всемогущий Митра! У меня двоится в глазах или в честной Аквилонии с некоторых пор стало два короля? — всегда сухохато-сдержанный, аристократичный Просперо не смог скрыть своего удивления, едва не переходящего в испуг.

— Нет, не двоится, друг мой, — хлопнул его по плечу Конан. — Просто я... как бы это сказать... ну, короче, скинул лет тридцать. Не спрашивай только меня, как это случилось! Не пожелаю такого счастья и своему злейшему врагу!.. Да, и самое главное, Про-

сперо — король Аквилонии — это Конн, он законный король. Никто не может отменить моего отречения.

Конн только чуть усмехнулся при этих словах.

— Ты примешь командование, мой повелитель? — хороший придворный, Просперо обратился к сыну Конана, давая ниспровергателю Нумедида понять, что правильно усвоил все его слова.

Конн не колебался ни секунды.

— Да, принимаю, разумеется, раз я здесь. Прикажи позвать Гонзальвио, почтенный Просперо, нам надо решить, что делать дальше...

Молодой граф не сдержал криков радости при виде вернувшегося Конана.

— Это великое чудо, — глаза Гонзальвио горели, — это счастливое предзнаменование! Надо объявить об этом всему войску — что сам Конан...

— Если ты назовешь меня великим, как какой-нибудь придворный блюдолиз, я попрошу твоего короля отнять у тебя графский титул! — не на шутку рассердившись, рявкнул Конан. При виде гневного пламени в его взорах Гонзальвио поспешно прикусил язык.

— Перейдем к делу, — чуть сдвигая брови, как бы в знак своего недовольствия, промолвил Конн, первым сядя к походному столу с расстеленной на нем картой. — Прошу тебя, начинай, Гонзальвио.

Молодой граф уже взял себя в руки. Он заговорил, спокойно, четко, со знанием дела и мало-помалу лица слушающих становились все мрачнее и мрачнее.

Положение защитников Шамара можно было назвать почти безнадежным. Вокруг города замкнулись два кольца осады — внешнее и внутреннее; во внешнем стояли только что прошедшие рати шемитов, во внутреннем — офицеры и кофитяне; нависая над левым крылом аквилонского войска, чуть в стороне от главных сил вторгшейся армады расположились немедийцы; им противостоял лишь небольшой заслон — все, что осталось от отряда графа Монагро после многодневных отчаянных боев. А еще на подходе были стигийцы — их флот поднялся по Хороту и уже находился близ устья Тайбора. На каждого аквилонского воина прихо-

дилось самое меньшее по четверо врагов, и это еще не считая стигийцев...

Гонзальвио умолк. И Конан вновь с неудовольствием заметил, что глаза и молодого графа, и бывшего Просперо обратились не к Конну, их законному королю, а к нему, Конану...

Словно почувствовав, что пауза затягивается, молодой король заговорил сам:

— Лагерь немедийцев расположен не слишком удачно, между холмами, и вдобавок там рядом река. Если мы ударим по ним, они вряд ли выдержат. С этого можно начать — а потом ударить в тыл шемитам. Насколько я понял, против нашего левого крыла сил у них не так много — верно, понадеялись на рать Бельверуса...

— А я бы предпочел чуть отступить, до линии холмов Бреза, — покачал головой Просперо. — Там отличная позиция, там мы сможем дать оборонительное сражение... При таком соотношении сил... наступление я считаю неразумным.

Просперо не сводил взора с Конана, однако киммериец безмолвствовал, положив подбородок на сжатые кулаки и пристально глядя в карту.

— Их так много, что мы можем не продержаться даже на самой хорошей позиции, — почтительно возразил Гонзальвио старому полководцу.

— И все же надо атаковать, — ожив, отчеканил Конн. — Только так у нас есть надежда спасти Шамар.

Гонзальвио тотчас же кивнул — молодой граф рвался в битву, — однако опытный и осторожный Просперо вновь покачал головой.

— Это безумие, мой повелитель. Мы погубим войско, а вместе с ним — и Аквилонию. Нас просто задавят.

Конан недовольно нахмурился при этих словах, однако вновь сдержался.

— Но ведь холмы Бреза — это не горная цепь, — в свою очередь возразил молодой король. — Это не перевал, пройти за который можно по одной-единственной узкой тропе! Если мы дадим пасть Шамару, наши враги окончательно объединятся и преспокойно

обойдут нас — сил-то у них хватит. Нет, почтенный Просперо — нам надо атаковать. Это наша единственная надежда. Надо запутать врага, сбить его с толку! Пусть он мечется из стороны в сторону.

— Но, быть может, мы все же смиренно станем молить сказать свое мудрое слово короля Конана?! — не выдержал Просперо, с отчаянием в голосе обращаясь к киммерийцу, однако тот лишь пожал плечами:

— Ты слышал, что сказал король, почтенный Просперо. Нужно думать о том, как наилучшим образом выполнить его приказ.

— Но это же конец! — завопил отбросивший всякую сдержанность Просперо. — Ты не можешь говорить так, Конан! Это же гибель, гибель Аквилонии!

— Гибель Аквилонии — как раз в глухой обороне, — угрюмо бросил киммериец. — Именно этого и ждут от нас... — он оборвал фразу и все решили, что он имеет в виду вражеских полководцев. — Если бы я был королем, я бы отдал приказ атаковать.

Голова старого полководца упала на грудь, губы сжались в узкую белую полоску — он был уверен, что прав, и не знал, как переубедить остальных...

— Приказываю — конным лучникам перекрыть дороги к немедийскому лагерю, — спокойно распорядился Конн. — Бессонцев — на окрестные холмы; пехота в первой линии, конница — в резерве. Начинаем!..

Просперо только молча отвернулся.

Над просторной Шамарской равниной только-только занимался рассвет. Чуть всхолмленная, с многочисленными, разбросанными тут и там домиками одиноких ферм, сейчас она напоминала развороченный муравейник. Бесчисленные орды вторгшихся заполнили ее многоцветными палатками и шатрами. Шамар был окружен двойным рвом и валом, из-за которого могучие катапульты метали тяжелые камни. И, хотя крепкие стены города пока держались, ясно было, что в конце концов врагам удастся пробить брешь. Заготовлено было несколько могучих таранов; спешно вязались сотни штурмовых лестниц. Однако лагерь осаждающих разительно отличался от подобных же, каких немало видел на своем веку старый Шамар. В этом лагере не

слышно было по вечерам разудалых песен; не сновали маркитантки и шустрые скупщики награбленного; за войском не тянулись обозы; казалось, пришедшая к городу армия вообще думает лишь о том, как сжечь и разрушить как можно больше, а не о набивании вечно тощих кошелей простых воинов, и это было страшнее всего. Старшины Шамара отправили выборных на переговоры с осаждающими, предложив им большой выкуп; однако в качестве ответа горожане получили в кожаном мешке лишь головы своих посланцев. Город постоянно бомбардировался глиняными шарами с жидким огнем; катапульты посылали их высоко над стенами, и возникавшие то тут, то там пожары уже уничтожили по меньшей степени четверть домов Шамара. Когда город стремятся захватить ради добычи, нет нужды заранее обращать его в пепел.

Осажденные знали, что королевская армия уже совсем рядом; но видели они и то, на сколько многочисленны враги. Один раз королю Конану Великому удалось в подобной же ситуации отстоять Шамар; но известно, что чудеса дважды не повторяются...

Примерно в полудне пути от Шамара в неширокой долине между двух крутобоких холмистых гряд расположился лагерь немедийской армии. И он тоже поразили бы сторонний взгляд своей странной безжизненностью — как будто воинами в бельверусской армии были не живые люди, любящие и выпить, и потискать доступную девку — а некие забывшие о земных радостях существа. Не слышно было даже привычной ругани возле мест раздачи провианта.

Было раннее утро. Солнце до половины поднялось из-за горизонта; вот-вот должна была последовать смена часовых на окрестных вершинах. Один из парных дозоров наблюдал за подступами к лагерю с северо-запада; воину почудилось странное шевеление в высокой траве неподалеку от той ямы, где прятались они с напарником. Не раздумывая, он выпустил туда стрелу, чего, разумеется, не должен был бы сделать. Вместо того, чтобы стрелять, воину следовало поднять тревогу — однако глодавшая его всю ночь жажда убийства

требовала выхода, и он спустил тетиву прежде, чем даже подумал, зачем он, собственно, это делает...

Ответ последовал незамедлительно. Свистнула ответная стрела — и незадачливый дозорный беззвучно упал, схватившись за пробившее горло древко. Его напарник не успел даже понять, что происходит, как внезапно вынырнувшая из травы под самым его носом невысокая фигура нажала на спуск арбалета; тяжелый железный болт пробил доспехи и воин умер, не успев даже крикнуть.

— Готовы, — шепотом сказал товарищу низкорослый воин с арбалетом. — Проклятье, они успели подстрелить Стелима! Ума не приложу, как его смогли заметить...

— Хватит болтать! — угрюмо перебил говорившего лучник. — Стелим был хорошим парнем, но нас ждут еще два их поста!..

И тут произошло неожиданное. Мертвый воин с пробитой грудью, из которой торчало оперение толстой арбалетной стрелы, внезапно приподнялся. Его глаза оставались закрытыми, он двигался словно разболтанная кукла-марионетка; но прежде, чем оцепеневшие аквилонцы успели хотя бы снести ему голову, он повернулся к своему лагерю и закричал, предупреждая своих — жутким, нечеловеческим, мертвым голосом, на непонятном языке; долгие визгливые переливы прокатились между холмами, и хотя никто не мог разобрать слов, смысл поняли сразу.

Внизу, в немедийском лагере, жуткому крику мертвого часового отозвались многочисленные трубы, разразившиеся тревожным ревом. Оправившиеся от неожиданности аквилонские воины с двух сторон бросились на восставшего из мертвых, два меча ударили разом, голова кричавшего покатила по земле — однако мертвый караульщик сделал свое дело. Внизу, в долине, немедийцы выстраивали боевой порядок с удивительной быстротой.

И тут недалеко грозно и мощно взревели аквилонские боевые рога. Тысячи и тысячи копыт ударили в землю, тысячи и тысячи подбитых железом сапог дружно сделали первый шаг. Охватившая под

покровом ночи лагерь аквилонская армия двинулась вперед. Немедийцы не успели подняться на окружающие их лагерь холмы, как на гребнях их густо зачернели ряды пехоты. Наставив копья и на ходу стреляя из луков, гандерландцы и тарантийцы двинулись вниз. Конн словно предвидел, что враг каким-то образом сумеет не дать захватить себя врасплох — а против изготавившейся к бою тяжелой пехоты конница почти бессильна. Аквилонцы не могли ввязываться в долгую перестрелку — либо они сомнут и растопчут врага первым же ударом, либо... либо битву можно считать проигранной с самого начала.

Самые сообразительные из немедийских командиров двинули свои сотни и десятки вперед, чтобы их не смял накатывающийся сверху вал аквилонских копеечников, однако было уже слишком поздно. Шеренги сшиблись с громом и лязгом; сталь ударила в сталь. В первые же мгновения стало ясно, что немедийцам не удастся выдержать яростный натиск пеших воинов Конна. Наспех выстроенные ряды защитников лагеря рухнули; правильный бой превратился в хаотичный водоворот вспыхивающих тут тут, то там схваток; воины, быстрее других понявшие, что происходит, бросились наутек, однако лагерь был окружен со всех сторон широкими кольцами конных лучников и тех, кто выбирался из кровавой мясорубки боя в долине, за ее пределами встречал лишь смертоносный свист аквилонских стрел.

Конн приказал вновь трубить в рога. Пешим воинам пришла пора уступить место коннице. Аквилонцы отхлынули назад, повинуясь командам, а вниз по склонам холмов хлынула кавалерия. Эта часть плана была рискованней всего — в суматохе боя конные и пешие легко могли перемешаться и помешать друг другу; однако все обошлось. Двинувшиеся на смену пехотинцам всадники прошли над лагерьем, точно смерч; шатры и палатки рушились одна за другой; длинные копья аквилонских рыцарей насквозь пробивали бегущих, длинные мечи рубили тех, кто пытался остановиться и встретить опасность лицом к лицу.

Аквилонские конники дважды промчались над разгромленным лагерем. Сперва казалось, что здесь встретит свой конец все полчище Бельверуса — хотя Конн не ввел в бой и половины своих сил, а немедийская армия ничуть не уступала аквилонской по численности. Однако мало-помалу немедийцы оправились. Те, кто лежал, накрыв голову руками и притворяясь мертвыми, нашли в себе силы и смелость подняться. То тут, то там стали появляться крепкие кучки пеших воинов, вставших спина к спине и выставивших копья. Таких кучек становилось все больше; сколь бы ни были тяжелы понесенные немедийцами в начале боя потери, в армии Бельверуса хватало и храбрых воинов, и умелых командиров.

И дрались они с каждым мгновением все сноровистей и отчаяннее. Откуда ни возьмись, появились немедийские конники, схватившиеся с аквилонскими всадниками.

Конан, Конн, Просперо, Гонзальвио, посланец Крома и пятеро воительниц в сопровождении королевской свиты поднялись на вершину одного из холмов, окружавших разгромленный лагерь.

— По-моему, до победы рукой подать! — лицо Конна раскраснелось, глаза блестели.

— Не торопись, немедийцы так просто не сдадутся, — проворчал Просперо, пребывавший в мрачнейшем расположении духа с самого начала сражения.

— Капитан конных стрелков доносит, что перехвачено уже пятеро немедийских гонцов к шемитам с просьбой о подмоге! — крикнул Гонзальвио, прочитав поданный посыльным пергамент.

— Кто-нибудь наверняка ускользнул, — не унимался Просперо. — Вскоре тут окажется вся орда...

Конан молчал, игнорируя испепеляющие взоры своих подружек. Киммериец продолжал смотреть на развертывающееся перед ними сражение, хотя там уже шла обычная резня и соображения высокой стратегии и тактики были давно отброшены. Он видел внезапно усилившееся сопротивление уже, казалось бы, полно-

стью разгромленных немедийцев и единственный, пожалуй, понимал, что это значит — Неведомые как следует дернули за приводные ниточки своих марионеток. Конан с трудом смирял жгучее желание вновь вскочить на коня, выхватив меч, и ринуться в атаку, увлекая за собой всеокрушающую лавину конного строя Черных Драконов. Время еще не пришло и, кроме того, у его гвардейцев ныне был другой повелитель...

Конн отдавал команды строго и четко, не забывая вовремя двинуть в сражение свежий полк или отвести из мясорубки уже потрепанный — не следовало утомлять людей сверх меры. Каждая сотня в аквилонском войске имела свой собственный сигнал; воины были приучены собираться вокруг своих знамен и сигнальщиков; несмотря на хаос в немедийском лагере, отряды Конна почти не перепутались и могли в любой момент выйти из боя.

Кое-где земля уже скрылась под ковром из мертвых тел; трава давно стала рдяной. Видно было, как какой-то знатный немедиец в одной белой рубахе, верхом на бешеном белоснежном коне носится кругами, пытаясь собрать своих и прорваться из гибельного кольца. Конан прищурил зоркие по-орлиному глаза и чуть присвистнул.

— Да это же Альтурус, сын покойного Альрика! Во имя Крома, мальчишка же вырос в Аквилонии!

— У тебя, боюсь, не осталось друзей вне пределов твоего бывшего королевства, — подал голос посланец Крома. — Неведомые умеют властвовать над душами. Их сетей не избегнет никто. Твой воспитанник стал одним из твоих злейших врагов. И, боюсь, тебя еще будут ждать подобные разочарования, Конан.

— Тоже мне разочарование, — проворчал киммериец, пытаясь скрыть то, что слова посланца заделали его.

Тем временем весы сражения в долине неожиданно заколебались. Немедийцам удалось сомкнуть ряды; тесно сдвинув щиты и ошетинаясь копьями, они двинулись на прорыв. Бельверусская армия уменьшилась на добрую половину; но все же в ней еще оставалось почти тридцать тысяч воинов. Немедийские всадники почти все погибли, уцелевшие лишились коней — но сумели

остановить казавшийся неудержимым смерч аквилонской кавалерии. Гонзальвио поспешил вывести всадников из боя.

В дело вступили боссонцы. Несравненные лучники, они умели вогнать стрелу в узкую смотровую щель рыцарского шлема за добрую сотню шагов; Конн заботливо приберегал небольшой отряд лесных стрелков — все остальные их сородички сражались подле Велитриума, сдерживая натиск пиктских орд.

Лучники с берегов Громовой реки встретили перешедших в атаку немедийцев убийственным градом тяжелых стрел. Не спасали доспехи, не помогали щиты; воины первых рядов снопами валились под ноги задним шеренгам, но немедийцы упорно смыкали ряды над павшими и продолжали свой гибельный натиск. Ответные стрелы летели неточно и их было мало. Вся надежда оставалась лишь на то, что аквилонцы не выдержат рукопашной; однако рассчитывать на подобное мог лишь тот, кто совершенно не знал армии, созданной Конаном Великим...

Аквилонские трубы затрубили вновь. Пешие воины отхлынули назад, избегая ненужных потерь; боссонцы стреляли все быстрее и быстрее. Густой дождь стрел клестал по наступающим рядам немедийцев, воины падали один за другим, однако на самом острие атакующего клина Конан постоянно видел мелькавшую белую рубаху юного Альтуруса. Молодой король Немедии казался заговоренным; его словно охраняли могущественные чары. Против собственной воли Конан почувствовал нечто, смахивающее на уважение к этому отчаянному мальчишке...

— Пора пускать в дело гвардию, сын мой, — негромко произнес Конан на ухо сыну. — Стрелами ты немедийцев сегодня не остановишь.

— Но разве тогда я останавливаю их копьями? — возразил Конн.

— Если дашь им оправиться — тогда не помогут ни стрелы, ни копья! — Конан сдвинул брови, в глазах зажегся хорошо знакомый Конну гневный огонек.

Просперо и Гонзальвио напряженно прислушивались к их словам, посланец же Крома и пятеро вои-

тельниц, казалось, окончательно потеряли всякий интерес к происходящему. Они стояли замерев, как будто пытались уловить нечто еле слышимое...

Предоставленный самому себе, мощный кулак немедийского строя быстро поднимался по крутому склону холма, где ему преграждали дорогу лишь сотня-другая боссонских лучников. Несмотря на то, что аквилонские стрелки тратили одну связку стрел за другой, охладить пыл немедийцев было уже не в их силах. Ряды армии Бельверуса, в которых сейчас перемешались все — панцирники и пращники, тяжеловооруженные всадники, лишившиеся коней легконогие лучники — упрямо лезли все выше и выше, не обращая внимания на потери. Еще немного — и они перевалят за гребень, уйдя из-под губительного ливня стрел.

Вновь запели рога. Земля чуть дрогнула — это разом ударили в землю копытами сотни и сотни коней аквилонской гвардии. Черные Драконы перебросили копья под правую руку и, пригнувшись к гривам, дали шпоры коням. Вслед за лавиной всадников устремилась вперед и пехота — довершить разгром.

И в тот миг, когда белая рубаха Альтуруса мелькнула уже на самом гребне, навстречу немедийцам вынеслись, подобно потокам черного пламени, две колонны конных гвардейцев Конана.

Удар тяжелой кавалерии был стремителен, сокрушителен и страшен. Казалось, на землю пролился багряный дождь — человеческая кровь потекла ручьями, щедро пропитывая землю. Конан видел, как копья Черных Драконов пронзали насквозь тела, как не выдержала стена щитов и немедийский строй распался. На склоне вскипел небывалый человеческий водоворот. Часть бельверусских воинов в ужасе бросилась бежать обратно в лагерь, прямо под стрелы боссонцев; другие же, самые бывалые и крепкие духом, продолжали отчаянное, хоть и бессмысленное сопротивление; третьи падали на землю, решив затаиться и переждать среди мертвых тел. Черные Драконы рассекали толпу немедийцев надвое, и тут в дело вновь вступила аквилонская пехота. Белая рубаха Альтуруса в последний раз мелькнула среди сверкающих мечей и щитов — и тогда

немедийцы стали сотнями и тысячами бросать оружие. Но, конечно, не все: самые стойкие и опытные продолжали отбиваться, составив, как и в начале боя, тесные кучки с выставленными во все стороны копьями. Двум или трем таким небольшим отрядам удалось выбраться из гибельной долины; в погоню за ними Конн двинул несколько тысяч конных стрелков. Он отдавал этот приказ, еще не сознавая, что одержал первую в своей жизни победу; что немедийская армия перестала существовать и аквилонскому войску открывается теперь прямая дорога на осажденный Шамар.

Подоспевшие придворные рассыпались в пышных поздравлениях молодому королю с блестящим успехом; Конн лишь отмахнулся. Он ловил взгляд отца — однако Конан отчего-то хмурился. Заметив взор сына, киммериец, словно спохватившись, крепко хлопнул его по плечу, выражая свое молчаливое одобрение, и молодой король тотчас просиял.

— Нельзя терять времени, — громко произнес он. — Раненых — в обозы! Бросить все тяжелое! Идем на Шамар.

— Твой сын быстро усваивает уроки, — шепнул Конану посланец Крома. Киммериец криво усмехнулся — что толку в подобных похвалах, если час от часу все усиливается и усиливается неощущаемое другими давление на него, Конана, если все громче и громче звенит в ушах многоголосый неотвязный вой: «Кара будет страшна! Пищей для демонов станет твоя плоть; и душу твою мы обречем на такие страдания, что содрогнется самая глубинная из преисподен!»

Валерия тронула пятками бока своего коня и очутилась подле Конана.

— Если ты не сделаешь *это сам*, — прошипела воительница в самое ухо киммерийцу, — то, клянусь сблизившими нас Алыми Гвоздями, я совершу *это* своими собственными руками — и делай потом со мной, что хочешь. Я сумею умереть; но лучше смерть и обычное посмертие, чем то, что уготовлено нам, если мы не исполним порученного!

Киммериец метнул на былую соратницу испепеляющий взгляд.

— Тогда, клянусь Кромом, я убью тебя прямо сейчас... — прорычал он. — К чему откладывать славное развлечение? Запомни, глупая — Конна ты не тронеешь и пальцем. С этими Неведомыми я буду драться до конца, и мы еще посмотрим, чья возьмет!

«Браво, браво, браво, киммериец! — тотчас раздался в его сознании неслышимый для прочих голос. — Так даже интереснее. Давай-давай, старайся, пигмей, суетись, муравей, потешь еще немного Неведомых, прежде чем они пресытятся игрой и обратят тебя в пыль!»

Глухо хрипя от ярости, Конан сжал огромные кулачищи. В прошлом ему не раз приходилось выступать против богов — и он одержал немало побед; но как прикажете бороться с противником, невидимым, постоянно слышащим все до единого твоего слова и вдобавок читающим твои мысли?!

Валерия криво дернула щекой и отъехала; Конан же тотчас же зычно воскликнул, призывно махнув рукой подъезжавшему Паллангиду:

— Друг мой, мне кажется, королевская охрана явно маловата. Почему бы не добавить пару десятков Черных Драконов?

Конн побагровел — он готов был провалиться сквозь землю от стыда. Ему показалось, что отец опекает его, словно неразумного ребенка; однако Конан, притянув сына к себе, шепнул ему на ухо:

— Так надо. Верь мне и пока ни о чем не спрашивай!

Слово Конана всегда оставалось для Конна непререкаемым законом. Он повиновался, хоть и без особого желания. Спустя несколько минут его уже окружала сплошная стена вороненой стали, в доспехи из которой были с ног до головы закованы гвардейцы. Валерия метнула на киммерийца взгляд, полный одновременно ярости, ужаса и какого-то странного восхищения его безумной отвагой.

Не теряя больше ни минуты, погрузив раненых на повозки, аквилонская армия скорым маршем двинулась дальше, вдоль русла Тайбора. Конан ни на миг не терял надежды на то, что войску удастся подойти к осажденному городу незамеченным. Удалось спастись

и избежать плена кому-то из немедийцев; да и щемиты наверняка уже знали о случившемся от многочисленных, разбросанных тут и там укрытых дозорных постов. Окружившее Шамар вражеское войско превосходило аквилонцев самое меньше втрое; и на подходе еще были стигийцы...

— Конан, бросаться на такую армаду с нашими шестьюдесятью тысячами даже не безумие, а просто самоубийство, — угрюмо прошептал киммерийцу на ухо подъехавший Просперо. — Немедийцев мы застали врасплох, вдобавок они забрались в настоящий силос. Ты рассчитываешь повторить подобное под Шамаром? Но возле города — гладкая равнина; разве ты забыл, как мы схватились там с Тзота-Ланти?

— Что ты можешь предложить? — спокойно осведомился киммериец, глядя прямо в глаза своему старому сподвижнику. Просперо смешался и опустил взгляд.

— Я знаю причину этой войны, — продолжал между тем Конан, обращаясь словно к самому себе; он говорил убийственно спокойно, но Просперо знал, что за подобным спокойствием скрывается страшная тревога и еще — неведомая прочим тяжесть, которую киммериец ни за что не переложит на чужие плечи, пусть даже это будут добровольно подставленные плечи друга. — Я знаю причину; и мои спутники тоже, а более — никто, даже мой сын. Пусть так и остается. Сейчас не время рассуждать; или мне удастся задуманное, или... — он резко оборвал себя.

В глазах Конана вновь блеснул знакомый Просперо. Гневный огонек, тотчас заставлявший любого вспомнить, что киммериец вышел из суровой и страшной жизни варварских племен, и все десятилетия, прожитые им в цивилизованных хайборийских странах, не погасили мрачный и неукротимый пламень, что пылал в его душе.

Просперо молча склонил голову перед своим повелителем и отъехал.

Шестидесятитысячное аквилонское войско двигалось несколькими путями, оставив позади обоз и толпы пленных немедийцев под охраной небольшого арьер-

гарда. Через несколько часов передовые отряды миновали последнюю теснину и вырвались на простор широкой Шамарской равнины. словно сами боги выбрали это место для ратного спора; здесь было где развернуться и где встать насмерть.

Стоявшие на стенах защитники Шамара приветствовали появление королевских знамен Аквилонии дружными приветственными кликами. Уже угасшая надежда на спасение вновь ожила в их сердцах. К стенам двинулись и стар, и млад, а лучшие воины стали собираться подле городских ворот, приготовившись в случае необходимости сделать вылазку.

В стане врагов никто не проявил и малейшего намека на беспокойство. Без суеты и паники отряды шемитов дружно полились навстречу аквилонцам; офирцы и кофитяне тоже стали покидать возведенные против шамарских стен осадные валы, оставив там лишь небольшие заслоны. Равнина запестрела бесконечным разнообразием оттенков — ярко разодетые отряды разных племен двинулись на северо-восток, охватывая показавшийся на равнине авангард аквилонского войска широким полукругом. Враги не спешили. Конан хорошо понимал их замысел. Сдавить еще не успевшее развернуться в боевые порядки аквилонское войско с флангов, засыпать стрелами, не давая завязать ближний бой, окружить, и...

Конн распоряжался спокойно и без спешки. Верховые лучники выдвинулись вперед; под их прикрытием строилась пехота, на крыльях занимала позиции конница; боссонцы и Черные Драконы остались в резерве.

«Что же еще они позволяют мне сделать? — лихорадочно думал киммериец, окидывая равнины привычным взором полководца. — Что еще задумали они, именующие себя Неведомыми Богами?»

Все поле перед изготовившимися к бою аквилонцами было заполнено вражескими отрядами. Смуглые, черноволосые шемиты в желтых и алых одеяниях, пешие или на низкорослых выносливых лошадках; высокие кофитяне в зеленом и синем, их ошетилившаяся длинными копьями пехота и тяжелая кавалерия — благородные рыцари в покрытой шелками броне; утон-

ченные офирцы в синем и голубом, в их рядах Конан заметил и черное с серебром знамя Вольного Отряда, воинства наемников, в котором некогда служил и сам.

Помимо регулярного войска, на поле оказалось и несметное число вчерашних землепашцев, мастеровых, мелких купцов, просто горожан — тех, кого захватил в свои смертельные объятия безумный вихрь этой странной войны, кого он лишил разума и погнал сеять смерть и разрушение наравне с самыми жестокими и кровожадными наемниками. Эти плохо вооруженные, не знающие строя отряды роились, словно потерявшие улей пчелы, среди блистающих сталью королевских дружин.

Аквилонцам пришлось остановиться. Враги нависали с трех сторон; и, хотя крылья армии Конна прикрывали достаточно крутобокие холмы, на вершины их пришлось поставить по крупному отряду. Знаменосец с силой вонзил в землю заостренное древко аквилонского гордого штандарта с золотым львом в алом поле. Ряды войска замерли; так волей-неволей пришлось принять план, за который ратовал многоопытный Просперо — дать оборонительное сражение. Надо сказать, что подобное не раз удавалось Конану — враги слишком часто переоценивали свои силы и недооценивали силу небольшой, но прекрасно обученной и верящей в своего короля аквилонской армии...

Остановились и противники аквилонцев. Они не торопились, уверенные в победе, они смаковали это ожидание триумфа, как горький пьяница смакует каждую каплю старого, выдержанного вина. Их, пришедших с огнем и сталью на землю Тарангии, было — как стало ясно теперь — вчетверо больше, чем бойцов у Конна. И вот-вот должен был прибыть стигийский флот.

Некоторое время армии неподвижно стояли друг перед другом. Атака на вчетверо более сильного противника и впрямь отдавала безумием; Конан крепко сжал локоть сына, удерживая того от соблазна бросить в бой полки лучников.

— Пусть начнут они, — склонившись к уху Конна, бросил киммериец. Сейчас это было единственным

решением. Должен же наступить момент, когда ниточки у марионеток начнут путаться!

Наконец вражеские предводители потеряли терпение. Взвыли трубы, заревели рога, грянули цимбалы; заковылялись полотнища многочисленных разноцветных знамен, шеренги качнулись вперед; всадники прищипорили коней. Конан чувствовал, что сильные мышцы сына непроизвольно вздулись под его пальцами.

Конники шемитов двинулись вперед. Отсюда, сверху, они напоминали деловитых муравьев; один их передовой отряд был едва ли не в половину всего аквилонского войска. Еще несколько мгновений — и воздух наполнило гудение бесчисленных стрел. Аквилонские пехотинцы подняли щиты; навстречу шемитам двинулась легкая кавалерия под водительством самого Гонзальвио. Вслед за всадниками бежали пешие лучники, спешили пращники, на ходу крутя ременные петли своего немудреного, но убийственного оружия. Конан услышал, как позади него загомонили встревоженные боссонцы — лучшие лучники хайборийских стран; они терпеть не могли, если перестрелка завязывалась без их участия...

Аквилонцы стреляли точнее и лучше, шемитские всадники падали; кое-где воины Гонзальвио уже сцепились с врагами; не выдержав столкновения, шемиты поспешно отворачивали коней.

Над полем поднималась пыль. Знакомая до боли Конану пыль ратного поля. Желтовато-серая туча, в которой тонули даже боевые клики сталкивающихся полков. Расстроив и разметав ряды вражеских конных лучников, аквилонские всадники отошли назад, к своей пехоте, пешие же пращники, стрелки и арбалетчики продолжали перестрелку...

Бой завязался, но как-то вяло, к немалому удивлению Конана; враги делали все, словно по трактатам о военном искусстве. Киммериец ожидал яростного порыва, бушующих безумных толп — нечто вроде того, что ему пришлось увидеть на южных границах Пуантена. Или Неведомые вновь сменили тактику? Марионетки пляшут по-другому?

К лучникам и пращникам присоединились щитосцы, ловко прикрывая большими щитами и себя, и

стрелков; шемиты окончательно смешались и поспешили убраться восвояси, выйдя из-под обстрела. Вялая их атака не принесла врагам Конана никакого успеха; они лишь даром потеряли многих.

— Они словно приглашают нас атаковать, — сквозь зубы процедил Конн.

— Это западня, — бросил в ответ Конан, и Просперо согласно кивнул, услышав эти слова. — С места не трогаемся. Пусть нападают сами!

Но враги явно не проявляли никакого желания завязать настоящий бой. Лучники обеих армий продолжали осыпать друг друга стрелами, перевес все сильнее клонился на сторону аквилонцев; их ряды стояли непоколебимо. Просперо, больше всего боявшийся обходов и окружений, отрядил несколько больших конных отрядов далеко в стороны, но пока эта предосторожность оставалась излишней. Вяло отвечая на аквилонские стрелы, шемитско-кофитско-офирская армия переминалась с ноги на ногу, не начиная атаку и не отступая. Враги ждали — чего? Стигийцев? Но и без них они имели почти четырехкратное превосходство. Так что же случилось? Неужели у кукловодов перепутались-таки те самые невидимые ниточки, что приводили в движение послушных марионеток-людей?

— Отец, мы так и будем стоять здесь? — полушепотом обратился к киммерийцу Конн, с трудом сдерживая нетерпение. Конан очень хорошо понимал его — враг явно растерян, самое время ударить сейчас по нему, чтобы эти гордецы покатались бы без оглядки назад, прочь от шамарских стен и дальше, за Тайбор, к аквилонской границе...

— Будем, — жестко отрезал Конан. Всем своим существом он ощущал в тот миг направленный на него насмешливый взгляд. Неведомые развлекались, решив погадать, каким окажется следующий шаг предоставленного самому себе киммерийца?

Перестрелка на равнине тем временем затихла. Оставив множество неподвижных тел, шемиты откатились. Кофитяне и офирцы топтались на месте, ничего не предпринимая.

оземь, а меч Конана уже сокрушал следующего противника. Вслед за киммерийцем по врагу ударили и Черные Драконы; устоять перед этими великолепными воинами не мог никто. Растерянные офицеры подались назад; и прежде, чем кто-либо во вражеском стане успел понять, что происходит, в самой середине вражеского строя возник разрыв.

Конан осадил коня и, поднеся к губам большой рог, хрипло затрубил, созывая своих. Дело было сделано, враг вышел из спячки, повсюду — и справа, и слева — полки трогались с мест, спешили резервные отряды. Вновь появились шемиты-лучники; и Конан скомандовал отход. Он не собирался класть весь свой отряд в этом безнадежном бою. Предпринятая им атака была лишь приманкой, на которую послушно кинулись не слишком искушенные в знании людей Неведомые Боги. Они приказали своим подручным начать общий приступ; они испугались! Испугались самого простого разрыва строя их слуг — и это значило, что Конан прав, и ниточки продолжают путаться.

Отряд Конана бросил коней в галоп, уходя от преследования. Киммериец видел, как аквилонские щитовосцы и копейщики разомкнули ряды, готовясь пропустить скачущую конницу; всадники промчались сквозь строй, и стена щитов вновь была восстановлена.

Конан осадил коня возле королевского стяга. Бледный от волнения Конн подскочил к отцу первым и почтительно придержал его стремя, хотя в этом, естественно, не было никакой нужды.

— Почему ты не взял меня с собой? — голос Конна звенел от обиды.

— Потому что у Аквилонии должен быть король! — прорычал в ответ киммериец.

— Он у нее есть! Это — ты!

— Это — ты, порази меня длань Крома! И не гневи меня подобными глупостями!

Конн опустил голову и мучительно покраснел.

— Теперь ты должен разрешить мне удалиться, — совершенно серьезно продолжал Конан. — Ты король; и ни один твой подданный не вправе покинуть твоё общество, не испросив твоего соизволения. Мне пора

возвращаться, — взмахом руки киммериец указал вниз, где враг подступил уже почти к самым шеренгам аквилонцев.

Накатывающийся со всех сторон девятый вал врагов встретили шелестящим колючим вихрем. Шемиты стреляли на скаку, но лучники Конна искусно укрывались за большими щитами и не тратили стрел даром.

И все же в этот день стрелы не могли остановить атакующих. Неведомые прибегли к испытанному оружию — внушили противникам аквилонцев лживое чувство неуязвимости. И сейчас легионы обреченных слезли навстречу убийственному ливню стрел, собственными телами прокладывая дорогу следующим шеренгам. Земля перед аквилонским строем покрылась мертвыми телами и кровью. Дорого заплатив за последние футы, враги все же дорвались до пеших воинов Конна; свист стрел сменился громовым лязгом оружия и многоголосыми воплями. Враги навалились со всех сторон, сделав ставку на численность.

Со всех направлений густо летели стрелы. Шемиты оправились от понесенного в первой схватке урона и дружно ударили; конные копейщики офицеров не щадили себя; навалились в пешем строю кофитяне; сдавленные с трех сторон, аквилонцы начали медленно, шаг за шагом отступать, все теснее и теснее смыкая ряды.

Просперо с каждой минутой становился все мрачнее и мрачнее; впервые за долгие годы знаменитый полководец попал в такое положение. Разгром казался неминуемым; сколько еще смогут аквилонцы сдерживать такой всесокрушающий натиск? А если подойдут стигийцы, на каждого воина в армии Конна придется уже по пять врагов.

Сын Конана тоже выглядел невесело. Его армия сражалась в полукольце; там, внизу, у подножия холма, ежеминутно и ежесекундно умирали люди, которых он, Конн, присягал защищать и оберегать, присягал разумно править ими; разве заслуживает он короны?

На миг в сердце Конана тоже вполз предательский ледяной холодок, однако киммериец тотчас изгнал его усилием воли. Сейчас... сейчас... пусть втянутся по-

больше. Киммериец верил в своих аквилонцев. Надо было продержаться эти самые первые, самые трудные минуты: сейчас напор врагов ослабнет, они поневоле дрогнут и откатятся, чтобы атаковать вновь — чтобы снова быть отброшенными.

За передовыми полками аквилонского войска в томительном бездействии стояли резервные отряды. Они ждали. Сейчас, вот сейчас их король взмахнет рукой в латной перчатке — и они, его верные воины, опрокинут этих жалких вояк, что толкуются сейчас перед стеной аквилонских щитов...

Однако Конн, как и его отец, лишь молча смотрел на развертывающуюся битву. Все поле перед ними перегораживала сплошная, густая масса врагов. Их отряды казались неисчислимыми, а из глубины равнины все время подходили все новые и новые полки. Стоя на месте, аквилонская армия оказывалась обреченной; но и атака тоже привела бы к гибели. Конн до крови закусил губу и взглянул на отца. Сам он колебался, не зная, что предпочесть — скомандовать ли отход, спасая войско (что было бы, наверное, разумнее), или же, очертя голову, бросить все силы в одну, последнюю отчаянную атаку. Что еще оставалось ему делать?..

Губы Конана сжались в узкую полоску, на скулах вспухли желваки. Куда же должен быть направлен тот один-единственный удар, чтобы наверняка рассечь незримые нити, протянутые к душам противников Аквилонии на этом поле? Вокруг киммерийца, точно изваяния, застыли пятеро воительниц и посланец Крома; последний, похоже, к чему-то прислушивался.

А тем временем первые ряды аквилонского войска продолжали отступать шаг за шагом. Наконецники копий увязали во вражеских телах, мечи застревали в разрубленных черепах, щиты тяжелели от множества вонзающихся в них дротиков. Гандерландцы, известные своей стойкостью, вынуждены были медленно отходить, чтобы только не оказаться погребенными под грудями вражеских тел. И шемиты, и офиры, и кофитяне, казалось, обезумели, забыв о самосохранении. Люди с размаху бросались на копья,

лошади собой пробивали частоколы копей и гибли, всадники падали в самую гущу пеших воинов Конна, но, пронзенные со всех сторон мечами, успевали сразить одного или даже двух аквилонцев. Передовые полки Тарантии стояли уже по колено в крови, своей и чужой. По мере возможности командиры пеших полков старались менять воинов первой линии, давая истомленным бойцам время отдохнуть за спинами товарищей, но силы аквилонцев мало-помалу убывали, а враги сражались с возрастающей яростью.

И все же, сжимая строй, аквилонское войско держалось. Крутобокие холмы защищали его крылья; враг же, вместо того, чтобы попытаться зайти в глубокий тыл Конна, продолжал снова и снова бросать своих воинов в лобовые атаки. Для Конна это поведение офирских и кофитянских командиров оставалось загадкой, Конан же, как ему казалось, понимал, что творится: власть Неведомых оказалась небыстрейшая, они могли лишь заставлять людей умирать по своей прихоти, но не выполнить сложный план тонкого маневра, требующий истинного искусства. Да и чего ради было стараться им, неведомым? Гибнущие люди значили для них несоизмеримо меньше, чем для ребенка его куклы. Неведомые не жалели своих живых игрушек.

Посланец Крома тронул бока своего коня шпорами и подъехал к Конану.

— Мне кажется, что где-то здесь, на поле, наш общий и недобрый знакомый, горбун Зертрикс, — угрюмо сообщил он киммерийцу. — Наша единственная надежда — покончить с ним. Насколько я понял, воззвав к могучему Кром, нашему Отцу — именно Зертрикс гонит на нас сейчас этих несчастных...

Конан прищурился, вглядываясь в поле боя, словно в морскую даль. Его острый взор скользил по задним рядам вражеского войска; глаза, которые могли заметить чужой парус на самом горизонте, до рези всматривались в мельтешение крошечных с такого расстояния человеческих фигурок.

— Ты надеешься разглядеть его отсюда? — удивленно начал было посланец Крома, однако в ту же секунду Конан схватил его за руку.

— Я его уже разглядел, — с ненавистью прорывал киммериец. — Клянусь всеми богами и демонами, на сей раз он от меня не уйдет!

— Он стал более... уязвимым, что ли, — не слишком уверенно произнес посланец. — Сила прямо-таки изливается сейчас из Зерттрикса... и еще я ощущаю в нем какую-то боль, словно от некоей раны... Но все это так зыбко и неопределенно... Проклятье! Как я ненавижу эту неопределенность! — внезапно взорвался слуга Отца Киммерии. — Но постой! Ты говоришь, что видишь Зерттрикса?!

— Вижу, — неотрывно глядя куда-то вдаль, бросил киммериец. — И я не я буду, если мы сейчас не попробуем пощекотать его острием!

Конан повернулся к молчаливым, подавленным воительницам.

— А ну-ка, подружки! — громыхнул он. — Любовное томление еще не вытеснило из ваших прелестных головок умение держать меч?! Если нет — то за мной!

— С нами Кром! — вскричал посланец, вздымая на дыбы своего коня и, вслед за Конаном, бросил его вскачь вниз с холма. Пятеро воительниц устремились за ними.

И тут все, стоявшие подле королевского штандарта Аквилонии, увидели, что вокруг стремительно несущейся семерки всадников закружилось серебристо-зеленое облако тонкого, прозрачного пламени. За спиной Конана распустился удивительный кроваво-красный плащ из чистого огня. Подняв меч, киммериец мчался прямо на ряды аквилонских воинов; закричали десятники, лучники и копейщики спешили освободить дорогу Великому Королю, пусть и отрекшемуся от престола. Не прошло и нескольких мгновений, как киммериец верхом на своем вороном врезался во вражеские ряды.

Конан вновь чувствовал былое упоение боем и меч тонко пел в его руке кровавую песнь победы. Летящие стрелы отскакивали от прочных лат, вражеские клинки ломались, словно деревянные, сталкиваясь с серым мечом киммерийца; и окутывавшее его призрачное пламя внушало ужас всем его противникам.

Вслед за Конаном мчался посланец Крома, его громадный боевой топор мерно поднимался и опускался; после каждого удара замертво падал еще один враг. Мелькали сабля Карелы, прямой меч Белит, кинжалы Раины, ятаган Испараны, цепь Валерии...

Черные Драконы дисциплинированно продолжали ждать приказа, с надеждой глядя на Конна. Молодой король неотрывно смотрел на спину стремительно удалявшегося отца: что за безумно смелый план возник в голове Конана Великого?!

Семеро всадников прорубались сквозь вражеские ряды, отмечая свой путь грудями мертвых тел. Конь Конана ступал по крови, его брюхо покрылось алым; всякий раз, когда его копыто касалось земли, высоко вверх летели багряные брызги, и те, кто избег смерти от клинка киммерийца, находили ее под подковами королевского скакуна.

На всем протяжении фронта аквилонцев продолжался отчаянный бой. Подавляющее большинство вражеских воинов даже не заметило неистовой атаки киммерийца и его странных спутников. Офирцы, кофитяне, шемиты продолжали насаждать на пятающийся аквилонский строй и Конну пришлось посылать резервные отряды то к одному, то к другому угрожаемому месту. Больше всего на свете ему в ту минуту хотелось крикнуть «за мной!» своим гвардейцам и сокрушительной лавиной устремиться вслед за скрывшимся во вражеских рядах отцом. И в то же самое время он понимал, что делать это нельзя ни в коем случае. Конн смутно догадывался, что отец нацелил свой удар на неведомую составляющую вражьего чародейства — но исход битвы все же решали простые мечи. Их пока что было куда больше у врагов Аквилонии.

Конан без устали прищипывал покрытого вражеской кровью жеребца. Враги для него перестали существовать; точно заведенный, киммериец отбивал рушившиеся на него со всех сторон удары, отвечал собственными смертоносными атаками — однако все это время видел лишь крохотную скрюченную фигурку — там, в глубине поля, за самыми дальними шеренгами врагов. Он знал, что

это Зертрикс. Чья-то магия помогала Конану в те мгновения — быть может, это действовала Гуаньлинь.

Горбун не пытался бежать. Он спокойно ждал приближения неистовой кавалькады, держа в опущенной руке обнаженный меч, широкий и короткий. Острие клинка смотрело в землю.

Мельтешение вражеских мечей внезапно кончилось. Конан и сам не заметил, как они пробili толщу воинов вторгшейся армады; на небольшом холме в одиночестве стоял горбун.

Конан дико гикнул и погнал коня во весь опор. Он понимал, что Зертрикс — страшный противник, и его нельзя недооценивать; ярость уступила место холодному расчету, опьянение боем внезапно исчезло — и киммериец соскочил с коня именно в тот момент, как горбун вытянул вперед левую руку и прищелкнул пальцами, после чего под копытами жеребца тотчас же разверзлась земля и скакун со всего размаху полетел куда-то в открывшиеся бездонные пропасти...

Чтобы отразить выпад Конана, Зертриксу пришлось пустить в дело пренебрежительно опущенный было меч. Удар был страшен, серый клинок киммерийца сломался, Зертрикс направил острие прямо в живот Конана, однако сила взмаха киммерийца была такова, что обломок меча в его руке, продолжая движение, ударил зазубренным краем прямо в горло горбуна.

Зертрикс захрипел, глаза его дико выпучились, из зияющей раны, шипя и пузырясь, заструилась иссиня-черная кровь. Не утратившие, однако, силу, его руки стиснули было Конана, но в тот же миг на голову Зертрикса рухнул боевой топор посланца Крома. От подобного удара вдребезги разлетелся бы любой шлем, однако железная шапка горбуна выдержала: правда, хватка его на мгновение ослабла.

Именно этим коротким мгновением и воспользовалась подскочившая следующей Белит. С неженской силой она оторвала обмякшее тело горбуна от продолжавшего кромсать ему горло Конана; толчок — и уродливая фигура, кувыркаясь и нелепо распялив руки, полетела вниз, в самый же Зертриксом открытые не-

ведомые бездны. Зеленые губы земли с глухим чмоканьем сомкнулись, поглотив добычу.

И в то же мгновение угас огненный плащ за плечами киммерийца. Все существо его пронзила страшная боль; с хриплым стоном Конан упал на колени. Обретенные на краткий миг силы не были даровым подарком.

Однако в тот миг, когда земные пучины поглотили тело Зертрикса, конечно же, не убитого, а лишь на время отброшенного — ряды противников Аквилонии дрогнули и лишились своего бесноватого мужества. Они вновь стали обыкновенными офирами, шемитами, кофитянами, точно так же боящимися смерти, как и прочие народы. Их атаки по-прежнему разбивались о несокрушимый строй аквилонской пехоты, и прежняя сила натиска исчезла.

Однако трубить победу было еще рано. Враг по-прежнему многократно превосходил численностью войско Конна; а вдобавок на широкой глади Тайбора появились черные паруса стигийских галер.

— Конан! Конан, вставай! — несмотря на всю силу, посланцу Крома далеко не сразу удалось оторвать от земли неподъемное тело киммерийца. — Похоже, шемиты разобрались первыми. Скачем, иначе сейчас обратимся в дикобразов!

Горбоносные смуглокожие лучники на скаку послали первые стрелы. Одна отлетела от плечевой пластины доспеха Конана.

Все семеро были обессилены и чувствовали себя совершенно разбитыми. И речи не могло быть о том, чтобы повторить безумный прорыв через все ряды вражеского войска. Конан повел кавалькаду прочь, рассчитывая обогнуть смертное поле и вновь вернуться к своим.

Трудно сказать, какое черное чародейство помогло в тот миг стигийцам заметить бывшего короля и его шестерых спутников. На головной галере что-то злобно и торжествующе завопили, и к стрелам шемитов прибавились стигийские. Галера мощно выгребала против течения; тяжело нагруженная лошадь, несшая Конана и посланца Крома, не могла опередить корабли.

Киммериец оглянулся, на миг ему показалось, что за тонкими мачтами галер виднеются еще какие-то, против обыкновения речных капитанов одетые парусами, однако картину тут же скрыл изгиб берега.

Киммерийца и его спутников окружали со всех сторон. На реке — стигийцы, со стороны холмов — всадники — шемиты. Горбоносые воины ухитрились отыскать где-то лазейку и теперь грозили вот-вот перекрыть отряду Конана последний путь отступления.

К киммерийцу мало-помалу возвращались силы. Посланец Крома сунул ему в ладонь шершавую рукоять длинного и широкого кинжала, почти меча: возле крестовины клинок имел толщину в палец.

Если бы у спутников Конана были свежие лошади, они, верно, смогли бы оторваться от погони; но животные, похоже, отдали во время безумной скачки сквозь вражеские ряды не меньше сил, чем их наездники. Покрытые пеной, животные спотыкались все чаще и чаще. Шемиты и стигийцы настигали.

Откуда-то спереди, из сплетения ветвей на склоне лесистого холма, свистнула первая вражеская стрела. Дальнейший путь был отрезан.

Белит первой прыгнула на землю, потрясая окровавленным клинком. Глаза ее горели черным огнем; сейчас она казалась воплощением Смерти.

— Сюда! За камни! — вскричала она, указывая на неширокое кольцо замшелых гранитных глыб, поставленных стоймя неведомой великанской рукой. Расположенное достаточно далеко от того леса, где уже засели шемиты, это место могло послужить временным убежищем.

Конан не успел возразить — из чащи навстречу им полетели уже не единичные стрелы, а целые десятки коротко свистящих чернооперенных колючих меток Смерти. Прорыв сквозь вражеские ряды стал невозможен, и киммерийцу поневоле пришлось повернуть вместе с остальными к кольцу каменных глыб.

Стигийская галера резко уперлась веслами в воду; с носа и кормы полуголые рабы-якорщики спихнули вниз громадные камни, остановив бег мрачного корабля. К левому борту галеры сбегались лучники и пращ-

ники и, судя по всему, с судна уже готовились спустить ципюпки. То же самое происходило и на остальных четырех стигийских кораблях, далеко опередивших основные силы своего флота.

— Будет жарко, — невозмутимо заметил посланец Крома, лишний раз проверяя, крепко ли насажена его боевая секира.

Семеро едва успели укрыться, как по камням звякнули первые стрелы. Положение Конана и его спутников казалось безнадежным — они одни против самое меньшее тысячи противников...

— Пока мы живы — будем жить! — хрипло вытолкнул из пересохшего горла киммериец и, привалившись к камню, стал наблюдать за неспешной высадкой стигийцев.

— Они дрогнули, мой повелитель! — уже третий гонец приносит это известие к черно-золотому штандарту Аквилонии. Натиск повсеместно слабел — однако измученное долгим сражением войско Конана не могло перейти в общую атаку. Свежих отрядов почти не осталось — одни лишь Черные Драконы, последний резерв на случай самой последней крайности.

— Разумнее всего попытаться выйти из боя, мой повелитель, — шепотом предложил Просперо. — Оставим им поле, пусть тешатся призраком победы, а наутро уже ударим по-настоящему. Люди очень измучены, а одной гвардии для полной победы не хватит...

Слова старого, мудрого и в меру осторожного полководца почти убедили Конна; в душе осталось лишь смутно-сadiaющее сомнение — ударив раз, нужно ударить еще раз; за ночь отдохнут не только его воины, но и бойцы врагов... хотя Просперо, наверное, прав — отдохнувший аквилонец стоит пяти воинов из иных земель...

И тут молодой король заметил подходящий стигийский флот. С узких и длинных черно-зеленых галер на берег уже устремился поток низкорослых бритоголовых лучников. А дальше виднелись и другие корабли, не галеры, парусники...

— Пр-проклятье! — сжал зубы Конн, видя, как стигийские лучники деловито засыпали стрелами правый край аквилонской армии, как под колючим ливнем дрогнули и смешались истомленные нескончаемым боем полки первой линии...

— Гонзальвио, подмогу на правый фланг! — коротко приказал молодой король — и невольно вздрогнул при виде того, что его старый товарищ по детским играм со внезапно осуровевшим лицом сдвинул вниз забрало.

— Резервов больше нет, мой повелитель, — голос доносился чуть глуховато из-под стальной маски. — Остались только Черные Драконы...

Конн сжал кулаки и вновь повернулся взглянуть на сражение. В его правом крыле разброд все усиливался, воспрявшие духом офицеры поплыли в атаку. Усталые аквилонцы подались назад, оголяя правый бок полков центра...

Положение становилось тяжелее и опаснее с каждой минутой.

Засевшие на склоне поросшего лесом холма шемиты очень быстро смекнули, что они лишь даром тратят стрелы, посылая их в укрывшие отряд Конана камни. Окружающих подвела самоуверенность — они не стали ждать, пока неистовая семерка сдастся сама. Под прикрытием многочисленных стрелков шемиты и стигийцы двинулись к каменному кольцу. Стоило киммерийцу чуть высунуться в промежуток между красноватыми глыбами, как о его кольчугу сломались две или три вражеские стрелы.

Стигийцы добрались первыми.

В каменном кольце стояло ровно девять глыб, и между ними насчитывалось, естественно, ровно девять промежутков. На долю каждой из воительниц досталось по одному, Конан и посланец Крома защищали по два.

Прямо перед киммерийцем мелькнул большой деревянный щит, для прочности обитый буйволовою кожей. Прежде, чем скалящий мелкие зубы в злобной лисей усмешке стигиец успел протиснуться внутрь каменного кольца, киммериец с яростным ревом нанес ему кинжалом такой удар, что насквозь пронзил и щит,

и державшую щит руку; острое кинжала дошло до сердца стигийского воина.

После киммерийца первого своего врага уложил и посланец Крома; обагрилась сабля Карелы; попробовали крови кинжалы Раины; Валерия коротким размахом поверх щита отправила в небытие еще одного из нападавших.

Тела первых убитых повалились на землю подле каменного кольца, однако драться приходилось осторожно, лучники врагов были начеку, и их стрелы могли найти свою цель в любое мгновение.

Теперь стигийские щиты появились одновременно в обоих защищаемых Конаном проемах. Первого свалил чудовищный пронзающий удар, каким киммериец уложил первого неприятеля, однако второй стигиец успел сунуться внутрь и, прежде чем упасть с пронзенным горлом, успел задеть Конана топориком по левому плечу.

Тем временем подоспели шемиты; голова самого быстрого из них расколослась, словно спелый орех под ударом секиры посланца Крома, однако его место тотчас же заняли трое других.

Дело оборачивалось скверно — в конце концов Конана и его спутников должна была попросту похоронить под собой нескончаемая лавина врагов. Киммериец сразил уже пятого противника, когда над полем боя внезапно разнесся такой знакомый и такой невозможный здесь голос:

— Клянусь персями Иштар, мы вытащим тебя, капитан!

— Сигурд!!! — взревел Конан так, что у всех без исключения заложило уши.

Кольцо окружающих внезапно распалось. Вместо желтолицего стигийца или смуглого шемита в проеме появилась седая борода ванира.

Выскочив из каменного кольца, Конан увидел пиратский парусник, вцепившийся abordажными крючьями в борта стигийской галеры; на палубе уже кипел яростный рукопашный бой. Примерно сотня пиратов тесным строем прорвалась до каменного кольца; отбро-

сив стигийцев и шемитов, они дали Конану возможность выбраться.

— Быстрее! — взревел Сигурд. — У меня там, выше на реке, несколько тысяч славных молодцов; они застоялись, и хорошо было бы, чтобы ты сам повел их в дело!

Конн уже готов был взмахнуть рукой, бросив Черных Драконов в последнюю атаку, когда внезапно заметил двинувшееся к тылам вторгшегося войска облако пыли.

«Что это? Еще кто-то им на подмогу? Кушиты? Зембабвейцы? Туранцы? Кто?!»

Над тесно сгрудившимися стигийскими кораблями ни с того ни с сего взметнулись языки огня. Аквилонские командиры недоуменно переглянулись — однако в тот же момент Конн вскинул руку.

Грохочущая железная лента закованной в доспехи конницы устремилась вниз с холма; молодой король скакал, воздев меч, во главе своих лучших полков.

А навстречу ему во главе разношерстного, орущего во всю мочь легких строя барахских пиратов шагал Конан-киммериец, и от каждого взмаха его меча, подобранного в пылу схватки, падал человек. Сигурд сперва держался рядом, однако затем хаос сражения разделил их. Конан, посланец Крома, пятеро воителей во главе целой толпы воинов Красного Братства врезались в тылы кофитян; а в тот же миг навстречу им во вражеский строй врубилась Черные Драконы.

Колоссальная масса вражеских воинов дрогнула, колебалась, словно гонимая ветром туча. Стигийцы разом лишились всякого интереса к сражению, стоило им заметить пожар на своих драгоценных галерах. Лишившиеся внушаемого Неведомыми мужества, жители Кофа, шемиты, стигийцы, и прочие дрогнули под этим внезапным натиском; строй врагов раскололся надвое, в самом его центре возник широкий разрыв, куда и устремились все, без остатка, воины Аквилонии, брошенные в общую решительную атаку опытным Просперо, мгновенно ощутившем, что появилась редкая возможность вырвать победу.

На баррикадах обрушился крутящийся живыми водоворотами поток бегущих вражеских воинов. И, как всегда бывает в таких случаях, беглецы втемяшили себе в голову, что окружены — вокруг отряда пиратов вспенила кровь жестокая сеча.

Просперо бросил конные отряды аквилонцев в широкий обход — однако даже быстроногие скакуны не могли потягаться с удиравшими к Тайбору вражескими воинами. В самой середине поля, словно утес посреди обезумевших человеческих волн, стояли пираты и благодаря им всадники Просперо вкупе с Черными Драконами сумели отрезать от реки и окружить почти половину вражеского войска. А после того, как над мечущимися вражескими рядами пронесся истошный вопль «окружают!», на землю полетело бросаемое в знак сдачи оружие...

Так закончилась великая Шамарская битва, в которой был сломлен хребет небывалому вторжению; горожане Шамара приветствовали победителей, устилая путь своего короля цветами.

Конан, усмехаясь в бороду, ехал подле Сигурда. Поседевший ванир получил несколько ран, однако и слышать не хотел о том, чтобы остаться в постели.

— ...Когда я прознал о том, что ты вернулся — а мы только-только достигли наших островов — я сразу же поднял всех, кого мог, и решил отыскать тебя. Золото из того храма могло убедить кого угодно; и дня не прошло, как я завербовал целый флот. Потом пришли вести о начавшемся вторжении; кое-кто заколебался и пришлось отрубить им головы — в поединке, разумеется. Мы заметили стигийцев, однако они проскользнули у нас под самым носом и начали подниматься по Хороту. Мы двинулись следом. Они казались настолько беспечными, что не обращали на нас никакого внимания, но гребли как безумные. Даже на всех парусах мы не могли настичь их...

А когда я увидел, что делается на поле и какая сила собралась против Аквилонии, то, признаться, решил было, что нам уже никогда не совладать с ней. Но тут я сказал себе — ты что, ты же как-то взял в поединке

верх над самим Конаном Великим! Разве можно было мне после этого отступать? Ну, мы и не отступили.

Ванир гордо подбоченился и потому не заметил проскочившую в глазах киммерийца веселую искорку.

«Не стану его разочаровывать и говорить, что на самом-то деле я ему тогда поддался, — подумал Конан. — Я хотел подбодрить Старого Моржа... и, по-моему, это у меня получилось не плохо».

Усилием воли он заставил себя не замечать больных от тревоги взоров своих спутниц. Ему было все равно, что сделается с ним. Его сын одержал свою первую победу и Конан радовался ей больше, чем целой сотне своих собственных.

10. Карусель богов

Нет нужды описывать триумфальное шествие Конана и Конна по стране после победоносной Шамарской Битвы. Весть о грандиозном разгроме вторгшейся армии, о победе молодого короля над поднятыми из могил мертвецами передавалась из уст в уста, облетев Аквилонию за считанные дни. Отборные полки были переброшены на западные и юго-западные рубежи. Пикты бежали после того, как Конан во Втором Велитрумском Сражении вновь показал свою мощь и ярость. Тем временем Конн успешно справился с зингарцами; и, хотя война еще тлела, еще взывали к отмщению немедийцы, стигийцы и шемиты, всем стало ясно, что Аквилония выстояла.

И повсюду, серыми тенями нависшей угрозы, за Конаном следовало шесть молчаливых фигур. Пятеро воительниц даже перестали ссориться; они почти ничего не ели, так что Конан даже опасался за их рассудок. Их взорам были открыты такие глубины кары, что это зрелище совсем вытеснило простые человеческие чувства...

В лагерь армии Конана, что стояла подле Велитрума, примчался запыленный гонец. Король Конн просил своего отца срочно вернуться в Тарантию по спешному и тайному делу, тайному настолько, что, как писал

сын Конана, «я не дерзаю доверить этот предмет пергаменту».

Киммериец перечел короткую грамоту несколько раз, затем вопросительно поднял глаза на гонца.

— Его величество ничего не просили передать на словах?

— Никак нет, — отрапортовал посланец, рослый молодец из числа Черных Драконов. — Велено было лишь передать, что дело очень спешное и срочное.

Гонец ушел; Конан бросил вопросительный взгляд на посланца Крома, однако тот лишь пожал плечами.

— Я ничего не могу сказать. После того, как мы сбросили Зертрика в пропасть, я полагал, что ко мне вернутся все мои прежние силы... однако этого не произошло. Я по-прежнему не могу воззвать к нашему Повелителю.

— Ну, тогда поедem, — проворчал киммериец, поднимаясь. — Армию я оставляю на Гонзальвио... Эй, подруги! Вставайте! Что-то вы совсем загрустили...

— Возмездие близится, Конан, — посеревшими губами произнесла Белит, глядя в одну точку. — Неведомые крепко разгневаны, я чувствую их ярость... Они выжидают, они хотят отомстить — но так, чтобы содрогнулись бы все преисподние!

Киммериец дернул щекой и ничего не ответил.

Дорога их небольшой кавалькады до Тарантии прошла без всяких происшествий.

— Надо сказать, что молчание наших подружек пугает меня куда больше, чем все их непрерывные ссоры, — признался как-то киммериец посланцу Крома. — Они словно овцы перед закланием — а достаточно знать, ну, хотя бы Карелу, чтобы *очень* сильно испугаться — до такого ее довести куда как трудно...

— Неведомые и впрямь гnevаются, — одними губами, еле слышным шепотом ответил посланец Отца Киммерии. — И, Конан, тебе пора что-то решать. Я тебя не оставляю — но что я могу один?!

— На что ты намекаешь — что я и впрямь должен свергнуть своего собственного сына? — нахмурился киммериец.

— Я ничего не говорю. Надо мной Неведомые, хочется верить, не властны...

Конан мрачно усмехнулся, и отряд продолжил путь.

Тарантия встретил их небывалыми торжествами. Все мостовые на пути были выстланы самыми лучшими туранскими и вендийскими коврами; народ густо запрудил улицы, даже самая последняя лачуга украсилась цветочной гирляндой, а уж дома побогаче — те просто напоминали райские кущи.

Под нескончаемые приветственные возгласы небольшой отряд Конана продвигался к королевскому дворцу; наконец взорам киммерийца предстало это величественное здание, тотчас пробудившее целый сонм воспоминаний. Зенобия... Счастливые дни, когда страна отдыхала от войн и разорений под его, Конана, властью...

На широких ступенях пологой парадной лестницы, ведущей к застекленным дверям громадного Зала Входящих, собрался цвет придворной знати. Конан видел и Просперо, и прочих вернейших своих сподвижников, собравшихся в столицу после одержания побед; видел облачившееся в торжественные ризы жречество — и не видел только одного человека — самого Конна.

— Кром! Что-то я ничего не понимаю... — пробормотал киммериец, спешиваясь и швыряя поводья конюхам.

— Все сословия благородной Тарантии просят Конана Великого проследовать в тронный зал, — торжественно провозгласил, подавшись вперед, Просперо.

— Старина, что тут за представления и где, во имя Митры, сам Конн? Он что, перебрал вина на вчерашнем празднестве и теперь мается головной болью? — Конан попытался обратить все происходящее в шутку, хотя сердце его уже ощущало тревогу.

— Твой сын, государь, ожидает тебя в Тронном Зале, — почтительно ответил Просперо и, кланяясь, отступил в сторону, приглашая Конана пройти.

Недоумевая, киммериец подчинился. Посланец Крома и пятеро воительниц шагали за ним следом.

Знакомые коридоры, знакомые лестницы и повороты; всюду — стража в парадных доспехах; Черные

Драконы провожали своего бывшего повелителя откровенно-восхищенными взорами.

Вот и последняя галерея, за ней Большая Приемная; дюжие стражники в иссиня-черных латах распахнули двери — и Конан увидел знакомый, ни в чем не изменившийся Тронный Зал — с пустующим королевским сидением под пышным черно-золотым балдахином. На богато расшитых самоцветами подушках перед тронном лежали корона и скипетр.

— Что произошло с Конном!? — помертвев, рявкнул Конан прямо в лицо следовавшего за ним Просперо.

— С ним все в порядке, — твердо глядя прямо в глаза своему бывшему королю, ответил старый товарищ Конана, и киммериец невольно смутился — они что, походили тут все с ума?..

Он завертел головой, пытаясь понять, что же происходит, и отыскивая взглядом Конна. Киммериец не заметил, как Просперо подал знак двум рослым гвардейцам, стоявшим по обе стороны трона. Воины ловко подхватили лежавшие подушки с драгоценными знаками царского достоинства. Из-за спины Просперо появился Дексиеус и прежде, чем Конан успел понять что-либо в происшедшем, его головы коснулся золотой ободок короны, а правая рука стиснула отполированное черное дерево скипетра.

— Да благословит Митра правление твое, о Конан Великий! — услышал ошеломленный киммериец голос верховного жреца, а в следующее мгновение тысячеголосый хор со всех сторон грянул:

— Да здравствует король! Да здравствует король! Да здравствует король!

В тронный Зал со всех сторон ворвалась нарядная толпа придворных; тут был цвет тарантийской знати и аквилонских баронов.

— Где мой сын?! — перекрывая своим львиным рыком все и вся, взревел Конан.

— Я тут, отец мой! Я здесь, ваше величество! — Ряды людей раздвинулись, и взорам Конана предстал сам Конн.

Его руки оказались скованы короткой железной цепью; по сторонам стояло четверо стражников.

— Они захотели видеть своим королем *тебя*, отец мой, — печально глядя в пол, промолвил Конн. — Я попытался вразумить их... однако вот угодил в железо.

— Погоди гневаться, о великий! — поднял руку Дексиеус, видя закипающий в глазах Конана багровый огонь безумия. — Ты вернулся из-за пределов Тьмы, вернулся в час остройшей нужды, благодаря тебе наши враги поражены и рассеяны, и вдобавок тебе возвращена молодость милостью всемогущих Богов. Все знамения явны и отчетливы. Так что не гневайся, о великий!

— Так значит, условие Неведомых выполнено?... — вдруг услышал Конан потрясенный шепот Белит.

— Да, ведомо нам, что мы противостояли твоей воле, Великий, — продолжал тем временем Дексиеус, видя, что пламя ярости в глазах Конана несколько пригасло. — Ведомо нам, что видел ты своего старшего сына владыкой Аквилонии — и так будет, клянемся тебе в этом — когда придет его час. Когда настанет твой черед, о Великий, покинуть сей мир — тогда принц Конн воссядет на твоём высоком престоле и мы будем служить ему так же преданно, как служили и тебе...

— Но вы изменили своему королю, королю, которому вы присягали! — с глухой яростью бросил Конан прямо в лицо жреца.

— Отец... — попытался вмешаться Конн.

— Священных прав тарантийских сословий никто не отменял, — возразил Верховный Жрец Конану. — Мы можем покорно просить короля отречься от трона в пользу кого-то из его ближайших родственников. Ради блага страны принц Конн — да благословит Небо его благоразумие! — отрекся от престола в пользу ближайшего своего родича — тебя, о мой король! Великая Тарантийская Хартия соблюдена полностью. Мы не предатели!..

— Однако вы заковали его! — Конан кивнул на железные наручники Конна.

— Таково одно из положений Тарантийской Хартии, — почтительно пояснил жрец. — Цепи — лишь символ. Ты принял знаки королевского достоинства, о

Великий, и теперь принц может вновь быть освобожден, а мы, как и прежде, становимся его верными слугами.

Подскочивший слуга тотчас же отомкнул замок на кинжале Конна.

— Пора произнести Королевскую Клятву, — с мягкой настойчивостью напомнил киммерийцу Дексиеус.

— Проклятье! — взревел Конан. — Никто и никогда не смог заставить меня делать что-то, чего я не хотел! Я не жел...

«Это же твой — и единственный шанс! — холодным ветром ворвался в сознание неслышимый для прочих голос посланца Крома. — Прими корону!! Прими, глупец!!»

— Я принимаю ваш дар, — медленно произнес киммериец, глядя прямо в глаза Конну — и с удивлением заметил проскочившую в них при этих его словах веселую, почти торжествующую искорку.

И в тот же миг на Тронный Зал пала великая Тьма.

Взвыл остро и тонко ветер в затенившихся окнах; угасли факелы и светильники; весь дворец тяжело и с надрывом закрипел, словно собрался вот-вот развалиться. Полы и стены корчила жестокая судорога.

Раздались испуганные женские крики; мужчины же, все, кто сейчас находился в зале, дружно схватились за оружие.

А спустя еще одно короткое мгновение на широком мраморном подоконнике появилась, словно сотканная вся из призрачного пламени, фигура горбуна, и по замершей зале пронесся полный холодного злорадства голос:

— Да, ты выполнил свое обязательство, Конан-киммериец. Пусть формально, но ты исполнил волю Неведомых.

Слова тяжелыми глыбами падали в тишине обмершего зала. Никто не смел шелохнуться — такова была истекающая от появившейся фигуры злая воля, недобрая, равнодушная мощь, пекущаяся лишь о своих собственных удовольствиях и прихотях.

Перед глазами Конана взвихрился многоцветный водоворот; и вновь, как и в почти уже полностью позабытом сне, он увидел две коллосальные нечелове-

ческие фигуры, склонившиеся над жемчужно-серым диском, над удивительным игровым полем, где фигурами служили смертные и бессмертные: простые люди и могучие небожители, а полем — все Сущее. Глубокие, странные, пронзающие взгляды опалили сознание Конана, впились раскаленными стрелами в его зрачки... Чужая мощь рвала и ломала гранит его души и, сопротивляясь, что было сил, Конан услышал голос, глубокий, сильный и холодный, как сам Океан смерти, принимающий, по верованиям ваниров, всех недостойных сверкающих залов Валгаллы.

— Боги не отступают от раз изреченного. Да получит именующийся Конаном-киммерийцем алкаемое оным бессмертие. Да обретет он в новой жизни тех самых женщин, кои сопровождали его в сем странствии. Да будет так, по слову Нашему!!!

Тьма сменилась яростными потоками раскаленного света. Ослепительное белое свечение затопило взоры Конана, он ничего не видел; горбун куда-то исчез, совсем рядом слышались полные страшной муки и невыразимого ужаса вопли Белит и остальных, хриплый, исполненный боли стон посланца Крома — и внезапно через весь этот хаос пробился чистый и ясный голосок Гуаньлинь, звенящий, словно весенний ручеек, полный хрустальных льдинок:

— Держись, Конан, я постараюсь сделать все, что могу!..

Струи слепящего света обрушивались на Конана со всех сторон, исчезло все, что окружало его, умерли голоса, его тело сжимали немилосердные ручищи невидимых великанов, мяли, выкручивали руки, ломали суставы, изгибая, норовили сломать позвоночник... Конан захрипел, пытаясь вырваться, отмахнуться мечом — все напрасно. Стиснувшие его силы многократно превосходили его мощью. Задыхающийся, изломанный болью, Конан мог лишь пытаться не потерять сознания, хотя, быть может, это и было бы спасением от мучений.

Обрушивавшиеся на него потоки стали мало-помалу менять цвет. Они темнели, уплотнялись, приобретая странный кроваво-багровый оттенок. Страшная тяжесть обрушилась на плечи; несмотря на всю крепость мышц,

киммериец принужден был упасть сперва на одно колено, а затем на другое. Его продолжало сгибать; вскоре пришлось прижать к груди руки, затем — нагнуть, насколько возможно, голову...

Теперь его окружала мерно пульсирующая багровая мгла. Что-то глухо и тяжело билось где-то наверху, и ритм этих биений показался киммерийцу чем-то странно знакомым, успокаивающим, символом последней надежды, последней зацпты...

А потом пришла боль. Упругие стены вновь стиснули его, и жестокие канаты незримых сил потащили куда-то вперед, навстречу чему-то поистине ужасному.

Он попытался бороться... бесполезно; и кто же это так стонет где-то совсем рядом?..

Его извернуло, что теперь он словно бы скользил куда-то вниз по узкому, упругому тоннелю. Что-то теплое и липкое — кровь? — струилось по телу; непонятно, откуда она могла взяться — он ведь не получил ни одной раны?..

И стоны, эти рвущие душу стоны, почему они так волнуют его, слышавшего за долгую жизнь столько предсмертных воплей? Багровая тьма тем временем сменяется ярким светом, и тут тела его касается чья-то гигантская шершавая ладонь; а слуха потрясенного киммерийца внезапно достигает:

— У тебя родился воин, Моев.

Острое удушье; в попытках вдохнуть Конан напряг горло... и внезапно лишился сознания, успев лишь услышать напоследок злой крик новорожденного младенца.

Он спал? Было ли это настоящее забытие? Конану казалось, что он спит; и он пробудился от раздавшихся подле него голосов. Говорили мужчина и женщина, голоса их вновь показались Конану на удивление знакомыми.

— Он такой бутуз!.. — нежно, с материнской теплотой, говорила женщина. — Ни секунточки не полежит спокойно, вертится, дергается — словно ему самое меньшее месяц. А ест как! Тянет из меня все, аж больно...

— Я не сомневался, что это будет настоящий богатырь, моя Моев, — с ласковой гордостью произнес мужчина. — У него голубые глаза, как и у тебя... — говоривший коротко рассмеялся. — Я хочу, чтобы его называли Конаном; это хорошее имя для мужчины.

— Как пожелаешь, — отозвалась женщина. — Он твой сын, и тебе решать, как его назвать.

— Ладно! — что-то скрипнуло, как будто говоривший мужчина поднялся со старого лежака. — Мне пора в кузню. До вечера! Я постараюсь не задержаться.

Киммериец медленно открыл глаза. Над ним нависал закопченный потолок из кое-как пригнанных друг к другу брусьев, где тесно висели на вбитых крюках какие-то шкуры и домашняя утварь. А потом над ним наклонилось молодое женское лицо, и Конан с ужасом, запустившим свои раскаленные когти в самую глубь его существа, узнал собственную мать.

Только теперь он обратил внимание на то, что туго спеленут по рукам и ногам, тело не повиновалось ему — тело новорожденного младенца.

Конан закричал — как кричит смертельно раненный, окруженный загонщиками зверь, однако из его горла вырвался лишь плач.

Только теперь он понял, что значили слова про «Карусель Богов». Точнее, он понял это, не проделав ряд умозаключений, а словно заглянув в некую незримую книгу. Боги выполнили свое обещание. Он начал жить снова — в теле Конана-младенца. Этот младенец станет расти, мужать, а он, прошедший все, проживший долгую жизнь Конан-старик, станет лишь сторонним наблюдателем. Тело не будет повиноваться ему; и молодому Конану предстоит проделать долгий путь, вновь сразиться в бесчисленных схватках, чтобы под конец жизни отправиться в рискованное путешествие на закат — чтобы в конце концов угодить в тюрьму из собственной плоти. Он обречен был, по мысли Неведомых, вечно крутиться в этом колесе, лишенный возможности даже покончить с собой...

Обе стороны формально выполнили условия сделки.

Конечно, надежда все равно оставалась. Быть может — утешал себя киммериец, — все еще не так плохо,

а горькие мысли мне внушают сами Неведомые... Быть может, мне удастся подчинить себе это тело... И тогда все пойдет по-иному.

Однако последующие дни показали, что в этих своих надеждах Конан жестоко ошибся. Младенец вел себя, как и положено младенцу; киммериец никак не мог заставить свое новое тело повиноваться себе. Шли дни, они слагались в недели, а все оставалось по-прежнему.

И все-таки, до предела сжав волю в кулак, Конан заставил себя не поддаваться отчаянию. Его жестко терзали мысли о том, что же случилось с его бывшими подругами. Неужели эти проклятые Неведомые отправили-таки их служить утехой похотливым демонам?!

Однако киммериец мог терзать себя этими вопросами сколько угодно — сделать он все равно ничего не мог. Он оказался в самой надежной, самой совершенной из всех тюрем, куда его только забрасывала судьба.

Вскоре надежда почти пропала.

Конан-младенец рос, как и положено любому младенцу киммерийского племени. Его более слабые собратья умирали, не выдерживая сурового климата и подстерегавших на каждом шагу болезней, однако сын кузнеца никогда и ничем не болел. Теперь уже даже с некоторым интересом Конан ожидал, когда же вновь произойдут те события, что сохранились навсегда в его памяти.

Однако, когда младенцу исполнилось полгода, Конан во сне неожиданно увидел Гуаньлинь.

Взор киммерийца вновь скользил по дивным красотам Розового Дворца. Гуаньлинь, прямая и напряженная, словно тетива лука, стояла над своим бассейном, стиснув руки перед грудью. Взоры ее были направлены на мерцающую водную гладь; и в этом удивительном зеркале Конан, к своему полнейшему изумлению, узрел отвратительную физиономию Смерти.

Старуха была в ярости. Запомнившиеся киммерийцу красные глаза полыхали безумным огнем — казалось, от него сейчас задымятся и вспыхнут морщинистые веки. Тонкогубый провалившийся рот судорожно дергался, во все стороны летела слюна.

— Ты скажешь, ты скажешь мне, где они прячут его! — услышал киммериец донесшийся из-под поверхности воды неистовый вопль Старухи.

— Зачем это тебе, мать? — последовал холодно-то-невозмутимый ответ Гуаньлинь. — Разве мало тебе, что ты получила обратно своих «кукол», да еще и посланца Крома в придачу?! Теперь тебе нужен еще и Конан?

— Нужен! Нужен! Нужен больше всего на свете! — раздалось хриплое карканье. — Скажи мне, где они его спрятали! Ты знаешь, ты не можешь не знать этого!

Киммериец не удивился, что понимает все без исключения слова, хотя в царстве Старухи не разобрал ни единого. Наверное, так и положено во сне...

— И что же ты хочешь с ним сделать? — осведомилась Гуаньлинь.

— Как что? — неподдельно удивилась Старуха. — Загоню в самую глубокую из моих Преисподних — тут-то сынки возрадуются!

— И ты хочешь, чтобы я ответила тебе?

— И ты ответишь — потому что я мать тебе! Я, Хозяйка Смерти — я дала жизнь тебе, кого смертные порой именуют Любовью! А если ты откажешься — я ведь могу и освободить этого отвратительного горбуна! Знала бы ты, насколько он надоел мне...

— Хорошо, — холодея, услышал Конан ответ Гуаньлинь. — Если ты не побоишься схватиться с Неведомыми... Тогда слушай! Его душа ныне... — и на этом видение внезапно пресеклось.

Конан очнулся — где-то в темном углу сознания невинного младенца, которому еще предстояло стать им, Конаном...

А потом ночь вокруг него внезапно ожила.

Первыми заворчали и залаяли собаки, чуя неладное. Потом истошно замычала и заблеяла скотина в хлевах... Младенец-Конан продолжал сладко спать, однако находящийся Конан встревожился не на шутку. Глаза ребенка были плотно закрыты, киммериец ничего не видел — однако его внутреннему зрению предстала поистине жуткая картина.

Он словно бы парил над кучкой хижин, где обитали его сородичи. Все оставалось на своих местах, однако повсюду, прямо из воздуха, возникали уродливые темные фигуры, жалкие подобия людей; Конану они показались смахивающими скорее на серых обезьян. Сама Ночь расступалась, давая им дорогу; не прошло и нескольких мгновений, как дом отца Конана оказался окружен со всех сторон.

Однако появившиеся из тьмы ночные призраки служили лишь почетным караулом для той, чье появление они предвосхищали. Прямо посреди деревенской улицы возникла соткавшаяся из мрака арка — и через нее торжественно прошествовала серая, скрюченная, опирающаяся на клюку фигура старухи.

Гуаньлинь выдала его... Киммерийца затопила волна горячего презрения, оттеснившая куда-то в глубь все остальные чувства, включая и страх. О, женщины! Даже будучи богинями, они все равно остаются женщинами, и готовы на все, лишь бы избавиться от постылого ухажера...

Киммериец приготовился. Для него шаги Старухи гремели так, словно мимо маршировал целый закованный в железо легион. Младенец по-прежнему сладко спал — однако Конан-старший ясно видел внутренности их дома, видел, как прямо подле колыбели из ничего возникла Старуха. Горящие глаза вперились в лежащего младенца, впалый рот задвигался и сознания Конана достигли исполненные злобы слова:

— Наконец-то я добралась до тебя! Ты, вор, пытался украсть то, что принадлежало мне и никому иному; и, клянусь Вечной Ночью, ты дорого заплатишь мне за это!

Киммериец промолчал. Мысленно он уже простился с белым светом; что ж, никто не минет смертного часа — так уж лучше так, чем кружиться в бесконечно повторяющейся карусели одних и тех же дней...

Старуха нелепо-патетическим жестом воздела руки, высоко подняв свою клюку; по серому посоху медленно заструился мерцающий поток бледновато-синих искр. А затем клюка наклонилась... и настоящий, старый Конан беззвучно закричал от пронзившей всего его

странной, тянувшей боли — как будто его разрывали на части.

— Твое настоящее тело у меня, голубок, — злорадно приговаривала Старуха, совершая какие-то пассы своим посохом. — Оно у меня, и я верну тебя в него... а потом мы славно позабудемся...

Терпеть эту боль было невозможно; однако Конан оказался лишен даже возможности уйти в спасительное забытие. Он ощутил, как безжалостные, грубые когти тянут его куда-то вверх, прочь из служившего ему тюрьмой тела; однако тела собственного он по-прежнему не видел. Вокруг расплзлись непроницаемые облака серой мглы, и от этого стало еще страшнее. Конан по-прежнему не мог пошевелить ни рукой, ни ногой; могучая, крылатая Сила несла его куда-то сквозь неведомые бездны, сквозь пространства, где не было ни верха, ни низа. Царила мертвая тишина — и всеобщая неподвижность.

Полет сквозь миры длился довольно долго, а потом облака серого тумана внезапно разошлись, в глаза брызнул безжалостный, слепящий свет с раскаленного неба. Конан инстинктивно зажмурился — и все его существо взорвалось приступом безумной радости — веки подчинились ему.

Он лежал на сухой обнаженной земле, в той же одежде, что была на нем, когда Неведомые нанесли свой удар в Тронном Зале Тарантии. Рука киммерийца стиснула рукоять меча; преодолевая боль и ломоту, он заставил себя подняться.

Это был знакомый мир Старухи-Смерти. Кругом, насколько хватало глаз, расстиралась унылая, безжизненная равнина; над головой нависал полыхающий яростным светом полог небес.

А на ближнем холме киммериец заметил торжествующе подбоченившуюся уродливую фигуру, опирающуюся на кривую и толстую клюку.

— Наконец-то ты мой! — раздался торжествующий хохот, более похожий на карканье старой вороны.

— Придется немного погодить, — вдруг твердо произнес густой тяжелый бас, донесшийся из-за спины Конана.

Киммериец стремительно обернулся — там стоял высоченный чернобородый и черноволосый мужчина, ростом почти на две головы выше самого Конана — настоящий великан — сжимавший в правой руке иззубренную старую секиру на почерневшей, отполированной до блеска державшими ее ладонями рукояти. Появившийся был почти обнажен; лишь чресла его были обмотаны черной же набедренной повязкой. На мощном, исполненном скрытой силой лице выделялись удивительные ярко-синие глаза того же редкостного цвета, что и у самого Конана.

— А ты что здесь делаешь, ничтожный раб Великих Сил? — взвизгнула старуха, с угрозой вздымая свой посох. — Хочешь присоединиться к своему верному псу? Давай, у меня подбирается славная коллекция богов и их подручных.

— Ты ошиблась, Смерть, — пробасил пришелец. — Ты все рассчитала правильно, забыв лишь об одной мелочи. Душу Конана тебе отдала та, что зовется Любовью. И потому ты пока еще властна над Конаном не до конца. Он еще жив! Ты, сама того не желая, разбила сотворенную для него Неведомыми темницу — однако он еще не твой. Тебе еще предстоит отнять у него жизнь!

— Ну, за этим дело не станет, — огрызнулась Старуха, однако уже без прежней наглой уверенности.

— Вперед, сын мой, — негромко сказал великан, обращаясь к Конану. — Я, Кром, Отец Киммерии, благословляю тебя на этот последний бой. Расположение Светлых Сил да пребудет с тобой; иди и помни, что на одно колено перед Старухой упал даже сам великий Тор.

Несколько мгновений Конан и Кром смотрели в глаза друг другу... а потом киммериец повернулся и, обнажив меч, двинулся к вершине холма, на которой, словно изваяние, застыла серая фигура Смерти.

Конан шел, чувствуя за своей спиной всю Аквилонию, весь яростный и кровавый мир, в котором он прожил шестьдесят долгих лет, полных борьбы, приключений и побед. Точнее, он победил только один раз — когда сумел захватить аквилонский престол; до

этого почти все его предприятия оканчивались поражениями — в лучшем случае ему удавалось спасти собственную жизнь, но не добыть богатство. Кто-то очень ловкий в последний момент выхватывал добычу у него из-под самого носа — словно специально старался, чтобы он, Конан-киммериец, подольше бы оставался нищим наемным солдатом в хайборийских королевствах...

Странные мысли и странные догадки словно сами собой возникали в сознании Конана; ему казалось, что он слышит нежный голос Гуаньлинь.

Старуха скривилась в торжествующей усмешке; ее посох поднялся, словно копьё, конец его был нацелен в грудь киммерийцу.

«Освободись! — голос Гуаньлинь. — Освободись от всего! Одержжи верх над самим собой!»

Сперва эти слова показались Конану полной бессмыслицей; однако спустя мгновение, подняв глаза, он увидел на холме вместо уродливой старухи — самого себя.

Призрак, сменивший шкуру демон, или что там это могло быть еще — дерзко ухмыльнулся.

— Не так-то просто отделаться от Неведомых, — услышал Конан свой собственный голос. Двойник поднял мечь перед грудью — в излюбленную позицию самого Конана.

Еще мгновение — и мечи скрестились.

Конан очень быстро понял, что победить *такого* противника ему не под силу. Самые хитроумные выпады и обманные движения киммерийца с легкостью отражались его двойником; а вот удары лже-Конана отбивать с каждой секундой становилось все труднее и труднее.

Мир вокруг Конана странно менялся. Безжизненный пейзаж исчез; вместо него вокруг потянулись пещерные своды, у самых ног тускло поблескивала поверхность подземного озера, а рядом толпились странные низкорослые бородатые человечки. Двойник Конана внезапно исчез; бой прекратился, и только теперь киммериец с изумлением понял, что видит со стороны ту сцену в пещере гирканских гномов, когда он едва-едва не завладел всем огромным богатством этого племени... Да, все

так и было — сейчас они с Сфандрой отправятся вместе с Алвари за лошадьми, а в это время... в это время гномы совершат что-то, неопишемое, уйдут все вместе в иной мир вместе со всеми своими сокровищами...

Двойник Конана, девушка и гном Алвари отправились к выходу из пещеры, остальные гномы остались стоять; предводитель их дрожал от ярости и плевался — однако никто и не думал пока что колдовать, сдвигая священные камни гномьей сокровищницы. Гномы воздевали руки, скрежетали зубами, ругались, посылали бесчисленные проклятия на голову Конана — однако ничего не делали.

Конан внутренне похолодел. Этого не могло быть... однако это было.

Сейчас, сейчас его двойник вернется с выючными лошадьми, набьет седельные сумки золотом и стоящими целое состояние самоцветами... и что же случится тогда?

«Одержжи верх над самим собой!»

Таинственно мерцая, лежали аккуратно разложенные вокруг подземного озера камни; почему же гномы бездействуют, порази их молния?!

И тогда Конан решил. Возьми верх над самим собой — не значит ли это, что ему следует действовать вместо растерявшегося гномьего предводителя?!

Незримая рука киммерийца потянулась к синему камню Харра, ключу ко всей магии гномов — и медленно начала сдвигать его. Он не думал о том, *как* именно следует расположить камни гномьей сокровищницы — киммериец действовал, повинаясь инстинкту. Так... теперь вот этот, багряный... потом вернуть вон тот серебристо-жемчужный...

Стены пещеры дрогнули и стали расплываться, словно между ними и Конаном внезапно появилась завеса плотного ливня. Пещера уплывала куда-то в неведомые бездны пространств и времен и — знал Конан — уходил весь народ гномов. Сейчас ходивший с двойником Конана Алвари замрет в ужасе внезапного осознания того, что все, конец, его сородичи ушли и он остался один...

Двойник внезапно вновь появился перед киммерийцем; и грудь его пересекала широкая, невесть откуда взявшаяся рана.

Мечи противников вновь столкнулись; настоящий Конан с трудом устоял на ногах. Мир вокруг него вновь начал меняться; однако теперь Конан знал, что надо делать.

Потом был заброшенный город, где молодой Конан с гандерландцем по имени Нестор набрали на несметные сокровища. Конану пришлось сперва подтолкнуть парочку качающихся камней — после чего вниз обрушились целые лавины обломков, погребя под собой все золото; а затем пришлось шепнуть несколько слов капитану городской стражи...

Картины сменяли одна другую, и всякий раз Конан видел себя самого — менялись города, страны, шрамы, крепости, сокровищницы... Конан вспоминал необъяснимую, загадочную цепь неудач, вырывавших из его рук в последний момент сказочную добычу... Только теперь он понял, что причиной всех этих неудач был он сам. Он безжалостно разрушал все с таким трудом созданные замыслы; ему казалось, что в эти мгновения он обрел мощь истинного бога.

Сколько лет безнадежных трудов, сколько горького, беспросветного отчаяния посылал он сейчас сам себе! И с каждым поражением молодого Конана там, в реальном мире, на теле лже-Конана здесь, в странном месте вне времен и земель, появлялась новая рана; и все громче и громче становился доносившийся со всех сторон яростно-бессильный рев. Трудно было понять, из чьих он рвался глоток; однако настал момент, когда туман вокруг внезапно рассеялся; они со лже-Конаном стояли на вершине голого холма в мрачном царстве Старухи; и этот лже-Конан тяжело дышал, зажимая рукой длинную рану на груди. Плечи, руки, живот — все было обильно покрыто кровью. Он уже еле стоял на ногах, он шатался, ярко-синие глаза затягивала предсмертная поволока...

Оставалось нанести один-единственный, последний удар — *убить самого себя*.

И тут рука настоящего Конана впервые дрогнула. Вогнать три фута начищенной смертельной стали в грудь самому себе — было в этом нечто противоестественное, на что никак не могла решиться его натура

варвара, доверявшего инстинктам куда больше, чем доводам рассудка.

Безумная схватка в безумном мире продолжалась. Конан лихорадочно вспоминал всю свою жизнь: где еще притаилось забытое поражение, когда еще приключался с ним нелепый и глупый случай, когда пустячная случайность вырывала из самых рук плоды вожаемой победы, чисто механически обмениваясь при этом со своим противником размашистыми ударами. Конан понимал, что должен победить как-то иначе; а вот лже-Конан явно намеревался покончить дело тривиальным снесением головы врага...

«Возьми верх над самим собой!»

«Но разве тогда я не убью и что-то в самом себе?.. Быть может, — озарила внезапная догадка, — я отрежу себе путь назад? Я, живой, *настоящий* Конан — сам закажу себе путь назад, в Аквилонию, к сыну?!»

Иного выхода нет — пришла внезапно холодная и спокойная мысль. Мосты сожжены. Жизнь Конана-киммерийца стала такой, какой она и была прожита. Все долги уплачены до восхода солнца. Корона в надежных руках старшего сына, — Конану настало время уходить.

Кто знает, чья прихоть распорядилась так? Быть может, то была воля Неведомых, очередной ход кого-то из них в той вселенской шахматной партии, которой забавлялись бессмертные... Ответа не знает никто.

Меч в правой руке киммерийца стал вдруг легким-легким, точно птичье перо, сливаясь с рукой; он отбросил в сторону поднявшийся было для защиты меч врага и глубоко, до самой рукояти, погрузился в широкую грудь лже-Конана.

А в следующую секунду Конан увидел, что его меч пронзил не демона, не призрака — а саму хозяйку здешних мест, Старуху-Смерть собственной персоной.

Разумеется, он не мог убить ее. Убить — не мог; а вот удивить ее Конану удалось. Страшные кровавые глаза смотрели на него со странным, смешанным выражением, где читались и бессильная злоба, и непонятный страх и — неподдельное изумление.

— Ты сделал, что должно! — прогремел над самым ухом торжествующий голос Отца Киммерии. — Я вы-

играл! — эти слова уже были обращены к медленно поднимавшейся на колени Старухе. — Я прозакладывал в сделке с Неведомыми самого себя, и я выиграл!

Ничего не понимая, остолебеневший Конан переводил взгляд то на поверженную Старуху, которая с надсадным кряхтением вытаскивала сейчас из груди его меч, то на торжествующего Крома.

— Не все так просто, мать, — из-за плеча великана внезапно выступила тоненькая фигурка Гуаньлинь. — Неведомые капризны. Зертрикс потерпел неудачу, а они не любят неудачников. И я умолила их... И они разыграли этот нелепый спектакль.

Старуха наконец вытащила из себя покрытый темной кровью меч Конана.

— В Великих Иерархиях есть не только пресыщенные своим бессмертием, равнодушные создания, не желающие ничего знать, кроме своих развлечений, — продолжала невозмутимо Гуаньлинь, не обращая внимание на то, что Старуха уже начала мелко тряслись от гнева.

— Ты вернешь киммерийцу его спутниц, — рыкнул Кром. — И отпустишь моего слугу; по твоей вине пошатнулось Великое Равновесие, и те, кто обитает там, — кивок головы указал на залитое белым огнем небом, — они не слишком-то довольны. Помни, могут найтись и иные желающие править царством мертвых...

Воздев тощие, костистые кулаки, Старуха внезапно испустила душераздирающий вопль, вопль бессильной ярости и злобы, вопль обманутых ожиданий... И странное видение Конана прервалось.

ЭПИЛОГ

Блистала трава под полной луной; вокруг разливалось пьянящее благоухание приморских джунглей. На самом берегу ночного океана стояли семь фигур — двое мужчин и пятеро женщин.

— ...Так как же так вышло, что Неведомые изменили свое решение? — это был голос Белит. — Получается так, что нам больше не грозят демоны и Преисподние?

— Не думаю, — ответил посланец Крома. — Похоже, Великая Игра продолжается. И ты, Конан, еще не вышел из нее. В каких мирах предстоит тебе — и твоим подругам сражаться дальше — кто может сказать? Ясно одно — назад, в Аквилонию, ты уже не вернешься.

— Что ж, может, оно и к лучшему... — задумчиво пробормотал Конан. Он остался прежним, двадцатипятилетним Конаном — дар Неведомых остался при нем.

Он уже простился с сыном — краткое ночное видение, не больше — но Конан проснется с твердым убеждением, что рассказ явившегося во сне отца — чистая правда. И он будет править справедливо и мудро и — кто знает? — быть может, Конан найдет способ послать ему восточку и из иных миров?

— Время пришло, — прозвучали слова посланца. — Врата открываются.

Над морем, возле самого горизонта, куда уводила серебристая лунная дорожка, появилось неяркое жемчужно-сероватое мерцание. Разговор пресекся; все семеро в молчании смотрели на открывшееся их взорам чудо.

— Пора идти, — просто сказал посланец. — Путь открыт.

— А ты? — спросил Конан.

— Я? — Я возвращаюсь к нашему Отцу. Моя служба еще не окончена; и еще не скоро окончится, — киммерийцу показалось, что в голосе его прозвучала едва заметная грусть.

— Так что же... идем? — осторожно произнесла Карела, с некоторой опаской косясь на жемчужную арку подле самого края земли, где море сливалось с небом.

— Идем, — глухо промолвил Конан и первым осторожно ступил на серебро лунной дорожки. К его удивлению, нога не погрузилась в воду, — он словно стоял на твердом, холодном камне...

И они двинулись вперед — Конан-киммериец и пятеро его спутниц; на темном берегу, почти невидимый на фоне тропического леса, замер с поднятой в последнем приветии рукой посланец Крома.

Некоторое время они шли в молчании, а потом тишину вдруг нарушил голос Карель:

— Белит, а тебе не кажется, что нам пора вернуться к тому нашему спору... ну, тому, перед тем замком с черными демонами... По-моему, пора решить, кто станет первой!

— Это ты о чем? — с деланной наивностью поинтересовалась предводительница пиратов.

— Как о чем? Кто из нас будет первой спать с этим помолодевшим бродягой, хотела бы я знать!